

2500-3372 (PRINT)
2542-1190 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY. SERIES: POLITICAL,
SOCIOLOGICAL AND ECONOMIC
SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA.
SERIA: POLITICHESKIE,
SOTSIOLOGICHESKIE
I EKONOMICHESKIE NAUKI

ТОМ 9 № 4
2024

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Политические, социологические и экономические
науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.
Журнал относится к категории К2 в соответствии
с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК
по категориям К1, К2, К3.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.
Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет
средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям
журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив
полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik-pses.kemsu.ru>

Журнал включен в базы данных: РИНЦ, DOAJ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0
International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-67376.
Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических
изданий «Пресса по подписке» – 94233.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область –
Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс,
650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political,
Sociological and Economic Sciences is a Russian scientific
peer-reviewed.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed
Journals recommended by the Higher Attestation Commission
of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K2)
of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation
Commission.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin
are those of their authors and may not reflect the opinion
of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors
do not have to pay any article processing charge or open access
publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions
for authors, and archives of full-text issues, please visit our
website: <https://vestnik-pses.kemsu.ru>

The journal is registered in the following databases: RSCI, DOAJ.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0
International License.

Registration number: PI no. FS 77-67376. Registered
in the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Subscription indices: 94233 – in the online-store of periodicals
"Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Баранова Инна Владимировна, д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).

Бычкова Светлана Михайловна, д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).

Глушакова Ольга Владимировна, д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Головацкий Евгений Васильевич, д-р социол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Капогузов Евгений Алексеевич, д-р экон. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Кисляков Михаил Михайлович, д-р полит. наук, доцент, СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).

Кравченко Сергей Александрович, д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).

Кремер Раймунд, Dr. Hab., проф. Потсдамского университета (Потсдам, Германия).

Матвеева Елена Викторовна, д-р полит. наук, доцент, Кузбасский ГАУ (Кемерово, Россия).

Мекуш Галина Егоровна, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Немировский Валентин Геннадьевич, д-р социол. наук, проф., ИНИОН РАН (Москва, Россия).

Нехода Евгения Владимировна, д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Озерникова Татьяна Георгиевна, д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).

Резник Семён Давыдович, д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).

Силин Анатолий Николаевич, д-р социол. наук, проф., ТИУ (Тюмень, Россия).

Слинкова Ольга Константиновна, д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).

Солодова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).

Суслов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).

Удальцова Мария Васильевна, д-р экон. наук, проф., НГУЭУ (Новосибирск, Россия).

Чирун Сергей Николаевич, д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

EDITORIAL BOARD

Inna V. Baranova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Svetlana M. Bychkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).

Sergey N. Chirun, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Olga V. Glushakova, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Evgeny V. Golovatsky, Dr.Sci.(Sociol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Evgenii A. Kapoguzov, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Lomonosov Omsk State University (Moscow, Russia).

Mikhail M. Kislyakov, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Siberian Institute of Management branch of RANEPА (Novosibirsk, Russia).

Sergey A. Kravchenko, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia).

Raimund Krämer, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University (Potsdam, Germany).

Elena V. Matveeva, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kuzbass State Agricultural University (Kemerovo, Russia).

Galina E. Mekush, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Evgenia V. Nekhoda, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Tatiana G. Ozernikova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Semen D. Reznik, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).

Yaroslava Yu. Shashkova, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Altai State University (Barnaul, Russia).

Anatolii N. Silin, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen Industrial University (Tyumen, Russia).

Olga K. Slinkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).

Galina S. Solodova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).

Viktor I. Suslov, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Maria V. Udaltsova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).

Социокультурное и политическое развитие общества

- Варианты моделирования социальных рационально-смысловых сетей: проблема конгруэнтности
Кондратенко К. С. 489
- Языковая политика Латвии после распада СССР
Лю Чао, Сунь Чао 504
- Популизм как угроза демократии
Шавенко Н. А. 514
- Политический мир воображаемого: конструирование образа нации
Щербинина Н. Г., Аванесова Е. Г. 522

Социология управления

- Региональная антикоррупционная политика: современные управленческие практики реализации
Баннх Г. А., Паливода И. Р. 531
- Модель непрерывного профессионального развития специалистов
Домнышев А. В., Ганиева И. А. 546
- Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 3
Пьянкова Л. А. 555
- Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 4
Пьянкова Л. А. 565

Экономика и управление: теория и практика

- Методический потенциал традиционных показателей финансового состояния для оценки результатов централизации финансового управления в сложных организационных образованиях типа *группа компаний*
Васиков Р. Р., Юдина С. В. 575
- Актуальные вопросы раскрытия информации в интегрированной отчетности экономических субъектов
Карпова О. С., Дымова И. А. 588
- Цифровое развитие хозяйственных систем стран БРИКС
Пономарев С. В., Усанов А. Ю., Покаместов И. Е., Кузьменко Н. И. 598
- Управление маркетинговой деятельностью через ценностное предложение: практика российских компаний
Суворова Т. В. 610

Региональная и отраслевая экономика

- Развитие навыков управления проектами в университете как драйвер регионального развития
Бельчик Т. А. 620
- Развитие взаимодействия с высшими учебными заведениями как элемент стратегии инновационного развития наукоемких предприятий
Галайко В. В., Юрковская Г. И., Харебин А. В. 630
- Методические подходы к оценке социально-экономической дифференциации экономического пространства
Мельков В. К., Жидкова Е. А. 642

Финансы

- Бюджетный эффект *легализации* земель сельскохозяйственного назначения
Калачева И. В., Комарова А. А., Никитина О. И., Федулова Е. А. 655
- Указатель статей, изданных за 2024 г. в журнале
«Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки» 667

Society: Cultural and Political Development

- Options for Modeling Social Rational-Value Networks: Congruence Issues
Kondratenko K. S. 489
- Language Policy in Post-Soviet Latvia
Liu Chao, Sun Chao 504
- Populism as Threat to Democracy
Shaveko N. A. 514
- Imaginary Political Reality: Constructing the National Image
Shcherbinina N. G., Avanesova E. G. 522

Sociology of Management

- Regional Anti-Corruption Policy: Modern Management Practices
Bannykh G. A., Palivoda I. R. 531
- Model of Continuous Professional Education of Specialists
Domnyshev A. V., Ganieva I. A. 546
- Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part III
Pyankova L. A. 555
- Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part IV
Pyankova L. A. 565

Economics and Management: Theory and Practice

- Assessing Financial Management Centralization in Multicorporate Enterprises
(Groups of Companies): Methodological Potential of Traditional Financial Performance Indicators
Vasikov R. R., Yudina S. V. 575
- Current Issues of Information Disclosure in Integrated Reporting of Economic Entities
Karpova O. S., Dymova I. A. 588
- Digital Development of Economic Systems in BRICS Countries
Ponomarev S. V., Usanov A. Yu., Pokamestov I. E., Kuzmenko N. I. 598
- Russian Practice of Marketing Management by Value Proposition
Suvorova T. V. 610

Regional and Sectoral Economy

- Development of Project Management Skills at the University as a Driver of Regional Development
Belchik T. A. 620
- Cooperating with Higher Education Institutions as Part of Innovative Strategizing
of Science-Based Companies
Galaiko V. V., Yurkovskaya G. I., Kharebin A. V. 630
- Methodological Approaches to Assessing Social and Economic Differentiation of Economic Space
Melkov V. K., Zhidkova E. A. 642

Finance

- Effect of Legalization of Agricultural Land Plots on Regional Budget
Kalacheva I. V., Komarova A. A., Nikitina O. I., Fedulova E. A. 655
- Index of articles published in 2024 in the journal
"Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences" 670

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/woyvwo>

Варианты моделирования социальных рационально-смысловых сетей: проблема конгруэнтности

Кондратенко Константин Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург

Социологический институт РАН – филиал Федерального Научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 4134-1890

<https://orcid.org/0000-0002-9145-5435>k.kondratenko@spbu.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию взаимодействия рациональных систем и концепции, созданной для описания социальных и социотехнических процессов, спровоцированных цифровой трансформацией и способствующих появлению Индустрии 5.0. Цель – рассмотреть рационально-смысловые сети, в которых рациональность базируется на смысловой модели системы, формируя некоторую рациональную заботу о ее ценностях и смыслах, реализуемую в поведении. Задачи – описать и смоделировать варианты рационально-смысловых сетей (эгоцентрические, коммуникативные, конвергентные и причинно-следственные). Теоретическая основа – пирамида уровней концептуальных подходов: от философских и общенаучных уровней до уровня отдельного исследования, включая статистические, сетевые и иные методологические подходы. Введен термин *рационально-смысловая система*, необходимый для исследования сетевых контекстов поведения, в том числе поведения пользователей социальных сетей, а также феноменов и эффектов сетевого взаимодействия, например легитимности сетевой власти и ее влияния на стратегии поведения пользователей. Статья – методологическая, то есть позволяет более широко изучать социальные и политические сети. Проанализированы проблемы конгруэнтности в сетевом контексте – свойства сочетаемости рационально-смысловых систем, которые можно объединить вплоть до *единого целого*.

Ключевые слова: рациональные системы, рационально-смысловые системы, теория рациональных систем, рационально-смысловые сети, конгруэнтность, единое целое

Цитирование: Кондратенко К. С. Варианты моделирования социальных рационально-смысловых сетей: проблема конгруэнтности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 4. С. 489–503. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-489-503>

Поступила в редакцию 20.08.2024. Принята после рецензирования 16.10.2024. Принята в печать 21.10.2024.

full article

Options for Modeling Social Rational-Value Networks: Congruence Issues

Konstantin S. Kondratenko

St. Petersburg University, Russia, St. Petersburg

Sociological Institute Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 4134-1890

<https://orcid.org/0000-0002-9145-5435>k.kondratenko@spbu.ru

Abstract: The article introduces a new concept designed to describe the social and sociotechnical processes that were triggered by digital transformation and, in their turn, resulted in Industry 5.0. The author described and modelled egocentric, communicative, convergent, and cause-and-effect rational-semantic networks, in which rationality relies on the semantic model of the system and forms some rational concern for its values and meanings to be implemented in behavior. The theoretical side of the research could be represented as a pyramid of conceptual levels that concentrate from philosophy and general science to particular research with statistical, network, and

other methods. The author introduced the term of *rational-semantic system* to study the network contexts of behavior, including that of social network users. The term was also applied to the phenomena and effects of network interaction, e.g. the legitimacy of network power and its effect on user behavior patterns. The methodological character of this research allows for a broader study of social and political networks. The network context revealed some congruence issues, i.e., compatibility of rational-semantic systems. The author believes that eventually all systems can be combined into a single whole.

Keywords: rational systems, rational value systems, theory of rational systems, rational value networks, congruence, single whole

Citation: Kondratenko K. S. Options for Modeling Social Rational-Value Networks: Congruence Issues. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 489–503. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-489-503>

Received 20 Aug 2024. Accepted after review 16 Oct 2024. Accepted for publication 21 Oct 2024.

Введение

Рационально-смысловые системы (*Rational Value Systems – RVS*) представляют собой системы, в составе которых находятся два базовых компонента – рациональный и смысловой. При их наличии RVS является абстракцией, применимой к любым объектам: человеку, группе интересов, организации, государству, технике [1]. Таким образом, концепция RVS выступает как интегративная теория социального и / или социотехнического мира, описывающая в едином системно-диалектическом концепте наиболее существенные аспекты социального бытия. Изучение концепции RVS – один из элементов авторской теории рациональных систем [2; 3].

Мировая философия, социальные и гуманитарные науки представляли следующие варианты RVS:

- сосуществование рационального и ценностного начала в идеях о мире идей и мире вещей [4], о физике и метафизике, о вере и разуме [5], о материи и духе [6];
- сосуществование светлого мира мечты и мира холодной рациональности повседневности [7];
- сосуществование сознания и бессознательного [8], логики и интуиции [9].

Однако идея сосуществования рационального и иррационального (внерационального, сверхрационального) начал в различных вариациях не является принципиально новой – новизну представляет, скорее, абстрагирование этих начал и их системное описание.

По мнению автора, наиболее близкими к концепции RVS являются идеи М. Вебера о социальном действии, продиктованном инструментальной и ценностной рациональностью [10]; идеи Ю. Хабермаса о жизненном и системном коммуникативном мирах [11]; идеи Д. Канемана о двухсистемности мышления, состоящего из быстрой и импульсивной Системы 1, хорошо работающей с задачами,

требующими незамедлительного решения, и инертной и медленной Системы 2, пригодной для обдумывания сложных проблем [12].

Ранее мы уже рассматривали проблему взаимодействия RVS и сетевого описания этого взаимодействия [13; 14], но в данной статье она раскрыта более подробно: представлены различные варианты моделирования рационально-смысловых сетей (эгоцентрические, коммуникативные, конвергентные и причинно-следственные). Также в работе подняты и такие проблемы, как:

1. Проблема *единого целого*, напоминающая парадокс Рассела или апории Зенона, согласно которым *единое* – неделимая частица (атом), а *целое* – состоящее из частей. Данной проблеме в исследовании конвергентных сетей уделяется мало внимания, однако ее изучение является важным, т.к. прокладывает путь другим исследованиям.

2. Проблема, посвященная принципу конгруэнтности, который предполагает, что компоненты рационально-смысловой сети конгруэнтны другим компонентам той же сети, поэтому неопределенные компоненты могут быть определены через другие.

Автор считает, что конгруэнтность является важнейшим свойством RVS, позволяющим находить наилучшие способы взаимосвязи между системами. Исследование структуры RVS показало, что смысловая модель смыслового блока по определению конгруэнтна смысловому объекту, в то время как рациональный блок обнаруживает конгруэнтность по отношению к смысловому блоку [1]. Но в сетевых моделях принцип конгруэнтности может быть существенно изменен, уточнен и даже размыт. В связи с этим исследование принципа конгруэнтности играет важную роль в изучении рационально-смысловых сетей.

Теоретические основы

Концептуальные основания исследования описываются иерархией уровней теоретических подходов:

Общенаучный уровень – это философская традиция разделения бытия на рациональные и иррациональные компоненты, прослеживаемая на протяжении практически всего пути развития философии. Так, Платон считал познаваемыми вещи и непознаваемыми их идеи, доступные не разуму, а созерцанию, Аристотель же полагал непознаваемой саму материю. Мыслители Средних веков отмечали познаваемость мира человека и непознаваемость высшего мира. В Новое время рациональная философия утверждала непознаваемость самого человека, познающего субъекта.

Данное исследование в большей степени опирается на традиции русской философии, в рамках которой отрицается «онтологическая пропасть» между рациональным и иррациональным, и утверждается идея единства субъекта и объекта познания (идея всеединства В. С. Соловьева или мира как органического целого Н. О. Лосского), т.е. наличие одновременно и рациональных, и сверхрациональных ценностных компонентов, требующих от познающего субъекта цельности, нерасчлененности его рациональных и иррациональных, интуитивных способностей.

Трансдисциплинарный уровень включает в себя исследования в рамках системного подхода, в том числе структурный анализ в социальных науках, к которому можно отнести сетевой анализ. Теория рациональных систем не только не отрицает структурно-функционалистскую традицию Т. Парсонса [15] и Г. Алмонда, Дж. Пауэлла, К. Строма, Р. Далтона [16], но и напрямую ссылается на нее. Однако все-таки опирается на информационно-кибернетическую модель К. Дойча [17; 18], которая фактически является уточнением системной концепции Д. Истона [19], т.к. разъясняет компоненты политической системы и помещает блок ценности (смысловой блок) и центр принятия решений (рациональный блок) внутрь системных процессов. Статья посвящена динамике взаимодействия RVS и в этом смысле опирается на *плоскую онтологию* и теорию сетей, описанную в работах [20–31].

Междисциплинарный уровень характеризуется использованием психологических концепций ценности, исследованиями понятий *смысловая система, теория коммуникаций*, а также современными исследованиями причинно-следственной связи. Так, доминирование смыслового центра личности над прочими структурами обосновывается О. К. Тихомировым [32; 33], а история исследования

смысловой сферы начинается с трудов классиков отечественной психологии: Б. С. Братуся [34], Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна. Д. А. Леонтьев вводит понятие *динамическая смысловая система*, описывающее иерархию ценностных установок, убеждений и личных смыслов человека [35, с. 232–246]. Помимо этого, в отечественной психологии разработано понятие *ценностно-смысловая сфера* [36], в то время как понятие *ценностно-смысловая коммуникация* используется преимущественно в практической психологии и педагогике [37; 38]. Причинно-следственные, конвергентные, коммуникативные связи между RVS, а также статистические закономерности, о которых идет речь в данной работе, в целом совпадают с идеями J. Tian и J. Pearl [39].

Содержательное наполнение работы, в свою очередь, формирует иные уровни: междисциплинарный, на котором располагаются теории ценностей, коммуникации, конвергенции и современные исследования причинно-следственных связей, и уровень исследований в рамках теории рациональных систем, детерминированный предшествующими и последующими идеями и концепциями, обоснованными в предыдущих авторских исследованиях. Они касались преимущественно структурных свойств рациональных систем и их моделирования. В частности, нами выделены и описаны четыре типа рациональных систем, в том числе рационально-смысловые [1], рекурсивно-сенсорные [2], изоморфные индетерминированные [3] и рационально-неопределенные [13; 14], а также дано подробное разъяснение о том, почему они получили такое наименование. На данный момент автор исследует взаимодействие рациональных систем, и данная работа является попыткой внести значимый научный вклад в эту область.

Результаты

Эгоцентрические сети

Рационально-смысловая система имеет ценности и смыслы, подразумевающие ценностные отношения, которые можно условно разделить на 4 типа:

- «чистое» ценностное V;
- ценностно-рациональное VR;
- рационально-ценностное RV;
- «чистое» рациональное R.

Идеальное состояние RVS описывается их равенством, а сама RVS – как беспристрастный судья собственных ценностей. Такой плюрализм ценностных отношений в некотором роде является естественным состоянием RVS.

В этом состоянии сети ценностных отношений будут иметь несколько смысловых слоев, среди которых базовый составят ценности, имеющие непосредственное отношение к RVS, условно обозначаемые автором как *ego-ценности*. Помимо *ego-ценностей*, существуют и другие рациональные и элементарные системы, относимые к слою второго уровня – слою *диалогических ценностей* (*dialogue-ценности*), которые в своей абстракции составляют слой *мировоззренческих ценностей* (*worldview-ценности*), формирующих картину мира.

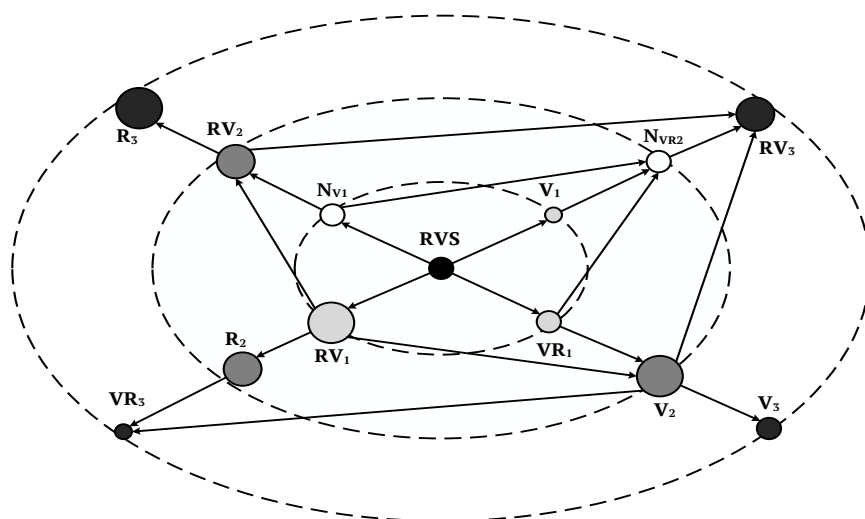
Итак, сеть ценностных отношений имеет четыре слоя элементов. Слои взаимосвязаны, что позволяет признать состоятельность принципа конгруэнтности в эгоцентрических сетях. К примеру, RVS заботится о собственных ресурсах, поэтому она, скорее всего, признает важность заботы о собственных ресурсах другой RVS, входящей в слой диалогических ценностей, и будет способствовать их приращению. На основе наблюдения за заботой о ресурсах у RVS сложится представление о значимости заботы о ресурсах как таковой, и, как следствие, она войдет в картину мира RVS как должное. Представление о должном, в свою очередь, становится основой поведения некоторых ценностей, которые появляются только потому, что в RVS было сформировано представление о том, что они должны быть.

С точки зрения сетевой эгоцентрической карты не имеет особого значения вопрос первичности. Более значимый вопрос, который может стать проблемой для моделирования, заключается в возможном отсутствии ценностей того или иного уровня в цепочках значимых ценностных рядов. Такие

нулевые ценности становятся не только границей познания и самопознания, но и таят в себе опасность одновременности множественных интерпретаций, в том числе и противоречащих друг другу. Однако расшифровка нулевых ценностей и является в конечном счете практическим смыслом эгоцентрических сетей.

Нулевые ценности – результат деформации эгоцентрической сети. Искажения плюрализма ценностных отношений проистекают из различных источников, первым и важнейшим среди которых является сама RVS. Рациональный блок способствует установлению равенства не только между компонентами сети, но и между слоями. Усиление роли того или иного слоя или компонента способствует ослаблению остальных слоев или компонентов. Установление причин деформации ценностной сети – второй практический смысл эгоцентрического моделирования. Вероятно, есть и другие способы применения эгоцентрических сетей, но остановимся на тех, что уже были озвучены.

На рисунке 1 изображены две нулевые N-вершины: N_{V1} представляет собой *неосмысленные потребности*, а N_{VR2} – *нереализованные желания*. Сетевой контекст существенно помогает в интерпретации этих ценностей. Кроме того, автор отталкивается от дискретности *ego-ценностей*, т.к. они могут быть рационализированы (в противном случае подгруппа неосмысленных ценностей может быть заменена одной или несколькими N-вершинами), однако *dialogue-ценности* способны воплощать в себе несколько *ego-ценностей*, равно как *worldview-ценности* – несколько *dialogue-ценностей*, ввиду чего они могут иметь несколько входных и выходных ребер.

Прим.: кругами черного цвета обозначен слой мировоззренческих ценностей; темно-серого – слой диалогических ценностей; светло-серого – слой *ego-ценностей*; белого – нулевые вершины.

Рис. 1. Пример эгоцентрической сети
Fig. 1. An egocentric network

Эгоцентрическая сеть подчиняется правилам сетевого анализа. Так, вершина RVS не обладает максимальной степенью в сети, в то время как у вершины V_2 она более высокая, что уже указывает на дисбаланс ценностного плюрализма и на несбалансированность самой RVS (рис. 1). Плотность этой сети относительно невысока (0,112), что свидетельствует об умеренности концентрации в одной ценности нескольких других. Сеть может быть представлена в виде иерархии, и к ней также могут быть применены некоторые правила анализа сетевых иерархий [40–44].

Коммуникативные сети

В предыдущем разделе подтверждено, что RVS взаимодействует с ценностными, ценностно-рациональными, рационально-ценностными и рациональными объектами, и в то же время может являться каждым из этих объектов для других RVS. Помимо этого, в моделировании могут присутствовать рациональные системы другого типа (не-RVS), которые в данной модели способны устанавливать только рациональные отношения (R-системы / RS), а также элементарные системы (E-системы), не способные к формированию ни ценностных, ни рациональных связей.

Один из вариантов решения проблемы анализа коммуникативных сетей (проблемы совмещения ролей) – присвоение дугам ценностных отношений и описание RV-коммуникации с помощью семантических сетей (RVS_1 полагает RVS_2 своим ценностным объектом). Положительная сторона такого подхода заключается в отождествлении смысловых объектов и смысловых отношений, т.е. подчеркивании субъективности ценностных отношений, а существенный недостаток – в неопределенности самих RVS. Введение независимого наблюдателя только утяжелит модель, а полагание самого себя теперь описывается дугами, а не самими вершинами. Этот недостаток можно устранить, изменив определение RVS: RVS – такая система, которая выстраивает ценностную и рациональную коммуникацию и их варианты, т.е. определение исходит не из структуры, а структура проясняется в результате контакта.

Другие рациональные системы также могут обладать способностью к выстраиванию ценностной коммуникации, однако не делают этого, ввиду чего способность остается неопределенной. Элементарные системы тоже способны выстраивать RV-коммуникацию, но т.к. этим они не пользуются, то являются неким условным элементом сети, способным выступать в роли ценностного, рационального объекта и др.

Полагание самого себя является более сложной проблемой. Автор мог бы изобразить такую самореферентность петель с присвоенным значением, чтобы использовать эту дугу для идентификации RVS наравне с другими дугами, но в таком случае возникает вопрос о достаточности одной дуги для описания автокоммуникации [45] и необходимости уравнивания петель и дуг. Однако из-за того, что дуга обозначает целостное коммуникативное отношение, а не отдельный коммуникативный акт, то одной петли вполне достаточно для описания автокоммуникации. Теоретически петлю могло быть две, но тогда они должны были бы обозначать одно и то же отношение, в противном случае речь шла бы о дисфункции. Уравнивание петель и дуг – бессмысленно, потому что дуги, согласно гипотезе о конгруэнтности, определяют петли и вместе с петлями – вершину.

Петля автокоммуникации раскрывается через простое большинство (или среднее при равенстве значений), в то время как вершина – через суммирование дуг и калькуляцию вектора вершин. В данном случае есть два способа вычисления вектора путем:

1. Пренебрежения разницей между ценностно-рациональной и рационально-ценностной коммуникациями. Например, если от вершины исходит 3 дуги ценностной коммуникации и 1 – ценностно-рациональной коммуникации, то можно сделать вывод, что рациональные и ценностные коммуникативные способности RVS активируются в соотношении 1:7 (это соотношение указывает на вес рационального и ценностного блоков в структуре RVS).

2. Описания одной формулой активности ценностного и рационального блоков в структуре RVS. Так сетевой график показывает 2 ценностные, 2 рациональные и 1 ценностно-рациональную коммуникацию, или $2V+2R+VR$. Эта формула свидетельствует о характере коммуникативной активности RVS и может быть использована для анализа отдельных коммуникативных актов с любой из вершин. Например, два коммуникативных акта идентифицированы как ценностные и один как ценностно-рациональный. Следовательно, с высокой долей вероятности следующими ожидаются рациональные акты. Если же они не появляются, то в будущем шансы на их возникновение только возрастают.

На рисунке 2 изображен пример сети, который включает в себя RVS, R- и E-системы. Он выполнен в программе Pajek [46] и «запитан» при помощи энергетической команды Камада-Кавайи для того,

чтобы вынести E-системы на периферию сетевого графика, а в центре разместить центральные вершины. Дугам присвоены значения от 1 до 4 (1 – V-отношение, 2 – VR-отношение, 3 – RV-отношение, 4 – R-отношение). Петля самореферентности присутствует у RVS и R-систем, обозначенная на рисунке 2 цифрой рядом с вершинами. Плотность сети, включая петли, равняется 0,27, что является достаточно высоким показателем. Все RVS и R-системы – один сильный компонент, в который E-системы не включены. Программа Камата-Кавайи, вероятно, автоматически использовала анализ ядер по исходящим дугам: к пятиядерным вершинам относятся RVS_2 , RVS_4 , RVS_5 , RVS_6 , RVS_{10} , остальные RVS и RS относятся к двухядерным и одноядерным вершинам.

Расширение принципа конгруэнтности связано с тем, что две RVS могут формировать одну устойчивую систему, если их взаимные отношения различны, и наоборот, чем более схожи взаимоотношения RVS, тем менее устойчивой будет система.

Матрица RV-взаимоотношений коммуникативной сети позволяет установить не столько устойчивость вторичных систем, сколько потенциал устойчивости, который отображен в таблице:

- высоким потенциалом устойчивости обладают связи с максимальным разбросом значений (1;4);
- достаточно высокий потенциал обнаруживают связи с разбросом значений (1;3) и (2;4);

- умеренный потенциал содержится в связях с минимальным пограничным разбросом значений (2;3);
- равенство потенциалов устойчивости и неустойчивости можно обнаружить в связях с непограничным минимальным разбросом значений (1;2) и (3;4);
- достаточно высокий потенциал неустойчивости фиксируется в связях с одинаковыми значениями (1;1), (2;2), (3;3) и (4;4);
- отсутствие потенциала как устойчивости, так и неустойчивости наблюдается в связях с нулевыми значениями (0;0), (0;1), (0;2), (0;3) и (0;4).

Потенциал устойчивости – это возможность формирования *единого целого*, в то время как потенциал неустойчивости предполагает вероятность конфликта. Однако потенциал сам по себе не означает наличие или отсутствие конфликтных или синергических взаимодействий, их могут показать только конвергентные сети.

Конвергентные сети

Первое, что стоит упомянуть при изучении конвергентных сетей, – неопределенность результата их исследования, т.к., с одной стороны, представление о *едином целом* пока очень смутное, а с другой – намерения участников могут существенно различаться, встречать противодействие и представлять собой нечто третье в своем объединении, что

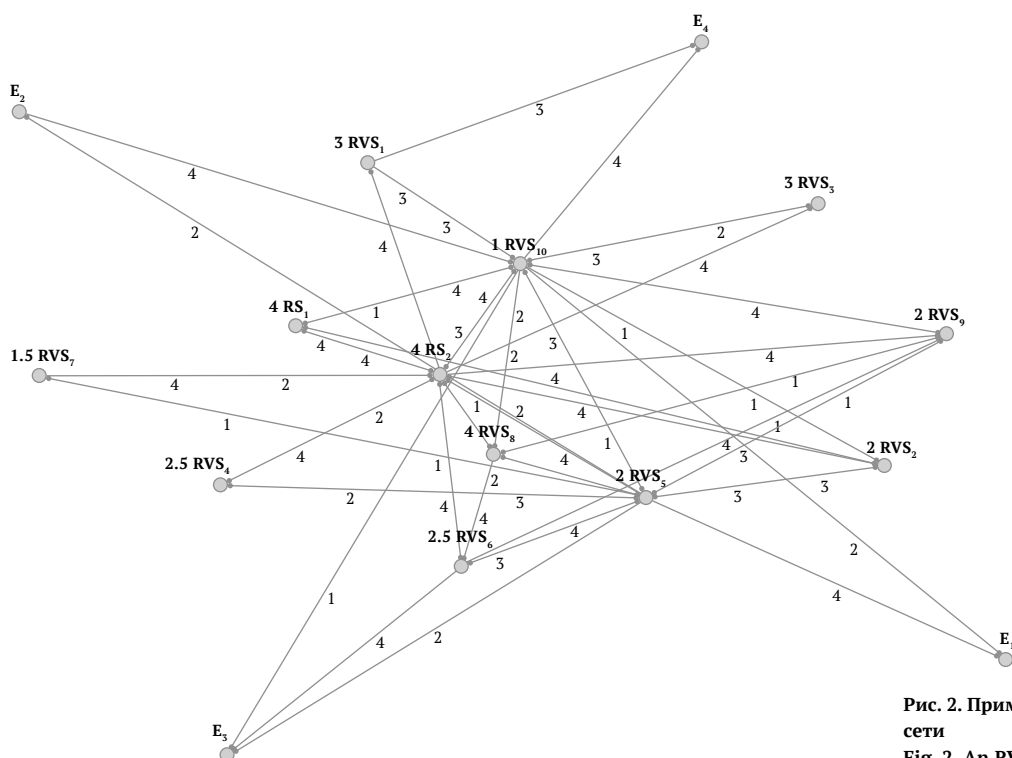

Рис. 2. Пример RV-коммуникативной сети

Fig. 2. An RV-communication network

Табл. Матрица RV-взаимоотношений коммуникативной сети

Tab. Matrix of RV-relationships in communicative network

	RVS ₁	RVS ₂	RVS ₃	RVS ₄	RVS ₅	RVS ₆	RVS ₇	RVS ₈	RVS ₉	RVS ₁₀	RS ₁	RS ₂	E ₁	E ₂	E ₃	E ₄
RVS ₁	3;3	-	-	-	-	-	-	-	-	3;3	-	0;4	-	-	-	3;0
RVS ₂	-	2;2	-	-	3;3	-	-	-	-	1;1	0;4	0;4	-	-	-	-
RVS ₃	-	-	3;3	-	-	-	-	-	-	3;2	-	0;4	-	-	-	-
RVS ₄	-	-	-	2,5;2,5	3;2	-	-	-	-	-	-	2;4	-	-	-	-
RVS ₅	-	3;3	-	2;3	2;2	3;4	1;1	4;4	1;3	3;1	-	1;4	4;0	2;0	2;0	-
RVS ₆	-	-	-	-	4;3	2,5;2,5	-	2;4	1;0	-	-	1;4	-	-	4;0	-
RVS ₇	-	-	-	-	1;1	-	1,5;1,5	-	-	-	-	2;4	-	-	-	-
RVS ₈	-	-	-	-	4;4	4;2	-	4;4	1;1	2;2	-	0;4	-	-	-	-
RVS ₉	-	-	-	-	3;1	0;1	-	1;1	2;2	0;4	-	0;4	-	-	-	-
RVS ₁₀	3;3	1;1	2;3	-	1;3	-	-	2;2	4;0	1;1	1;4	3;4	2;0	4;0	1;0	4;0
RS ₁	-	4;0	-	-	-	-	-	-	-	4;1	4;4	4;4	-	-	-	-
RS ₂	4;0	4;0	4;0	4;2	4;1	4;1	4;2	4;0	4;0	4;3	4;4	4;4	-	-	-	-
E ₁	-	-	-	-	0;4	-	-	-	-	0;2	-	-	0;0	-	-	-
E ₂	-	-	-	-	0;2	-	-	-	-	0;4	-	-	-	0;0	-	-
E ₃	-	-	-	-	0;2	0;4	-	-	-	0;1	-	-	-	-	0;0	-
E ₄	0;3	-	-	-	-	-	-	-	-	0;4	-	-	-	-	-	0;0

не гарантирует получение результата. Ввиду этого моделируется не столько сам результат, сколько воздействие R- и RV-систем друг на друга, символически изображающее целенаправленное движение систем к некоей общей цели посредством других систем. Стоит отметить и то, что воздействие систем друг на друга представляет вариант *игры в согласие*: внешний наблюдатель может полностью отрицать значимость предполагаемого результата, но, если сами системы полагают его как *единое целое*, значит для них он таковым и является.

Итак, основная проблема моделирования воздействия R- и RV-систем друг на друга заключается в неопределенности результатов даже отдельных актов воздействия: воздействуя на кого-то, система воздействует на себя, и наоборот; воздействуя на внешние системы, система оказывает влияние на внутренние системы, и наоборот. Помимо этого, существует несколько этапов конвергенции, характеризующихся специфическими эффектами:

- 1) давление на иные ценностные модели: коммуникация проясняет значимость *единого целого*, соотносимого с другими ценностными моделями, большинство из которых подавляет;
- 2) формирование системы коллективных представлений о *едином целом*: системы могут

распределить роли для достижения этой цели (роли *генератор идей, критик, архивариус* и др.);

- 3) разработка и реализация плана достижения *единого целого*: план подчиняется системе коллективных представлений, а отдельные акции и транзакции подчиняются плану.

Автора в большей степени интересует последняя стадия конвергенции, т.к. в общем виде первые две уже были описаны в работе [21]. Однако важно отметить, что подчинение деятельности плану в одной модели изначально детерминирует неравенство участников: вероятно, есть те, кто создает план, и те, кто его выполняет (на графике у вершин будет разная степень по плану и выполнению плана), а также существует неравенство вкладов в результат.

Вероятно, все эти противоречия возникают из-за конкуренции планов в борьбе за акции или транзакции, осуществляемые системами. Каждый план подразумевает круг объектов воздействия для достижения цели плана, или $P(RVS_n) = \{RVS_{n+1}, RVS_{n+2}, \dots, RS_n, RS_{n+1}, \dots, E_n, E_{n+1}, \dots\}$.

План может быть идентичным (или признан системами идентичным), но объекты воздействия в любом случае будут различаться. В таком случае следует ограничить моделирование конвергентных сетей изображением планов и их наложением друг на друга.

Совмещение частных и общего планов покажет «замутненность» поведения рациональных систем.

Пусть $RVS_1, RVS_2, RVS_3, RVS_4$ – системы, имеющие общий план формирования *единого целого* P_U (в таком альянсе могут участвовать только RVS, потому что нам известно о наличии у каждой из систем ценности *единого целого*). Предположим, что P_U определяет поведение каждой из систем следующим образом:

$$P_U = \{(RVS_1, RVS_2), (RVS_1, RVS_3), (RVS_1, RVS_4), (RVS_2, RVS_3), (RVS_2, RVS_4), (RVS_3, RVS_2), (RVS_4, RVS_2)\}.$$

Допустим, что у RVS_3 и RVS_4 есть свои частные планы P_{RVS_3}, P_{RVS_4} , а у RVS_2 и RVS_4 – совместный частный план P_{RVS_2, RVS_4} (единое целое есть максимальное объединение систем; меньшие объединения будут называться частными), и каждый из этих планов также формирует поведение систем:

$$P_{RVS_2, RVS_4} = \{(RVS_2, RVS_1), (RVS_2, RVS_3), (RVS_2, RVS_4), (RVS_4, RVS_2), (RVS_4, RVS_3), (RVS_4, RVS_6), (RVS_4, RS_1)\};$$

$$P_{RVS_3} = (RVS_1, RVS_4, E_2, E_3);$$

$$P_{RVS_4} = (RVS_2, RVS_3, RVS_5, RS_2, E_1).$$

При рассмотрении рисунка 3 можно отметить, что RVS_1 – это координатор плана достижения *единого целого*, не нуждающийся в воздействиях со стороны других систем и, вероятно, являющийся его архитектором. Кроме того, у него нет частных планов, однако абсолютной «чистоте» поведения RVS_1 препятствует необходимость отвлекаться на воздействующие акции со стороны RVS_2 и RVS_3 . Также высока вероятность того, что идея *единого целого* в приведенном примере является в большей степени умозрительной, а не практической, т.к. воздействия, подчиненные плану *единого целого*, не выходят за рамки круга вершин-исполнителей.

У вершин RVS_2 и RVS_4 наблюдается превышение «частных» воздействующих связей над «общими»,

помимо этого, они объединились для реализации совместного плана. В связи с чем становятся понятны возможные стратегии участников альянса *единого целого*: RVS_1 будет искать возможности объединения с RVS_3 для уравнивания позиций и дальнейшего давления на RVS_2 и RVS_4 с целью развала их альянса и взятия под контроль RVS_4 , т.е. попытки перевода «частных» ресурсов на благо «общего дела». RVS_4 больше склоняется к реализации «частных» планов, поэтому постарается укрепить связи с «сомневающимися» системами RVS_2 и RVS_3 , и дальнейшие действия систем, вероятно, будут связаны с конкуренцией за RVS_3 , за ее включение в совместный план P_{RVS_2, RVS_4} или дальнейшую интеграцию в P_U .

Устойчивость плана *единого целого* можно вычислить разными способами, но каждый из них будет умозрительным без учета временных затрат и фиксации значимых для систем промежуточных результатов. Так, RVS_1 тратит на реализацию P_U 80 % своего времени, RVS_2 – 57 %, RVS_3 – 55 % и RVS_4 – 28 %. Эти проценты показывают степень значимости плана *единого целого* для каждой из систем или для всех систем в среднем (55 %). Этот вектор можно и далее наполнять данными о ресурсах и воспринимаемых результатах, однако это незначительно влияет на исследование конкуренции планов. По мнению автора, правила конкуренции следующие:

- 1) обычно конкурируют близкие по величине планы;
- 2) неблизкие по величине планы способны вступить в конкуренцию, увеличивая количество планов или сетевых отношений.

На основании этих правил можно заключить, что количество воздействий, определяемых планами P_U и P_{RVS_2, RVS_4} , одинаково (7), а сумма воздействий P_{RVS_3} и P_{RVS_4} даже превышает P_U . Из этого следует,

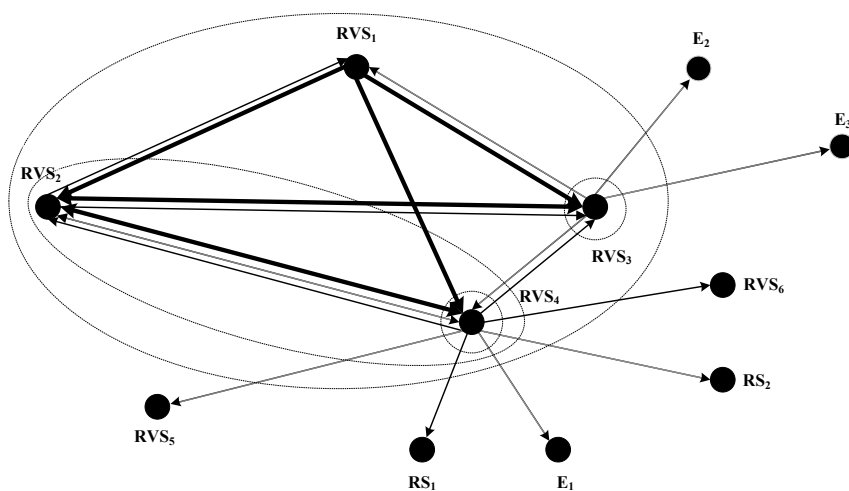

Рис. 3. Пример конвергентной сети
Fig. 3. A convergent network

что векторные оценки более пригодны для оценки текущей ситуации, а сетевые – для оценки стратегии. На данный момент сеть не показывает признаков кризиса и работает в штатном режиме, но ее перспективы не столь радужны: план создания *единого целого* в приведенном примере находится под угрозой расширения частных планов – 3 из 4 систем погружаются в частные планы, которые для них не менее значимы, чем P_U . Кроме того, присутствует ситуация двойной конкуренции P_U с $P_{RVS2, RVS4}$ и $P_{RVS3} + P_{RVS4}$. Только существенное изменение ситуации сможет выправить положение плана создания *единого целого*.

Причинно-следственные сети

Конвергентные сети, описанные выше, слабо демонстрируют принцип конгруэнтности, т.к. *единое целое* неконгруэнтно частным объединениям, которые конгруэнтны интересам рациональных систем, входящих в сеть. Но в этом случае конвергентная сеть напоминала бы эгоцентрическую. По мнению автора, конгруэнтность – свойство частей, а не целого, вершин, а не всей сети, притом такое свойство, которое является базовым для системной концепции. То есть конгруэнтность – это свойство сочетаемости элементов сети, позволяющее наилучшим образом соотноситься друг с другом в единой цепи [47]. Обладают ли этим свойством вершины-объекты – исследовательский вопрос настоящего раздела.

Акторно-сетевая теория утверждает, что объекты, или *не-люди*, обладают свойством связи между субъектами, или *людьми* [48]. Теория рациональных систем углубляет интерпретацию объектов как посредников: элементарные системы являются посредниками между одной и той же рациональной или рационально-смысловой системой. Это подтверждает, что воздействие на Е-систему не является бессмысленным. Так, RVS или R-система пытается удовлетворить рациональную или смысловую потребность, а Е-система является посредником между потребностью и ее удовлетворением RVS или R-системой, т.е. RVS или R-система может удовлетворять чужую потребность путем воздействия на Е-систему. Таким образом, сеть должна тем или иным образом отражать потребности и характер их удовлетворения путем конкретных транзакций, посредником которых является Е-система.

Цепочка значимых ценностных рядов, впрочем, выглядит немного сложнее. RVS характеризуется наличием ценностей, которые порождают потребности в их обогащении. Ценности и потребности подталкивают RVS к деятельности – взаимодействию с Е-системами. Тем самым моделирование должно

отражать иерархическую цепочку транзакций RVS: *ценность, потребность, деятельность* [49]. Сложность такой модели заключается в том, что, с одной стороны, отображение иерархии приведет к эгоцентрической сети, и тогда соединение двух и более иерархий будет проблематичным, с другой – сетевой график без иерархии нарушит последовательность цепочки, в которой последующий элемент является следствием предыдущих. Однако у этой проблемы есть решение – задействовать *причинно-следственный сетевой анализ* [50–53].

Моделирование будет включать в себя пять слоев, соединенных причинно-следственными связями: RVS, их смысловые модели, потребности, деятельность и Е-системы, являющиеся объектом воздействия RVS. При его (моделирования) анализе интерес представляют:

1. Слой смысловых моделей, который может дублировать причину, сигнализируя об эгоистической мотивации. Но в широком смысле нет ничего предосудительного, если все RVS будут скопированы в слое ценностей, являясь смысловыми моделями для себя и других систем. Проблемы вызывает ситуация, когда смысловая копия RVS не представлена в этом слое, что означает изолированность системы и ее возможное выпадение из сети. Также смысловая модель одной RVS гипотетически может включать в себя не только все вершины одной цепи, но и вообще всю сеть целиком. Однако это не говорит о необходимости дублировать компоненты сети в слое ценностей несколько раз. Разумнее указывать их единожды, чтобы не перегружать модель и подчеркнуть некоторую автономию смысловых моделей от RVS.

2. Иерархия смысловых моделей RVS (демонстрация системы ценностей). Тем не менее сеть может демонстрировать больше ценностей, чем в ней заложено. Так, кумулятивный эффект смысловой сети усиливает потребности RVS. Слой потребностей также содержит в себе ряд сложностей. Во-первых, абстрактные потребности бессмысленны в модели, и это приводит к умножению вершин и перегрузке сети. Во-вторых, усиливается разрыв с базовым слоем сети, что вызывает путаницу причинно-следственных связей. Эти сложности устраняются следующими способами: абстрактность потребностей снимается самой сетью, т.к. они соединены с конкретными смысловыми вершинами; что касается разрыва базового слоя и слоя потребностей, то все решается с помощью индивидуального изображения каждой цепочки.

Причинно-следственные сети представляют собой демонстрацию, с одной стороны, максимально

возможной конгруэнтности, с другой – транзитивной конгруэнтности. Действительно, если ценности конгруэнтны RVS, потребности – ценностям, деятельность – потребностям, и E-системы – деятельности, то E-системы, на которые оказывают воздействие RVS, конгруэнтны самим RVS. Это возможно из-за гибкости E-систем, которые могут быть использованы RVS самыми разнообразными способами.

Причинно-следственные сети подчиняются некоторым способам анализа как иерархических сетей и генеалогий, так и когнитивных карт, не являясь в чистом виде ни тем, ни другим. В целом они укладываются в логику бихевиористского анализа, включающего в себя когнитивные фильтры и схемы принятия решений, только с той разницей, что фильтры и схемы в данной модели не корректируют, а являются непосредственными причинами воздействия одних систем на другие.

Сеть, представленная на рисунке 4, – слабо подключенный ациклический оргграф без изолированных вершин. Столбец, содержащий рациональные системы, является родительским по отношению ко второму столбцу и транзитивным ко всем остальным. Сеть содержит и коррелирующие вершины, и коллаидеры [54; 55]. Промежуточные вершины (равно как коррелирующие родительские вершины) между транзитивными родительскими и дочерними вершинами могут быть приняты за конфаундеры [51; 55], отклоняющие следствие от предполагаемого результата. Дочерние вершины могут быть смоделированы как реально, так и контрфактуально. Причинно-следственный граф, как правило, содержит полуциклы и не является деревом из-за множества воздействующих причин.

Сеть может быть усложнена при анализе вероятностей, например на вершинах могут располагаться, согласно do-calculus [56], вероятности вмешательства в процесс воздействия, которое могут оказывать и другие вершины. Введение в модель вероятности, к примеру трансформации причинно-следственной сети в байесовскую [57], позволит исследовать не конкретные системы, а типичные, сместив таким образом логику анализа с категорической на гипотетическую. Такие сети могут содержать циклы обратного влияния следствий на причины [57].

Причинно-следственный граф способен трансформироваться в когнитивную карту с учетом того, что *причина, активация и трансформация* будут являться одним и тем же свойством: RVS активирует ценности, ценности активируют потребности и т.д. В этом случае логично использование нечетких когнитивных карт [58; 59] с присваиванием дугам весов для уточнения степени активации. Такие когнитивные карты могут содержать дуги, направленные от следствий к вершинам, что будет означать давление желаемого следствия на причину, и петли, символизирующие степень самодостаточности причины для активации того или иного следствия. И петлям, и обратным дугам также могут быть присвоены веса.

Заключение

В широком смысле данное исследование укладывается в почти столетнюю дискуссию о возможностях системного подхода при описании социальных процессов. По мнению автора, фундаментальные основания применения теории систем и ее вариантов для вышеуказанных целей нуждаются в серьезном пересмотре, заключающемся в отбрасывании

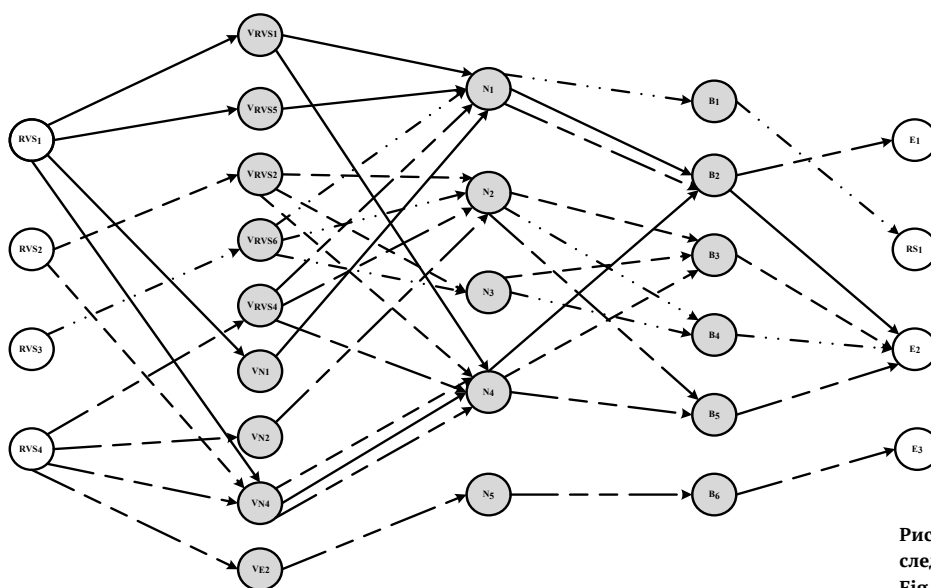

Рис. 4. Пример причинно-следственной сети

Fig. 4. A cause-and-effect network

механистических, технических, биологических и иных отождествлений рационального и дорационального миров. С этой критикой уже выступал П. Бурдьё [60] и Э. Гидденс [61], однако их собственные концепции, с нашей точки зрения, существенно отделились от применения системного подхода.

Технократическая эпоха, породившая представление о человеке как о винтике большого механизма и отождествившая его с самим механизмом, привела к появлению общей теории систем и структурного функционализма, который успешно претворил в жизнь подобное механистическое представление. Однако автор считает, что отождествление разума человека и компьютера, лежащее в основе когнитивных исследований, а также сетевой подход, прямо отсылающий к компьютерным сетям, – не основание нового, демократического, свободного мира, наполненного знаниями, а повторение прошлых заблуждений.

Альтернативные концепции, например У. Матураны и Ф. Варелы [62], указывают на зооморфизм социального пространства, который можно наблюдать в повсеместном употреблении термина экосистема. Мы считаем, что недопустимо сводить сложный рациональный мир к простому дорациональному – это заблуждение, которое должно приводить не к радикальному отказу от системного подхода в социальных науках, а к его существенной корректировке и уточнению.

В статье поднимается проблема конгруэнтности рациональных систем. С точки зрения автора, максимально полно этот принцип реализован в причинно-следственных моделях социального взаимодействия. Нерассмотренными остались вопросы нулевых вершин в причинно-следственных сетях, а также границы применимости этого подхода.

Важно отметить, что принцип исследования нулевых вершин в причинно-следственных сетях остается таким же, как и в эгоцентрических, т.к. нулевые вершины исследуются в сетевом контексте. Они могут иметь как низкие показатели центральности, указывающие на их незначительность в сети, так и высокие, указывающие на их важность. Однако в причинно-следственной сети вершины уравниваются. В данном случае, во-первых, требуется проведение исследования необходимых и достаточных причин; во-вторых, анализ центральности не нулевых вершин, а конечных, обозначающих, к примеру, значимые события.

Исследование событий – не единственный вклад, который может принести причинно-следственный подход, в описание социальных процессов. Оно (исследование событий) может быть использовано для уточнения теории рационального выбора,

социотехнического взаимодействия, анализа культурных и когнитивных особенностей поведения граждан или избирателей и пр. Нерешенная проблема, которая станет ключевой для следующих исследований, связана с использованием причинно-следственного подхода для описания взаимодействия рациональных систем. Сложность такого описания заключается в невозможности моделирования процессов, в которых все является причиной всего, «все имманентно всему» (Н. О. Лосский). Автор считает, что проведение такого исследования откроет возможность моделирования единого целого.

В статье описаны и смоделированы четыре типа рационально-смысловых сетей: эгоцентрические, коммуникативные, конвергентные и причинно-следственные, представляющие собой различные ракурсы рассмотрения одного и того же объекта. Эгоцентрические сети – образец планетарного моделирования, в котором субъективные, объективные и нормативные ценности вращаются вокруг одного «Солнца». Коммуникативные сети более рассредоточены, ввиду того, что коммуникация в некотором смысле абсолютизирована, в отличие от остальных сетей: коммуникация определяет системы, а не наоборот. Посредством коммуникации проявляются и коммуникативно-конгруэнтные способности рационально-смысловых систем. В конвергентных сетях поднимается проблема *единого целого* по аналогии с концепциями публичной сферы Х. Арндт [63] и Ю. Хабермаса [64], рассматривающими публичность в некотором идеальном, «чистом» типе как понятие, не привязанное к месту или публике. Наконец, причинно-следственные сети представляют собой наилучший образец и способ моделирования рационально-смысловых сетей, т.к. они являются рациональными связями рациональных систем, в которых и смысловой, и рациональный компоненты – действующие причины изменений в окружающем мире.

Основной результат рассмотрения проблем *единого целого* и конгруэнтности – невозможность моделирования единого целого «сверху вниз», т.е. через поглощение частей и частного. Однако логика конгруэнтности рационально-смысловых сетей прямо указывает путь через сочетаемость компонентов. Исходя из этого, моделирование единого целого, вероятно, может быть реализовано только через максимальную конгруэнтность частей, напоминающую органическую солидарность Э. Дюркгейма [65]. При этом максимальная конгруэнтность, как показано в исследовании, возможна только в причинно-следственных сетях. Сочетаемость

компонентов эгоцентрических и коммуникативных сетей указывает на некоторую целостность, органическую непротиворечивость рационально-смысловых систем и их взаимодействие друг с другом.

В дальнейших исследованиях автором будет рассмотрено, каким образом модифицируются причинно-следственные сети при их наложении на взаимодействие между относительно равными системами, возможность уравнивания взаимной причинности и минимизации субъективности. Сложность моделирования причинно-следственных сетей заключается во множестве причин, приводящих к одному следствию, и множестве следствий, вытекающих из одной причины. Очевидно, в причинно-следственных сетях существует фактор конкуренции причин. Тем не менее достоинство причинно-следственного подхода заключается в сочетании причинности и системности, в наглядности самопорождения систем и в сочетании целого и его частей.

Представленное исследование вносит важный вклад в развитие теории рациональных систем. На данный момент описано 4 типа: рационально-смысловые системы [1], рекурсивно-сенсорные [2],

изоморфные индетерминированные [3] и рационально-неопределенные [13; 14]. В настоящее время автор проводит исследование взаимодействия рациональных систем. Проблема единого целого, т.е. максимально возможного результата такого взаимодействия, является центральной, и обращение к данной теме в некотором смысле неизбежно.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Экспертного института социальных исследований № FMUS-2024-0021 «Легитимность сетевой власти и ее влияние на стратегии поведения пользователей социальных сетей в России».

Funding: The research was supported by the Social Research Expert Institute, Project No. FMUS-2024-002: Legitimacy of network power and its impact on the behavior patterns of social network users in Russia.

Литература / References

1. Кондратенко К. С. Элементы теории рационально-смысловых систем. *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 459. С. 113–118. [Kondratenko K. S. Elements of the theory of rational-sensible systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, (459): 113–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/459/14>
2. Kondratenko K. S. Cybernetic philosophy of digital public governance: Modeling recursive sensory systems. *ICT2022: Proc. 15 Intern. Conf., Lisbon, 19–21 Jul 2022. Porto: IADIS, 2022*, 51–58.
3. Кондратенко К. С. Индетерминация, изоморфизм, устойчивость: системная модель политического процесса в условиях цифровизации. *Полис. Политические исследования*. 2023. № 3. С. 146–164. [Kondratenko K. S. Indetermination, isomorphism, resilience: A system model of political process under the conditions of digital transformation. *Polis. Political studies*, 2023, (3): 146–164. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.11>
4. Plato. *The Republic*. London: Arcturus Press, 2017, 304.
5. Undsk R. Faith and reason: Charting the medieval concept of the infinite. *Trames. Journal of the humanities and social sciences*, 2012, 1(16): 3–45. <https://doi.org/10.3176/tr.2012.1.01>
6. Hegel G. W. F. *The phenomenology of spirit*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 492. <https://doi.org/10.1017/9781139050494>
7. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с. [Berkovsky N. Ya. *Romanticism in Germany*. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2001, 512. (In Russ.)]
8. Freud S. *The Ego and the Id*. NY: Norton, 1989, 86.
9. Jung C. G. *Psychological types*. 1st ed. London: Routledge, 2016, 568.
10. Weber M. *Economy and society: A new translation*. Cambridge: Harvard University Press, 2019, 520.
11. Habermas J. *The Theory of communicative action. Vol. 2: Lifeworld and system: A critique of functionalist reason*. Boston: Beacon Press, 1985, 457.
12. Kahneman D. *Thinking, fast and slow*. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2011, 512.

13. Кондратенко К. С. Сетевая философия искусственной рациональности: эффекты взаимодействия разноуровневых систем. Часть 1. *Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии)*. 2023. № 3. С. 92–101. [Kondratenko K. S. Network philosophy of artificial rationality: Effects of interaction of multi-level systems. Part 1. *Abyss (Studies in Philosophy, Political science and Social anthropology)*, 2023, (3): 92–101. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33979/2587-7534-2023-3-92-101>
14. Кондратенко К. С. Сетевая философия искусственной рациональности: эффекты взаимодействия разноуровневых систем. Часть 2. *Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии)*. 2023. № 4. С. 128–136. [Kondratenko K. S. Network philosophy of artificial rationality: Effects of interaction of multi-level systems. Part 2. *Abyss (Studies in Philosophy, Political science and Social anthropology)*, 2023, (4): 128–136. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33979/2587-7534-2023-4-128-136>
15. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Акад. проект, 2002. 832 с. [Parsons T. *The social system*. Moscow: Akad. proekt, 2002, 832. (In Russ.)]
16. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002. 537 с. [Almond G., Powell J., Strom K., Dalton R. *Comparative politics today: A world review*. Moscow: Aspekt Press, 2002, 537. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raviip>
17. Deutsch K. W. *The nerves of government: Models of political communication and control*. NY: Free Press of Glencoe, 1963, 316.
18. McLuhan H. M. Review: The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. By Karl W. Deutsch. New York: Free Press of Glencoe. 1963. Pp. 316. *The University of Toronto Law Journal*, 1965, 16(1): 226–228. <https://doi.org/10.2307/825125>
19. Easton D. *A systems analysis of political life*. NY: Wiley, 1967, 507.
20. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. 360 с. [Luhmann N. *Introduction to systems theory*. Moscow: Logos, 2007, 360. (In Russ.)]
21. DeLanda M. *Intensive science and virtual philosophy*. London; NY: Bloomsbury Academic, 2002, 240.
22. *Speculative turn: Continental materialism and realism*, eds. Bryant L., Srnicek N., Harman G. Melbourne: re.press, 2011, 430.
23. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с. [Harman G. *The quadruple object: The metaphysics of things after Heidegger*. Perm: Gile Press, 2015, 152. (In Russ.)]
24. Harman G. *Prince of networks: Bruno Latour and metaphysics*. Melbourne: re.press, 2009, 247.
25. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки. *Социология вещей*, ред. В. Вахштайн. М.: Территория будущего, 2006. С. 342–363. [Latour B. When things strike back: A possible contribution of "science studies" to the social sciences. *Sociology of things*, ed. Vakhshain V. Moscow: Territoria budushchego, 2006, 342–363. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tmxzcx>
26. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: ИЭП, 2015. 352 с. [Lo J. *After method: Mess in social science research*. Moscow: IEP, 2015, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tnachx>
27. Мол А. Множественное тело. *Социология власти*. 2015. Т. 27. № 1. С. 232–247. [Mol A. The body multiple. *Sociology of Power*, 2015, 27(1): 232–247. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tqasvf>
28. Bogost I. *Alien phenomenology, or what it's like to be a thing*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2012, 166.
29. Bryant L. R. *Onto-cartography: An ontology of machines and media*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014, 300.
30. Morton T. *Realist magic: Objects, ontology, causality*. Michigan: Open Humanities Press, 2013, 228. <http://dx.doi.org/10.3998/ohp.13106496.0001.001>
31. Castells M. *The rise of the network society*. 2nd ed. Chichester; Malden; Oxford: Wiley-Blackwell, 2010, 656.
32. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека (опыт теоретического и экспериментального исследования). М.: Моск. ун-т, 1969. 304 с. [Tikhomirov O. K. *The structure of human mental activity: Theoretical and experimental research*. Moscow: Moscow University, 1969, 304. (In Russ.)]
33. Тихомиров О. К., Бабаева Ю. Д., Березанская Н. Б., Васильев И. А., Войскунский А. Е. Развитие деятельностного подхода в психологии мышления. *Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева*, ред. А. Е. Войскунский, А. Н. Ждан, О. К. Тихомиров. М.: Смысл, 1999. С. 191–234. [Tikhomirov O. K., Babaeva Yu. D., Berezanskaya N. B., Vasilev I. A., Voiskunskii A. E. Activity approach in cognitive psychology. *Traditions and prospects of activity approach in psychology: A. N. Leontiev's school*, eds. Voiskunsky A. E., Zhdan A. N., Tikhomirov O. K. Moscow: Smysl, 1999, 191–234. (In Russ.)]

34. Братусь Б. С. Нравственное сознание личности. М.: Знание, 1985. 64 с. [Bratus B. S. *Moral consciousness of the individual*. Moscow: Znanie, 1985, 64. (In Russ.)]
35. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 510 с. [Leontiev D. A. *Psychology of the sense: Nature, structure and dynamics of conceptual reality*. 3rd ed., add. Moscow: Smysl, 2007, 510. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxquuj>
36. Ивков Н. Н. Анализ психологических исследований проблемы развития смысловой сферы личности и достижения ею зрелости. *Мир психологии*. 2014. № 1. С. 188–201. [Ivkov N. N. The analysis of psychological studies on the problem of personality's meaning sphere development and its maturity attainment. *Mir psikhologii*, 2014, (1): 188–201. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scxvbt>
37. Попова В. И. Ценностно-смысловая коммуникация, или как достичь взаимопонимания в воспитательной деятельности педагога. *Проблемы современного педагогического образования*. 2019. № 63-3. С. 114–117. [Popova V. I. Value-semantic communication or how to reach an understanding in the educational activities of the teacher. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2019, (63-3): 114–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/irxxpv>
38. Артюхова И. С. Образовательный дискурс как система ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса. *Развитие современного образования: теория, методика и практика*. 2016. № 1. С. 56–59. [Artiukhova I. S. Academic discourse as a system of value-semantic communication of subjects of education. *Razvitie sovremennogo obrazovaniia: teoriia, metodika i praktika*, 2016, (1): 56–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/walxcv>
39. Tian J., Pearl J. Probabilities of causation: Bounds and identification. *Annals of Mathematics and Artificial Intelligence*, 2000, 28: 287–313. <https://doi.org/10.1023/A:1018912507879>
40. Corominas-Murtra B., Goñi J., Solé R. V., Rodríguez-Caso C. On the origins of hierarchy in complex networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2013, 110(33): 13316–13321. <https://doi.org/10.1073/pnas.1300832110>
41. Lane D. Hierarchy, complexity, society. *Hierarchy in natural and social sciences. Methodos Series*, ed. Pumain D. Dordrecht: Springer, 2006, vol. 3, 81–119. https://doi.org/10.1007/1-4020-4127-6_5
42. Trusina A., Maslov S., Minnhagen P., Sneppen K. Hierarchy measures in complex networks. *Physical review letters*, 2004, (92). <https://doi.org/10.1103/PhysRevLett.92.178702>
43. Nicolis J. S. *Dynamics of hierarchical systems: An evolutionary approach*. 1st ed. Berlin; NY: Springer, 1986, 397.
44. Mones E., Vicsek L., Vicsek T. Hierarchy measure for complex networks. *PLOS ONE*, 2012, 7(3). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0033799>
45. Christensen L. T. Autocommunication theory. *The SAGE encyclopedia of corporate reputation*, ed. Carroll C. E. Los Angeles: SAGE Publications, 2016, vol. 2, 55–58. <https://doi.org/10.4135/9781483376493.n28>
46. Mrvar A., Batagelj V. Analysis and visualization of large networks with program package Pajek. *Complex Adaptive System Models*, 2016, 4(6). <https://doi.org/10.1186/s40294-016-0017-8>
47. Osgood C. E., Tannenbaum P. H. The principle of congruity in the prediction of attitude change. *Psychological Review*, 1955, 62(1): 42–55. <https://doi.org/10.1037/h0048153>
48. Latour B. *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. NY; Oxford: Oxford University Press, 2005, 301.
49. Goldman A. I. A causal theory of knowing. *The Journal of Philosophy*, 1967, 64(12): 357–372. <https://doi.org/10.2307/2024268>
50. Pearl J. *Probabilistic reasoning in intelligent systems: Networks of plausible inference*. San Francisco: Morgan Kaufmann Publishers, 1988, 552.
51. Pearl J. *Causality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, 464.
52. Ackermann F., Alexander J. Researching complex projects: Using causal mapping to take a systems perspective. *International Journal of Project Management*, 2016, 34(6): 891–901. <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2016.04.001>
53. Aledo A., Ortiz G., Mañas-Navarro J. J., Climent-Gil E., Vallejos-Romero A. Incorporating supra-local social structure into social impact assessment using causal network analysis. *Environmental Impact Assessment Review*, 2021, vol. 89. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2021.106604>
54. Cunningham S. *Causal inference: The mixtape*. Yale University Press, 2021, 584. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1c29t27>
55. Pearl J., Glymour M., Jewell N. P. *Causal inference in statistics: A primer*. 1st ed. Wiley, 2016, 160.

56. Gill K. S., Pearl J., Mackenzie D. The book of why: The new science of cause and effect. *AI & SOCIETY*, 2020, 35: 767–768. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-00971-7>
57. Pearl J. *Causality: Models, reasoning, and inference*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 384.
58. Kosko B. Fuzzy cognitive maps. *International Journal of Man-Machine Studies*, 1986, 24(1): 65–75. [https://doi.org/10.1016/s0020-7373\(86\)80040-2](https://doi.org/10.1016/s0020-7373(86)80040-2)
59. Dickerson J. A., Kosko B. Virtual worlds as fuzzy cognitive maps. *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*, 1994, 3(2): 173–189. <https://doi.org/10.1162/pres.1994.3.2.173>
60. Bourdieu P. *Esquisse d'une théorie de la pratique*. Genève: Librairie Droz, 1972, 269.
61. Giddens A. *The constitution of society: Outline of the theory of structuration*. Berkeley: University of California Press, 1984, 402.
62. Maturana H. R., Varela F. J. *The tree of knowledge: The biological roots of human understanding*. Boston: Shambhala Publications, 1987, 269.
63. Арндт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетеия, 2000. 437 с. [Arendt H. *Vita activa, or on active life*. St. Petersburg: Aleteia, 2000, 437. (In Russ.)]
64. Habermas J. *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society*. Cambridge: MIT Press, 1991, 301.
65. Durkheim E. *The division of labor in society*. NY: Free Press, 1997, 352.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/wubcdq>

Языковая политика Латвии после распада СССР

Лю Чао

Хэйлунцзянский университет, Китай, Харбин
lc220815@163.com

Сунь Чао

Хэйлунцзянский университет, Китай, Харбин

Аннотация: Цель – отразить статус русского языка в языковой политике современной Латвийской Республики, подробно рассмотрев изменение курса языковой политики страны с постсоветского периода. Описана историческая эволюция законов развития языка Латвии, языковая ситуация в этой стране, и рассмотрено функционирование русского языка в главных отраслях общественно-культурной жизни. Проанализированы особенности языковой политики в Латвии. Применены междисциплинарные методы исследования, сочетающие лингвистику, историю и политологию. Установлено, что русский язык играет важную роль в сфере образования и общественно-культурной жизни Латвии. Анализ ее языковой политики демонстрирует нацеленность государства на укрепление самосознания латышской части населения, его сплочение, возвращение памяти о своих корнях. Связанный с этим рост социальной напряженности показывает необходимость следования политике разнообразия и инклюзивности, соблюдения баланса между языками, культурным наследием страны и языковыми правами этнических меньшинств, чтобы способствовать социальному развитию и единству Латвии. Исследование языковой политики Латвии в вопросе баланса между продвижением государственного языка и защитой языков национальных меньшинств – важный шаг для Китая на пути к более эффективной разработке мер по сохранению языков (особенно в условиях многонациональности и многоязычия страны). Изучение современной языковой политики Латвии и ее исторических корней способствует развитию двустороннего сотрудничества (между Латвией и Китаем) в таких сферах, как экономика, образование, культура. Понимание языковой ситуации в стране становится ключевым фактором для деловых коммуникаций и культурного обмена.

Ключевые слова: Латвия, языковая политика, монолингвизм, латышский язык, русский язык, Центр государственного языка

Цитирование: Лю Чао, Сунь Чао. Языковая политика Латвии после распада СССР. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 4. С. 504–513. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-504-513>

Поступила в редакцию 12.07.2024. Принята после рецензирования 30.09.2024. Принята в печать 07.10.2024.

full article

Language Policy in Post-Soviet Latvia

Chao Liu

Heilongjiang University, China, Harbin
lc220815@163.com

Chao Sun

Heilongjiang University, China, Harbin

Abstract: Since the collapse of the Soviet Union, the Republic of Latvia has been altering its language policy towards the Russian language as a language of national minority. The article describes the evolution of language-related laws, as well as the social and role of the Russian language in Latvia. The authors combined various methods of linguistics, history, and politics to establish the importance of the Russian language in Latvian education and socio-cultural life. The current language policy focuses on consolidation, self-identity, and historical memory of the Latvian population. The resulting social tension requires more diversity and inclusivity to maintain the balance between the languages and preserve the cultural heritage. Stronger language rights for ethnic minorities could improve the social development and unity of Latvia. Latvia's experience is important for China as a multinational country as it strives to find a balance between promoting the state language and protecting the languages of national minorities. The study of Latvia's modern language policy and its historical roots contributes to the mutual cooperation between Latvia and China in economics, education, and culture. A good understanding of the national language is a key factor for business communications and cultural exchange.

Keywords: Latvia, language policy, monolingualism, Latvian language, Russian language, State Language Center

Citation: Liu Chao, Sun Chao. Language Policy in Post-Soviet Latvia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 504–513. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-504-513>

Received 12 Jul 2024. Accepted after review 30 Sep 2024. Accepted for publication 7 Oct 2024.

Введение

Изучение национальной языковой политики – важный компонент исследования языковой политики, которая является одной из дисциплин социолингвистики, и языкового планирования; значимый способ достижения глубокого понимания языковой ситуации в стране.

12 сентября 1991 г. Китай и Латвия установили дипломатические отношения, а в ноябре 2016 г. подписали меморандум о присоединении к инициативе *Один пояс, один путь*, что дало дополнительный импульс к сотрудничеству в экономической сфере. По мере укрепления китайско-латвийских отношений китайские компании и учреждения все чаще начинают вести свою деятельность в Латвии, и глубокое понимание текущей языковой ситуации в стране и истории ее формирования становится элементом этого сотрудничества.

Латвия – государство, в котором русский язык всегда широко использовался и продолжает использоваться до сих пор. В современной Европе язык стал важным культурным маркером сплоченности и идеологическим инструментом построения государства и приобрел сильную политическую окраску. Так, Б. Андерсон писал: «что касается языка, то самое важное – это его способность создавать воображаемое сообщество» [1]. В зависимости от таких факторов, как численность населения и уровень социального развития различных языковых групп, национальные правительства обычно формулируют и реализуют национальную языковую политику в целях экономического развития и социальной интеграции, а официальный язык может называться *официальным* или *национальным* [2].

Под языковой политикой понимается «совокупность теоретических взглядов, политических решений, законодательных актов, практических мер, принимаемых государством (программные цели партий, классов, общественных группировок) с целью изменения языковой ситуации в стране, в многонациональном (полиэтническом) или однопациональном (моноэтническом) обществе: определение

диалектной основы литературного языка, упорядочение системы функционирования литературного языка и диалектов, общественных функций языков в полиэтнической среде и т.д.»¹.

Языковая политика и законы о языке связаны между собой, т.к. в основе вторых лежит идеология языковой политики. Она определяет стратегию государства в области использования и защиты языка, а законы о языке устанавливают юридические нормы и правила в этой области и часто регулируют использование языка в официальных документах, образовании, на работе, в средствах массовой информации (СМИ) и т.д. В зависимости от языковой политики эти законы могут стимулировать или ограничивать использование определенных языков.

Помимо этого, законы о языке – один из главных инструментов языковой политики. Они (законы) должны четко и непротиворечиво формулировать положения, касающиеся статуса государственного языка, его функций, защиты его монопольного использования в наиболее важных социальных сферах, регламентации применения местных языков [3]. Законы о языке играют важную роль в жизни языковых сообществ и обеспечении культурного разнообразия. Они помогают сохранять и защищать языки и культуры различных групп, а также обеспечивают эффективное функционирование языковой политики государства.

Итак, языковая политика и языковое планирование – исторические социокультурные деятельности, которые передают культурно-исторические ценности и тесно связаны с жизнью и благополучием каждого человека [4].

Изучение языковой политики Латвии и статуса русского языка в ней способствует развитию взаимопонимания между Китаем и Латвией. В статье описывается языковая ситуация в Латвии, рассматриваются ее исторические корни и развитие, в том числе изменения в языковом законодательстве в диахроническом аспекте и создание Центра государственного языка (ЦГЯ), отвечающего за реализацию

¹ Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий, ред. А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2014. Т. 1. С. 241.

языковой политики государства. Понимание национальной языковой политики способствует получению информации о языковой ситуации и сотрудничеству между двумя странами.

Результаты

Исторические корни языковой ситуации в Латвии

Латвия – многонациональная страна, которая в течение многих лет находилась под влиянием разных культур и народов, что привело к появлению многоязычной среды. В современной Латвии, общая численность населения которой на 2021 г. составляет 1893213 человек, проживают люди различных национальностей: латыши (1187891 человек, или 62,7 % от общей численности населения), русские (463587, или 24,5 % соответственно), белорусы (58632, или 3,1 %), украинцы (42281, или 2,2 %), поляки (37203, или 2 %) и представители других этнических групп (103619, или 5,5 %), в том числе немцы, евреи, венгры, эстонцы и т.д. [5].

Этническая принадлежность и язык являются ключевыми факторами в определении нации. Латвия прошла долгий путь, анализ которого важен для понимания ее исторических корней и влияния, оказываемого на нее другими языками.

Латышский, русский и немецкий языки имеют длительное общее прошлое. Так, Рига, современная столица Латвии, была основана в 1201 г. немецкими рыцарями-крестоносцами. В 1212 г. псковские купцы получили право на торговлю в этом городе и появилось первое *русское подворье*, переросшее в Русскую улицу (сейчас это район в центральной части города). Там находились купеческие склады, церковь и кладбище. В городском архиве имеются грамоты на русском языке (датируемые XIII–XVII вв.), которые отражают деловые отношения того времени [6].

Большое влияние на языковое становление Латвийской Республики оказывал и немецкий язык. В течение XIII в. на территорию современной Латвии переселилось большое количество германцев, что привело к широкому распространению германской культуры и образа жизни. Немецкий язык стал основным языком правящего класса. Одновременно русские купцы вели очень активную торговую деятельность с населением этих территорий, и русский язык был языком торговых сделок. Немецкие же феодалы поддерживали этот статус русского языка, т.к. получали большую прибыль от торговой монополии русских купцов. Однако местное население продолжало использовать народные наречия, в будущем объединившиеся в латышский язык.

В 1621 г., после двадцатилетней войны между Польшей и Швецией, Рига и прилегающие к ней земли достались шведам. Представители зажиточной части населения продолжали активно использовать немецкий язык, а шведские власти проводили политику искоренения русского языка на захваченной территории. Немецкий язык был особенно распространен в городах, а речь русскоязычного населения пестрела германизмами. В XVIII в., после окончания Северной войны со Швецией, Россия присоединила земли вдоль Балтийского моря (от Риги до Выборга) и территории современной Эстонии, большей части Латвии и Ленинградской области. Кроме этого, 15 апреля 1795 г. Екатерина II объявила о включении в состав Российской империи герцогства Курляндии и Семигалии, которое имело статус вассала по отношению к Речи Посполитой. Так современная западная Латвия полностью оказалась в составе России, что привело к широкому распространению русского языка в ее регионах.

Начиная с 1865 г. в Балтийском регионе Российской империи начался новый курс политики, целью которого было интегрирование всех провинций в политические, правовые и экономические структуры Российской империи на пике «Великих реформ». В 1867 г. был подписан приказ, требующий оформлять все официальные документы провинций Балтии на русском языке [7].

Во второй половине XIX в. активно развивается латышский язык и создается благоприятная ситуация для контактов с русским языком: повсеместно открываются школы, преподавание в которых идет на русском языке; начинает регулярно выходить русская газета *Рижский вестник* (1869–1915 гг.); администрация городов постепенно начинает переходить на русский язык. Появление русской печати и русских школ, рост популярности русскоязычной художественной литературы способствует укреплению позиции русского языка. В это же время происходит приток русской рабочей силы из империи, и в латышский язык прочно входят характерные диалектные черты русской речи и надолго в ней сохраняются.

После Февральской революции 1917 г. в Латвии (и во всей бывшей Российской империи) стали образовываться различные советы. В ноябре 1917 г. появилась новая территориально-политическая единица с условным названием *Республика Исколата*. Ее конституциональной основой могут считаться некоторые принятые на II Съезде советов депутатов Латвии резолюции, особенно резолюция «О Советском правительстве и его задачах». Эти документы провозглашают Латвию государством в составе

Советской России, наделенным политической автономией. Как проект федерации, так и проект полного отделения от России были отвергнуты латышскими большевиками как несвоевременные. Республика Исколата – период, исследованный в малой степени и являющийся неоднозначным. С нее (Республики Исколата) началась история Латвии как государства, именно она была первой автономией, а не губернией Российской империи.

4 января 1918 г. был принят декрет «Об использовании латышского языка в учреждениях Латвии»², в котором латышский язык определялся как язык, который должен использоваться официальными латвийскими учреждениями. Другим языкам был предоставлен равный статус в тех местах, где их использование было необходимо.

3 марта 1918 г., после подписания Брест-Литовского мирного договора, огромная территория, в том числе и вся территория Латвии, перешла к кайзеровской Германии. В таком статусе Латвия пробыла всего несколько месяцев, т. к. уже 18 ноября 1918 г. Народный совет Латвии провозгласил независимость Латвийской Республики.

В 1940 г. Латвийская Республика была включена в Советский Союз и русский язык стал использоваться во всех сферах жизни Латвии. В 1941–1945 гг. Латвия была оккупирована Германией, и в этот период позиции немецкого языка ненадолго усилились. Однако после окончания Второй мировой войны большая часть немецкоговорящего населения покинула эту территорию. Русский язык стал считаться официальным языком, на нем осуществлялось управление и официальное общение внутри страны, а латышский использовался в культурной и общественной жизни.

Во время Второй мировой войны Латвия потеряла большое количество людей, а после – потребовалось много рабочей силы для восстановления экономики страны и социального строительства, поэтому большое количество этнических русских переселилось в Латвию. При этом наблюдался курс на «социалистическое языковое равноправие» [8]. В СССР не проводилась политика ассимиляции народов, проживающих в национальных республиках. Наоборот, национальная культура и язык всячески поддерживались, что послужило созданию

в 1949 г. Академии наук Латвии и Институту латышского языка в ее составе. Благодаря этому мощное развитие получили средняя и высшая школы на латышском языке, далее – латышские СМИ и латышская хоровая культура. Всесоюзной известности добилась Рижская киностудия и Латвийский Национальный театр, а книги латышских авторов, выпускаемые на латышском языке, переводились на языки других народов СССР [9].

29 сентября 1988 г. Президиум Верховного Совета Латвийской ССР (ЛССР) принял постановление «О статусе латышского языка»³, в котором впервые было публично объявлено о придании латышскому языку статуса официального. В 1989 г. парламент ЛССР издал первый в Латвии закон «О языках»⁴, провозгласивший в качестве официального языка латышский, но, согласно ст. 1 этого закона, предусматривавший использование и русского языка в официальной сфере. По данным переписи населения 1989 г., доля русскоязычных граждан (под этим термином понимаются жители страны, для которых русский язык является родным, т. е. функционально первым языком вне зависимости от их этнического происхождения) составила 47 %, а носителей латышского языка – 52,1 % [10, с. 71]. Система образования в Латвии делилась на два блока: русскоязычный и латышский. Ученики могли выбирать между школами с одним из двух доступных языков обучения.

Языковая политика Латвии очень тесно связана с ее политической судьбой. Политические перемены в стране приводят к изменению статуса и показателя распространенности используемых языков. Так, Латвия неоднократно теряла политическую независимость, что способствовало популяризации иностранных языков на ее территории в определенных группах населения. С одной стороны, эти языки служили необходимым инструментом для ведения экономической или политической деятельности, а с другой – были символом социального статуса. Владение языком правящего класса означало не только близость к властным структурам, но и разграничивало его носителей с простыми жителями.

Под воздействием исторических процессов, начиная с XIX в., русский язык стал приобретать все большее значение в Латвии и даже на время превратился в официальный язык. Однако с изменением

² Iskolata Dekrēts par latviešu valodas lletošānu latvijas iestādēs. Dekrēts par darīšanu valodu Latvijas oficiālajās iestādēs 04.01.1918. URL: <http://www.vvk.lv/index.php?sadala=135&id=170> (accessed 1 Jul 2024).

³ LPSR Augstākās padomes lēmums par latviešu valodas statusu 06.10.1988. URL: <http://www.vvk.lv/index.php?sadala=135&id=167> (accessed 1 Jul 2024).

⁴ Latvijas Padomju Sociālistiskās Republikas valodu likums. Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija 08.05.1989. URL: <https://web.archive.org/web/20120206224252/http://www.liis.lv/latval/valoda/v9-6.htm> (accessed 1 Jul 2024).

политической ситуации правительство Латвийской Республики внесло принципиальную корректировку в языковую политику своей страны, сделав основной упор на укрепление позиций латышского языка.

Постсоветский разворот языковой политики в Латвии

После обретения независимости правительство Латвии начинает проводить политику укрепления латышского языка, а также принимает ряд мер в сфере образования [11]. Так, 15 октября 1991 г. Верховным Советом было принято постановление «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации», согласно которому гражданство было признано только за лицами, бывшими гражданами Латвийской Республики на 17 июня 1940 г., и их потомками [10, с. 71]. В свете принятия данного закона до 30 % населения Латвии (около 800000 человек) приобрели статус неграждан [12].

Отсутствие гражданства налагало ограничения на возможность трудоустройства и участия в приватизации жилья и лишало права голосования. Только 12 апреля 1995 г. принимается закон «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или иного государства». Таким образом, в 1991–1995 гг. возникла парадоксальная ситуация: до трети населения не получили гражданство и не имели возможности сделать это по натурализации (через вид на жительство или визу). При этом закон устанавливает строгие ограничения на получение гражданства, так что гражданами страны могут стать только те, кто проживает в стране более 10 лет, отказался от предыдущего гражданства и достиг необходимого уровня владения государственным языком [13].

В 1992 г. был пересмотрен закон «О языках»⁵ Латвии: с этого момента единственный государственный язык – латышский, и свободное владение им – обязательное условие для всех государственных служащих и работников сферы обслуживания (от врачей до продавцов), в связи с чем русский язык утрачивает статус официального и становится языком гражданского общения. Это приводит к тому, что названия мест, учреждений, организаций и предприятий обозначаются только на государственном языке и на нем же используются, как и имена людей, которые должны соответствовать традиционным и литературным нормам латышского языка для сохранения его формальности и культурной специфики.

Тем не менее закон об официальных языках не распространяется ни на неофициальное общение населения, ни на общение внутри национальных и этнических групп, ни на деятельность религиозных организаций. Для конкретного применения вводимых правил в Латвии создан специальный языковой отдел – Центр государственного языка, который отвечает за реализацию языковой политики государства и следит за соблюдением законов и нормативных актов в области использования официальных языков. ЦГЯ был основан в 1992 г. и с 1993 г. является подведомственным учреждением Министерства юстиции Латвии. В обязанности ЦГЯ входит:

1. Способствование эффективному выполнению закона «О языках» с помощью [14]:

- обеспечения употребления латышского языка (в необходимых случаях) индивидуальными предпринимателями, сотрудниками частных учреждений, организаций и предприятий, а также в документации и ведении учета;
- регулирования его использования на собраниях в частной и государственной сфере, в договорах физических и юридических лиц при оказании государственных услуг;
- регулирования принятия и рассмотрения частной и государственной сферой документов, составленных на официальном языке;
- контроля за языком проведения мероприятий, судебных заседаний, публичных показов фильмов и языком, используемым при предоставлении информации населению.

2. Обеспечение соразмерности необходимых ограничений прав и интересов этих субъектов в случаях, когда их деятельность затрагивает законные интересы общества.

Для реализации функций ЦГЯ в Латвии также была создана Инспекция государственного языка (далее – Инспекция), в обязанности которой входит:

1. Мониторинг и оценка использования латышского языка государственными учреждениями, предприятиями и СМИ, а также предоставление рекомендаций и наставлений по укреплению позиции официального языка Латвии в стране, исходя из сложившейся в итоге оценки ситуации.

2. Содействие стандартизации латышского языка. Так, Инспекция предоставляет соответствующую информацию и проводит тренинги для общественности и учреждений с целью повышения точности и нормативности использования латышского языка,

⁵ LR likums par grozījumiem un papildinājumiem LPSR Valodu likumā. Latvijas Republikas Augstākās Padomes 31.03.1992. URL: <http://www.vvk.lv/index.php?sadala=135&id=165> (accessed 1 Jul 2024).

а также рассматривает жалобы, связанные с употреблением латышского языка, и проводит расследование и проверку, по результату которой выдвигает соответствующие предложения и решения.

Создание Инспекции вызвало напряженность среди русскоязычного населения (особенно на востоке страны, где большая часть населения говорила именно на нем). Язык постепенно становится одним из важных факторов, отражающих национальную идентичность. Латвия начала проводить более полную языковую политику, основанную на латышском языке, и из года в год дополнять соответствующие законы и нормативные акты, чтобы сделать ее более полной и строгой. По мнению некоторых исследователей, такая *дерусификация* в Латвии связана с желанием подчеркнуть свою независимость и полностью избавиться от прежнего влияния СССР [15].

В 1998 г. в Латвийской Республике была проведена реформа языкового образования, направленная на получение образования в средней школе только на латышском языке. Но против реформы выступила большая часть населения, и правительство Латвии было вынуждено в 2004 г. внести поправки в законопроект, разрешив преподавать на латышском языке не менее 60 % учебных программ в русскоязычных школах [16]. Таким образом, число школ, организующих обучение на латышском языке, начало стремительно расти. Если в 1998 г. количество таких школ было около 63 %, то к 2004 г. их стало уже 70 %, а к 2008 г. – 72 %. Этот процесс сопровождался сокращением числа школ с преподаванием на русском языке и падением уровня знаний русскоговорящих школьников по ключевым дисциплинам на 20 % [17].

В 1999 г. в Латвии был принят «Закон о национальном языке и письменности», который определил латышский как национальный язык, а все остальные – как иностранные, в том числе и русский. С момента вступления закона в силу государственные учреждения начали полностью отклонять все виды документов и материалов, написанные на русском языке [18]. Этот шаг вызвал бурную реакцию со стороны внешнего мира. Государственная Дума РФ направила официальное письмо, в котором выразила озабоченность в связи с дискриминацией русскоязычного населения в Латвийской Республике, которое привело к его недостаточной интеграции в общество и созданию двух параллельных общин, использующих разные языки и живущих в разных культурах и информационных пространствах: говорящие по-латышски и говорящие по-русски.

По данным статистики, в 2005 г. 86 % населения Латвии в большей или меньшей степени владели латышским языком. В свою очередь, информацию на русском языке без проблем воспринимают 90 % экономически активного населения этой страны. Таким образом, в Латвии существует реальное двуязычие, а монолингвистическая политика, проводимая государством, имеет широкий резонанс у латвийских жителей [19]. Это также сказывается на нежелании некоторых проходить процедуру сдачи экзамена на владение латышским языком для получения статуса гражданина. В результате на начало 2008 г. в Латвии оставалось 372 тыс. неграждан, или 43 % русскоязычного населения [20].

18 февраля 2012 г. в Латвийской Республике состоялся референдум по вопросу предоставления русскому языку статуса второго государственного. Из 1 млн 97 тыс. человек (70,73 % от имеющих право голоса), принявших участие в голосовании, *против* этой идеи проголосовали 821722 человека, или 74,8 % избирателей, а *за* – 273344, или 24,88 % соответственно. Для внесения необходимых поправок, согласно латвийскому законодательству, количество проголосовавших *за* должно было составить более 770 тыс. человек. По результатам этого референдума русский язык официально стал иностранным в Латвии [21].

Начиная с апреля 2018 г. в силу вступили поправки к «Закону об образовании»⁶, согласно которым:

- все частные учебные заведения обязаны использовать латышский язык;
- разъясняются особые обстоятельства, допускающие использование других языков для преподавания;
- другие официальные языки Европейского Союза (ЕС) разрешены в области оценки профессиональной квалификации и присуждения ученых степеней;
- государство корректирует руководящие принципы преподавания языков этнических меньшинств и ограничивает использование других языков в школах меньшинств, а также требует, чтобы они как можно скорее разработали новые планы преподавания.

В детских садах с сентября 2018 г. была введена программа, в соответствии с которой детей с 5 лет учат латышскому языку, чтобы затем они смогли начать учебу в латышской школе. Обучение в ней осуществляется следующим образом [17]:

⁶ Izglītības likums. Latvijas Republikas Prezidenta Likums 29.10.1998. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=50759> (accessed 1 Jul 2024).

1. В 1–6 классах используются три разные модели, обязательное условие которых – проведение не менее 50 % уроков только на латышском языке.

2. В 7–9 классах количество предметов, преподаваемых на латышском, увеличивается до минимум 80 %, т.е. на латышском языке изучаются все предметы, кроме русского языка и литературы. Следовательно, на обучение русскому и английскому (или другому иностранному языку) отводится всего 20 %.

3. В 10–12 классах (как и в государственных учреждениях и высших заведениях) образовательный процесс реализуется только на государственном языке.

Эта программа внедрялась Министерством образования Латвии в школы без разработанных методик, предварительной подготовки учителей и необходимых пособий. Это вызвало определенные опасения среди русскоязычного населения и международных организаций, отнесшихся к этому закону как к дискриминационному. Помимо этого, все еще существуют сложности в реализации данной реформы. Например, в Латвии не хватает высококвалифицированных педагогов, которые могли бы преподавать именно на латышском языке. Несомненно, подготовка преподавательского состава нуждается в реформировании и обновлении, но это занимает много времени.

В марте 2019 г. правительство Латвии приняло еще одну поправку к «Закону об образовании» – об усилении роли латышского языка в сертификации зарубежных академических квалификаций и сертификатов о степенях. Так, когда выпускники подают заявление на сертификацию, им необходимо предоставить перевод с латышского или другого официального языка ЕС. В этой поправке также обсуждается национальная система обязательных экзаменов, подтверждающих владение латышским языком.

В 2022 г. «депутаты латвийского сейма в окончательном чтении приняли поправки в закон "Об образовании", согласно которым с 2025/26 учебного года преподавание во всех школах и детских садах страны будет вестись только на латышском языке»⁷. Согласно этому закону, переходный период установлен в три года:

- с 1 сентября 2023 г. ученики 1, 4 и 7 классов начнут обучение на латышском языке;

- с 1 сентября 2024 г. на латышский язык перейдут учащиеся 2, 5 и 8 классов;
- с 1 сентября 2025 г. ученики оставшихся классов будут полностью обучаться на латышском языке.

В новом законе также указано, что статус русского языка в системе образования определяется как *язык наименьшинств*⁸. Это означает, что даже в регионах, где русский язык является основным, русский язык и литература выступят в роли факультативных предметов, а не обязательных.

Политика иностранного языкового образования является важным компонентом языковой политики [22]. В школах Латвии с 2026 г. постепенно будут отказываться от преподавания русского языка как второго иностранного, но те ученики, которые успели выбрать русский язык до 1 сентября 2025 г., смогут продолжить его изучение до окончания основной школы. Затем вместо русского языка учащиеся будут осваивать официальный язык ЕС или стран-членов Европейской экономической зоны, или иностранный язык, определенный в межправительственном соглашении об образовании⁹.

Заключение

Латвия – этнически разнообразная страна, стремящаяся в течение последних трех десятилетий к укреплению сплоченности национального сообщества с помощью своей языковой политики. Однако эта политика породила ряд проблем и противоречий. Так, с одной стороны, ее результатом является укрепление самосознания латышской части населения, его сплочение и восстановление памяти о своих корнях. С другой – она приводит к очевидному расколу в обществе, недовольству каждого третьего русскоговорящего жителя страны, т.к. у него создается ощущение, что его дискриминируют.

Исторически Латвия была частью России и имела с ней многостороннее взаимодействие [23]. Однако после достижения полной политической независимости Латвия взяла курс на моноязыковую политику (с явной тенденцией к дерусификации), что подтверждается всесторонним изменением законов, которые требуют использовать латышский язык сотрудниками всех государственных органов (работающими на предприятиях, в больницах, школах и т.д.). При этом от работников различных

⁷ Сейм Латвии утвердил переход школ на латышский язык в течение трех лет. РБК. 29.09.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/09/2022/6335b73d9a794792ad7af221> (дата обращения: 01.07.2024).

⁸ Там же.

⁹ Власти Латвии приняли решение отказаться от русского языка в школах с 2026 года. Известия. 23.04.2024. URL: <https://iz.ru/1686527/2024-04-23/vlasti-latvii-priniali-reshenie-otkazatsia-ot-russkogo-iazyka-v-shkolakh-s-2026-goda> (дата обращения: 01.07.2024).

отраслей промышленности и профессий требуется разный уровень владения латышским языком [24].

Благодаря государственной поддержке и продвижению латышский язык стал более широко использоваться в стране. Тем не менее достижение баланса между сохранением национального языка и содействием международному обмену – довольно-таки сложная и актуальная для Латвийской Республики проблема [25]. С улучшением статуса латышского языка социальный статус русскоязычного населения Латвии постепенно снижался, что вызывало серию дебатов вокруг взаимосвязи между латышским и русским языками. Часть населения до сих пор считает, что такая политика является нарушением их языковых прав и может привести к постепенному исчезновению их культуры и традиций. Эти споры могут оказать определенное влияние на социальную стабильность и национальный имидж Латвии.

Изменения языковой политики Латвии проявились главным образом в двух аспектах: во-первых, в закреплении статуса латышского языка как единственного государственного языка с расширением сферы его использования; во-вторых, в ослаблении роли русского языка, который был официально определен как иностранный, а также в ограничении его применения в различных сферах общественной жизни, образовании, культуре и др.

За последние 30 лет латвийское правительство многократно пересматривало законы о языке и сферах его использования, и многие изменения носили довольно радикальный характер. Хотя данные меры в определенной степени достигли цели по укреплению позиции латышского языка, слишком быстрые перемены привели к многочисленным трудностям в адаптации населения и создали множество социальных проблем. В целом изменения в языковой политике Латвии представляют собой сложный социополитический процесс, который отражает, с одной стороны, стремление страны к языковой и культурной автономии, а с другой – демонстрирует возникающие проблемы, связанные с решением языковых вопросов в многонациональном государстве.

В условиях современной экономической глобализации комплексная мощь государства проявляется не только через экономику, военную силу и технологии, но и через культуру. Язык как важная часть культуры является также одним из основных ее носителей. Сбалансированная языковая политика может способствовать укреплению внутренней этнической сплоченности и успешному развитию международных отношений, содействовать экономическим коммуникациям и обменов, снижать затраты на коммуникацию и усиливать

чувство национальной идентичности. При разработке и реализации языковой политики необходимо учитывать реальность многонациональных и многоязычных сообществ. Чрезмерное акцентирование на едином языке может подавлять языки и культуры меньшинств, вызывая недовольство и сопротивление в этих группах. Эффективная языковая политика должна не только способствовать единству и стандартизации государственного языка, но и уважать и защищать языки и культуры национальных меньшинств.

Положительный эффект от продвижения латышского языка очевиден: он не только помогает укрепить национальную идентичность, но и обеспечивает общую языковую платформу для жителей разных национальностей и способствует социальной интеграции. Сегодня владение государственным языком стало важным условием для участия граждан всех стран в общественной жизни, трудоустройстве и личном развитии. Уровень владения государственным языком объективно определяет реальный уровень участия каждого гражданина в различных сферах деятельности. Этнические меньшинства, владеющие государственным языком, могут легче интегрироваться в общество, участвовать в экономической, политической и культурной деятельности, получая равный доступ к образованию и профессиональному развитию.

Однако в этой политике есть и потенциальные проблемы. При чрезмерном внимании к латышскому языку могут быть упущены другие языки, в частности русский, а также их значение и роль в латвийском обществе. Жесткая языковая политика может задевать чувства русскоязычного населения и привести к ослаблению их национальной идентичности. Если политика не будет проводиться должным образом, она может усилить конфликты между различными этническими группами и нарушить социальную гармонию.

Следует обратить особое внимание на постепенность и гибкость языковых реформ, чтобы люди всех этнических групп в стране чувствовали, что их родной язык уважают и гарантируют право следующего поколения наследовать его. Только на этой основе все население страны сможет рационально принять проводимые языковые реформы. Благодаря таким усилиям Латвия может стать образцом сосуществования языкового и культурного разнообразия и предоставить ценный опыт для гармоничного развития многонациональных стран по всему миру.

Китай, наравне с Латвией, сталкивается с проблемой поддержания баланса между продвижением использования государственного языка и сохранением

языков меньшинств. Опыт языковой политики в Латвии позволяет понять, что общая стратегия языковой политики должна быть инклюзивной, постепенной и поощрительной, а гибкая политическая структура – способствовать усилению государственной языковой идентичности в сочетании с защитой языковых прав этнических меньшинств. При разработке и реализации языковой политики необходимо учитывать множество факторов и в особенности сложившуюся историческую многоязыковую и мультикультурную структуру, чтобы избежать возникновения социальной напряженности из-за чрезмерного акцента на одном языке. Языковая политика должна стать инструментом укрепления национального единства, а не поводом для социальных конфликтов. Разработка гибкого механизма регулирования, чутко реагирующего на изменяющуюся социальную среду, содействует социальной гармонии и многоязыковому сосуществованию, а также позволяет внести вклад в сохранение культурного разнообразия человечества.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Лю Чао – анализ литературы по проблеме исследования, методологический и концептуальный анализ, написание статьи, редактирование. Сунь Чао – создание концепции и основной идеи исследования, постановка научной проблемы, обоснование актуальности, научное руководство исследования.

Contribution: Chao Liu reviewed the scientific literature, performed the methodological and conceptual analysis, drafted the manuscript, and proofread its final version. Chao Sun developed the research concept, formulated the research problem, proved its relevance, and provided scientific counseling.

Литература / References

1. 本尼迪克特·安德森. 想象的共同体: 民族主义的起源与散布. 上海: 上海世纪出版集团, 2005, 199. [Anderson B. *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. Shanghai: Shanghai Century Publishing Group, 2005, 199. (In Chin.)]
2. 菅志翔, 马戎. 中国语言政策的历史演变. 学术月刊, 2023, 55(8): 123–144. [Jian Zhixiang, Ma Rong. Historical evolution of China's language policy. *Academic Monthly*, 2023, 55(8): 123–144. (In Chin.)]
3. Крысин Л. П., Беликов В. И. Социоллингвистика. М.: Юрайт, 2015. 352 с. [Krysin L. P., Belikov V. I. *Sociolinguistics*. Moscow: Iurait, 2015, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/typuav>
4. 戴曼纯. 语言政策与规划理论构建: 超越规划和管理的语言治理. 云南师范大学学报(哲学社会科学版), 2021, (2): 29–38. [Dai Manchun. Theoretical construction of language policy and planning: Language governance beyond planning and management. *Journal of Yunnan Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 2021, (2): 29–38. (In Chin.)]
5. Рундега К. Основные результаты переписи населения Латвии 2021 года. Рига: Центральное статистическое управление, 2022. 217 с. [Rundega K. *Main results of Latvian Population Census 2021*. Riga: Central Statistical Bureau, 2022, 217. (In Russ.)]
6. Диманте И. В. Русский язык в Латвии: взгляд в прошлое, настоящее и будущее. *Коммуникативные исследования*. 2017. № 1. С. 107–122. [Dimante I. V. Russian language in Latvia: Look into the past, present, and future. *Communicative Studies*, 2017, (1): 107–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrxbmh>
7. 凯文·奥纳康. 波罗的海三国史. 北京: 中国大百科全书出版社, 2009, 256. [O'Connor K. *The history of the Baltic States*. Beijing: China Encyclopedia Publishing House, 2009, 256. (In Chin.)]
8. 戴曼纯, 刘润清. 波罗的海国家的民族政策与民族整合. 俄罗斯中亚东欧研究, 2010, (4): 17–24. [Dai Manchun, Liu Runqing. Ethnic policy and ethnic integration in the Baltic States. *Russian, Central Asian, and Eastern European Studies*, 2010, (4): 17–24. (In Chin.)]
9. Гушчин В. И. Постсоветская Латвия – обманутая страна: почему НФЛ не привел к демократии? 1988–2013. Рига: Балтийский центр исторических и социально-политических исследований, 2013. 718 с. [Gushchin V. I. *Post-Soviet Latvia is a deceived country: Why did the Popular Front of Latvia not lead to democracy? 1988–2013*. Riga: Baltic Centre of Historical and Socio-Political Research, 2013, 718. (In Russ.)]
10. Зверев К. А. Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти. *Вестник Костромского государственного университета*. 2020. Т. 26. № 4. С. 70–77. [Zverev K. A. The Russian-speaking population of Latvia in the modern period: Correlation of status with

- local state historical politics. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, 26(4): 70–77. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-70-77>
11. 王天驹. 拉脱维亚《教育法》中的新语言条款. 语言生活皮书——世界语言生活状况报告(2020), 2022, 16–21. [Wang Tianju. New language provisions in Latvia's law on education. *Blue book of language life – report on the world language life situation (2020)*, 2022, 16–21. (In Chin.)]
 12. Бузаев В. В. Неграждане Латвии. Рига: ЛКПЧ, 2007. 117 с. [Buzaev V. V. *Non-citizens of Latvia*. Riga: LHRC, 2007, 117. (In Russ.)]
 13. 古丽依孜·白山. 拉脱维亚的国语政策. 语言生活皮书——世界语言生活状况报告, 2018, 131–136. [Guliyiz Baishan. National language policy in Latvia. *Blue book of language life – report on the world language life situation*, 2018, 131–136. (In Chin.)]
 14. Крейчи Э. Отображение обращения Центра государственного языка Латвии в интернет-изданиях России. *Русский язык в многоязычном мире*, ред. А. Никунласси, Е. Протасова. Хельсинки: Хельсинский ун-т, 2019. С. 209–225. [Kreichi E. Displaying the address of the Latvian State Language Center in Russian online publications. *Russian language in the multilingual world*, eds. Nikunlassi A., Protassova E. Helsinki: University of Helsinki, 2019, 209–225. (In Russ.)]
 15. 李诗亚. 浅析“俄罗斯化”与“去俄罗斯化”中的拉脱维亚. *俄语学习*, 2018, (2): 57–60. [Li Shiya. A brief analysis of Russification and de-Russification in Latvia. *Russian Language Learning*, 2018, (2): 57–60. (In Chin.)]
 16. 赵洪宝. 拉脱维亚语言政策与教育政策改革变迁. *教育现代化*, 2018, (20): 118–120. [Zhao Hongbao. Changes in language and education policy reforms in Latvia. *Educational Modernization*, 2018, (20): 118–120. (In Chin.)]
 17. Зверев К. А. Политика Латвии в отношении образования на русском языке. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2021. № 1. С. 82–91. [Zverev K. A. Latvian policy on the Russian-language education. *Vestnik Baltiiskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Serii: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, (1): 82–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nuqjhr>
 18. Лю Цзюань, Гун Лэй. Политика монолингвизма и мультилингвизма в Латвии и Казахстане. *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7. № 3. С. 955–968. [Liu Juan, Gong Lei. The policy of monolingualism and multilingualism in Latvia and Kazakhstan. *Quaestio Rossica*, 2019, 7(3): 955–968. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15826/qr.2019.3.417>
 19. Кривцова Е. Новый подход к языковой политике Латвии. *Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления*, ред. А. В. Гапоненко. М.-Рига: МБПЧ, 2012. С. 128–133. [Krivtsova E. A new approach to Latvia's language policy. *Discrimination against Russians in the Baltic States: Causes, forms, and ways to overcome*, eds. Gaponenko A. V. Moscow-Riga: MBHR, 2012, 128–133. (In Russ.)]
 20. Воробьев С. М. Дискриминационные нарушения прав человека в России и за рубежом: состояние и перспективы их предупреждения. *Lex russica*. 2013. Т. 95. № 2. С. 135–142. [Vorobev S. M. Discriminatory violations of human rights in Russia and abroad: Current status and prevention prospects. *Lex russica*, 2013, 95(2): 135–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pznykr>
 21. Манаев А. С. Русский язык и законодательство стран Балтии. *Обозреватель*. 2012. № 9. С. 52–60. [Manaev A. S. Russian in the legislation of the Baltic States. *Obozrevatel*, 2012, (9): 52–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcrrpd>
 22. 张天伟. 外语教育学框架下的外语教育政策研究: 能动性 with 客观世界视角. *外语教学*, 2023, (3): 65–71. [Zhang Tianwei. Research on foreign language education policy within the framework of foreign language pedagogy: Perspectives of agency and objective world. *Foreign Language Teaching*, 2023, (3): 65–71. (In Chin.)]
 23. 刘娟. 拉脱维亚对俄语说“不”. *世界知识*, 2012, (8): 64–65. [Liu Juan. Latvia says no to the Russian language. *World Knowledge*, 2012, (8): 64–65. (In Chin.)]
 24. 菅志翔, 马戎. 语言、民族国家建构和国家语言政策. *学术月刊*, 2022, 54(9): 123–147. [Jian Zhixiang, Ma Rong. Language, nation-state building, and national language policy. *Academic Monthly*, 2022, 54(9): 123–147. (In Chin.)]
 25. 王辉, 沈索超. 服务“一带一路”建设的语言研究: 十年回顾与展望. *北华大学学报(社会科学版)*, 2023, (6): 11–19. [Wang Hui, Shen Suochao. Language research serving the Belt and Road initiative: Ten-year review and prospects. *Journal of Beihua University (Social Science Edition)*, 2023, (6): 11–19. (In Chin.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/bavgan>

Популизм как угроза демократии

Шавеко Николай Александрович

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Россия, Екатеринбург

eLibrary Author SPIN: 3004-0891

<https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>

shavekonikolai@gmail.com

Аннотация: Цель статьи – выработать определение понятия популизма. При этом базовый методологический подход состоит в том, что такое определение должно отражать доминирующее в научном и политическом дискурсе представление о популизме как о негативном явлении, представляющем угрозу демократии. Рассмотрены наиболее популярные точки зрения на популизм, и осуществлен их критический анализ. Опровергнуто представление о популизме как об антиэлитизме и антиплюрализме. Предложено авторское определение данного понятия – манипуляция народными массами со стороны политика. Обозначены преимущества этой формулировки, состоящие в том, что она позволяет объяснить, почему столь разнородные явления, которые теми или иными авторами обозначаются как популизм, действительно имеют общие отрицательные характеристики. Перечислены основные угрозы популизма для демократии: разложение демократической культуры, которое в конечном итоге может привести к демонтажу демократических институтов и «сползанию» в авторитаризм, а также актуализация таких проблемных мест демократического идеала, как *невежество избирателей* и *тирания большинства*. Сделан вывод, что вне зависимости от конкретных причин всплеска популизма в конце XX – начале XXI в. его фундаментальной причиной является несовершенство самой человеческой природы, вследствие чего он представляет (и будет представлять) перманентную угрозу демократии.

Ключевые слова: демократия, популизм, плюрализм, элитизм, рациональное невежество, тирания большинства, манипуляция

Цитирование: Шавеко Н. А. Популизм как угроза демократии. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 4. С. 514–521. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-514-521>

Поступила в редакцию 20.07.2024. Принята после рецензирования 28.08.2024. Принята в печать 02.09.2024.

full article

Populism as Threat to Democracy

Nikolai A. Shaveko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ekaterinburg

eLibrary Author SPIN: 3004-0891

<https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>

shavekonikolai@gmail.com

Abstract: In scientific and political discourse, populism is usually considered as a negative phenomenon that threatens democracy. In this study, the author aimed to define populism in this vein and to perform a critical analysis of the most popular approaches to this phenomenon. While refuting the idea of populism as anti-elitism or anti-pluralism, the article introduces an authentic definition of populism as manipulation of the masses by a politician. The new definition makes it possible to explain why heterogeneous phenomena designated by different authors as populism share similar negative characteristics. Populism poses a threat to democracy because it decomposes democratic culture, which can eventually destroy democratic institutions and result in authoritarianism. Moreover, it leads to *rational ignorance* and *tyranny of the masses*. Regardless of the specific reasons for the surge of populism in the late XX and early XXI centuries, its fundamental cause lies in the fallibility of human nature, which makes it a permanent threat to democracy.

Keywords: democracy, populism, pluralism, elitism, rational ignorance, tyranny of the masses, manipulation

Citation: Shaveko N. A. Populism as Threat to Democracy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 514–521. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-514-521>

Received 20 Jul 2024. Accepted after review 28 Aug 2024. Accepted for publication 2 Sep 2024.

Введение

Популизм называют одной из главных угроз демократии в XXI в. Отмечается увеличение числа популистских партий и политиков и достижение ими электоральных успехов [1]. Чтобы понять, почему популизм представляет собой угрозу демократии и как с ним справиться, необходимо сначала дать определение указанного понятия. Но в этом и заключается главная сложность: ученые много говорят о популизме, но согласия относительно самого понятия не имеют [2, с. 780–781]. Более того, данный термин используется различными субъектами для обозначения широкого круга проблем, не связанных между собой, что порождает дискуссии по вопросу о том, стоит ли вообще отказаться от использования термина *популизм* в рамках научного дискурса [3].

Цель статьи – выработать определение понятия популизма. Однако с учетом непрекращающихся споров было бы наивным пытаться выработать единственно верное определение популизма. Поэтому основной методологической установкой автора настоящей статьи будет стремление таким образом суммировать в одном определении явления, называемые в литературе популизмом, чтобы продемонстрировать сущность представляемой им угрозы демократии. В политической борьбе стороны нередко называют друг друга популистами, вкладывая в этот термин уничижительный (негативный) смысл. В научных работах оценка популизма, как правило, также является негативной (по крайней мере, применительно к развитым либеральным демократиям) [4; 5]. Противоположный взгляд на рассматриваемое понятие встречается реже. Известным исключением является, например, позиция Э. Лаклау, согласно которой популизм – это скорее положительное явление [6, с. 66]. В связи с преобладающим количеством негативных трактовок популизма, цель исследования состоит в выработке такого определения, которое будет характеризовать популизм именно как отрицательное явление. Для достижения цели автор использует метод от противного: формулирует свое понятие популизма, отталкиваясь от других наиболее распространенных его определений. При этом причисление к популистам всех тех, кто сам этого хочет, представляется неправильным, т.к. такой подход к определению

популизма не обладает никакой аналитической ценностью. Автор также не охватывает те явления, которые назывались популизмом в прежние исторические периоды, поскольку это не только усложнило бы задачу исследования, но и лишило бы его внятного предмета. Между тем в западной литературе подобные подходы создают известную путаницу, поскольку авторы зачастую тщетно пытаются найти истоки современного популизма и в Народной (Популистской) партии США, существовавшей на рубеже XIX–XX вв., и русском народничестве (некорректно переводимом на английский язык как *Russian populism*), связывая события полутораугольной давности с современностью [7].

Результаты

В настоящее время имеется три наиболее распространенных подхода к определению понятия *популизм*: как идеологии, как стиля дискурса и как политической стратегии [8]. В то же время следует заметить, что данные подходы не обязательно противоречат друг другу. Например, политик может придерживаться популистской идеологии, существование которой будет определять стиль дискурса этого политика и его политическую стратегию. В этом случае понятие популизма будет характеризовать и идеологию, и дискурс, и стратегию. По сути, именно это и наблюдается в одном из наиболее распространенных в научной литературе мнений относительно понятия популизма, которого придерживаются такие авторы, как Я.-В. Мюллер, К. Мадде, К. Р. Кальтвассер, D. Rucht и др., согласно которому существуют две противоположности популизма – элитизм и плюрализм [5; 9, с. 7–8; 10, с. 543; 11, с. 68]. Связано это с тем, что определение популизма как антиэлитизма и антиплюрализма в принципе может характеризовать как идеологию, так и вытекающие из нее дискурс и стратегию популистских политиков. Вот почему автор считает методологически возможным не брать в основу исследования лишь какой-то один из трех вышеназванных подходов, а рассматривать их в совокупности. Тем не менее отправная точка исследования – мнение о том, что популизм, в первую очередь, – это некое социальное явление (практика).

Так как наиболее популярными являются попытки определить популизм через противопоставление элитизму и плюрализму, основное внимание уделяется анализу именно этой точки зрения. В идеологическом измерении она состоит в следующем [9]:

1. Элитизм исходит из того, что народ опасен, нечестен и вульгарен, а элита превосходит его в моральном, культурном и профессиональном планах, поэтому управление должно сосредотачиваться в руках вторых, а не первых. Популизм, напротив, представляет собой позицию, согласно которой народ должен принимать непосредственное участие в управлении государством.

2. Плюрализм утверждает, что общество разделено на множество групп с различными интересами, что обуславливает необходимость множества центров власти. Популист же считает мнение народа единым и полагает, что способен выразить его волю единолично.

Однако представляется, что определение популизма как антиэлитизма и антиплюрализма не отличается аналитической строгостью. Так действительным противопоставлением элитизму является демократия – власть народа. Но это означает, что мы должны отождествить популизм и демократию, что неверно. Безусловно, популизм и демократия могут иметь общие черты: в конце концов они образованы от слова *народ*. Только в одном случае от его латинского варианта (*populus*), а в другом – от греческого (*demos*). Однако если бы эти понятия были тождественны, то не было бы смысла в их одновременном существовании. В свою очередь, действительным противопоставлением плюрализму корректнее с точки зрения логики было бы назвать *монизм* как представление, что достаточно одного субъекта (президента, партии), который сможет успешно выразить волю всего народа, поскольку сама эта воля однородна.

Важно не только то, что термин *популизм* некорректно использовать для обозначения противоположности элитизму и плюрализму. В конце концов, согласно рассматриваемой точке зрения, популизм – это одновременно антиэлитизм и антиплюрализм, и именно в сочетании данных признаков можно было бы усмотреть его сущность (и тогда популистом назывался бы демократ-монист). Основная же проблема этого подхода вне зависимости от того, рассматривается ли популизм со стороны идеологии, дискурса или стратегии, состоит в том, что данный подход не позволяет увидеть, почему популизм является угрозой демократии.

Действительно, часто утверждается, что популисты противопоставляют народ элите. Но само это противопоставление, по мнению автора, не является чем-то плохим. Ведь если правящая элита и вправду коррумпирована и не учитывает интересы народа (большинства), то ее критика для многих вполне может быть убедительной. И тогда популизм можно описать даже в положительных терминах как проявление демократии или как путь к ней. Но популизм обычно представляют как угрозу демократии. И характеристика популизма как антиэлитизма не позволяет увидеть, почему такая угроза возникает. Если просто обвинить популиста в том, что он эксплуатирует дихотомию *народ – элита*, то популист наверняка с этим согласится и даже скажет, что он гордится этим. Возможно, поэтому западный либеральный истеблишмент кажется столь беззащитным перед популизмом. Западные политические лидеры клеймят своих противников как популистов и тем самым лишь подтверждают их статус как подлинных демократов и собственный статус как тех, кто не хочет иметь дело с народом. Вот почему дихотомия *народ – элита* – не лучший способ определить популиста. Требуется понять, почему популист – не демократ.

Не позволяет увидеть негативные черты популизма и его противопоставление плюрализму. Сегодня политический плюрализм, наличие множества центров власти и возможность получить признание многими рассматриваются как базовая политическая ценность [12]. Но вполне возможно представить ситуацию, когда общество находится в кризисе, а большинство его членов сталкивается с серьезной проблемой, которую власть игнорирует или не может решить. Популиста в такой ситуации можно представить себе как человека, который обещает решить эту проблему и критикует бездействие элит. Здесь важно заметить следующее: представляется неверным определять популиста как человека, который претендует на выражение интересов абсолютно всех граждан, поскольку более типичными являются отсылки популистов к большинству или подавляющему большинству. Например, лозунгом движения *Захвати Уолл-стрит* (*Occupy Wall Street – OWS*), которое часто называют популистским [5, с. 24], было *Нас 99 % (We are the 99 %)*, а не *Нас 100 %*¹. Но если так, то в ситуации кризиса, когда большинство людей действительно объединяет некоторая существенная проблема, избирательная стратегия популиста, связанная с обещанием решить

¹ Захвати Уолл-стрит. Движение против экономического и социального неравенства. *Лента.Ру*. URL: <https://lenta.ru/lib/14214761/> (дата обращения: 20.06.2024).

эту проблему, не кажется чем-то негативным. В некотором роде популист – это типичный политик в демократическом государстве, поскольку политические выборы всегда предполагают апелляцию кандидатов к большинству населения, а с этой целью выгоднее акцентировать внимание на общих интересах, а не на социальных противоречиях. Популисты действительно могут клеймить часть населения как *врагов* (и даже этот признак не обязателен, если есть враг внешний по отношению к населению), но это не значит, что они сознательно борются против любых различий мнений и интересов.

Итак, определение популизма через антиэлитизм и антиплюрализм не позволяет увидеть в нем угрозу демократии. Более того, популизм с этой точки зрения может быть рассмотрен как проявление демократии или как система действий на пути к ее восстановлению. Соответственно, чтобы понять, почему популизм – это не демократия, а угроза ей, необходимо искать другое определение этого понятия. Между тем и в англосаксонской, и в континентальной политической мысли в качестве ключевых признаков популизма рассматриваются «апелляция к "воле народа", а также противопоставление "народа" и "коррупцированной элиты"» [13, с. 755]. Попытки сторонников такого подхода выработать понимание сущности популизма через упрощенную трактовку неоднозначной природы *народа* (популисты сводят *народ* к временному электоральному большинству, выдавая часть за целое) [14, с. 68–69] не учитывают, что сложности определения данного термина, в том числе тенденция к его упрощению, свойственны всей теории демократии и образуют один из ее краеугольных камней. По мнению автора, попросту некорректно говорить о том, что популисты понимают народ неверно, тогда как либеральные демократы (или кто-либо еще) – верно.

Порой популизм отождествляют с активизацией демократического участия, мобилизацией народных масс, правлением на основе непосредственной поддержки народа [9, с. 3]. С одной стороны, такой подход создает риск смешения популизма с другим понятием – партиципаторной демократией – одной из теоретических моделей демократии, характеризующейся непосредственным участием граждан в управлении государством и предприятиями и получившей распространение на Западе в 1970-е гг. [15; 16]. С другой – популизм в этом контексте может быть квалифицирован как один из методов легального ведения политической борьбы в демократических государствах (отсюда – выделение такого признака популизма, как плебисцитарность [17]). В любом случае резко негативное

понимание популизма в изложенных определениях свойственно лишь тем, кто уже находится у власти и боится ее потерять из-за народного недовольства. Апелляция к народным массам и привлечение людей к участию в управлении вряд ли сами по себе могут быть расценены как угроза демократии (скорее наоборот – как ее проявление).

Иногда популизм связывают с безответственной экономической политикой государственных лидеров или с политиками, дающими чрезмерно упрощенные ответы на сложные вопросы, лозунги которых направлены лишь на то, чтобы угодить избирателям, т. е. пообещать им скорое и легкое решение социальных проблем, а не убедить их в поиске и реализации действительно правильного, но отнюдь не скорого и легкого решения [18, с. 33–34]. Так, в качестве типичного популистского приема можно привести обещание одновременно снизить налоги и повысить социальные расходы. Родственны указанным определениям попытки представить популизм как бинарный (предельно упрощенный) моральный дискурс и рассмотреть соответствующую ему политическую стратегию [19, с. 211; 20]. По мнению автора, подобные подходы гораздо более продуктивны. Но нужно иметь в виду, что проблема популизма заключается не просто в ошибках, допускаемых в экономической или иной политике (от ошибок не застрахован ни один государственный деятель), и не в стремлении популистов объяснить сложные вещи простым языком (именно для этого и нужны политики) и понравиться избирателям, применяя для этого наиболее эффективную стратегию (по сути, в демократии этим занимается каждый политик). Скорее, данное понимание популизма продуктивно из-за указания на то, что политика популиста очевидно неверна в силу чрезмерно упрощенного видения проблемы, а сам популист наверняка даже не стремится защитить интересы своих избирателей.

Наконец, в научной литературе встречается определение популизма как антипатернализма, т. е. политической стратегии, направленной на удовлетворение эгоистичных предпочтений избирателей без каких-либо попыток трансформировать указанные предпочтения и выработать на их основе некоторое *общее благо* [21, с. 16]. Однако такое определение не учитывает, что избиратель, к которому апеллирует популист, может руководствоваться вовсе не корыстным интересом, а собственными представлениями о справедливости, но даже в таком случае популизм остается угрозой демократии. Из этого следует, что доминирование *homo economicus* и пренебрежение солидарностью и общественным благом – действительно негативные черты

современности, но вряд ли популизм сводится только к ним и без них немислим.

С учетом изложенного попробуем сформулировать основные негативные черты популизма. По мнению автора, проблема популизма заключается не в том, что популисты противопоставляют народ и элиту, а в том, что они лишь формально выступают за власть народа, при этом фактически используют его и подлинными демократами не являются. Опять же, проблема состоит не в том, что популисты не обращают внимания на различия интересов граждан, а в том, что популисты и не собираются реализовывать никакие общие интересы, а лишь паразитируют на общих проблемах (зачастую специально «раздувая» и преувеличивая их). Наконец проблема не в политической мобилизации народных масс, а в том, что когда популист обращается к народу, он через *шоу-политику* [22] манипулирует инстинктами и эмоциями (страхами, гневом, ненавистью и т.д.), воззрениями и представлениями граждан в своекорыстных целях. В связи с этим целесообразно определять популизм как недобросовестную манипуляцию со стороны политика народными массами.

Популизмом иногда называют любую недальновидную политику. Однако, по нашему мнению, в подобных случаях лишь подразумевается, что политик может обманывать не только других, но и самого себя. Это различие, в сущности говоря, видится несущественным. Политик действительно способен манипулировать народом как в угоду личным интересам или интересам определенной социальной группы, так и с благими намерениями. Но известная доля недобросовестности (а именно непростительная безответственность) присутствует и во втором случае.

Приведенное определение популизма представляется более выигрышным еще и потому, что при описании популиста как того, кто противопоставляет «священный» народ «злой» элите, он (популист) не может быть частью второй группы. Однако ученые, обозначившие популизм как антиистеблишментское движение, не смогли убедительно объяснить, почему Д. Трамп, У. Чавес, В. Орбан, Р. Т. Эрдоган и другие главы государств, будучи главными представителями элиты, также определяются ими (учеными) как популисты [5, с. 9, 54–61]. Исследователи обычно утверждают, что популист, приходя к власти, находит нового врага (иммигранты, ЛГБТ-сообщество, террористы и т.п.) [5, с. 65–69]. Но здесь происходит подмена понятий, ведь противопоставление элите заменяется противопоставлением чему-то другому. В действительности, конечно, популизм может быть

свойственен и элите, и тем, кто против нее борется. Так, в работе [23] отмечается следующее: «популизм – это прежде всего стратегия действующей власти, правящего класса, направленная на сохранение существующего статус кво». Возможность *элитистского популизма* подтверждается также феноменом *уголовно-правового популизма* [7, с. 73–76]: *врагом* может быть не элита, а преступники, которых сама элита обозначила для данной роли. В любом случае, проблема состоит не в том, что популист противопоставляет народ какому-то врагу, а в том, что этот враг – мнимый, искусственно созданный. Даже если враг вполне реальный, опасность популизма состоит именно в манипуляции, злоупотреблении страхами, возникающими по поводу этого врага.

Одновременно понимание популизма как манипуляции выгодно отличается от противопоставления популизма плюрализму, ведь если, например, популист пытается сплотить народ перед лицом некоего внешнего врага (например международного терроризма или недружественных государств), то сам этот враг по определению не может рассматриваться как часть народа. Соответственно, в этом случае нельзя сказать, что популист не признает какую-то часть населения *народом*, т.е. не признает многообразие интересов народа. Проблема популизма состоит в другом, а именно в том, что враг, будь то внешний или внутренний, является воображаемым, что проблема, вокруг которой популист объединяет народ, ложная и зачастую намеренно создается популистом, чтобы паразитировать на ней, манипулируя народными массами. Не случайно давно замечено, что популисты зачастую проводят политику, которая лишь усиливает причины и условия для популизма [24, с. 9–15].

Предложенное определение популизма во многом сводит популизм к демагогии. Демагогом обычно называют того, кто вводит аудиторию в заблуждение с помощью ложных теоретических рассуждений, основанных на логических ошибках. В современных условиях ключевое значение, впрочем, приобретают не столько рассуждения, сколько лозунги, имеющие прямое воздействие на инстинктивно-эмоциональную сферу. В любом случае именно в манипуляции сознанием и эмоциями народных масс состоит главная негативная черта популизма, которая помогает отличить его от демократии и не сводить к таким явлениям, как шовинизм, ксенофобия, дискриминация, милитаризм, пренебрежение правами человека, оспаривание роли экспертов, культивирование образа врага и т.д.

Данное обоснование сути популизма подчеркивает, что он свойственен не только демократиям:

недемократические режимы опираются и на силу, и на народную поддержку, поэтому авторитарные лидеры, как правило, тоже прибегают к популизму. В недемократических странах популистская власть, к слову, может оправдывать элитизм, апеллируя к необходимости «жесткой руки» политической главы, т.е. не к власти народа, а к патерналистской защите его интересов. Ученые замечают, что черты популизма свойственны не только демократиям. Но именно понимание популизма как манипуляции и обмана позволяет пояснить, почему между политиками демократических стран и лидерами авторитарных иногда бывает так много общего.

Угроза популизма для демократии связана с распространенным мнением о том, что опасность популизма заключается в создании условий для трансформации демократии в диктатуру [25]. Мы согласны с этим мнением по той причине, что популизм разъедает саму демократическую культуру. Например, даже те политики, которые изначально не были популистами, в конечном итоге вынуждены перенимать методы популистов, чтобы стать успешными в политической борьбе. Это приводит к тому, что политика в целом воспринимается как «грязное дело», а избиратели больше не видят ценности в обсуждении политических проблем, стараясь сосредоточиться на частной сфере. При этом если демократический строй имеет гарантии своего сохранения (независимый суд, разделение властей, жесткая конституция, множество свободных СМИ и т.д.), то демократия все же устоит. Следовательно, угроза популизма не в желании популистского лидера демонтировать демократические институты (такое желание может быть и у непопулиста), а именно в разложении политической культуры, потому что в этом отношении популизм вреден сам по себе, независимо от целей популистского лидера. А. В. Малько подчеркивает, что «популизм, устанавливая зачастую не без лицемерия заведомо фиктивные взаимные обязательства (своего рода сделку, совершенную под влиянием обмана), разрушает доверие людей к политику и политике, обесценивает даже самые прекрасные идеи и ценности» [26, с. 108]. Поэтому, хотя иногда в литературе указывается, что популизм «все еще в демократию верит и от нее отталкивается» [27, с. 151], на самом деле он должен рассматриваться именно как угроза демократии.

В западной литературе страхи по поводу популизма связаны с тем, что он разъедает институты либеральной демократии. Однако в той мере, в которой всплеск популизма вызван кризисом этих институтов, в известной мере переставших отвечать демократическим идеалам [28], угрозу популизма

в более общем плане следует искать не столько в том, что он разъедает утратившие доверие институты, сколько в том, что он в силу своей природы не предлагает качественно новых альтернатив.

Следует отметить, что популизм представляет собой перманентную угрозу демократическому идеалу. Так демократия далеко не всеми считается политическим идеалом. Противники демократии утверждают, что в народных массах распространено невежество, предрассудки, склонность к иррациональности и т.д., и при определенных условиях эти качества могут проступить наружу. Популист – это как раз тот, кто играет на этих качествах. Нередко также утверждается, что демократия чревата *тиранией большинства*, и популист по крайней мере создает предпосылки для таковой, потому что поиск врага народа – это весьма успешная тактика манипуляции. В итоге популизм как метод действительно повышает риск проявления самых негативных черт демократии.

Заключение

Тема популизма по существу является безграничной. В данной статье рассмотрена лишь одна из его проблем – проблема определения понятия. Не менее актуальным является изучение вопросов о причинах современного всплеска популизма и об условиях, способствующих этому. Однако объем одной статьи не позволяет раскрыть все аспекты популизма. Тем не менее в настоящем исследовании выявлено, что фундаментальной причиной популизма является несовершенство самой человеческой природы, т.е. подверженность человека манипуляциям. А это значит, что популизм – непреходящая угроза демократии, представляющая собой своего рода ее *alter ego*. Можно бороться с причинами, вызвавшими нынешнее распространение популизма и с условиями, которые усиливают данную тенденцию, но его фундаментальная опасность будет сохраняться всегда.

В данной же статье автор предпринял попытку дать такое определение популизма, которое смогло бы объяснить, почему популизм – это не демократия, не путь к демократии, а именно угроза демократии. В итоге получен вывод, что наиболее продуктивное понимание популизма осуществляется через манипуляцию, демагогию и обман. При этой трактовке к основным негативным чертам популизма относятся: разрушение демократической культуры, что в отдаленной перспективе может привести к ослаблению демократических институтов и «сползанию» в авторитаризм, а также активизация таких проблемных мест демократического идеала, как *невежество избирателей* и *тирания большинства*.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Judis J. V. *The populist explosion: How the great recession transformed American and European politics*. NY: Columbia Global Reports, 2016, 182.
- Fuchs Ch. Authoritarian capitalism, authoritarian movements and authoritarian communication. *Media, Culture & Society*, 2018, 40(5): 779–791. <https://doi.org/10.1177/0163443718772147>
- Шевченко М. А. Авторитаризм vs популизм: критические подходы. *Дискурс-Пи*. 2019 № 1. С. 120–128. [Shevchenko M. A. Authoritarian vs populism: Critical approaches. *Discourse-P*, 2019, (1): 120–128. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17506/dipi.2019.34.1.120128>
- Фишман Л. Г. «Пустой знак»: концепт «популизма» в современном политологическом мейнстриме. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2021. Т. 13. № 2. С. 13–32. [Fishman L. G. "Empty signifier": The concept of "populism" in the contemporary mainstream political. *Moscow University Bulletin of World Politics*, 2021, 13(2): 13–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32>
- Мюллер Я.-В. Что такое популизм? М.: ВШЭ, 2018. 135 с. [Müller J.-W. *What is populism?* Moscow: HSE, 2018, 135. (In Russ.)]
- Лаклау Э. О популизме. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2009. № 3. С. 54–68. [Laclau E. O. On populist reason. *Lomonosov Political Science Journal*, 2009, (3): 54–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kyhfhv>
- Anselmi M. *Populism: An Introduction*. 1st ed. London: Routledge, 2017, 130. <https://doi.org/10.4324/9781315268392>
- Gidron N., Bonikowski B. Varieties of populism: Literature review and research agenda. *Working Paper Series*, 2013, (13-0004). <https://doi.org/10.2139/ssrn.2459387>
- Mudde C., Kaltwasser C. R. *Populism: A very short introduction*. 2nd ed. NY: Oxford University Press, 2017, 136. <https://doi.org/10.1093/actrade/9780190234874.001.0001>
- Mudde C. The populist zeitgeist. *Government and Opposition*, 2004, 39(4): 541–563. <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
- Rucht D. Right-wing populism in context: A historical and systematic perspective. In: *Populism and the Crisis of Democracy. Vol. 2: Politics, Social Movements and Extremism. Pt. 2. Dimensions of right-wing populism*, eds. Fitz G., Mackert J., Turner B. London: Routledge, 2018, 67–84.
- Mouffe Ch. Deliberative democracy or agonistic pluralism? *Social Research*, 1999, 66(3): 745–758.
- Мещеряков Д. Ю. Понятие популизма в современной англосаксонской и германской политической науке. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 4. С. 755–764. [Meshcheryakov D. Yu. The concept of populism in modern Anglo-Saxon and German political science. *RUDN Journal of Political Science*, 2019, 21(4): 755–764. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-755-764>
- Жирар Р. Популизм, «народ» и народный суверенитет. *Вестник Гуманитарного университета*. 2023. № 3. С. 66–80. [Girard R. Populism, "the people" and popular sovereignty. *Bulletin of Liberal Arts University*, 2023, (3): 66–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kdrzww>
- Cook T. E., Morgan P. M. *Participatory democracy*. San Francisco: Canfield Press, 1971, 486.
- Pateman C. *Participation and democratic theory*. Cambridge University Press, 1970, 122. <https://doi.org/10.1017/SVO9780511720444>
- Абрамян А. С. К вопросу о признаках популизма. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2020. № 3. С. 3–11. [Abramyan A. S. About signs of populism. *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, (3): 3–11. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-3-1021>
- Нежданов Д. В. Манипулятивная политика: дискурс популизма. *Дискурс-Пи*. 2001. № 1. С. 33–34. [Nezhdanov D. V. Manipulating policy: The discourse of populism. *Discourse-P*, 2001, (1): 33–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/trpkxz>

19. Бауман З. *Текущая современность*. М.: Питер, 2008. 238 с. [Bauman Z. *Liquid modernity*. Moscow: Piter, 2008, 238. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qaobej>
20. Hawkins K. A. *Venezuela's chavismo and populism in comparative perspective*. NY: Cambridge University Press, 2010, 304.
21. Смилов Д. Популизм как антипатернализм. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2019. № 3. С. 15–26. [Smilov D. Populism as anti-paternalism. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie*, 2019, (3): 15–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvclhf>
22. Русакова О. Ф. Шоу-политика: особенности дискурса. *Социум и власть*. 2009. № 4. С. 36–39. [Rusakova O. F. Show-politics: Features of the discourse. *Sotsium i vlast*, 2009, (4): 36–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kyifyd>
23. Федерализм и централизация, отв. ред. К. В. Киселев. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. 373 с. [*Federalism and centralization*, ed. Kiselev K. V. Ekaterinburg: UB RAS, 2007, 373. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sijrwp>
24. Weyland K. Neopopulism and neoliberalism in Latin America: Unexpected affinities. *Studies in Comparative International Development*, 1996, (31): 3–31. <https://doi.org/10.1007/BF02738987>
25. Pappas T. S. *Populism and liberal democracy: A comparative and theoretical analysis*. NY: Oxford University Press, 2019, 336. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198837886.001.0001>
26. Малько А. В. Популизм как тормоз демократии. *Общественные науки и современность*. 1994. № 1. С. 104–111. [Malko A. V. Populism as a brake on democracy. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 1994, (1): 104–111. (In Russ.)]
27. Фишман Л. Г. О перспективах леворадикального популизма в России. *Дискурс-Пи*. 2018. № 2. С. 149–158. [Fishman L. G. On the prospects of left radical populism in Russia. *Discourse-P*, 2018, (2): 149–158. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.31.2.149158>
28. Руденко В. Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем. *Антиномии*. 2019. Т. 19. № 4. С. 138–155. [Rudenko V. Populist concept for protecting human rights in the crisis of conciliatory political systems. *Antinomies*, 2019, 19(4): 138–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cqqhxt>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zzacyu>

Политический мир воображаемого: конструирование образа нации

Щербинина Нина Гаррьевна

Национальный исследовательский Томский государственный
университет, Россия, Томск
eLibrary Author SPIN: 1808-7956

Аванесова Елена Григорьевна

Национальный исследовательский Томский государственный
университет, Россия, Томск
eLibrary Author SPIN: 1956-8220
avanesovafsf@yandex.ru

Аннотация: Статья поднимает важную и актуальную проблему онтологии современной политической реальности, понимаемой в субъективном смысле, так как именно конституированный мир нации подает яркий пример смыслового мира, противостоящего тенденции деконструкции политических знаков. Нация определяется авторами как один из миров воображаемого и анализируется на двух уровнях исследования: теоретическом, выделяющем общие характеристики фантазийных миров и дающем описательное определение мира воображаемого; конкретном, рассматривающем символическую практику оформления таких политических миров на примере арабо-израильских антитеических репрезентаций. Цель – сформулировать определение понятия *политический мир воображаемого* и выявить смысловую структуру конкретных символических практик конституирования образа нации. Исследование проведено в русле политико-конструктивистского научного подхода, и использован метод реконструкции нации-текста, позволяющий выявить смысловую структуру данного мира, изначальной моделью которой послужил мифо-героический символический ряд элементов, воспроизведенных в фактах-конструктах конкретной политической реальности. Обоснована гипотеза о том, что «пересборка» современной нации – создание новой конструкции, знаково-ценностного обновления мира политики, испытывающего затяжной кризис легитимности. Сделан вывод, что образы наций включаются в коммуникативную сферу медиатизированной политики – новой политической реальности.

Ключевые слова: мир воображаемого, образ нации, политический смысловой мир, мифо-героическая модель реальности, конструирование ценностей

Цитирование: Щербинина Н. Г., Аванесова Е. Г. Политический мир воображаемого: конструирование образа нации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 4. С. 522–530. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-522-530>

Поступила в редакцию 30.09.2024. Принята после рецензирования 21.10.2024. Принята в печать 28.10.2024.

full article

Imaginary Political Reality: Constructing the National Image

Nina G. Shcherbinina

Tomsk State University, Russia, Tomsk
eLibrary Author SPIN: 1808-7956

Elena G. Avanesova

Tomsk State University, Russia, Tomsk
eLibrary Author SPIN: 1956-8220
avanesovafsf@yandex.ru

Abstract: The ontology of contemporary political reality is subjective, because it is an artificial national world that provides a vivid semantic reality in order to resist the deconstruction of political semantics. A nation is an imaginary construct that can be analyzed at two levels. Theoretical research covers some general characteristics of imaginary worlds and identifies them. Empirical level provides the symbolic practice of constructing imaginary political realities. The authors studied the example of Arab-Israeli antithetical representations to define the concept of *imaginary political world*, as well as to identify the semantic practices of constituting the national image. The study relied on the political-constructivist approach to reconstruct the nation as a narrative in order to identify the semantic structure of the imaginary world based on myths and heroic symbols applied as facts aka. constructs to a particular political reality. The authors came up with an idea of a modern nation reassembled as a new structure

and an imaginary political reality renovated symbolically and axiologically as a result of a protracted legitimacy crisis. The new images of nations get incorporated in the communicative sphere of mediatized politics to become a new political reality.

Keywords: imaginary world, image of the nation, political semantic world, mythological and heroic model of reality, construction of values

Citation: Shcherbinina N. G., Avanesova E. G. Imaginary Political Reality: Constructing the National Image. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 522–530. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-522-530>

Received 30 Sep 2024. Accepted after review 21 Oct 2024. Accepted for publication 28 Oct 2024.

Введение

В контексте углубляющейся деконструкции политических текстов и знаков, когда смысловая целостность политических миров подвергается дальнейшей «разборке», рассмотрение политических фантазийных миров на примере нации очень важно и актуально. Именно мир нации, созданный воображением коллективного политического сознания, способен собрать структуру смыслового мира, задающего новую целостность, потому цель статьи – формулировка определения понятия *политический мир воображаемого* и выявление смысловой структуры конкретных символических практик конституирования образа нации.

Сущность мышления человека состоит в программировании, понимаемом с точки зрения интерпретативной теории культуры как соотношение в процессе восприятия некой символической структуры с конструируемой структурой мира. При этом изначальная структура служит программой, которую можно считать репрезентацией или образом того, что программируется [1, с. 112], т.е. речь идет о репрезентативном образе мира, формирующем соответствующую основополагающую картину политического мира.

Данный процесс познания и самопознания мира, представленный в образах и текстах, связан с созданием культурой (и политической культурой) концепции самой себя, что служит способом культурного единения. Так создается то, что Ю. М. Лотман назвал *автомоделью культуры*, выделяющей доминанты, на основании которых конструируется некая унифицированная модель, служащая кодом в самоописании и дешифровке текстов [2, с. 419]. В семиотическом плане под *текстом* понимается любая знаковая система, обладающая смысловой целостностью и структурой, организованной по типу системы. Теория текста рассматривает текст как основную форму коммуникации, т.к. текстовое единство не поддается разрушению в процессе коммуникации, и текст передает целостное

значение. Ю. М. Лотман также констатировал, что в текстах генерируются и новые смыслы, ведь сам текст представляет собой «смыслопорождающее устройство» [3, с. 155].

Итак, образы и тексты репрезентируют обнаруженное представление о политическом мире. В семиотическом плане мир воображаемой нации можно рассматривать и как текст, в котором рождаются политические смыслы, сведенные в систему символов. Тем самым нация становится предметом воображения.

Результаты

Еще Платон и Аристотель задумывались над сущностью образа и видели ее в присутствии того, что отсутствует. Другими словами, трактовка природы образа изначально связывалась с фантазийным творчеством, миром образов – миром человеческих фантазий, которые конструируются креативным независимым сознанием и являются продуктом действующего воображения. Однако необходимо различать *воображаемое* и *представление*. По мнению Ж. Ле Гоффа, представление связано с абстрагированием, созданием идеи и преобразованием действительности в ментальный образ. То есть представление связано с репродукцией действительности, тогда как *воображаемое* полностью относится к области креативной, поэтической. При этом *воображаемое* в полете творческой фантазии уносится за пределы представления, которое создает интеллект [4, с. 5–6], вследствие чего *воображаемое* часто превосходит интеллект и рациональное мышление в процессе успешного конструирования смыслового мира.

Так П. Рикер полагал, что воображение обладает двумя полюсами, а именно: вымыслом и галлюцинациями. Причем в процессе создания феномена *воображаемого мира* функция воображения переворачивается, и тогда коллективное сознание устремляется к галлюцинации, а образы становятся навязчивыми, и, кроме того, *воображаемое* создает ловушку для

памяти [5, с. 83–84]. В случае, когда оформляется политика памяти, руководимая символической властью, эта власть по определению реальности [6, с. 148] опирается на концепцию воображаемого исторического прошлого, на основе которой конструируется новая политическая реальность, творится новый мир.

Одним из наиболее востребованных подмиров-конструктов воображаемого в политике выступает феномен нации, к тому же очень часто конституируется мифическое понятие нации в форме ментального образа. Согласно К. Хюбнеру, нация вообще определяется в контексте пространства и истории, под последней понимаются выдающиеся образцовые события. Кроме того, существует масса текстов на тему нации: документы, скульптурные композиции, ритуальные комплексы и др. Особенно важны торжества, посвященные «памятным» событиям и носящие парадигматический характер. Они переносят переживания прошлого в современный мир и создают нуминозный опыт. В центре таких ритуализированных событий находится культ героев. Нация понимается как некая реальность и воспринимается сквозь призму мифа, т.к. она основана на вере в «дух народа». «"Национальное чувство" такого рода, очевидно, формируется теми же самыми онтологическими представлениями, что и мифическое понимание принадлежности к роду или племени» [7, с. 325–327, 328], что, по мнению конструктивистов, представляет собой *субъективную реальность*, смысловой мир.

В эпоху деконструкции политического знака, в случае актуализации символизма нации, политическая сфера переформируется в мир конструктивный, когда знаки имеют изначальные репрезентативные значения, а сам мир полон смысла, конституированного героической моделью интерпретации. В таком случае в центре (ядре) семиосферы – семиотического пространства, наполненного языками, – продуцируются смыслопорождающие нормативные тексты.

Национальный мир как субъективная реальность создается в виде замкнутой области значений и в контексте национальной культуры, при этом чаще всего кодируется героическим политическим мифом, языком героических мифообразов. *Замкнутая* означает, что политическая коммуникация осуществляется в контексте мира нации, но с другими политическими мирами этот мир не коммуницирует. Сегодня в мультикультурном глобальном мире культуры смешиваются, но ценности национальной культуры, символизированные образом нации, создают замкнутый автономный смысловой мир.

Не происходит ни символического обмена (коммуникации), ни преобразования указанных ценностей одного мира в другой, т.к. замкнутые миры говорят на разных языках, понимаемых семиотически.

Таковыми языками, кодирующими тексты внутри национальной культуры, являются языки политической идеологии и политического мифа, которые создают системы значений (а идеология практически всегда опирается на миф). «Будучи разновидностью фантазма, политическое мифологизированное сознание находится в типичной установке воображения (при этом ограничиваясь героическим смысловым паттерном)» [8, с. 30]. Так картина национального мира, выстроенная на архаическом основании, воспринимается в политической современности как новая и лучшая реальность. Люди начинают буквально жить в своих переживаниях: приобщенный фантазирующий индивид и фантазирующий коллектив (активное воображение может быть и социальным феноменом) представляют свой народ в образе героической нации, которая идет трудным путем испытаний и вынуждена бороться с многочисленными врагами. Здесь *дух народа* и сам народ мыслятся в терминах героических сказаний, и моделируется героическая политическая реальность.

При нахождении в коллективной установке воображения конституируется комплекс факто-конструктов, обращенных в историческое прошлое, а политическое настоящее символически структурируется в виде образа нации. Речь идет, по сути, о произведении художественного вымысла, разновидности креатива поэтически активного сознания и визионерского творчества в символических формах. Так национальное государство обретает внеинституциональную ипостась, позволяющую ей стать реальностью политического сознания.

Другими словами, создается символический порядок мира нации, образующий особую смысловую конфигурацию. По мнению А. Шюца, именно сознание творит «конечную область значений», представляющую собой совокупность переживаний, и конституирует ее с помощью «специфического когнитивного стиля» [9, с. 424]. При этом А. Шюц специально рассматривает группу «миров фантазии и воображения», при создании которых характеристики повседневной реальности замещаются «контекстом квазиреальных фантазмов». Движущей силой в деле сотворения конститутивного мира выступает «фантазирующее Я», но сама активность воображения безрезультативна в том смысле, что не имеет цели реализовать фантазм, тогда как «воображаемые образы» могут быть встроены

во внешний мир с его иерархией планов и получить интенцию реализации проекта [9, с. 428–429].

Тем самым воображаемый образ нации способен изменить внешний по отношению к сознанию политический мир, сформировав соответствующую картину мира, воспринимаемую как реалистичную, хотя и образ нации создан в результате акта квазипереживания или совместного фантазийного опыта. Под *картиной мира* в таком случае понимается некая рамка или параметры, которые культура предлагает человеку. Все социально-культурное поведение задается этой картиной мира, потому что человек не может не руководствоваться ей. Она заложена в социально-культурных традициях, но может и видоизменяться под влиянием общественных практик, в том числе и практики воображения [10, с. 534].

Так, Б. Андерсон рассматривает нацию как «воображенное политическое сообщество» в единстве ряда характеристик: нация воображается ограниченной, суверенной и представляется сообществом с горизонтальными связями [11, с. 28–30]. Ученый в своем мнении исходит из положений социального конструктивизма, отмечающего, что активным воображением обладает именно общество, которое мыслит и самоопределяется как национальное единство, т.е. когда каждый человек служит частью целого. В качестве сообщества нация «надстроена» над повседневностью и относится к политическим мирам, аппрезентированным символически. Вообще «символические процессы – это процессы сигнификации (обозначения), имеющие отношение к реальностям, отличным от реальностей повседневной жизни» [12, с. 157]. Таким образом, нация как воображаемое сообщество искусственно сконструирована, обладает особой ценностью и значимостью, что символизирует политическое единство.

Однако было бы недостаточно остановиться лишь на позиции социального конструктивизма. Не только общество конструирует само себя, но и власть уже политически конструирует реальность: «мир как политически сконструированная субъективная реальность оформляется в виде смыслового мира для истолкования и обоснования политического порядка» [13, с. 52]. Таким образом, «конструктивная власть» (как ее называют авторы статьи) политически конституирует смысловой мир и оформляет эксклюзивный опыт – комплекс переживаний – в качестве особого мира [13, с. 53].

Конечно, политическое конструирование, например мира-нации, опирается на социальное конструирование нации как реальности, а конструктивная власть наряду с этим действует произвольно

и инициативно, выражая то, что Н. Макиавелли называл «инициативным лидерством». Но квинтэссенцией репрезентативного смыслового мира выступает сконструированный ценностно-символический комплекс. Один национальный мир отличается от другого теми политическими ценностями, которые провозглашаются как «правильные». Данный комплекс либо связывается с будущим, либо с прошлым. Примеры национально-освободительных движений и появление новых национальных государств в XX в. свидетельствовали о преимущественном выражении интенции к будущему. Однако вдохновляющие нарративы о нации часто включают в себя идею *судьбы*, которая связана с историческим прошлым, предопределяющим настоящее.

«Столкновение» национальных миров, обладающих различными политическими ценностями, может быть чрезвычайно болезненным для их носителей, а его итогом часто становится вооруженная конфронтация. Современный мир дает массу примеров такого противостояния, и одно из самых ярких – палестино-израильский конфликт, имеющий длительную историю, актуализированный в настоящее время и не дающий надежды на окончание даже в отдаленной перспективе. Евреи и палестинцы, проживающие в непосредственной территориальной близости, остаются чуждыми друг другу «мирами», на что есть масса причин, но самая значимая – существенная разница в определении нациями «идей и ценностей, обретающих символическую форму и образующих национальное символическое пространство» [14, с. 156].

Евреи связывают начало формирования своей нации со знаковым событием – дарованием Богом на горе Синай Торы (Закона) – своеобразного законодательства, которое «скрепляет» евреев воедино. Принятие Торы означает принятие всей полноты заповедей, а их исполнение – своеобразный знак причастности к этому великому событию, знак принадлежности к народу. Следует подчеркнуть, что присутствие Бога в жизни еврейского народа является отличительной чертой его древней истории, которая изложена в Священном Писании. Бог дает евреям не только законодательство, но и территорию, Землю обетованную, которая для всех поколений евреев является Святой землей, местом, имеющим особое значение и непреложную ценность.

Более того, евреи говорят об исключительном праве еврейского народа на указанную территорию, т.к. она была дарована Аврааму (первому еврею) и его потомкам Богом: «и установлю союз между Мною и тобой и потомством твоим, союз вечный... И дам тебе и потомству твоему...

землю твоего пребывания, всю землю Ханаанскую во владение вечное»¹. Данное обещание – не просто цитата из исторической книги, но предмет живой веры еврейского народа. Есть и другие факторы, которые подтверждают право на владение евреями Святой землей. Авраам и его потомки выкупили часть земли², а впоследствии сыны Израиля вели войны за владение той землей, которую они считают своей. В Земле обетованной – Эрец-Исраэль – возникло первое государство евреев.

Закон составляет основу религии евреев – иудаизма, сыгравшего ключевую роль в процессе конструирования смыслового мира еврейской нации, потому что им задается особое «видение» окружающей действительности, в которой евреям отводится исключительная, отличная от других народов роль – быть богоизбранным народом. Это, по мнению евреев, не привилегия, а ответственность, состоящая в необходимости быть носителями морально-нравственных ценностей Торы: «если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников, и народом святым»³. Тем самым бытию еврейской нации придается «некий высший смысл» [14, с. 163].

Особый интерес представляет то обстоятельство, что «иудаизм исповедует совокупную личность – личность Израиля, которая как целостный субъект – народ Израилев – предстоит перед абсолютным Богом» [15, с. 242], т.е. ставит «во главу угла не личность, а еврейский народ как общность» [16, с. 133]. Он (иудаизм) задает культурный код нации, сила которой во внутренней сплоченности, сочетающейся «с внешней чуждостью», и позволяет определить иудаизм «по преимуществу религией общественной и политической» [15, с. 155, 157].

Именно религия евреев стала одним из факторов, позволивших им сохраниться как народу (сохранить язык, культуру и главное – веру в общность происхождения, истории, судьбы) даже в ситуации *рассеяния* и отсутствия собственного государства в течение двух тысяч лет, что является историческим исключением. Закон объединяет все поколения евреев, а основанная на нем вера прочно связывает прошлое, настоящее и будущее еврейского народа. Как пишет Н. М. Ракитянский: «тот факт, что

в современном Израиле большинство евреев не являются религиозными людьми, ничего не меняет, ибо ментальная установка, которая зиждется на инвариантных догматических основаниях, действует независимо от того, считает себя еврей религиозным или нет» [15, с. 170].

Новейшая история евреев начинается с момента возникновения государства Израиль, появившегося на карте мира в середине XX в. Его «рождение» стало итогом еврейского национального движения, идейно-концептуальной основой которого явился политический сионизм [17, с. 70], обосновавший идею необходимости возрождения еврейской государственности. Данная идея подверглась критике со стороны определенной части мирового сообщества, отказывавшей евреям в признании их нацией, обосновывая это тем, что рассеяние не могло не сказаться на культуре людей, имеющих еврейские корни, но уже давно проживающих среди иноэтничного большинства. Эту проблему осознавало политическое руководство молодого государства, поэтому оно активно включилось в работу по «созданию нового израильянина» [18], конструируя национальное символическое пространство.

Первым шагом стало обоснование связи прошлого и настоящего. В Декларации независимости Израиля (далее – Декларация), принятой 14 мая 1948 г., акцент делается на том, что современные евреи – это тот же богоизбранный народ (история которого начинается в Эрец-Исраэль), обладавший землей, завещанной ему Богом, и имеющий право «на национальное возрождение на своей земле»⁴. Исходя из этого, призыв вернуться из рассеяния – это призыв вернуться на свою Родину. В Декларации актуализируются старые политические мифы, которые легитимируют право современных евреев на суверенное владение территорией и указывают на «вечное и имманентное единство» [19] еврейского народа.

Согласно Ш. Занду, старые мифы породили новые, и «миф о вечном и внеисторическом еврейском народе-расе» [19] – один из них. Историк полагает, что некоторые библейские события не подтверждаются реальными историческими фактами, хотя у него нет сомнения в том, что большинством евреев воображаемые представления о реальности воспринимаются как сама реальность [20, с. 111].

¹ Бытие. Гл. 17. Стих: 7–8.

² Бытие. Гл. 23. Стих: 12–18; Бытие. Гл. 33. Стих: 19.

³ Исход. Гл. 19. Стих: 5–6.

⁴ Декларация независимости Израиля. *World ORT. Электронная еврейская энциклопедия*. URL: <https://eleven.co.il/zionism/from-balfour-to-state/11392/> (дата обращения: 19.08.2024).

Учитывая данное обстоятельство, политическая элита Израиля в процессе конструирования нации опиралась на мифо-историческое самосознание народа, но в то же время сама становилась заложницей исторической мифологии, которая оказывает существенное влияние на политику современного Израиля.

Так, первоначальная идея о создании светского государства и светской культуры, зафиксированная в Декларации, была «скорректирована», и светская израильская культура вобрала «в себя большинство символических ориентиров религиозного наследия» [21]. Современные государственные символы Израиля соотносятся с библейской историей, что наполняет их особыми смыслами. Звезда Давида в центре флага и минора в центре герба – ярчайшее тому подтверждение, указывающее на то, что доминирующая культура переняла «основные символы традиционного еврейского наследия» [21]. Так власть актуализирует религиозную компоненту еврейской истории, что выражается в формируемых ей официальных символах, «с помощью которых обозначается нация как данность» [14, с. 159], и конвертируются таким образом «богословско-мистические доктрины иудаизма в политические установки» [15, с. 171].

Власть использует тот символический ресурс, которым обладает вся территория Израиля и в особенности отдельные ее части, такие как Иерусалим и расположенная на его территории Храмовая гора. Согласно ожиданиям евреев, там будет восстановлен Третий Храм, воссоздание которого связывают с приходом Мессии. Им может быть только еврей, прямой потомок царя Давида, способный установить на земле царство мира, добра и справедливости. Храмовая гора имеет особый сакральный смысл – это «место памяти» [5, с. 101] о великом прошлом еврейского народа и его великом будущем, связанном с мессианскими ожиданиями евреев, основанием которых является вера в то, что Бог присутствовал не только в древней истории, но и присутствует в ней до сих пор. Это подтверждают сбывающиеся пророчества, например создание еврейского государства: «и возвратит Бог, Всесильный твой, изгнание твое... соберет тебя из всех народов, среди которых рассеял тебя Бог, Всесильный твой. <...> И приведет тебя Бог, Всесильный твой, в страну, которой овладели отцы твои, и овладеешь ею»⁵.

Обращение к прошлому и актуализация религиозной компоненты еврейской истории – важные составляющие процесса конструирования современной израильской нации, но их явно недостаточно

на сегодняшний день. На помощь приходит мощный «внешний» фактор, способствующий интеграции граждан в единое политическое пространство и формированию коллективного Мы-образа [14, с. 161], – наличие Врага. Библейское прошлое евреев наполнено героическими событиями и сражениями с врагом. История современного Израиля начинается с битвы с коалицией арабских государств, в которой он побеждает. Память о героических событиях древней и современной истории еврейского народа «запечатлена» в еврейских праздниках и памятных днях, которые репрезентируют культурную память народа. Израильские власти «используют» то обстоятельство, что само существование современной израильской нации напрямую связано с их способностью и готовностью сражаться за возможность жить в соответствии со своими ценностями, т. е. бороться со Злом, олицетворением которого в настоящее время являются палестинцы и та часть арабского мира, представители которой полагают, что государства евреев не должно быть.

Палестино-израильский конфликт стал мощным фактором нациогенеза как израильской, так и палестинской нации, стремящейся обрести свою государственность, и представители которой апеллируют к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 1947 г. (далее – Резолюция), декларировавшей создание на территории Палестины двух государств – еврейского и арабского. Резолюция не была полностью реализована, потому что суверенное арабское государство на территории Палестины так и не появилось.

Среди евреев популярна точка зрения, что «нет такой нации как палестинцы» [22; по: 23, с. 137], а то этническое меньшинство, которое называют палестинцами, есть просто «фрагмент» арабского суперэтноса. Палестинцы действительно являются частью арабского мира и разделяют ценности исламской культуры, но события XX в. в прямом и переносном смысле способствовали появлению и закреплению границ, отделивших «арабов Палестины от арабов соседних государств» и ставших «стимулом для проявления собственно этнической солидарности еще недавно мало задумывающихся над этим людей» [24]. Например, получение Палестины статуса подмандатной территории, находившейся под контролем Британии, или еврейская иммиграция и создание на территории Палестины государства Израиль.

⁵ Второзаконие. Гл. 30. Стих: 3–5.

Однако среди евреев и им сочувствующих существует и иная точка зрения: сами по себе эти события не стали бы достаточным основанием для формирования национальной идентичности палестинцев, следовательно, она была искусственно сконструирована, и единственной целью ее «изобретения» (и изобретения *национальных традиций*) является противостояние сионистской идеологии и борьба с Израилем. Исходя из этой логики, палестинская нация является политическим проектом арабского мира по созданию мощного фактора, который ослаблял бы Израиль изнутри.

Палестинцы не разделяют «правильные» ценности евреев, а евреи никогда не предпринимали «ни единой попытки создать общую для всех граждан символическую базу» [19]. Израильские власти, объявив о создании демократического государства, в котором будет осуществлено «полное общественное и политическое равноправие всех своих граждан без различия религии, расы или пола»⁶, довольно скоро взяли курс на строительство еврейского государства (государства евреев и для евреев). Это подвигло палестинцев к формированию собственного ценностно-смыслового политического и культурного пространства, но с опорой на традиции арабского народа, которому свойственна нерасторжимая связь с исламом, воспринимаемым верующими как «основа жизни и мерило всех вещей» [15, с. 240].

Мусульманское общество в целом характеризуется беспрецедентной политической активностью [25, с. 54], их религия определяет жизненные смыслы и политические установки любого народа, ее исповедующего, и палестинцы не являются исключением. Причастность палестинцев к арабскому миру и мусульманской умме дает им основание утверждать, что новая нация имеет свою долгую священную и героическую историю, которая переходит в героическую современность. В основании конструирования палестинской идентичности, предпринимаемой властями, стоит необходимость борьбы за создание независимого палестинского государства (борьбы со Злом) и исполнение исторической миссии, возложенной на народ, – беречь мусульманские святыни, расположенные на Святой земле. Эта необходимость «связывает» народ, делает его единой нацией и обязывает вести священную войну, чтобы отстаивать свои ценности.

Территория Палестины имеет для палестинцев тот же сакральный смысл, что и для евреев. И если для евреев Храмовая гора в Иерусалиме – это место,

где Мессией будет восстановлен Третий храм, то для палестинцев – место, где уже расположены исламские мечети Аль-Акса и Купол Скалы, имеющие огромную значимость для всего мусульманского мира. Более того, это то место, которое Коран называет местом ночного путешествия пророка Мухаммада: «хвала тому, кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленнейшую»⁷. Для палестинцев это тоже Святая земля, и они хотят видеть Восточный Иерусалим своей столицей. Территориальный вопрос – далеко не единственная проблема в отношениях двух народов, но он обладает исключительной важностью, т. к. и евреи, и палестинцы считают эту землю своей, и «ни тот, ни другой народ не мыслит себя как исторический феномен вне этой земли» [26].

Чуждость двух смысловых миров – палестинцев и евреев – базируется на разности мифологического сознания народов, следующей из нее несхожести ценностной интерпретации действительности, и, как следствие, на различии политических установок. «Каждый из этих миров отстаивает неизменные системы ценностей и по-своему выражает цивилизационно-политические ориентации» [25, с. 69]. На одной территории столкнулись два общества, которые в прямом и переносном смысле говорят на разных языках.

Существующий между палестинцами и евреями этнополитический конфликт способствует воспроизводству и закреплению национальной идентичности каждой из его сторон, поэтому в той или иной степени может быть использован властями для объединения общества, ведь и израильские, и палестинские власти, конструируя идентичность и систему смыслов, делают ставку не только на «включение» его членов в общие церемонии, мифы, прошлое [27, с. 84], но и на солидарность посредством борьбы с Врагом.

Заключение

Авторами был исследован политический мир воображаемого как таковой и на примере конструирования образа нации. Данная разновидность политического мира воображаемого и фантазий конструируется способом моделирования, что характерно для оформления всех смысловых миров. Образцом в данном случае выступает мифо-героическая символическая модель реальности, а активность воображения имеет социальную направленность, и политическая коммуникация обретает характер обмена мифосимволами.

⁶ Декларация независимости Израиля...

⁷ Коран. Сура 17. Аят: 1.

Рассмотренные примеры символических практик показывают, что коллективные фантазии встраиваются во внешний мир, а объект воображения становится предметом веры. При этом политическое конструирование в лице властей состоит в организации самой практики квазипереживаний нации в качестве особой политической реальности, постоянном поддержании модели как программы, которая репрезентирует, конципирует и символизирует образ нации.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article

Литература / References

1. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с. [Geertz C. *The interpretation of cultures*. Moscow: ROSSPEN, 2004, 560. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qocqvp>
2. Лотман Ю. М. Проблема «обучения культуре» как типологическая характеристика. In: Лотман Ю. М. *Семiosфера. Статьи по типологии культуры*. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 417–425. [Lotman Yu. M. Problems of "teaching culture" as its typological characteristic. In: Lotman Yu. M. *Semiosphere. Articles on cultural typology*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000, 417–425. (In Russ.)]
3. Лотман Ю. М. Три функции текста. In: Лотман Ю. М. *Семiosфера. Внутри мыслящих миров. Ч. 1. Текст как смыслопорождающее устройство*. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 155–163. [Lotman Yu. M. *Three text functions*. In: Lotman Yu. M. *Semiosphere. Inside the thinking worlds. Pt. 1. Text as a sense-generating device*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000, 155–163. (In Russ.)]
4. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. 440 с. [Le Goff J. *The medieval world of the imaginary*. Moscow: Progress, 2001, 440. (In Russ.)]
5. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004, 728 с. [Ricoeur P. *Memory, history, oblivion*. Moscow: Izd-vo gumanitarnoi literatury, 2004, 728. (In Russ.)]
6. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть. *THESIS*. 1993. Вып. 2. С. 137–150. [Bourdieu P. Social space and symbolic power. *THESIS*, 1993, (2): 137–150. (In Russ.)]
7. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с. [Hubner K. *The truth of myth*. Moscow: Respublika, 1996, 448. (In Russ.)]
8. Щербинина Н. Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: РОССПЭН, 2011. 285 с. [Shcherbinina N. G. *Mytho-heroic construction of political reality of Russia*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 285. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qonfmt>
9. Шюц А. О множественных реальностях. In: Шюц А. *Избранное: Мир, сияющий смыслом. Проблемы природы социальной реальности*. М.: РОССПЭН, 2004. С. 401–455. [Schütz A. On Multiple Realities. In: Schütz A. *Selected works: A world shining with meaning. Problems of the nature of social reality*. Moscow: ROSSPEN, 2004, 401–455. (In Russ.)]
10. Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра. In: Февр Л. *Бои за историю*. М.: Наука, 1991. С. 501–541. [Gurevich A. Ya. Lucien Febvre's lessons. In: Febvre L. *Fights for history*. Moscow: Nauka, 1991, 501–541. (In Russ.)]
11. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с. [Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole, 2001, 288. (In Russ.)]
12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социол. знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 323 с. [Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Mosk. filos. fond, 1995, 323. (In Russ.)]
13. Щербинина Н. Г. Политическое конструирование действительности. In: *Политология. Новый лексикон*, ред. А. И. Соловьев. М.: Аспект Пресс, 2023. С. 50–61. [Shcherbinina N. G. Political construction of reality. In: *Political science. New lexicon*, ed. Solovev A. I. Moscow: Aspekt Press, 2023, 50–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gszwig>

14. Пушкарева Г. В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности. *Полис. Политические исследования*. 2017. № 5. С. 156–173. [Pushkaryova G. V. Ideas and values as a method of constructing symbolic space of the national identity. *Polis. Political Studies*, 2017, (5): 156–173. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>
15. Ракитянский Н. М. Ментальные исследования глобальных политических миров. М.: МГУ, 2020. 461 с. [Rakityansky N. M. *Mental studies of global political worlds*. Moscow: MSU, 2020, 461. (In Russ.)]
16. Воробьев В. П. Израиль: государство и религия. *Московский журнал международного права*. 2002. № 4. С. 133–160. [Vorobev V. P. Israel: State and Religion. *Moscow Journal of International Law*, 2002, (4): 133–160. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2002-4-133-160>
17. Карасова Т. А. Эволюция основных идейно-политических установок сионизма в Израиле. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2010. № 6. С. 70–79. [Karasova T. A. The evolution of the major ideological and political aims of the Zionism in Israel. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: Istoriia i sovremennost*, 2010, (6): 70–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/neifef>
18. Ошеров М. Е. Израильские политические мифы. М.: Алгоритм, 2018. 210 с. [Osherov M. E. *Israeli political myths*. Moscow: Aloritm, 2018, 210. (In Russ.)]
19. Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ. М.: Эксмо, 2012. 544 с. [Sand Sh. *The invention of the Jewish people*. Moscow: Eksmo, 2012, 544. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpxmif>
20. Кантор В. К. Русская революция, или вера в кумиры (размышления над книгой С. Л. Франка «Крушение кумиров»). *Вопросы философии*. 2009. № 1. С. 109–124. [Kantor V. K. Russian revolution or belief in idols (reflections over the S. L. Frank book "Wreck of idols"). *Voprosy filosofii*, 2009, (1): 109–124. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvtyor>
21. Бен-Рафаэль Э. Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе. [Ben-Rafael E. *Self-identification of various social groups in modern Israeli society*. (In Russ.)] URL: <https://web.archive.org/web/20100427032044/http://hedir.openu.ac.il/kurs/politic/ben-rafael.htm> (дата обращения: 24.08.2024).
22. Peters J. *From time immemorial: The origins of the Arab-Jewish conflict over Palestine*. NY: Harper and Row, 1986, 601.
23. Крылов А. В., Морозов В. М. Формирование палестинской нации: основные этапы. *Этносоциум и межнациональная культура*. 2017. № 3. С.135–142. [Krylov A. V., Morozov V. M. Formation of the Palestinian nation: main stages. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaia kultura*, 2017, (3): 135–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yunsrr>
24. Немельштейн Д. Сущность палестино-израильского конфликта. *Проза.ру*. 2019. [Nemelshtein D. The essence of the Palestinian-Israeli conflict. *Proza.ru*, 2019. (In Russ.)] URL: <https://proza.ru/2019/10/13/720> (дата обращения: 28.08.2024).
25. Ракитянский Н. М. Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2012. № 5. С. 53–71. [Rakityansky N. M. Experience of the conceptual analysis of Islamic mentality in the context of political psychology. *Lomonosov Political Science Journal*, 2012, (5): 53–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/psznwl>
26. Звягельская И. Палестино-израильский конфликт: ценностное измерение. *Перспективы*. 2010. [Zviagelskaia I. The Palestinian-Israeli conflict: The value dimension. *Perspektivy*, 2010. (In Russ.)] URL: https://www.perspektivy.info/book/palestino-izraelskij_konflikt_cennostnoje_izmerenije_2010-06-30.htm (дата обращения: 12.08.2024).
27. Баулина И. М. Гражданская религия в Израиле: от Бегина к Нетаньяху. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 2. С. 83–87. [Baulina I. M. Civil religion in Israel: From Begin to Netanyahu. *Tomsk State University Journal of History*, 2016, (2): 83–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/40/13>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/sfchzk>

Региональная антикоррупционная политика: современные управленческие практики реализации

Банная Галина Алексеевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента

России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург

eLibrary Author SPIN: 1685-7896

<https://orcid.org/0000-0002-8175-591X>g.a.bannykh@urfu.ru

Паливода Илья Романович

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,

Россия, Екатеринбург

Аннотация: Современная трансформация государственного управления в Российской Федерации приводит к необходимому обновлению инструментов и механизмов реализации государственной политики, в том числе и региональной. Антикоррупционная политика, активно формирующаяся с 2008 г., в 2024 г. также претерпевает изменения в субъектах России. Однако, несмотря на отсутствие однозначного понимания коррупции, она продолжает восприниматься как кризисное для современного общества явление. Цель – изучить основные управленческие практики реализации региональной антикоррупционной политики в Российской Федерации на современном этапе. Выявлено, что разработка и реализация антикоррупционных мероприятий реализуются в рамках общефедеральных целей и направлений, определяемых Президентом страны, но требуют индивидуального подхода (с учетом социально-экономических, политических и культурных особенностей) и адаптации к территориальным условиям. Установлена важность создания согласованной системы мониторинга, контроля и анализа эффективности принимаемых мер, которая позволит достичь лучших результатов в борьбе с коррупцией и обеспечить прозрачность и ответственность управления. Применен метод анализа документов, статистических данных, формально-юридический метод, метод сравнительного анализа данных, что в целом позволяет говорить об использовании авторской методики изучения управленческих практик реализации антикоррупционной политики. Определены ее важнейшие направления – координация усилий между федеральными и региональными органами власти и взаимодействие с институтами гражданского общества. Выделены основные управленческие практики: формирование координационных структур реализации политики, тесное взаимодействие территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и региональных органов исполнительной власти, включение в планы реализации политики широкого спектра институтов гражданского общества, применение инновационных технологий, в том числе информационно-коммуникационных технологий. Обозначены уникальные региональные практики, такие как вариативность, полномочия уполномоченных органов власти и реализуемые ими меры по профилактике коррупции и осуществлению контроля за деятельностью органов власти и служащих.

Ключевые слова: государственное управление, регион, антикоррупционная политика, противодействие коррупции, практика реализации

Цитирование: Банная Г. А., Паливода И. Р. Региональная антикоррупционная политика: современные управленческие практики реализации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 4. С. 531–545. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-531-545>

Поступила в редакцию 20.08.2024. Принята после рецензирования 06.11.2024. Принята в печать 11.11.2024.

full article

Regional Anti-Corruption Policy: Modern Management Practices

Galina A. Bannykh

Yeltsin Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg

eLibrary Author SPIN: 1685-7896

<https://orcid.org/0000-0002-8175-591X>

g.a.bannykh@urfu.ru

Ilya R. Palivoda

Ural Institute of Management (RANEPa), Russia, Ekaterinburg

Abstract: The current transformation of Russia's state administration reveals the need to update the instruments and mechanisms for implementing state policy in the regions. Anti-corruption policy has been developing since 2008, but corruption still lacks a clear definition and remains a crisis phenomenon for modern society. The article describes the current management practices of regional anti-corruption policy in the Russian Federation. Anti-corruption measures are part of federal goals and directions determined by the President of the Russian Federation; however, they require an individual approach based on the socio-economic, political, and cultural characteristics of each region. The process needs a coherent system for monitoring, control, and analysis to measure the effectiveness of the measures taken. Such a system could fuel the fight against corruption, as well as make its management transparent and accountable. The research included the methods of document, statistic, formal legal, and comparative data analysis. The authors developed their own methodology for studying management practices of anti-corruption policy implementation. Its most important areas included coordinating the efforts between federal and regional authorities and a more active interaction with civil society institutions. The main management practices involved coordinated structures for policy implementation, a closer interaction between territorial federal and regional bodies, a wider range of civil society institutions, more innovative technologies, etc. Some regions demonstrated unique practices in variability, responsibilities, anti-corruption measures, control of the authorities and employees, etc.

Keywords: public administration, region, anti-corruption policy, anti-corruption, implementation practice

Citation: Bannykh G. A., Palivoda I. R. Regional Anti-Corruption Policy: Modern Management Practices. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 531–545. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-531-545>

Received 20 Aug 2024. Accepted after review 6 Nov 2024. Accepted for publication 11 Nov 2024.

Введение

Антикоррупционная политика в Российской Федерации – самостоятельный вид государственной политики (реализуемый различными социальными акторами), самостоятельность которой обусловлена:

- ее обязательным включением в деятельность всех органов публичного управления и подведомственных им организаций и учреждений;
- ее «сквозными» качествами, т.е. возможностью влиять на прочие виды государственной политики и сферы государственного управления;
- наличием системы уполномоченных органов по противодействию коррупции в системе органов публичной власти;
- обширной нормативно-правовой основой ее реализации и пр.

Антикоррупционная политика, как и основной объект воздействия (коррупция), эволюционирует, трансформируется, т.к. детерминирована «актуализовавшимися и вновь возникающими угрозами,

а равно регулярно модернизирующимися формами коррупционных проявлений» [1, с. 38–39]. В эпоху цифровой трансформации общества появляются новые цифровые инструменты, такие как электронные системы мониторинга, цифровые платформы для обеспечения прозрачности и отчетности, и аналитические инструменты, выявляющие потенциальные коррупционные схемы и открывающие широкие возможности для более эффективной борьбы с коррупцией. В связи с этим растет интерес ученых к современным технологиям и инструментам, которые применяются для противодействия коррупции на разных уровнях публичного управления [2–6].

Антикоррупционная политика на уровне субъекта РФ играет важную роль в обеспечении стабильности и развития региона, а учет его территориальных особенностей и вызовов повышает эффективность реализации данной политики. При этом ее осуществление требует от региональных властей

(при поддержке населения) формирования системного подхода к предупреждению коррупции и борьбе с ней на государственном и муниципальном уровнях [7]. Цель статьи – изучить основные управленческие практики реализации региональной антикоррупционной политики в РФ на современном этапе.

Согласно ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции», в основе определения *противодействие коррупции* содержится комплексный подход, предполагающий не только борьбу с уже возникшими коррупционными проявлениями, но и активное предотвращение и устранение коррупционных практик. Такая установка подчеркивает необходимость совместных усилий государственных органов, общественных институтов и граждан. Антикоррупционная политика, или политика в сфере противодействия коррупции, реализуемая на системной основе, включает в себя 3 основных направления: профилактика коррупции; борьба с коррупцией; минимизация и / или ликвидация последствий коррупции¹.

В научной литературе определение *антикоррупционная политика* встречается довольно часто, при этом понятия *деятельность* и *политика* могут выступать синонимами или быть тождественными [8, с. 20; 9, с. 125]. Чаще всего антикоррупционная политика определяется через деятельность органов публичной власти и управления, направленную на защиту законных прав и интересов граждан от коррупционных проявлений [10–12; 13, с. 245]. Однако встречаются и оригинальные определения, например Г. Н. Горшенкова: антикоррупционная политика – это мировоззрение, которое напрямую отражает оценку пораженности государства коррупционной преступностью [14, с. 6].

Основная цель, к которой стремятся субъекты реализации антикоррупционной политики, – уменьшение количества коррупционных проявлений (их минимизация или полное прекращение), а также предоставление всем гражданам права на защиту их прав и интересов от коррупционных правонарушений – может быть достигнута с помощью [15, с. 61]:

- регулярного анализа реализуемой политики и оценки ее результатов;
- беспрепятственного информирования о любых фактах коррупции в СМИ;
- компенсации вреда, причиненного коррупционным преступлением;
- неукоснительного и непротиворечивого следования принципу неотвратимости наказания за любое коррупционное деяние;

- принятия действенных превентивных мер антикоррупционного характера;
- недопущения подкупа публичных лиц и граждан при проведении выборов либо референдума.

По мнению Р. С. Сорокина, в антикоррупционной политике выделяется 3 уровня [10]: концептуальный, заключающийся в поиске и формировании наиболее эффективной теоретической модели реализации государственной антикоррупционной политики; законодательный, который связан с правотворческой деятельностью в сфере борьбы с коррупцией; правоприменительный, применяющий существующие нормы различных отраслей права в области предотвращения и противодействия коррупции.

Для повышения эффективности реализации антикоррупционной политики в механизм государственного управления было внесено множество изменений. Так, долгосрочным инструментом противодействия коррупции стала реализация государственного управления по принципу «одного окна», что привело к появлению цифровой системы *Единый портал государственных и муниципальных услуг* и многофункциональных центров (МФЦ). Н. П. Кабытов отмечает, что организация предоставления государственных и муниципальных услуг на базе МФЦ фактически означает их перевод «на новые рельсы», при котором интерес в сохранении коррупциогенных факторов, связанных с организацией приема заявителей, утрачивается ввиду деперсонализации взаимодействия [16].

Борьба с коррупцией ведется в реальном мире и виртуальном пространстве с использованием как традиционных, так и инновационных коммуникационных технологий [17], предполагающих следование принципу информационной открытости и прозрачности при реализации антикоррупционной политики. Сегодня этому способствуют официальные сайты органов публичной власти и их официальные страницы в социальных сетях (так называемые госпаблики). Учитывая особенности информационного общества и вовлеченность жителей в коммуникацию в сети Интернет, активное использование указанных информационных ресурсов для осведомления граждан о мерах противодействия коррупции является целесообразным. К формату информационного продвижения антикоррупционной направленности относятся также стикеры, инфографика, блоггерство, диджитал-маркетинг, социальные акции с сувенирной продукцией, челленджи, кейсы, сторителлинг, конкурсы и др.

¹ О противодействии коррупции. ФЗ № 273-ФЗ от 25.12.2008 (с изм. от 08.08.2024). СПС КонсультантПлюс.

Важной инновационной технологией, непосредственно связанной с противодействием коррупции, считается система *Посейдон*². Ее координатором является Администрация Президента РФ, оператором – Федеральная служба охраны РФ, а оказанием методической помощи и составлением соответствующих рекомендаций занимается Министерство труда и социальной защиты РФ. *Посейдон* работает одновременно с несколькими базами данных (база Федеральной налоговой службы России, Федеральной службы по финансовому мониторингу, Федерального агентства по управлению государственным имуществом и информация из соцсетей), которые объединены в одно целое. Данная система способствует созданию определенного цифрового портрета проверяемого человека, позволяет определить наличие у него возможного пересечения интересов, а также взаимодействий с людьми, которые могут иметь коррупционный характер.

В сфере реализации противодействия коррупции стремительно развиваются блокчейн-технологии (англ. *block chain* – цепь из блоков) [18; 19]. Основные сложности в использовании этих практик заключаются в том, что на сегодняшний день их применение считается уникальным и экспериментальным, т.к. соответствующее правовое регулирование и надежное ПО отсутствуют; эти технологии могут быть использованы в криминальных, коррупционных и мошеннических схемах, несмотря на правовую сторону антикоррупционных мер [20, с. 72].

В 2024 г. антикоррупционная деятельность на уровне субъектов – комплексное самостоятельное направление государственной региональной политики. Россия – одно из крупнейших федеративных государств, в рамках которого значение, влияние и результативность деятельности ответственных субъектов по противодействию коррупции регионального уровня неоднородны. Регионы накапливают опыт, выявляют свои критические зоны, коррупционные ловушки. Обобщение же данного опыта, экстраполяция полученных результатов – научная задача с серьезной перспективой на будущее [21, с. 80]. Это является актуальным и в отношении изучения антикоррупционной политики в прочих федеративных и объединенных государствах, например в Европейском союзе [22; 23].

По мнению Ю. Ю. Доменко и др. [11], особенности региональной политики противодействия

коррупции определяются региональными особенностями самой коррупции, а не только региона. Так, С. А. Скибин предлагает выделять модели реализации антикоррупционной политики в зависимости от уровня социально-экономического развития субъекта РФ: модель *гражданин – чиновник* (дотационный регион) и *бизнес – чиновник* (регион с благоприятным экономическим климатом). Для дотационных регионов характерны коррупционные проявления в социально ориентированных сферах, для регионов с развитой экономикой – в области госзакупок и конфликта интересов [24, с. 42].

Отметим, что в каждом субъекте России существует собственная нормативно-правовая основа противодействия коррупции, дополняющая федеральное законодательство. Так, на уровне стратегических программных документов³ субъекты РФ принимают «либо программы противодействия коррупции (34 % субъектов), либо планы мероприятий (66 % субъектов) по противодействию коррупции» [25, с. 36]. Важно учитывать, что даже разница в типах документов стратегического планирования существенно влияет на особенности реализации антикоррупционной политики в субъектах РФ. Во-первых, программа в отличие от плана является более комплексным и сложным нормативным актом. Во-вторых, эти нормативно-правовые документы принимаются и утверждаются также разными субъектами права (указами и постановлениями высшего должностного лица субъекта РФ, постановлениями и/или распоряжениями правительства, администрацией или специализированными органами субъекта Российской Федерации) [25, с. 36].

В реализации антикоррупционной политики важно совершенствовать механизмы общественного и парламентского контроля, повышать роль различных институтов гражданского общества, в том числе политических партий, и их последующего взаимодействия [12, с. 88]. Особенно актуально это на региональном и муниципальном уровнях. Общественность и институты гражданского общества не только содействуют органам власти в реализации их полномочий по противодействию коррупции, но и способствуют повышению активности участия граждан в борьбе с коррупцией, что является важным направлением, находящим отражение во многих региональных планах и стратегиях по реализации антикоррупционной политики.

² О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента РФ. Указ Президента РФ № 232 от 25.04.2022 (ред. от 26.10.2023). *СПС КонсультантПлюс*.

³ Анализ практики реализации программ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации: аналитический доклад. М.: ИЗИСП, 2012. 362 с.

Именно от развитости гражданского общества, активности граждан и качества деятельности общественных организаций зависит успех профилактических направлений реализации региональной антикоррупционной политики.

Региональная политика противодействия коррупции также обладает характерными особенностями в зависимости от вхождения субъекта РФ в тот или иной федеральный округ. По мнению К. В. Черкасова и А. В. Пиптюк, на эффективность противодействия коррупции в регионе оказывает влияние существующая сегодня определенная бессистемность размещения территориальных органов федеральных органов исполнительной власти [1, с. 36]. Т. В. Ярлова и Е. В. Сухомлинова считают, что при разработке и реализации региональной антикоррупционной политики важно учитывать роль региональных элит (от которых напрямую зависит ее результативность, т. к. именно они являются базовыми региональными акторами) [13, с. 248–249], их политический «вес», репутацию и публичность (англ. *publicity* – публичность).

Методы и материалы

Основным методом являлся анализ документов, таких как аналитические отчеты региональных уполномоченных органов по противодействию коррупции, документы стратегического планирования в сфере антикоррупционной политики и теоретические источники. Источниками для формально-юридического метода послужили основные документы федерального уровня, т. е. законы и подзаконные акты, и региональные нормативные правовые акты (НПА), включающие законы, указы, распоряжения, постановления в области антикоррупционной политики. Анализ НПА проводился в соответствии с силой документа и его тематикой. Содержательно указанные нормативные правовые акты выступают базой для реализации антикоррупционной политики в российских регионах, а также фиксируют различия в подходах и инструментах ее реализации.

Эмпирическая база для сравнительного анализа данных и анализа статистических данных – данные, указанные в региональных планах и программах противодействия коррупции; данные исследований уровня коррупции, проводимых в соответствующих субъектах РФ; контент официальных сайтов органов публичной власти регионов и официальных страниц в социальных сетях.

В ходе исследования также применялся качественный метод – экспертные интервью. Всего было проведено 5 экспертных интервью с субъектами, участвующими в реализации антикоррупционной политики в Свердловской области. Экспертами⁴ выступили: члены общественного совета при исполнительных органах государственной власти (ИОГВ) и общественной палаты муниципального образования; руководитель региональной организации, в уставные цели которой входит противодействие коррупции; представитель Департамента противодействия коррупции Свердловской области (далее – Департамент), занимающий управленческую должность; представитель экспертной комиссии при Правительстве Свердловской области.

Результаты

Классическое определение управления, которого придерживаются авторы, – целенаправленное воздействие уполномоченных субъектов на объект. Цель управления в сфере реализации политики противодействия коррупции – минимизация проявления коррупционных отклонений, нарушений и преступлений – может быть достигнута при помощи планирования, организации, координации, мотивации, контроля. Эти методы имеют огромное значение в реализации региональной антикоррупционной политики, но в каждом регионе их имплементация происходит по-разному.

Рассмотрим модели реализации государственной политики в сфере борьбы с коррупцией на примере разных типов субъектов РФ (республика, край, автономный округ, области). Так, в **Республике Татарстан** (РТ) еще в 2006 г. был принят основной нормативно-правовой акт в области противодействия коррупции на уровне субъекта – закон «О противодействии коррупции в РТ». В соответствии с ним антикоррупционная политика в Республике Татарстан осуществляется посредством реализации таких мер, как разработка программ по реализации антикоррупционной политики; антикоррупционная экспертиза и мониторинг; антикоррупционная пропаганда и образование; поддержка общественной деятельности в сфере противодействия коррупции; обеспечение публичности и информационной открытости государственных органов и органов местного самоуправления; правовая регламентация их деятельности в сфере борьбы с коррупцией⁵.

Основными субъектами реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан являются:

⁴ Каждый эксперт имеет опыт участия в реализации антикоррупционной политики более 5 лет.

⁵ О противодействии коррупции в РТ. Закон РТ № 34-ЗРТ от 04.05.2006 (с изм. от 06.04.2023). *СПС Кодекс*.

- Глава (Раис) РТ, который определяет направления политики и обеспечивает взаимодействие всех субъектов;
- Государственный Совет РТ, разрабатывающий НПА и осуществляющий контроль деятельности ИОГВ в пределах своих полномочий;
- Кабинет Министров РТ, который координирует деятельность по противодействию коррупции среди ИОГВ;
- исполнительные органы государственной власти РТ, осуществляющие противодействие коррупции в пределах своих полномочий.

Для обеспечения их согласованного взаимодействия в процессе реализации антикоррупционной политики в 2015 г. был преобразован Совет при Президенте РТ по противодействию коррупции, действующий с 2011 г., и создана Комиссия по координации работы по противодействию коррупции (далее – Комиссия (субъект)) в Татарстан⁶. В 2023 г. учрежден специальный государственный орган по реализации антикоррупционной политики Татарстана – Управление Раиса Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики (далее – Управление РТ), являющееся структурным подразделением Администрации Раиса РТ⁷. Управление РТ обеспечивает деятельность Комиссии и осуществляет подготовку материалов к заседаниям комиссии и контроль за исполнением принятых ей решений.

В 2012 г. также была создана Республиканская экспертная группа по вопросам противодействия коррупции, которая изучает проявления коррупции в Татарстане, анализирует деятельность органов власти по противодействию и вырабатывает предложения по совершенствованию этой деятельности⁸. Однако членами группы, утвержденными Главой Республики Татарстан, являются действующие представители республиканских органов власти, т.е. она (группа) осуществляет усиленный контроль за антикоррупционной деятельностью внутри системы органов власти.

С 2011 г. в РТ реализуются мониторинги эффективности деятельности органов публичной власти по реализации антикоррупционных мер. Как следствие, к 2024 г. уже разработаны его (мониторинга) показатели и утвержден регламент проведения. Результаты мониторинга регулярно публикуются на официальных сайтах органов публичной власти. С 2015 г. в РТ действует Государственная программа *Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2015–2025 гг.*⁹, финансирование которой составляет более 90 млн руб., выделяемых из республиканского бюджета на весь срок ее реализации, т.е. ежегодно – около 9 млн руб.

Одним из инновационных проектов на основе ИКТ в Татарстане стало внедрение в деятельность администраций муниципальных образований автоматизированной информационной системы (АИС) *Правовой контроль*. АИС позволяет минимизировать возможные коррупционные намерения неблагонажных специалистов юридических подразделений, в режиме реального времени собирая и обрабатывая судебную статистику. Непосредственно в Казани внедрена автоматизированная информационная система Цифровой ревизор, созданная для контроля за деятельностью должностных лиц, обладающих административной юрисдикцией.

Основным нормативно-правовым актом в сфере антикоррупционной политики в Краснодарском крае (далее – КК) является закон «О противодействии коррупции в Краснодарском крае»¹⁰. Комиссия (КК), как и Комиссия (РТ), появилась в 2015 г.¹¹ За обеспечение ее деятельности и подготовку материалов к заседаниям, а также контроль за исполнением принятых ей решений отвечает Управление контроля, профилактики коррупционных и иных правонарушений администрации Краснодарского края¹².

В Краснодарском крае осуществляется несколько видов мониторинга: с 2009 г. – мониторинг восприятия уровня коррупции; с 2011 г. – правоприменения нормативных правовых актов; с 2013 г. – оценки

⁶ О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в РТ. Указ Президента РТ № УП-986 от 13.10.2015 (с изм. и доп., вступающими в силу с 31.12.2022). *СПС КонсультантПлюс*.

⁷ Об Управлении Раиса Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики. Указ Раиса РТ № 399 от 13.06.2023. *ИПП Гарант*.

⁸ О Республиканской экспертной группе по вопросам противодействия коррупции. Указ Президента РТ № УП-415 от 02.06.2012 (с изм. от 10.03.2022). *СПС Кодекс*.

⁹ Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан». Постановление Кабинета Министров РТ № 512 от 19.07.2014 (с изм. от 08.10.2024). *СПС Кодекс*.

¹⁰ О противодействии коррупции в Краснодарском крае. Закон Краснодарского края № 1798-КЗ от 23.07.2009 (с изм. от 07.12.2022). *СПС Кодекс*.

¹¹ О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Краснодарском крае. Постановление Главы администрации (Губернатора) Краснодарского края № 972 от 15.10.2015 (с изм. от 02.10.2024). *СПС Кодекс*.

¹² Об управлении контроля, профилактики коррупционных и иных правонарушений администрации Краснодарского края. Постановление Главы администрации (Губернатора) Краснодарского края № 117 от 22.02.2017 (с изм. от 02.10.2024). *СПС Кодекс*.

коррупционных рисков. Также с 2008 г. действует План противодействия коррупции (далее – План)¹³. В Плате Краснодарского края прописаны основные регулярные мероприятия по противодействию коррупции, которые в обязательном порядке реализуются краевыми органами публичной власти и предполагают определенные сроки и формы отчетности по выполнению этих мероприятий.

В 2015 г. была принята Государственная программа КК *Обеспечение безопасности населения*, одной из подпрограмм которой является *Противодействие коррупции в Краснодарском крае* со сроком реализации до 2024 г. Показателем эффективности ее реализации является «степень доверия к исполнительным органам государственной власти Краснодарского края со стороны населения (по данным социологического исследования)¹⁴. В 2023 г. этот показатель достиг 71,9 % опрошенных при плановом значении 65,5 %, а проведение социологического исследования обошлось в 275 тыс. руб.¹⁵

В подпрограмме выделено всего 3 целевых показателя, два из которых связаны с реализацией антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов, а один – с обучением государственных гражданских служащих основам противодействия коррупции, что свидетельствует об отсутствии в крае приоритета этого типа политики и ее реализации.

Основной закон в сфере противодействия коррупции в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (ХМАО – Югра) был принят в 2008 г.¹⁶ Как и в рассматриваемых ранее регионах, Комиссия появилась в 2015 г.¹⁷ Отличительная особенность институциональной организации системы противодействия коррупции в данном субъекте состоит в том, что функции по обеспечению деятельности Комиссии и контроля за исполнением принятых ей решений лежат не на структурном подразделении Администрации Главы субъекта РФ, а на Управлении

профилактики коррупционных и иных правонарушений (далее – Управление), входящем в состав исполнительного органа власти субъекта РФ – Департамента государственной гражданской службы, кадровой политики и профилактики коррупции ХМАО – Югры (далее – Депгосслужбы Югры)¹⁸.

Структурные изменения в виде образования Депгосслужбы Югры и выделения его подразделения – Управления – произошли относительно недавно (в 2023 г.), что подчеркивает активное проведение в ХМАО – Югре структурных реформ с целью улучшения эффективности противодействия коррупции. Также это свидетельствует о стремлении к более системному и комплексному подходу в борьбе с коррупцией в регионе и отражает готовность и желание региональных властей адаптировать свою антикоррупционную политику в соответствии с современными вызовами и требованиями и территориальными особенностями.

В 2021 г. Губернатор ХМАО – Югры принял План противодействия коррупции на 2021–2024 гг.¹⁹, предусматривающий:

- обязательное включение представителей антикоррупционных некоммерческих организаций в действующие комиссии;
- проведение инновационных мероприятий для служащих и населения по просвещению и образованию в рамках противодействия коррупции;
- организацию конкурса на предоставление грантов Губернатора автономного округа на развитие гражданского общества;
- реализацию проектов в области культуры, искусства и креативных индустрий, в том числе по направлению формирования антикоррупционного поведения;
- организацию конкурса научных и прикладных работ по антикоррупционному просвещению граждан и формированию нетерпимости к коррупционному поведению у государственных

¹³ О мерах по противодействию коррупции в Краснодарском крае. Распоряжение Главы администрации (Губернатора) Краснодарского края № 789-р от 30.09.2008 (с изм. и доп. от 12.12.2013). *ИПП Гарант*.

¹⁴ Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Обеспечение безопасности населения». Постановление Главы администрации (Губернатора) Краснодарского края № 1203 от 14.10.2013 (с изм. от 05.08.2024). *СПС Кодекс*.

¹⁵ Доклад о ходе реализации подпрограммы «Противодействие коррупции в Краснодарском крае» государственной программы Краснодарского края «Обеспечение безопасности населения» по итогам 2023 г. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1276/> (дата обращения: 12.08.2024).

¹⁶ О мерах по противодействию коррупции в ХМАО – Югре. Закон ХМАО – Югры № 86-ОЗ от 25.09.2008 (ред. от 10.10.2024). *СПС Кодекс*.

¹⁷ О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в ХМАО – Югре. Постановление Губернатора ХМАО – Югры № 107 от 29.09.2015 (с изм. от 09.11.2023). *СПС Кодекс*.

¹⁸ О Департаменте государственной гражданской службы, кадровой политики и профилактики коррупции ХМАО – Югры. Постановление Губернатора ХМАО – Югры № 57 от 27.04.2023 (с изм. от 07.02.2024). *СПС Кодекс*.

¹⁹ О Плате противодействия коррупции в ХМАО – Югре на 2021–2024 гг. Распоряжение Губернатора ХМАО – Югры № 96-рг от 12.04.2021 (с изм. от 18.08.2023). *СПС Кодекс*.

гражданских и муниципальных служащих в ХМАО – Югре;

- проведение регионального антикоррупционного диктанта и др.

В автономном округе также действует Общественный антикоррупционный договор²⁰, к которому присоединились органы публичной власти, подведомственные им организации и бизнес-сообщества, а также объединения предпринимателей для реализации антикоррупционной политики в округе.

В **Ульяновской области** (далее – УО) принят закон «О противодействии коррупции в Ульяновской области»²¹, в соответствии с которым выделены основные субъекты проведения единой государственной политики региона в области противодействия коррупции (Губернатор УО, Законодательное собрание УО, Правительство УО, ИОГВ УО) и обозначены их полномочия. Комиссия (УО) как постоянно действующий координационный орган при Губернаторе Ульяновской области была создана в 2015 г.²²

Деятельность Комиссии (УО), подготовку материалов к ее заседаниям и контроль за исполнением принятых ей решений осуществляет Управление по реализации единой государственной политики в области противодействия коррупции, профилактики коррупционных и иных правонарушений администрации Губернатора Ульяновской области. Его начальником является Уполномоченный по противодействию коррупции в Ульяновской области, и он же обеспечивает выполнение стоящих перед этим органом задач.

В УО был создан специальный информационный ресурс, посвященный противодействию коррупции в данном субъекте РФ²³, на котором, помимо нормативно-правовых и отчетных документов, методических рекомендаций, сведений о доходах и прочих обязательных элементах, содержится рейтинг исполнительных органов государственной власти УО, обновляемый поквартально. В данном рейтинге оценка региональным ИОГВ дается по принципу *Светофор*: зеленым цветом выделяются ИОГВ,

успешно реализующие антикоррупционную политику, желтым – ИОГВ, делающие это на среднем уровне, а красным – ИОГВ с низким уровнем организации антикоррупционной деятельности. По итогам 1 квартала 2024 г. в зеленой зоне находятся 7 ИОГВ, в желтой – 13, в красной же – ни одного²⁴.

В УО регулярно проводятся конкурсы, вовлекающие институты гражданского общества в деятельность по противодействию коррупции: для журналистов – на лучшее освещение материалов по противодействию коррупции; для экспертов / экспертных организаций – на проведение антикоррупционной экспертизы и пр. Таким образом управленческие практики в данном субъекте РФ содержат меньше контрольной составляющей и в большей степени направлены вовне, адресованы населению и привлекают его к участию в реализации антикоррупционной политики.

В 2022 г. скорректированная областная программа *Противодействие коррупции в Ульяновской области* была принята Постановлением Правительства УО. Соисполнителями программы, помимо органов власти, названы 3 НКО и несколько казенных учреждений. Срок реализации – 5 лет (2022–2026 гг.). На весь срок реализации программы выделяется 3,92 млн руб., т.е. в среднем 1,3 млн руб. ежегодно²⁵.

Так как самыми распространенными видами субъектов России являются области, целесообразно более подробно рассмотреть реализацию антикоррупционной политики на примере именно этой единицы федерального деления страны. Так, проанализируем особенности противодействия коррупции на материалах еще одной области – Свердловской.

В **Свердловской области** (далее – СО) основной нормативно-правовой акт в области противодействия коррупции – закон «О противодействии коррупции в Свердловской области» – содержит перечень основных субъектов реализации антикоррупционной политики в регионе и их основные полномочия²⁶. В регионе также действует Комиссия (СО), в составе которой образованы 3 рабочие группы:

²⁰ Общественный антикоррупционный договор. Дума ХМАО – Югры. 19.12.2016. URL: https://www.dumahmao.ru/decisions/detail.php?ID=24228&phrase_id=166963 (дата обращения: 12.08.2024).

²¹ О противодействии коррупции в Ульяновской области. Закон Ульяновской области № 89-30 от 20.07.2012 (с изм. от 31.07.2023). *СПС Кодекс*.

²² Об утверждении Положения о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Ульяновской области и признании утратившими силу некоторых постановлений Губернатора Ульяновской области. Постановление Губернатора Ульяновской области № 179 от 12.10.2015. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=158086827 (дата обращения: 12.08.2024).

²³ Противодействие коррупции. Правительство Ульяновской области. URL: <https://anticorrupt.ulgov.ru/> (дата обращения: 12.08.2024).

²⁴ Рейтинг исполнительных органов Ульяновской области. URL: <https://anticorrupt.ulgov.ru/rating/> (дата обращения: 12.08.2024).

²⁵ Об утверждении областной программы «Противодействие коррупции в Ульяновской области». Постановление Правительства Ульяновской области № 478-П от 24.08.2022 (с изм. от 18.09.2024). *СПС Кодекс*.

²⁶ О противодействии коррупции в Свердловской области. Закон Свердловской области № 2-ОЗ от 20.02.2009 (с изм. от 02.08.2023). *СПС Кодекс*.

- 1) по рассмотрению вопросов, касающихся соблюдения требований к должностному поведению лиц, замещающих государственные должности, а также урегулирования конфликта интересов;
- 2) по рассмотрению отдельных вопросов, связанных с профилактикой коррупции в муниципальных образованиях;
- 3) по взаимодействию с институтами гражданского общества.

Департамент противодействия коррупции Свердловской области обеспечивает деятельность Комиссии (СО), а также осуществляет подготовку материалов к заседаниям и контроль за исполнением принятых ей решений²⁷. Департамент является исполнительным органом государственной власти Свердловской области, который реализует государственную политику СО в сфере противодействия коррупции и находится в непосредственном подчинении Губернатора Свердловской области.

Помимо указанных традиционных и обязательных субъектов реализации политики противодействия коррупции, в реализации антикоррупционной политики субъектах РФ принимают участие территориальные управления федеральных органов государственной власти, а также государственные и муниципальные организации (в пределах своих полномочий), различные общественные объединения, некоммерческие организации и некоторые коммерческие организации (в пределах своих полномочий). Например, Прокуратура СО; Счетная палата СО; Управление Федеральной антимонопольной службы по СО; Управление МВД России по СО; Управление ФСБ России по СО. Подчеркнем, что расследованием преступлений, связанных с коррупцией, на территории Свердловской области занимаются: Управление МВД России по СО; Управление ФСБ России по СО; Следственное управление Следственного комитета России по СО.

Минюстом России в данном субъекте зарегистрирована 21 некоммерческая организация, их уставные цели предусматривают участие в мероприятиях по профилактике и противодействию коррупции. Среди них 16 НКО – регионального уровня, 1 – муниципального, остальные – межрегионального. К концу 2023 г. в СО зарегистрированы 24 независимых эксперта, которые участвуют в осуществлении антикоррупционной экспертизы

нормативно-правовых актов и их проектов (22 физических и 2 юридических лица). В этом же году независимыми экспертами подготовлено 228 заключений, что в 1,8 раза больше, чем годом ранее.

Помимо этого, активными участниками реализации антикоррупционной политики выступают субъекты общественного контроля: общественная Палата Свердловской области; Общественный совет при Законодательном собрании СО; Общественные советы при ИОГВ СО; общественные палаты / советы муниципальных образований СО (всего 73 субъекта). Также в данном субъекте РФ, начиная с 2014 г., ежегодно проводится Антикоррупционный Форум Свердловской области, цель которого – популяризация антикоррупционных стандартов поведения и обмен опытом по профилактике антикоррупционных правонарушений.

В целом динамика изменений в Свердловской области в 2023 г. демонстрирует определенную результативность реализации антикоррупционной политики. В 2019 г. была принята государственная программа *Противодействие коррупции в Свердловской области до 2027 г.* На весь срок реализации госпрограммы выделяется 686,149 млн руб., т.е. в среднем 85,5 млн руб. ежегодно. Ее целевыми показателями являются индикаторы *деловой и бытовой* коррупции, уровень обеспеченности государственных гражданских служащих автоматизированным рабочим местом, размещение информации о заседаниях комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов в Интернете и т.д.

Помимо госпрограммы, с 2013 г. в этом субъекте РФ регулярно (1 раз в 2 года) принимается Концепция взаимодействия органов государственной власти Свердловской области, органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции на период до 2024 г.²⁸, призванная выстроить межсекторные основы для реализации антикоррупционной политики.

Кроме того, с 2015 г. принимается Программа совместных действий институтов гражданского общества по противодействию коррупции на территории Свердловской области *Общество против коррупции*. Она определяет основные мероприятия,

²⁷ О Департаменте противодействия коррупции и контроля Свердловской области и внесении изменения в Указ Губернатора Свердловской области от 22.06.2012 № 427-УГ «О Правительстве Свердловской области и исполнительных органах государственной власти Свердловской области». Указ Губернатора Свердловской области № 637-УГ от 30.11.2018. *СПС Кодекс*.

²⁸ Концепция взаимодействия органов государственной власти Свердловской области, органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции на период до 2024 г. URL: <https://clck.ru/3EiM9G> (дата обращения: 12.08.2024).

направленные на конструктивное сотрудничество институтов гражданского общества с органами государственной власти СО и органами местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на ее территории, в целях противодействия коррупции.

Информация о деятельности органов публичной власти по противодействию коррупции и иных материалах антикоррупционной направленности размещается на официальных сайтах органов власти и на официальных страницах в соцсетях ВКонтакте и Одноклассники. Количество опубликованных материалов антикоррупционной направленности в 2023 г. распределилось следующим образом: 1–2 публикации (52 %); 3–5 публикаций (32 %); 6 и более (16 %).

В среднем на официальных страницах в социальных сетях органов публичной власти было размещено 3 публикации (более 500 в целом). Более 6 записей по данной тематике опубликовали только 16 % официальных страниц, среди которых:

1. Страницы муниципалитетов (преимущественно крупных муниципальных образований, таких как Екатеринбург, Каменск-Уральский, Нижний Тагил и т.д.).

2. Страницы региональных ИОГВ СО (непосредственно взаимодействующих с целевой аудиторией и имеющих большое количество подписчиков²⁹), например Министерство образования и молодежной политики СО, Министерство физической культуры и спорта СО и пр.

Большая часть размещаемых на официальных страницах материалов антикоррупционной тематики имеет низкий уровень просмотров, комментариев и лайков, т.е. низкий уровень вовлеченности подписчиков. На многих страницах муниципальных образований публикация таких материалов ограничивается только ссылками на записи о проведении различных региональных мероприятий и конкурсов с официальной страницы Департамента. Стоит отметить, что в 2024 г. одним из наиболее востребованных форматов подачи информации в соцсетях являются короткие видео. В общей массе материалов антикоррупционной направленности отмечается небольшая доля видеозаписей, что не способствует профилактике коррупционных правонарушений.

Для сравнения возьмем результаты деятельности ИОГВ УО, которыми в 2023 г. на официальных сайтах в сети Интернет, официальных страницах в социальных сетях, а также в СМИ было опубликовано более 3500 сообщений профилактического характера в области противодействия коррупции. Однако данная работа ведется неравномерно разными ИОГВ. Например, Министерство социального развития УО в рамках антикоррупционной политики в 2023 г. подготовило 226 публикаций, отдел ЗАГС УО – 95, в то время как Министерство физической культуры и спорта УО, Министерство молодежного развития УО, Министерство экономического развития и промышленности УО, Министерство агропромышленного комплекса и развития сельских территорий УО – ни одного.

В РТ количество программ, фильмов, печатных и сетевых изданий антикоррупционной направленности, созданных самостоятельно или при поддержке органа государственной власти, в 2023 г. составило 5200 материалов (отмечается снижение по сравнению с 2022 г.). Министерство культуры, Министерство по делам молодежи, Главное управление ветеринарии Кабинета Министров, Управление ЗАГС Кабинета Министров, Министерство спорта РТ не размещали на своих официальных страницах в социальных сетях информационные материалы по противодействию коррупции.

Итак, можно наблюдать общую тенденцию «разрыва» в профилактической и информационно-пропагандистской деятельности ИОГВ субъектов РФ в рамках реализации антикоррупционной политики.

Периодическое (ежегодное) исследование состояния коррупции и эффективности принимаемых мер по ее предупреждению (антикоррупционный мониторинг) реализуется как изучение общественного мнения о состоянии коррупции в субъектах РФ. В целях оценки уровня коррупции на текущий момент опубликованы результаты социологических исследований, проведенных в 2023 г. по указанной методике³⁰.

Анализ полученных результатов исследований в **Свердловской области** позволяет сделать следующие выводы³¹:

- доля респондентов, попадавших в коррупционную ситуацию при взаимодействии с представителями власти, сократилась на 0,8 % по сравнению с 2022 г.;

²⁹ В расчет не принимались публикации на официальной странице Департамента.

³⁰ Анализ результатов социологического исследования в ХМАО – Югре не проводился из-за их отсутствия в открытых источниках.

³¹ Результаты социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в Свердловской области. URL: <https://anticorruption.midural.ru/article/show/id/1353> (дата обращения: 22.07.2024).

- среди опрошенных бытовая коррупционная ситуация чаще всего возникала при поступлении в дошкольные учреждения и обслуживании в них (18,55 % респондентов);
- 14,8 % респондентов сталкивались с бытовой коррупцией при оформлении прав на социальные выплаты;
- уровень осведомленности населения о принимаемых органами власти мерах по противодействию коррупции увеличился на 3,3 % по сравнению с 2022 г.;
- количество тех, кто осуждает взятокдателей и взяточполучателей, увеличилось на 11 % по сравнению с 2022 г.;
- количество лиц, которые потенциально готовы дать взятку, снизилось на 7 % по сравнению с 2022 г.

Результаты исследований в **Татарстане** также свидетельствуют о снижении уровня восприятия коррупции³²:

- доля респондентов, которые хотя бы раз в течение последнего года попадали в коррупционную ситуацию, составила 9,9 %;
- уровень коррупции был оценен как *низкий* 31,9 % респондентов, как *высокий* – 16,5 %;
- наибольший уровень коррупции, по мнению респондентов, отмечается среди преподавателей вузов (28,8 % опрошенных), среди руководителей предприятий (27,6 %) и чиновников местных администраций (22,1 %);
- количество респондентов, которым известны меры, принимаемые властями для противодействия коррупции, составляет 41,5 %: одни постоянно следят за реализацией антикоррупционных мер – 11,1 %, а другие специально этого не делают – 30,4 %.

Результаты опросов не так оптимистичны в **Ульяновской области**³³:

- доля респондентов, которые считают уровень коррупции в регионе высоким, составляет 21,5 %, средним – 28 %;
- число тех, кто утвердительно ответил о возникновении необходимости решения вопроса с помощью неформального вознаграждения, подарка, взятки, выросло на 12 % по сравнению с 2022 г.;

- 70 % опрошенных знали о факте возникновения коррупционной ситуации;
- 9,9 % жителей УО подтвердили, что сталкивались с проявлениями коррупции;
- процент положительно оценивающих деятельность властей по противодействию коррупции увеличился на 9,4 % по сравнению с 2020 г.

В **Краснодарском крае** в ходе проведения социологических исследований были получены следующие результаты³⁴:

- 31,3 % респондентов затруднились ответить на вопрос об уровне коррупции в крае, что может говорить о недостаточном понимании вопроса и об отсутствии устоявшегося мнения, 18,7 % опрошенных уверены, что уровень коррупции стал выше, а 38,2 % считают, что он остался неизменным;
- наиболее коррумпированными жители региона считают коммунальные службы (55 %), СМИ (50,5 %), правоохранительные органы, т. е. полицию, прокуратуру и пр. (49,8 %), службу безопасности дорожного движения (ГИБДД) (49,1 %), окружные, областные, районные и городские суды (45,4 %);
- 14,5 % опрошенных оценивают деятельность региональных властей как эффективную, а 19,3 % респондентов уверены, что региональная власть не хочет и не может бороться с коррупцией.

Итак, несмотря на разные результаты, полученные в ходе социологических исследований в разных регионах, можно отметить в целом положительную динамику систематической деятельности исполнительных органов государственной власти субъектов РФ по противодействию коррупции.

Для оценки реализуемых управленческих практик было проведено 5 экспертных интервью с теми лицами, которые реализуют антикоррупционную политику в Свердловской области. Эксперты отмечают, что в 2024 г. сложилась определенная система взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления и общественности в реализации антикоррупционной политики в СО.

Представитель Департамента отметил некоторые региональные особенности реализуемой в субъекте РФ антикоррупционной политики: *Не так давно*

³² Сводный отчет о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики Республики Татарстан в 2023 г. URL: https://minzdrav.tatarstan.ru/file/pub/pub_4201405.pdf (дата обращения: 10.08.2024).

³³ Сводный доклад «О результатах исполнения в 2023 г. в Ульяновской области Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 гг. и областной программы «Противодействие коррупции в Ульяновской области»». URL: https://anticorrupt.ulgov.ru/wp-content/uploads/reports/svod_nacional_plan.pdf (дата обращения: 10.08.2024).

³⁴ Доклад о восприятии уровня коррупции в Краснодарском крае в 2023 г. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1276/> (дата обращения: 10.08.2024).

была установлена обязанность лиц, замещающих муниципальные должности, сообщать о фактах склонения к совершению антикоррупционных правонарушений, что принято далеко не во всех субъектах РФ.

Эксперт общественной организации выразил мнение, что участие в программе совместных действий *Общество против коррупции*, которая действует в СО продолжительное время, приносит свои плоды в виде *активной молодежи, участвующей в различных мероприятиях, стремящейся искоренить коррупцию в своем поколении*.

Член экспертной комиссии обозначил некоторые проблемы, возникающие при реализации антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов: *Поскольку количество аккредитованных Минюстом экспертов на проведение независимой экспертизы правовых актов сильно ограничено, очевидна проблема с большой нагрузкой на каждого эксперта. Помимо этого, стоит учесть, что данная деятельность осуществляется ими на безвозмездной основе*.

Представители субъектов общественного контроля отметили, что, к сожалению, коррупция – явление «живое», т.к. *оно адаптируется и мимикрирует под потребности времени и общества. Для адекватного противостояния этой проблеме необходима полная информированность и вовлеченность населения, а с этим пока у нас не все так хорошо*.

Заключение

Характер коррупции отличается в регионах-донорах и регионах-реципиентах (с экономической позиции). Лидирующие места субъекта Российской Федерации в различных общероссийских рейтингах требуют от него более активных и инновационных решений в сфере противодействия коррупции. Однако результативность реализуемых управленческих практик может оказаться невысокой за счет одних и тех же причин.

Во-первых, планирование реализации антикоррупционной политики в каждом субъекте РФ происходит по-разному. Но важно, что «некачественный» подход к планированию (отсутствие необходимых ресурсов, неучет данных антикоррупционного мониторинга и других показателей социально-экономического прогнозирования развития региона; слишком подробная, излишняя или, наоборот, слишком широкая постановка задач; отсутствие координации планирования на горизонтальном и вертикальном уровнях и т.д.) зачастую приводит к одинаковым результатам в любом регионе – слабому воздействию на коррупцию. Выделяемые бюджетные средства на реализацию этой политики,

масштабность реализуемых практик, долгосрочность принимаемых мер имеют значительные отличия в антикоррупционной региональной политике субъектов РФ.

Во-вторых, хотя реализация антикоррупционной политики идет с участием институтов гражданского общества, освещение их участия и результатов совместных усилий происходит не должным образом. Это может свидетельствовать об отсутствии обратной связи от граждан по результатам реализации политики, т.е. население получает информацию о противодействии коррупции преимущественно из СМИ: его внимание фокусируется на коррупционных арестах и скандалах, а не на эффективности антикоррупционной работы.

В-третьих, несмотря на участие общественных акторов, антикоррупционные действия в субъекте РФ в основном реализуются органами публичной власти и подведомственными учреждениями. При этом коррупция как объект воздействия существует внутри системы органов публичной власти, что позволяет говорить о том, что субъект и объект управленческого воздействия в некотором роде тождественны [23]. При слабом же общественном контроле это приводит к отсутствию значимых результатов (в лучшем случае).

Управленческие практики в сфере реализации региональной антикоррупционной политики важны для систематизации и последующего анализа существующего регионального опыта. В силу таких особенностей, как организация системы публичной власти в регионе, количество муниципальных образований, расположенных на территории субъекта РФ, и их статус, социально-экономические, политические, культурные и иные факторы, реализация антикоррупционной политики в субъектах России также отличается.

При этом важно отбирать и фиксировать наиболее успешные практики с целью последующего масштабирования и распространения в другие регионы со схожей ситуацией. Это можно реализовать, составив общую базу данных подобных практик с доступной «витриной» в сети Интернет.

Важнейшим аспектом реализации региональной антикоррупционной политики выступает ее открытость и результативность, понятная гражданам и распространяемая субъектами реализации политики по востребованным населением каналам. Причем результативность не может выражаться «бюрократическим», административным языком, следует доносить ее до людей понятными непротиворечивыми фразами. Каналами такого обмена, итогами реализации политики могут служить не только

официальные страницы органов публичной власти, некоммерческих организаций и активистов в социальных сетях, но и мероприятия, и личные встречи как с гражданами, так и с представителями медиасферы (журналисты и блогеры).

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Г. А. Банных – концептуализация, анализ нормативных правовых актов, выбор методологии, курирование данных, администрирование проекта, редактирование статьи. И. Р. Паливода – проведение исследования, сбор данных и их визуализация, подготовка рукописи, формальный анализ.

Contribution: G. A. Bannykh developed the research concept, performed the legal analysis, selected the methodology, supervised the project, and edited the draft. I. R. Palivoda conducted the research, collected the data, provided their visualization, performed the formal analysis, and wrote the manuscript.

Литература / References

1. Черкасов К. В., Пиптюк А. В. Межрегиональная программа противодействия коррупции: к вопросу о системности антикоррупционных мероприятий на уровне федерального округа. *Мари́йский юриди́ческий вестник*. 2020. № 1-2. С. 36–38. [Cherkasov K. V., Pipyuk A. V. Interregional anti-corruption program: To the issue of systematization of anti-corruption activities at the federal district level. *Mariiskii iuridicheskii vestnik*, 2020, (1-2): 36–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aycxlv>
2. Рыбкина М. В. Совершенствование механизмов противодействия коррупции в условиях цифровизации общества. *Развитие современной науки и образования: инновации в преподавании, обучении, научных исследованиях*: Междунар. науч.-практ. конф. (Архангельск, 19 января – 15 апреля 2024 г.) Архангельск: Институт управления, 2024. С. 66–70. [Rybkina M. V. Improving anti-corruption mechanisms in the digital society. *The development of modern science and education: innovations in teaching, learning, and research*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Arkhangelsk, 19 Jan – 15 Apr 2024. Arkhangelsk: Institut of management, 2024, 66–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hyutxg>
3. Протопопова И. Н. Цифровизация как фактор противодействия коррупции. *Государство, общество, бизнес в условиях цифровизации*: Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 13 февраля 2020 г.) Саратов: ПИУ имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС, 2020. С. 52–53. [Protopopova I. N. Digitalization as a factor of anti-corruption. *Government, society, and business in the context of digitalization*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Saratov, 13 Feb 2020. Saratov: Volga Region Institute of Management (RANEPА), 2020, 52–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vuowwo>
4. Меняйло Д. В., Барсова Е. Р. Применение информационных технологий в сфере противодействия коррупции. *Информационные технологии в деятельности органов внутренних дел*: Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 20 апреля 2023 г.) М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. С. 222–226. [Meniailo D. V., Barsova E. R. Information technologies in the field of anti-corruption. *Information technologies in the activities of internal affairs bodies*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Moscow, 20 Apr 2023. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2023, 222–226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hzxivs>
5. Щерблыкина И. В. Информационное противодействие коррупции в России по данным криминологического исследования. *Состояние противодействия коррупции и направления совершенствования борьбы с ней*: Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 27–28 января 2015 г.) М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. С. 38–47. [Shcheblykina I. V. Informational counteraction to corruption in Russia: Criminological research. *The state of anti-corruption and improvement measures*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Moscow, 27–28 Jan 2015. Moscow: Rossiiskaia kriminologicheskaiа assotsiatsiia, 2015, 38–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twyufp>
6. Каранова Д. А. Применение информационно-коммуникационных технологий в обеспечении противодействия коррупции. *Правовые и криминологические основы противодействия коррупции: международный и российский опыт*: Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 9 декабря 2022 г.) Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. С. 75–78. [Karanova D. A. Information and communication technologies in corruption prevention. *Legal and criminological foundations of anti-corruption: International and Russian*

- experience*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Moscow, 9 Dec 2022. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2023, 75–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njaqaf>
7. Гришин Е. А., Банных Г. А. Особенности противодействия коррупции в органах государственной власти на региональном уровне. *Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований*. 2022. Т. 1. С. 171–176. [Grishin E. A., Bannykh G. A. Features of counteraction to corruption in state authorities at the regional level. *Sovremennoe obshchestvo: Voprosy teorii, metodologii, metody sotsialnykh issledovaniy*, 2022, 1: 171–176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/znwbbi>
 8. Гацко М. Ф. Антикоррупционная политика государства. Ногинск: Ногинский филиал РАНХиГС, 2015. 118 с. [Gatsko M. F. *The anti-corruption policy of the state*. Noginsk: Noginsk branch of RANEPa, 2015, 118. (In Russ.)]
 9. Серегина Е. В., Магеров Д. В. О некоторых вопросах эффективности проводимой антикоррупционной политики в Российской Федерации и регионах (на примере Ростовской области). *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2022. № 8. С. 124–130. [Seregina E. V., Magerov D. V. On some issues of the effectiveness of the anti-corruption policy in the Russian Federation and its regions (the example of the Rostov Region). *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*, 2022, (8): 124–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/budzwk>
 10. Сорокин Р. С. Антикоррупционная политика России. *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2021. № 1. С. 91–94. [Sorokin R. S. Anti-corruption policy of Russia. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata*, 2021, (1): 91–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/onxkvt>
 11. Доменко Ю. Ю., Ильина Е. Н., Улыбина Е. А., Сапсай К. В., Доменко А. Ю., Княжева С. А., Княжева Е. А. Региональная специфика коррупции (на примере Кировской области). *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2023. Т. 3. № 4. С. 80–86. [Domenko Yu. Yu., Ilina E. N., Ulybina E. A., Sapsay K. V., Domenko A. Yu., Knyazheva S. A., Knyazheva E. A. Regional specifics of corruption (on the example of the Kirov Region). *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2023, 3(4): 80–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.04.03.009>
 12. Бурда М. А., Иванова М. М. Антикоррупционная политика современной России: особенности формирования новых подходов государственного управления. *PolitBook*. 2019. № 2. С. 83–96. [Burda M. A., Ivanova M. M. Anti-corruption policy of modern Russia: Features of formation of new approaches to state management. *PolitBook*, 2019, (2): 83–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pqspar>
 13. Яророва Т. В., Сухомлинова Е. В. Основные направления государственной антикоррупционной политики в субъектах. *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. 2020. Т. 1. № 9. С. 245–250. [Yarovova T. V., Sukhomlinova E. V. Basic directions of state anti-corruption policy in subjects. *Sotsialnaia integratsiia i razvitie etnokultur v evraziiskom prostranstve*, 2020, 1(9): 245–250. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gxbwhm>
 14. Горшенков Г. Н. Эффективность антикоррупционной политики. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. № 1. С. 5–16. [Gorshenkov G. N. Efficiency of anti-corruption policy. *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, (1): 5–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vomocl>
 15. Ахметов А. С. Коррупция как социальное явление. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 2. С. 58–62. [Akhmetov A. S. Corruption as a social phenomenon. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniia*, 2018, (2): 58–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/art.2018.2.8>
 16. Кабытов Н. П. Организация деятельности многофункциональных центров как элемент механизма противодействия коррупции. *Развитие института резерва управленческих кадров в субъектах Российской Федерации как вызов времени и эффективный инструмент совершенствования государственной кадровой политики*: Межрегион. науч.-практ. конф. (Самара, 9 октября 2014 г.) Самара: СамНЦ РАН, 2014. С. 269–274. [Kabytov N. P. Multifunctional centers as an element of anti-corruption. *Developing of the institute of the reserve of managerial personnel in the subjects of the Russian Federation as a challenge of the time and an effective tool for improving the state personnel policy*: Proc. Interreg. Sci.-Prac. Conf., Samara, 9 Oct 2014. Samara: SamSC RAS, 2014, 269–274. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/szaiwb>
 17. Leontieva L. S., Khalilova T. V., Gaynullina L. F., Khalilov A. I. Social-communicative innovations in anti-corruption activities (regional aspect). *Asian Social Science*, 2015, 11(7): 385–393. <https://doi.org/10.5539/ass.v11n7p387>

18. Куликов А. В., Символокова Д. А. Современный способ борьбы с коррупцией – использование технологии блокчейн. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2021. № 4. С. 36–42. [Kulikov A. V., Simvolokova D. A. A modern way to fight corruption – the use of blockchain technology. *Izvestiia Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki*, 2021, (4): 36–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2071-6184-2021-4-36-42>
19. Маринкин Д. Н., Плотников Р. В. Информационные технологии блокчейн как способ борьбы с коррупцией в современной России. *Вестник Прикамского социального института*. 2019. № 1. С. 61–64. [Marinkin D. N., Plotnikov R. V. Information blockchain technologies as the way of fight against corruption in modern Russia. *Vestnik Prikamskogo sotsialnogo instituta*, 2019, (1): 61–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/irbdsg>
20. Емельянов А. С. Диалектика применения блокчейн-технологий в сфере противодействия коррупции. *Диалектика противодействия коррупции: XII Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Казань, 18 ноября 2022 г.)* Казань: Познание, 2023. Т. 2. С. 67–80. [Emelianov A. S. Dialectics of blockchain technologies in anti-corruption. *Dialectic of anti-corruption: Proc. XII All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation*, Kazan, 18 Nov 2022. Kazan: Poznanie, 2023, vol. 2, 67–80. (In Russ.)]
21. Kazachkova Z. M., Kozlova E. B. Monitoring as a tool for improvement of modern regional anti-corruption policy in Russia. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2020, 11(1): 80–90. <https://elibrary.ru/chsjtk>
22. Davidson J. S. Politics-as-usual on trial: Regional anti-corruption campaigns in Indonesia. *The Pacific Review*, 2007, 20(1): 75–99. <https://doi.org/10.1080/09512740601133237>
23. Bågenholm A. The electoral fate and policy impact of "anti-corruption parties" in Central and Eastern Europe. *Human Affairs*, 2013, 23(2): 174–195. <https://doi.org/10.2478/s13374-013-0118-4>
24. Скибин С. А. Учет специфики развития регионов при формировании моделей региональной антикоррупционной политики. *Плехановский барометр*. 2021. № 2. С. 40–44. [Skibin S. A. Specifics of regional development in modelling the regional anti-corruption policy. *Plehanovskii barometr*, 2021, (2): 40–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jlppon>
25. Кузнецова Н. М. Программно-плановое регулирование и практическое осуществление мер по противодействию коррупции органами региональной власти и местного самоуправления. *Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)*. 2023. № 2. С. 35–43. [Kuznetsova N. M. Program-planned regulation and practical implementation of anti-corruption measures by regional and local authorities. *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*, 2023, (2): 35–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-35-43>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/tueftr>

Модель непрерывного профессионального развития специалистов

Домнышев Алексей Владимирович
Региональный центр подготовки персонала «Евраз-Сибирь»,
Россия, Новокузнецк
<https://orcid.org/0009-0002-2008-2288>
domnishevav76@rambler.ru

Ганиева Ирина Александровна
Научно-образовательный центр «Кузбасс», Россия, Кемерово
eLibrary Author SPIN: 4722-1351

Аннотация: В статье представлена модель непрерывного профессионального развития специалистов на таких основных этапах, как школа, образовательное учреждение среднего и высшего образования, предприятие. Реализация модели направлена на профессиональную ориентацию школьников, формирование профессиональных компетенций и дальнейшее их развитие в образовательных учреждениях среднего и высшего образования, а также позволяет специалистам в более короткие сроки реализовывать карьерные треки на предприятии. Обеспечение текущей и перспективной потребности предприятия в профессиональных кадрах играет ключевую роль в достижении его стратегических целей по развитию производства, освоению новых продуктов, внедрению современных технологий. В свою очередь развитие региональной экономики напрямую связано с развитием базовых отраслей региона, кроме того, региональный рынок труда получает специалистов с высоким уровнем подготовки и адаптации, способных решать самые сложные задачи региональной экономики. Представленная модель предполагает высокий уровень взаимодействия всех заинтересованных сторон: работодателя, школ, техникумов, вузов, министерства образования региона, комитетов образования и науки городов. Показаны текущие результаты взаимодействия ЕВРАЗ Западно-Сибирского металлургического комбината с базовыми образовательными учреждениями, реализованные совместные проекты в 2022–2024 гг. и стратегические задачи на ближайшие годы.

Ключевые слова: образовательное учреждение, подготовка персонала, стажировка, профессиональное развитие, карьерный рост, конкурентоспособность персонала, региональное экономическое развитие

Цитирование: Домнышев А. В., Ганиева И. А. Модель непрерывного профессионального развития специалистов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 4. С. 546–554. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-546-554>

Поступила в редакцию 14.08.2024. Принята после рецензирования 19.11.2024. Принята в печать 25.11.2024.

full article

Model of Continuous Professional Education of Specialists

Aleksey V. Domnyshev
Evraz-Sibir Regional Staff Training Center, Russia, Novokuznetsk
<https://orcid.org/0009-0002-2008-2288>
domnishevav76@rambler.ru

Irina A. Ganieva
Kuzbass Center for Science and Education, Russia, Kemerovo
eLibrary Author SPIN: 4722-1351

Abstract: The article presents a model of continuous professional education through school, college, and university to the company level. The model provides career in-school guidance as a basis for professional skills to be developed further at institutions of secondary and higher education. It also provides specialists with a time-efficient corporate career track. By ensuring their current and future needs in qualified personnel, companies achieve strategic goals, develop new products, and introduce modern technologies. The regional economy depends on its basic industries, which require specialists that are able to adapt to the most complex local tasks. The model assumes a high level of interaction between all stakeholders, i.e., employers, schools, technical colleges, universities, regional Departments of Education, municipal Education Councils, academic committees, etc. The authors studied the interaction experience between EVRAZ West Siberian Metallurgical Complex and the regional education institutions in 2022–2024.

Keywords: education institution, personnel training, internship, professional development, career growth, personnel competitiveness, regional economic development

Citation: Domnyshev A. V., Ganieva I. A. Model of Continuous Professional Education of Specialists. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 546–554. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-546-554>

Received 14 Aug 2024. Accepted after review 19 Nov 2024. Accepted for publication 25 Nov 2024.

Введение

Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 г. направлена на создание условий для качественной жизни людей, развития экономики, повышения инвестиционной привлекательности¹. Реализация стратегических приоритетов возможна только при обеспечении их необходимыми ресурсами и конкурентными преимуществами [1–3]. Ключевым фактором экономического развития становится конкурентоспособность работников во всех отраслях региона. Несмотря на существенную диверсификацию экономики, развитие туризма, торговли и сельского хозяйства, базовыми для Кузбасса остаются угледобыча и переработка угля, металлургия как крупнейшие отрасли по занятости населения и налоговым платежам. Соответственно, развитие этих отраслей, во-первых, зависит от уровня обеспечения компанией конкурентоспособности персонала, обладающего компетенциями, которые позволяют достигать целей предприятия, во-вторых, оказывает существенное влияние на устойчивость региональной экономики и ее развитие в том числе [4; 5]. Это связано с тем, что в указанных базовых отраслях занято значительное количество трудоспособного населения, и предприятия являются крупнейшими налогоплательщиками в бюджеты всех уровней.

Важно отметить, что именно угледобыча, переработка угля и металлургия способствуют активному внедрению современных технологий, а также автоматизации и цифровизации как будущему локомотиву экономики региона и страны (особенно в условиях ограниченности трудовых ресурсов) [6–10]. Большую роль в улучшении и развитии экономики региона и страны играет ЕВРАЗ Западно-Сибирский Металлургический Комбинат (ЕВРАЗ ЗСМК) как одно из главных и крупнейших горно-металлургических предприятий РФ

с полным металлургическим циклом (от добычи руды до производства рельсового и строительного проката). Кроме этого, на долю предприятия приходится более 50 % выпускаемых рельсов в стране, в том числе для высокоскоростных магистралей, что также подчеркивает значимый вклад предприятия в российскую экономику. Отметим, что развитие предприятия как ключевого участника региональной экономики влияет на развитие региона в целом, а также на характер проектов развития производства, т.к. все они связаны с повышением требований к компетенциям персонала и уровню его конкурентоспособности.

Несмотря на численность работников ЕВРАЗ ЗСМК (более 22 тыс. человек²), ежегодная потребность в новых специалистах может достигать до 2 тыс. человек в год с учетом вновь вводимых рабочих мест. Это связано со стремлением предприятия обеспечить себя рабочими кадрами с высоким уровнем конкурентоспособности. На высокий уровень конкурентоспособности специалиста в области профессиональных компетенций влияют следующие факторы:

- наличие профильного среднего специального образования;
- мультискиллинг (англ. *multiple* – множественный и *skill* – умение, навык), т.е. владение набором профессиональных компетенций, характерных для нескольких производственных профессий [11, с. 486], и различных допусков в области безопасности;
- владение на базовом уровне инструментами цифровизации (уверенный пользователь ПК, использование в работе цифровых двойников и подсказчиков);
- знание дополнительных языков программирования и навыки использования различных видов приводов и контроллеров – для сервисного персонала.

¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 г. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 122-ОЗ от 26.12.2018 (ред. от 04.10.2024). *СПС Кодекс*.

² Отчет о устойчивом развитии – 2023. ЕВРАЗ. URL: https://www.evraz.com/upload/iblock/e04/j6rlvd7w1gfeK36c4xsgyv4lah2gh6ha/EVRAZ_Sustainability_Report_2023_RUS_final.pdf (дата обращения: 10.08.2024).

Проблема нехватки квалифицированных кадров для промышленности является актуальной не только для Новокузнецка и Кузбасса, но и страны в целом. В 2023 г. в отдельных сферах экономики региона дефицит рабочих кадров достигал 10–15 % [12], а о нехватке работников в РФ заявляли 42 % работодателей³. Исходя из сложившихся тенденций и демографической ситуации, становится очевидным, что дефицит специалистов будет только возрастать. При сохранении такой тенденции к 2030 г. существенно снизится количество работоспособного населения в возрасте 30–35 лет, а средний возраст работника будет стремиться к 50 годам. Это несет для предприятия существенные риски, такие как задержки в запуске новых производственных линий, пересмотр сроков инвестиционной программы, снижение целевых показателей прибыли компании.

Таким образом, перед предприятием стоит не только задача по обеспечению себя кадрами, но и поддержанию и повышению уровня компетенций нанятых специалистов. При этом достижение необходимого для компании уровня компетенций сотрудников нужно реализовывать опережающими темпами, т.е. до прихода персонала на предприятие. Для решения этих задач была разработана модель непрерывного профессионального развития специалистов, основой которой послужили следующие идеи:

- вовлечение школьников в техническое творчество и инженерное образование;
- ранняя профессиональная ориентация школьников, снижение ошибок при дальнейшем профессиональном самоопределении;
- построение карьерного трека будущих специалистов уже в образовательном учреждении;
- формирование профессиональных компетенций на каждом этапе обучения (школа – техникум – вуз).

Результаты

Как отмечено ранее, достижение стратегических целей предприятия зависит от компетентности сотрудников, уровня их конкурентоспособности, повышение которого требует значительных временных и материальных ресурсов, что отрицательно влияет на достижение целей предприятия, снижает скорость реакции бизнеса на вызовы. В связи с этим формирование необходимого уровня конкурентоспособности сотрудников, если говорить о выпускниках образовательных учреждений среднего

профессионального (СПО) и высшего образования (ВО), целесообразно начинать до их полного включения в рабочий процесс. Важно формировать у выпускников набор профессиональных компетенций, удовлетворяющий запросы конкретного работодателя (и оттого необходимый им в будущем), что учитывается моделью непрерывного профессионального развития специалистов.

Модель непрерывного профессионального развития специалистов представляет собой предполагаемый процесс развития специалиста, исходя из качественных и количественных потребностей предприятия в кадрах, и реализуется совместно со стратегическими партнерами организации. Помимо этого, в структуре модели учитывается и уровень образования, а также определяются требования к сотруднику, начиная с основного общего и среднего образования, продолжая учреждениями среднего профессионального образования, высшего образования и заканчивая предприятием.

Например, для ЕВРАЗ ЗСМК стратегическими партнерами в подготовке кадров выступают 4 техникума и 1 вуз Кузбасса:

1. Кузнецкий индустриальный техникум (КИТ);
2. Кузнецкий металлургический техникум им. Бардина И. П. (КМТ);
3. Новокузнецкий транспортно-технологический техникум (НТТТ);
4. Таштагольский техникум горных технологий и сферы обслуживания (ТТТТиСО);
5. Сибирский государственный индустриальный университет (СибГИУ).

Ключевые задачи в таком партнерстве заключаются в увеличении количества обучающихся, принимаемых в образовательные учреждения (что позволит закрыть кадровую потребность предприятия), и формировании у них компетенций, необходимых для конкретного производства и рабочего места. Выполнение данных задач может обеспечить высокий уровень подготовки выпускников школ и освоения ими предметов, будет способствовать их вовлечению в техническое творчество. На рисунке 1 представлена модель непрерывного профессионального развития специалистов с указанием совместно реализуемых проектов и программ ЕВРАЗ ЗСМК с ранее названными образовательными учреждениями.

Рассмотрим более подробно эти проекты, а также конкретные задачи и мероприятия на каждом этапе модели непрерывного профессионального развития специалистов.

³ Башкатова А. Минпромторг призвал заняться «человекосбирательством». *Независимая газета*. 20.07.2023. URL: https://www.ng.ru/economics/2023-07-20/1_8779_workers.html (дата обращения: 10.08.2024).

Рис. 1. Модель непрерывного профессионального развития специалистов

Fig. 1. Model of continuous professional development of specialists

I этап. Высокая конкуренция образовательных учреждений за выпускников 9 и 11 классов, демографические факторы и отток населения показали, что образовательным учреждениям сложно достичь показателей контрольных цифр приема. С 2022 г. ЕВРАЗ ЗСМК реализуется совместная профориентационная работа с базовыми образовательными учреждениями в средних и старших классах (в том числе в рамках Центров профессиональных компетенций), которая заключается в проведении таких мероприятий, как дни открытых дверей; профессиональные пробы; информационные встречи с выпускниками школ, сейчас являющимися студентами или сотрудниками предприятия, достигшими профессиональных успехов и успешно построившими карьеру [13]. Однако сложность с поступлением в вузы, техникумы и колледжи привела к созданию в 2023 г. шести предпрофильных классов для среднего профессионального образования и первого инженерного класса для высшего образования, решающих следующие задачи:

- изучение профильной математики, физики, информатики и повышение уровня успеваемости по этим предметам в школе;
- подготовка к ЕГЭ по физике, математике, информатике;
- вовлечение в проектную деятельность с решением реальных задач производства;
- дополнительная внеурочная деятельность, связанная с техническим творчеством.

В 2024 г. количество инженерных классов составляет 6, в 2025 г. планируется их увеличение до 10–12, что позволит обеспечить набор студентов в целевые группы предприятия. При реализации этого проекта важными являются не столько количественные, сколько качественные показатели. Так, ЕВРАЗ ЗСМК совместно с региональными властями обеспечивает:

- развитие материально-технической базы школ по физике, математике, информатике, химии, черчению за счет выделения грантов со стороны компании;
- подготовку кадров с углубленными знаниями по указанным дисциплинам за счет проведения обучающих семинаров с привлечением Московского физико-технического института;
- разработку и внедрение показателей дополнительной мотивации учителей физики и математики по результатам сдачи ЕГЭ в 11 классе.

Все вышеперечисленное повышает интерес и вовлеченность школьников, профессионально их ориентирует и позволяет достигать лучших результатов. Основными изменениями в образовательной организации инженерных классов (на базе 10–11 классов) являются:

- увеличение в учебном плане математики до 8 часов в неделю и физики до 5;
- введение в рамках внеурочной деятельности дисциплин *Инженерный практикум* и *Технология современного производства* с общей нагрузкой 4 часа в неделю;
- вовлечение в проектную деятельность в рамках профориентационных мероприятий на базе вуза;
- организация инженерных смен на базе регионального центра *Сириус. Кузбасс*.

II этап (СПО). Ключевым проектом в 2022 г. стал *Профессионалитет*, в рамках которого в этом же году общими усилиями ЕВРАЗ ЗСМК и КИТ был создан кластер *Цифровая металлургия Кузбасса*. В 2024 г. появился кластер *Машиностроение*, реализованный вместе с КМТ, и *Транслогистик*, запущенный при участии НТТТ. Важно уточнить, что создание кластеров направлено на построение региональной модели ускоренной практико-ориентированной подготовки специалистов для обеспечения потребности региональной экономики [12]. Такая модель дает студенту возможность получить конкурентоспособное образование и выстроить успешный карьерный трек в крупной металлургической компании, чему способствуют:

- современные образовательные программы и методики, реализуемые совместно с опорным работодателем;

- получение профессии и начального разряда в период обучения на 2 курсе в образовательном учреждении;
- закрепление профессиональных компетенций и дальнейшее их развитие в рамках стажировки на предприятии (с последующим трудоустройством на работу) на 3 курсе.

Благодаря реализации модели непрерывного профессионального развития специалистов образовательные учреждения могут обновить учебно-материальную базу за счет инвестиций федерального бюджета в размере 300 млн руб. и дополнительной поддержки со стороны индустриальных партнеров и регионального бюджета; развить компетенции преподавательского состава в привязке к реальному производству; реализовать высокий уровень взаимодействия между экспертами предприятия и образовательного учреждения (благодаря совместному участию в организации и проведении внеурочной деятельности, профессиональных конкурсов мастерства, участию в комиссиях по получению квалификационных разрядов и др.). Предприятию же реализация модели помогает повысить престижность специальностей, качество приема абитуриентов в техникумы и, как следствие, уровень квалификации выпускников; проводить максимально практико-ориентированную подготовку специалистов в соответствии с особенностями конкретного производства и рабочего места; предложить выпускникам привлекательный уровень стартовых условий с возможностью дальнейшего профессионального развития и построения карьеры в компании.

Также с 2022 г. ЕВРАЗ ЗСМК совместно с Министерством образования Кузбасса реализует инициативу по созданию современного Центра профессиональных компетенций на базе ТТГТиСО за счет средств предприятия и бюджета администрации области. В рамках проекта предусмотрено размещение оборудования и лабораторий учебного центра ЕВРАЗ ЗСМК на территории техникума для их использования в образовательном процессе как студентами, так и сотрудниками предприятия [14–16]. Создание Центра профессиональных компетенций позволит:

- организовать подготовку студентов и сотрудников предприятия в одном месте, что снизит совокупные затраты на развитие и поддержание учебных заведений;
- получить синергию от имеющейся экспертизы со стороны предприятия и техникума за счет участия преподавателей техникума и экспертов предприятия в образовательном процессе;

- планомерно увеличивать контрольные цифры приема студентов – с 75 абитуриентов в 2019 г. до 250 в 2026 г. (с 2024 г. прием студентов в техникумы осуществляется в рамках проекта *Профессионалитет*).

Динамика контрольных цифр приема в техникумы представлена в таблице 1.

Таким образом, реализация проектов совместно с образовательными учреждениями среднего профессионального образования позволяет закрыть потребность предприятия в персонале при целевом показателе трудоустройства в рамках проекта *Профессионалитет* в размере 85 % от контингента. Суммарная потребность ЕВРАЗ ЗСМК в сотрудниках с высшим и средним специальным образованием составляет около 1000 человек в год. При этом уже к 2025 г. будет достигнут необходимый уровень приема в образовательные учреждения, а к 2028 г., соответственно, – уровень трудоустройства (табл. 2).

II этап (ВО). В 2023 г. ЕВРАЗ ЗСМК совместно с СибГИУ была реализована новая образовательная программа *Инженерный бакалавриат*, в рамках которой эксперты предприятия и вуза переработали программы подготовки по трем специализациям (Цифровой инжиниринг и машины обработки

Табл. 1. Динамика контрольных цифр приема в техникумы в рамках проекта *Профессионалитет*, количество человек

Tab. 1. Recruitment targets for admission to technical schools as part of Professionalitet project, number of people

Наименование	2022	2023	2024	2025
КИТ	125	350	475	500
КМТ	25	–	200	200
НТТТ	–	–	200	200
ТТГТиСО	–	–	50	200
Итого	150	350	925	1100

Табл. 2. Потребность предприятия в выпускниках, количество человек

Tab. 2. Company's need for graduates the number of people

Показатели	СПО	ВО
Трудоустройство выпускников	900	100
Поступление	1100	125
Предпрофильные классы / Инженерные классы	1800	250
Профориентационные проекты	2400	750

металлов давлением; Цифровая металлургия; Технологические машины и оборудование). В основу новой программы были заложены следующие принципы:

- проектный подход с 1 курса;
- участие экспертов предприятия в проектной деятельности на протяжении реализации всей программы;
- практикоориентированность программ: объем практики составляет не менее 20 недель с последующим трудоустройством на работу и получением базовой профессии и специальности на 3 и 4 курсах;
- сетевые формы взаимодействия вуза с другими передовыми вузами;
- расширенные стипендиальные и другие программы поддержки студентов со стороны предприятия.

Главная задача проекта – подготовка конкурентоспособных выпускников, которые могут занять позиции руководителей, стать высококвалифицированными специалистами и решать вопросы инновационного развития производства и его цифровизации, внедрения передовых технологий [17].

Прогнозируемое в 2025 г. количество студентов (рис. 2) позволит закрыть потребность в квалифицированных кадрах по основным производствам ЕВРАЗ ЗСМК. При этом обеспечение части производств специалистами будет реализовано в соответствии со стандартными программами подготовки, в которых нет необходимости формировать отдельные профильные группы набора [18].

III этап. В дальнейшем для предприятия важно удержать своих сотрудников в компании и получить отдачу от инвестиций, вложенных в персонал на предыдущих этапах работы. Помочь поддержать вовлеченность сотрудников может процесс дальнейшего непрерывного профессионального развития выпускников СПО и ВО и повышение их конкурентоспособности. В первую очередь это достигается с помощью проведения мероприятий по профессиональной подготовке специалистов внутри предприятия на рабочих местах, площадке корпоративного

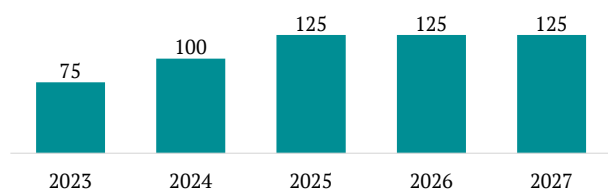

Рис. 2. Контрольные цифры приема на программу обучения *Инженерный бакалавриат*, количество человек
Fig. 2. Admission for Bachelor's Degree program in Engineering, number of people

учебного центра, базе внешних учебных центров; организации конкурсов профессионального мастерства; реализации программ подготовки кадрового резерва.

Система конкурсов профессионального мастерства представляет собой многоуровневую модель развития специалистов на уровне подразделений, дивизиона, компании, общероссийских соревнований. Конкурсы проводятся в различных возрастных категориях. Годовой охват сотрудников, участвующих в таких мероприятиях, составляет более 1300 человек. Важно отметить, что в данную систему профессионального развития интегрированы также студенты и школьники базовых учреждений образования. Это позволяет выстраивать непрерывную модель развития профессиональных компетенций школьников и дает им возможность попробовать себя в нескольких профессиональных ролях, что помогает определиться с профессией уже на школьном этапе, способствуя дальнейшему профессиональному росту обучающихся.

Помимо этого, система конкурсов профессионального мастерства позволяет выявлять сотрудников с более высоким потенциалом и результатами работы и, соответственно, инвестировать в их подготовку дополнительные усилия, помогая достигать им лучших результатов. Такой подход существенно повышает конкурентоспособность специалистов и уровень их самореализации. Чемпионатный опыт и усиленная подготовка к соревнованиям позволяют за годовой цикл существенно нарастить компетенции, влияющие на уровень разряда / должности и являющиеся карьерным и профессиональным лифтом для сотрудника [18; 19]. Призовые места на отраслевых соревнованиях и общероссийских состязаниях дают возможность участникам в следующем периоде выступить в качестве экспертов в своей компетенции, начиная с подготовки школьников и студентов и заканчивая сотрудниками компании. Все это позволяет персоналу:

- выстраивать дальнейший карьерный трек в компании;
- рассматриваться в кадровом резерве на руководящие позиции;
- вовлекаться в решение задач развития производства, проектную работу по автоматизации и цифровизации производства, внедрению передовых технических решений.

Вовлечение студентов и школьников в техническое творчество, систему профессиональных соревнований, как отмечено ранее, позволяет существенно ускорить формирование их карьерных треков. Так, анализ карьерных треков выпускников

Профессионалитета показывает, что они проходят путь профессионального развития от минимального разряда по профессии до руководящей должности за 3 года, когда ранее этот путь составлял до 7,5 лет. Мобильность рынка труда и конкуренция обеспечивают региональный рынок труда в более короткие сроки специалистами высокого уровня, способными поддерживать и ускорять развитие как отдельных предприятий, отраслей, так и региональной экономики в целом.

Заключение

Таким образом, реализация модели непрерывного профессионального развития специалистов в цепочке *школа – профессиональное образовательное учреждение – предприятие* позволяет:

- 1) обеспечить вовлечение учащихся основной и средней общеобразовательной школы в техническое творчество;
- 2) формировать у студентов образовательных учреждений СПО и ВО индивидуальные карьерные траектории через получение профессии в техникуме или вузе и прохождение стажировки на предприятии;
- 3) вывести материально-техническое обеспечение образовательных учреждений на принципиально новый уровень за счет привлечения федеральных средств и проектов совместного финансирования;
- 4) изменить структуру набора в образовательных учреждениях с учетом потребностей предприятия;
- 5) перейти к новой форме интеграции предприятия и образовательного учреждения – созданию Центров профессиональных компетенций на базе корпоративных учебных центров и образовательных учреждений.

Также модель непрерывного профессионального развития специалистов повышает уровень обеспеченности предприятия персоналом и показатель конкурентоспособности сотрудников, готовых к решению задач более высокого уровня

за счет, соответственно, более высокого уровня квалификации [20].

Реализация проектов модели непрерывного профессионального развития специалистов направлена на достижение целей предприятия в целом, а также в рамках стратегии развития региональной экономики, в том числе увеличения количества студентов в образовательных учреждениях, обеспечения регионального рынка труда специалистами необходимого уровня и развития региона [21–24]. Оно может быть реализовано, в первую очередь, за счет трансформации образовательного и научного потенциала в соответствии с выдвинутыми приоритетами [4]. Также данная модель позволяет существенно снизить время для достижения необходимого уровня квалификации выпускников, соответствующего требованиям рынка, что существенно улучшает конкурентоспособность отдельных отраслей и экономики региона.

Модель непрерывного профессионального развития специалистов [25], основанная на долгосрочной потребности предприятия в персонале и непрерывном развитии специалиста в течение всех этапов его развития, может быть тиражирована и использована в работе другими предприятиями без существенной адаптации и дополнительной коррекции под их специфику.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. 2-е изд. Кемерово: КемГУ, 2022. 170 с. [Kvint V. L. *The concept of strategizing*. 2nd ed. Kemerovo: KemSU, 2022, 170. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7>
2. Новикова И. В., Абросова О. Е., Бойко К. В. и др. Стратегирование человеческого потенциала Кузбасса. Кемерово: КемГУ, 2020. 453 с. [Novikova I. V., Abrosova O. E., Boyko K. V. et al. *Strategizing of Kuzbass human capacity*. Kemerovo: KemSU, 2020, 453. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/enxddv>
3. Квинт В. Л., Алимуратов М. К., Астапов К. Л. Стратегирование экономического и инвестиционного развития Кузбасса. Кемерово: КемГУ, 2021. 364 с. [Novikova I. V., Abrosova O. E., Boyko K. V. *Strategizing of Kuzbass Region economic and investing development*. Kemerovo: KemSU, 2021, 364. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2724-9>

4. Цивилев С. Е. Кузбасс 2035: национальные интересы и стратегические приоритеты развития региона. *Экономика в промышленности*. 2020. Т. 13. № 3. С. 281–289. [Tsivilev S. E. Kuzbass 2035: National interests and strategic priorities of the regional development. *Ekonomika v promyshlennosti*, 2020, 13(3): 281–289. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2020-3-281-289>
5. Гаврилов А. И. Региональная экономика и управление. Н. Новгород: РАНХиГС, 2014. 571 с. [Gavrilov A. I. *Regional economy and management*. Nizhny Novgorod: RANEPА, 2014, 571. (In Russ.)]
6. Новикова И. В. Концепция стратегии занятости населения в цифровой экономике. Кемерово: КемГУ, 2020. 254 с. [Novikova I. V. *The concept of employment strategy for the digital economy*. Kemerovo: KemSU, 2020, 254. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2609-9>
7. Силин Я. П., Коковихин А. Ю. Развитие цифровых компетенций трудовых ресурсов в рамках концепции «умной специализации» региона. *Human Progress*. 2021. Т. 7. № 4. [Silin Ya. P., Kokovikhin A. Yu. Workforce' digital competencies development according to the "smart specialization" of the region concept. *Human Progress*, 2021, 7(4). (In Russ.)] <https://doi.org/10.34709/IM.174.13>
8. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты. *Вопросы экономики*. 2019. № 1. С. 135–145. [Zubarevich N. V. Spatial development strategy: Priorities and instruments. *Voprosy Ekonomiki*, 2019, (1): 135–145. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>
9. Михеева Н. Н. Приоритеты регионально развития как фактор экономического роста. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2018. Т. 16. С. 32–55. [Mikheeva N. N. Priorities of regional development as a factor of economic growth. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhoziaistvennogo prognozirovaniia RAN*, 2018, 16: 32–55. (In Russ.)] https://doi.org/10.29003/m252.sp_ief_ras2018/32-52
10. Угрюмова А. А. Управление экономическим ростом агломераций (на примере Московской агломерации): дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005. 284 с. [Ugriumova A. A. *Managing the economic growth of agglomerations: Moscow agglomeration*. Dr. Econ. Sci. Diss. Moscow, 2005, 284. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nnqevr>
11. Батюков К. В., Исмагилова Г. В. Интеграция процессов дуального образования для подготовки производственного персонала на примере АО «ПНТЗ». *Российские регионы в фокусе перемен: XVIII Междунар. конф.* (Екатеринбург, 16–18 ноября 2023 г.) Екатеринбург: Ажур, 2023. С. 486–490. [Batyukov K. V., Ismagilova G. V. Integration of dual education processes for the training of production personnel on the example of JSC "PNTZ". *Russian regions in the focus of change: Proc. XVIII Intern. Conf.*, Ekaterinburg, 16–18 Nov 2023. Ekaterinburg: Azhur, 2023, 486–490. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pnqxwp>
12. Домнышев А. В., Затепакин О. А. Стратегическое партнерство ЕВРАЗ с базовыми образовательными учреждениями. *Актуальные проблемы экономики и управления в XXI веке: IX Междунар. науч.-практ. конф.* (Новокузнецк, 15–16 марта 2023 г.) Новокузнецк: СибГИУ, 2023. Ч. 1. С. 3–9. [Domnyshev A. V., Zatepyakin O. A. Strategic partnership of EVRAZ with basic educational institutions. *Actual problems of economics and management in the XXI century: Proc. IX Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Novokuznetsk, 15–16 Mar 2023. Novokuznetsk: SibSIU, 2023, pt. 1, 3–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cxdodl>
13. Домнышев А. В. Профориентационная работа как один из ключевых элементов эко системы. *Лучшая научная статья 2021: XLIII Междунар. науч.-исслед. конкурс* (Пенза, 30 июня 2021 г.) Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 51–53. [Domnyshev A. V. Professional orientation working as one of the key elements of the eco system. *The best scientific article of 2021: Proc. XLIII Intern. Academic and Research Competition*, Penza, 30 Jun 2021. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2021, 51–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ipscra>
14. Домнышев А. В., Затепакин О. А. Формирование экосистемы на базе учебного центра. *Студент года 2021: Междунар. учеб.-исслед. конкурс*. (Петрозаводск, 19 мая 2021 г.) Петрозаводск: Новая наука, 2021. Ч. 4. С. 34–41. [Domnyshev A. V., Zatepyakin O. A. Formation of an ecosystem based on the training center. *Student of 2021: Proc. Intern. Academic and Research Competition*, Petrozavodsk, 19 May 2021. Petrozavodsk: Novaia nauka, 2021, pt. 4, 34–41. (In Russ.)]
15. Затепакин О. А., Казанцева Г. Г., Иванова Е. В., Домнышев А. В. Экосистемный подход к формированию профессионального потенциала региона в условиях цифровой трансформации. *Human Progress*. 2022. Т. 8. № 1. [Zatepyakin O. A., Kazantseva G. G., Ivanova E. V., Domnyshev A. V. Ecosystem approach to the regional professional potential formation in the digital transformation conditions. *Human Progress*, 2022, 8(1). (In Russ.)] <https://doi.org/10.34709/IM.181.7>
16. Пфетцер С. А., Пфетцер А. А. Стратегия формирования отраслевых и межрегиональных центров компетенций. *Теория и практика стратегирования: IV Междунар. науч.-практ. конф.* (Кемерово, 25–26 февраля 2021 г.) Кемерово: КемГУ, 2021. Т. 3. С. 25–28. [Pfettser S. A., Pfettser A. A. A Strategy for the formation

- of sectoral and inter-regional centers of excellence. *Theory and practice of strategizing*: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, 25–26 Feb 2021. Kemerovo: KemSU, 2021, vol. 3, 25–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kyjgte>
17. Домнышев А. В. Современные подходы подготовки кадров для промышленного производства на основе автоматизации и цифровизации процесса обучения. *Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации*: XIV Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 23 января 2022 г.) Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 93–95. [Domnyshev A. V. Modern approaches to training personnel for industrial production based on automation and digitalization of the learning process. *High technologies, science, and education: Current issues, achievements, and innovations*: Proc. XIV All-Russian Sci.-Prac. Conf., Penza, 23 Jan 2022. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2022, 93–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jyzdprv>
 18. Домнышев А. В., Затепакин О. А. Опережающее развитие персонала как фактор повышения конкурентоспособности персонала и развития бизнеса. *Системы автоматизации (в образовании, науке и производстве) AS'2022*: Всерос. науч.-практ. конф. (с Междунар. уч.) (Новокузнецк, 15–16 декабря 2022 г.) Новокузнецк: СибГИУ, 2022. С. 447–453. [Domnyshev A. V., Zatepyakin O. A. Advanced staff development as a factor in improving staff competitiveness and business development. *Automation systems in education, science, and production: AS'2022*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. (with Intern. Participation), Novokuznetsk, 15–16 Dec 2022. Novokuznetsk: SibSIU, 2022, 447–453. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmncsc>
 19. Домнышев А. В. Построение системы внутренней конкурентоспособности персонала на промышленном предприятии как фактор развития и удержания сотрудников и развития предприятия. *Конкурс молодых ученых*: XI Междунар. науч.-исслед. конкурс (Пенза, 15 июня 2022 г.) Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 108–111. [Domnyshev A. V. Building a system of internal competitiveness of personnel at an industrial enterprise as a factor in the development and retention of employees and the enterprise. *Competition for young scientists*: Proc. XI Intern. Academic and Research Competition, Penza, 15 Jun 2022. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2022, 108–111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dmlccm>
 20. Воронин Б. А., Карпукхин М. Ю., Чупина И. П., Воронина Я. В., Чупин Ю. Н. Региональная экономика в аспекте производственного потенциала территорий. Екатеринбург: Уральский ГАУ, 2021. 312 с. [Voronin B. A., Karpukhin M. Yu., Chupina I. P., Voronina Ya. V., Chupin Yu. N. *Regional economy in terms of regional production potential*. Ekaterinburg: Ural SAU, 2021, 312. (In Russ.)]
 21. Буланов Ю. Н., Иванова Е. В. Оценка предварительных результатов реализации Стратегии развития Кемеровской области до 2025 года. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2018. № 3. [Bulanov Yu. N., Ivanova E. V. The estimation of the preliminary results of the realization of strategy of Kemerovo Region's development up to 2025. *Regional economy and management: electronic scientific journal*, 2018, (3). (In Russ.)] URL: <https://eee-region.ru/article/5512/> (дата обращения: 10.08.2024). <https://elibrary.ru/joheis>
 22. Капустянова К. А., Гелета И. В. Совершенствование системы оценки конкурентоспособности персонала на предприятии. *Символ науки*. 2016. № 11-1. С. 67–70. [Kapustianova K. A., Geleta I. V. Improving the system of personnel competitiveness assessment at the enterprise level. *Symvol nauki*, 2016, (11-1): 67–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/slxlbj>
 23. Макекадырова А. С., Кравцевич С. В. Современные аспекты регулирования конкурентоспособности работников на отечественном рынке труда. *Лидерство и менеджмент*. 2024. Т. 11. № 1. С. 121–148. [Makekadyrova A. S., Kravtsevich S. V. Modern aspects of regulating the employees' competitiveness on the national labor market. *Liderstvo i menedzhment*, 2024, 11(1): 121–148. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/lim.11.1.120500>
 24. Ракитина Н. А. Взаимодействие профессионального образования с рынком труда на основе социального партнерства. *ИНСАЙТ*, 2020. № 3. С. 97–106. [Rakitina N. A. Interaction of vocational education and the labor market on the basis of social partnership. *INSIGHT*, 2020, (3): 97–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lrrrwq>
 25. Домнышев А. В., Затепакин О. А. Академия Карьеры ЕВРАЗ – проект непрерывного профессионального развития специалистов. *Развитие производительных сил Кузбасса: история, современный опыт, стратегия будущего*: Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 17–23 ноября 2023 г.) М.: РАН, 2024. Т. 3. С. 332–339. [Domnyshev A. V., Zatepyakin O. A. EVRAZ Career Academy is a project of specialists' continuous professional development. *Development of the Kuzbass productive forces: History, modern experience, and strategy of the future*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, 17–23 Nov 2023. Moscow: RAS, 2024, vol. 3, 332–339. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/uioksv>

Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 3

Пьянкова Людмила Алексеевна

Сибирский государственный индустриальный университет, Россия, Новокузнецк

eLibrary Author SPIN: 7296-4481

<https://orcid.org/0000-0003-1486-5542>

duby.ludmila@yandex.ru

Аннотация: Определены «болевые» точки регионального рынка, и доказана целесообразность реализуемых мер в образовательной практике Кемеровской области – Кузбасса как слабо диверсифицированном субъекте Российской Федерации, нуждающемся в трансформации человеческого капитала и преодолении существующих транзакционных издержек управленческого и технологического характера. Проиллюстрированы возможности реализации антропологического и конвергентного подходов в региональное пространство вузов, нацеленных на формирование метапредметных компетенций и сложных индустриальных навыков, концептуализирующих модель компетенций *работников будущего* посредством интеграции профессионализации и социальных интенций. Внутренним механизмом поддержки самоопределения выступает интериоризация. Детерминантами личностной, социальной и профессиональной идентификации являются стратегемы развития страны на период 6–8 лет, представляющие факторы ее социально-экономического роста и меры сглаживания мировоззренческих противоречий индивидуалистической и коллективистской России. Они полагаются векторами управленческой, финансовой, технологической, социально-экономической и культурной политики государства в оптике формальных / жестких и неформальных / мягких институтов. Научная и практическая новизна предлагаемой концепции представляет трансформацию мировоззрения на личностном и социальном уровне, создающем мотивационную основу для повышения качества человеческого капитала, выступающего главным условием формирования высокотехнологичных рабочих мест со сложными компетенциями, включая цифровые навыки.

Ключевые слова: стратегемы, социально-экономическое развитие, антропологический подход, конвергентный подход, человеческий капитал, факторы экономического роста

Цитирование: Пьянкова Л. А. Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 3. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 4. С. 555–564. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-555-564>

Поступила в редакцию 06.12.2023. Принята после рецензирования 18.05.2024. Принята в печать 20.05.2024.

full article

Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part III

Lyudmila A. Pyankova

Siberian State Industrial University, Russia, Novokuznetsk

eLibrary Author SPIN: 7296-4481

<https://orcid.org/0000-0003-1486-5542>

duby.ludmila@yandex.ru

Abstract: The Kemerovo Region is a poorly diversified subject of the Russian Federation, which needs to transform its human capital and overcome the existing managerial and technological transaction costs. The article describes the problem issues of the regional market, as well as the current measures in the sphere of education. Regional universities are ready to implement anthropological and convergent approaches in order to develop meta-professional competencies and complex industrial skills by integrating professionalization and social intentions. Internalization is an internal mechanism that supports self-identification. Personal, social, and professional identification are to go in line with the country's development strategies through 6–8 years. They should be guided

by the factors of domestic socio-economic growth to level the ideological contradictions between individualism and collectivism in Russia. The strategies are the vectors of the managerial, financial, technological, socio-economic, and cultural policy of the state in formal and informal institutions. The proposed concept is based on the transformation of personal and social worldview to motivate improving the quality of human capital and develop high-tech jobs that require digitalization skills.

Keywords: stratagems, socio-economic development, anthropological approach, convergent approach, human capital, factors of economic growth

Citation: Pyankova L. A. Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part III. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 555–564. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-555-564>

Received 6 Dec 2023. Accepted after review 18 May 2024. Accepted for publication 20 May 2024.

Введение

Продолжая конструировать ментальную концепцию профессиональной ориентации молодежи, сосредоточимся на возможностях реализации антропологического и конвергентного подходов, выбранных нами в качестве методологического базиса, в том числе в образовательном пространстве Кемеровской области – Кузбасса, а также на направлениях цивилизационной трансформации РФ, служащих ее индикаторами / маркерами, реализованными как стратегии социально-экономического развития страны.

Методы и материалы

Ранее в статье [1] единого исследовательского материала автором было определено, что важным условием преодоления инерционности, зафиксированной в системе образования, и удовлетворения запроса молодежи на многовекторность карьеры и приближения ожиданий работодателей и рынка труда к будущим и настоящим его субъектам выступает конвергентный подход. Он реализуется в новых образовательных программах СибГИУ, КемГУ, КузГТУ.

На примере Кемеровской области были продемонстрированы возможности конвергентного подхода в условиях трансформации ведущих отраслей экономики, значимо меняющего номенклатуру и структуру компетенций работников, ориентированных на достижение высоких производственных результатов путем непрерывного развития и необходимости их встраивания в процессы цифровизации, – ведущего тренда современного промышленно-технологического уклада.

Результаты

Конвергентный подход, применяемый в профессиональном определении, является мерой трансформации установок, связанных с интеграцией различных аспектов и технологий для достижения оптимального

решения в профопределении, а также рабочей модели в рамках существующей образовательной инфраструктуры в региональном пространстве страны. В работах [2–10] сущность проблемы слияния различных технологий и областей знания раскрывается как отход от предметно-центрированности. Зарубежный опыт открывает два основных пути исследований: научно-технологический (объединение передовых технологий и новых научных возможностей) и антропологический (развитие человеческих способностей и усвоение новых навыков в быстро меняющемся мире) [11].

Конвергенция как междисциплинарность – важный этап в развитии научного знания в связи с новыми способами производства и переходом к информационному обществу. Перспектива роста возможностей, актуализирующей практики с широким охватом научного знания [6], которое в наибольшей степени реализуется на уровне высшего образования, призванного формировать мировоззренческие установки непрерывно развивающегося общества, затронет экономику и, как следствие, образование.

Концепция конвергентного подхода в антропологии представляет собой осознанный процесс изменения ценностных, познавательных, поведенческих и мотивационных основ человека через освоение им новейших технологий, таких как нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии, когнитивные технологии, социальные технологии и др. [12–19]. Интериоризация опыта как отдельного, так и коллективного субъекта инициирует его экстериоризацию, которая должна увеличить эффективность человеческого труда благодаря возможности формирования новых компетенций. Особую остроту данная проблема имеет в регионах, где заметно отставание от столичных агломераций по количеству, качеству человеческого капитала,

репрезентируемого наличием высокотехнологических рабочих мест, по ряду причин¹:

- сложившийся тренд оттока населения из отдаленных от центра и европейской части страны территорий ввиду существующей налоговой политики, предусматривающей агрегацию средств из регионов и дальнейший ее распределительный характер, а также неблагоприятной экологической обстановки (например в Кемеровской области), ухудшения социально-экономической ситуации, дефицита привлекательных вакансий для трудоустройства, невысоких заработков, невысокого уровня качественных социальных услуг и др. [20, с. 326; 21];
- следствием первой причины является сложный и многослойный характер демографических, образовательных и иных социально-экономических проблем регионов, которые их только разгоняют. Как известно, отток высококвалифицированных, мотивированных к сложным видам профессиональной деятельности, обладающих метапредметными компетенциями специалистов деформирует не только структуру занятости, но и ухудшает систему образования на всех ее уровнях, значительно снижает качество медицинского обслуживания и в целом инфраструктуру субъектов РФ, запуская и усложняя и без того трудно решаемые проблемы демографии, нехватки инвестиций, экономического спада, дефицитарности запрашиваемых навыков на рабочем месте.

Будучи слабо диверсифицируемым после распада СССР регионом с моноэкономикой, где основную стоимость ВРП формируют отрасли топливно-энергетического² и металлургического комплексов, чувствительные к геополитическим факторам (мировым ценам на углеводороды, конъюнктуре спроса на металл), Кемеровская область значительно отстает по темпам и качеству создания высокотехнологичных рабочих мест, продолжая наращивать добычу твердого топлива – основного источника загрязнения окружающей среды в Кузбассе. Индустриальная карьерная траектория – преобладающая и иницируемая властями в регионе – выступает основной причиной оттока молодежи, недостаточно ориентированной на овладение

инженерными специальностями. *Постарение* населения, острый дефицит трудовых ресурсов и низкий уровень их индустриально-ориентированных компетенций только усиливают давление на рынок труда [20; 21].

В существующих реалиях конвергентный и антропологический подходы представляются некоторой мерой «расшивки» указанных проблем региона. Ожидается, что подготовка специалистов, обладающих компетенциями *работники будущего* [22] с параллельной диверсификацией экономики в сторону ее индустриальной заданности к цифровизации путем создания высокотехнологичных рабочих мест, консолидированных вокруг крупного проекта в стратегически значимых отраслях и смежных с ними, станет фактором экономического роста. Условием же таких «прорывов» выступает социокультурная среда, значимо меняющая факторы профессионального определения человека – будущего или настоящего субъекта рынка труда – в рамках антропологического подхода, содержательно и инструментально поддерживающая процесс внутреннего опосредования, результатом которого является выбор профессии и построения карьерной траектории. Социально-экономическим механизмом считается изменение неформальных / мягких институтов, стремящихся к таким максимам, как готовность граждан и бизнеса к кооптации, доверию, договороспособности, что станет фактором долгосрочного планирования, модернизации, ответственности, отношения к власти как к деловому партнеру при очевидных устремлениях жестких институтов в создании такой среды в виде законов, правил, стандартов и регламентов.

Идея конвергенции базируется на модели профессиональной компетенции, в которой в рамках субъективного подхода человеческий капитал как антропологический конструкт представляет всех потенциально компетентных сотрудников ценнейшим активом предприятия [23; 24]. Наглядным примером антропологической трансформации определяющегося субъекта в условиях смены промышленно-технологических укладов выступает разработанная автором модель компетенций работников будущего [22]. Подобная коннотация позволяет формировать единое пространство по подготовке

¹ Рынок труда в 2023 году: любопытные результаты исследования SuperJob. *vc.ru*. 06.12.2023. URL: <https://vc.ru/hr/942302-rynok-truda-v-2023-godu-lyuboputnye-rezultaty-issledovaniya-superjob>; Рынок труда в России 2022: аналитика, прогнозы, тренды. *Деловой профиль*. 12.12.2022. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-truda-v-rossii-2022-analitika-prognozy-trendy/> (дата обращения: 06.12.2023).

² Основные показатели угольной отрасли Кузбасса за 5 месяцев. *Министерство угольной промышленности Кузбасса*. 19.06.2023. URL: <https://mupk42.ru/ru/press-center/news/novosti-ministerstva/osnovnye-pokazateli-ugolnoy-otrasli-kuzbassa-za-5-mesyatsev/> (дата обращения: 24.09.2023).

сотрудников, вносящих наибольший вклад в результативность компании с одновременным пересмотром требований к их рабочему месту, где стратегические ориентиры нацелены на развитие организаций, и формально все рабочие места являются стратегическими. В условиях острого кадрового дефицита и низкого уровня квалификации конвергентный подход в реализации новых образовательных программ в вузах Кемеровской области как стратегическом топливно-энергетическом регионе с общим объемом угледобычи не менее 60 % от общероссийского уровня представляется наиболее целесообразным в текущей и среднесрочной перспективе³.

Анализ продолжительного профессионального опыта преподавательской деятельности в смежных областях научного знания и указанных ранее исследований позволяет зафиксировать методологические основания конвергенции:

1. Использование активных методов обучения, включая мозговой штурм, дискуссии, кейс-стади и др. Данные инструменты развивают навыки анализа, критического мышления, создают условия для применения знаний на практике.

2. Интеграция дисциплин. Так, математика может быть объединена с физикой, экономика – с менеджментом, физика – с лингвистикой и т. д.

3. Представление возможности для формирования метапредметных компетенций как специфических профессиональных навыков, необходимых для анализа и решения проблем в сложно устроенном мире. Для некоторых из ключевых метапредметных компетенций, например проектного управления, важным является умение планировать, распределять ресурсы, организовывать и контролировать выполнение проектов, определять приоритеты; для креативного мышления важна способность генерировать новые идеи, находить нетривиальные решения, видеть проблемы с разных ракурсов; для быстрой обучаемости и адаптивности – способность оперативно учиться новому, привыкать к изменяющимся условиям и требованиям, реагировать на новые ситуации и принимать конструктивную критику. Это позволяет сотрудникам быть эффективными на рабочем месте и гибкими в построении карьерной траектории в условиях турбулентности.

4. Проектная деятельность как способ применения знаний на практике развивает навыки командной работы, проблемного мышления и инноваций, высоко востребованные на рабочем месте,

и позволяет преодолевать негативные установки в массовом сознании (низкая готовность к кооперации, договороспособности и консенсусу).

5. Применение современных технологий, включающих использование виртуальной и дополненной реальности, онлайн-платформ для обучения и совместной работы, компьютерного моделирования и т. п.

Конвергенция в вузах Кемеровской области осуществляется через создание образовательной среды путем сочетания различных дисциплин и областей знания, исходя из тенденций развития рынка труда. Актуализируются возможности центров карьеры, созданных на базе вузов Кузбасса, многоуровневой подготовки во взаимодействии с кадровыми центрами «Работа России» и др.

Не имея возможности в рамках настоящей статьи глубоко осветить реализацию конвергентного подхода, приведем лишь некоторые примеры кросс-дисциплинарных программ как отражения связи между различными учебными дисциплинами, показывающих тренды технологической и социально-экономической трансформации:

- «Математика и компьютерные науки», «Физика (Компьютерное моделирование материалов и процессов)» в КемГУ;
- «Бережливое производство», «Электромеханика и информационные системы в горном производстве» в СибГИУ;
- «Прикладная информатика в экономике», «Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности», «Цифровая экономика» в КузГТУ.

Частным случаем конвергенции выступает интеграция учебных планов (в том числе совместных курсов, проектных работ, лабораторных занятий и т. д.). Важной учебной дисциплиной, на которой замыкается формирование метапредметных компетенций, а также сбор, анализ больших баз данных, критерии их отбора и структурирования с целью решения широкого спектра профессиональных кейсов, реализация творческих интенций и коммуникативных умений для осуществления проекта, исходя из требований заказчика или моделируемых условий, выступает проектная деятельность / проектный практикум, введенный в учебные планы вузов.

Привлечение преподавателей-экспертов является мерой формирования метапредметных компетенций. На данный момент нет конкретного законопроекта, обязывающего руководителей вузов

³ Оперативные данные по добыче угля в Кемеровской области – Кузбассе за I полугодие 2023 г. *Росстат*. URL: https://42.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Уголь_0623%20ПОСЛЕ.pdf (дата обращения: 24.09.2023).

приглашать на работу практиков. Однако в регионах существуют инициативы, разработаны рекомендации по развитию эмпирической составляющей образования и вовлечению практиков в учебный процесс. Так, СибГИУ является участником комплексного научно-технического проекта полного инновационного цикла *Чистый уголь – зеленый Кузбасс*; в КемГУ существует ассоциация одаренных учащихся *Ассамблея звезд*, работает единственный в России клинический Центр сохранения биологического разнообразия, занимающийся сохранением редких и исчезающих видов животных.

При этом действующий Федеральный закон «Об образовании в РФ»⁴ подчеркивает важность практической подготовки студентов и сотрудничества с работодателями. Вузы Кемеровской области активно развивают партнерские отношения с предприятиями и организациями для прохождения практик и стажировок. Так, КузГТУ успешно развивает партнерские отношения с СДС, Сбер, СУЭК, СГК, Азот, Кузбассразрезуголь, ПМХ и др. Открытие инновационных центров и лабораторий позволяет широко охватывать и закрывать образовательные, прикладные и научно-исследовательские запросы выпускников, выступать площадкой для сетевого взаимодействия партнеров, создания и реализации инновационных проектов в области управления, права, экономики, инженерии, информационных технологий, биологии, антропологии. В аспекте данного исследования невозможно охватить все значимые для экономики региона и страны форматы инсайтов вузов Кемеровской области, агрегирующие усилия ученых, экспертных сообществ и практиков.

Представленный опыт реализации конвергентного и антропологического подходов в вузах Кузбасса концептуализирует модель компетенций *работников будущего*, в которую интегрированы навыки *hard skills* (измеряемые навыки, направленные на профессионализацию субъекта в процессе обучения) и *soft skills* (когнитивные и социальные компетенции). В условиях острого дефицита высококвалифицированных специалистов существенным является субъективный подход, полагающий всех сотрудников организации важным ресурсом компании. Создание единого образовательного пространства в вузах региона, нацеленного на формирование сложных компетенций, структурно представляющих сочетание различных областей научного знания, его интеграцию с требованиями к рабочему месту, выступает одним из путей решения проблем

современного рынка труда в части его инфраструктурной организации и трансформации интенций человеческого капитала.

Фактическими ориентирами конструируемой нами модели является социально-экономический результат, фиксирующий индикаторы готовности молодежи как совокупность детерминант к ее идентификации, которые смогут создать основу для ментальной трансформации и станут факторами экономического роста и социального развития страны в определенных институтах с различными инфраструктурными возможностями. Уточним, что их можно считать векторами решения давно назревших проблем, требующих перезапуска формальных и неформальных институтов в направлении консолидации кадровых, материальных, финансовых, управленческих и иных ресурсов, работающих как настраиваемый механизм. В аксиологическом и социально-экономическом плане такие меры постулируются как снижающие экономические и социальные противоречия между И-Россией и К-Россией.

Наращение прослойки среднего класса позволит создать связующее звено между поляризованными в экономическом и социальном отношении представителями общества и будет содействовать ментальной трансформации профессионально определяющейся молодежи из-за:

1) его природы как двигателя экономического роста, способствующего увеличению потребления, инвестиций, развитию инноваций, являющегося фактором стабильности (ввиду постоянных доходов) и обеспечивающего возможности для социальной мобильности благодаря высококвалифицированному труду и предпринимательству;

2) его сокращения ввиду экономических, демографических, глобальных экономических и системных проблем в образовании, здравоохранении, социальной защите, неустраненной коррупции и вследствие неэффективного управления.

Однако же выдвинутые стратегемы не могут быть реализованы незамедлительно в силу их сложности и многоаспектности. Нахождение российского общества на переходном этапе цивилизационной трансформации между технологическими циклами предполагает их реализацию на период 6–8 лет, в который произойдет подготовка специалистов с новыми компетенциями, и они станут драйверами развития страны. Рассмотрим более подробно данные стратегемы:

⁴ Об образовании в РФ. ФЗ № 273-ФЗ от 29.12.2012 (в ред. от 04.08.2023). СПС КонсультантПлюс.

1. Создание базы для высокого технологического уровня производства как основы суверенитета, отраженное в Стратегии научно-технологического развития РФ⁵ и ментально и инструментально ориентированное на ожидания И-России, являющейся драйвером развития и модернизации целого ряда стратегических отраслей. Крупные промышленные проекты, приносящие доходы не только от экспорта сырьевых веществ природы и продуктов их первичной и вторичной переработки, но и от изготовления готовой продукции полного цикла, должны стать движущей силой развития науки, отечественных технологий и длительного экономического роста и для изменения подхода к структуре занятости и индикаторам компетенций.

Формирование сложных промышленных навыков (программирование роботов, настройка сложных технологических машин, проектирование производственных процессов, управление логистикой, цепочек поставок в промышленности и др.) на базе созданных или запускаемых государством проектов («Боевой ракетный комплекс "Авангард"», «Турбоventильторный авиадвигатель», «Екатеринбургская кольцевая автодорога», «Северо-западная хорда в Москве» и т.д.⁶), а также инициированных бизнес-сообществом («Восток-ойл», «Строительство завода по сжижению природного газа "Арктик СПГ-2"», «Программа комплексного освоения месторождений Северного Каспия», «Развитие порта Усть-Луга» и т.п.⁷) в области развития военной, космической индустрии, нефтегазовой промышленности, строительства инфраструктуры и др., демонстрирующих уход от примитивизации профессиональной деятельности и компетенций – задача, решение которой меняет концепцию экономики труда в России. В ближайшее время, видимо, следует ожидать новых проектов в области автомобиле-, судо- и авиастроения⁸.

2. Наличие достаточного числа ученых, инженеров, высококвалифицированных «синих воротничков» и бизнесменов, способных осуществить реиндустриализацию. Это будет означать преобразование экономической сферы для наращивания промышленности и обрабатывающего производства путем

изменения совокупности сопряженных производств, подчиненных единому техническому уровню и развивающихся синхронно, а также внедрение новых технологий и организационных основ деятельности, которые помогут создать точки роста для экономики и социальной сферы. Конечной целью является возрождение научных школ и сохранение компетенций в стратегически важных лакунах, включая химию, медицину, генетику, авиапромышленность, автопром, полупроводники, микрочипы, микропроцессоры и др. Дальнейшие инвестиции в науку и производство, поддерживающие инициативу ученых и производителей, следует соподчинить с критериями жизнеспособности технологических проектов, включая стратегическую приоритетность задачи для обеспечения промышленной безопасности страны, ее критический блок, низкие риски, измеримый доход от вложений, значительно превышающий затраты или хотя бы показывающий динамику роста в ближайшей перспективе.

Потенциалом для развития данной стратегемы обладает поддержка молодых ученых с высоким уровнем мотивации к достижению – признанию заслуг в профессиональной и научной среде. Развитие и рост научных школ на больших проектах позволят строить карьеру целому поколению и работникам ряда отраслей в долгосрочной перспективе, удовлетворять все уровни пирамиды потребностей по Маслоу. Гипотетически это станет основой для укрепления института семьи, создания долгосрочной социально-психологической и экономической стабильности общества. Данная задача является приоритетной в условиях крайней турбулентности, когда нарастает нейротизм у целых групп населения из-за неуверенности в завтрашнем дне и неудовлетворенного запроса на стабильность. В структуре мотивационных факторов уверенность сотрудника в своем будущем – основа планирования карьеры, положенной на маршрут роста компании.

Реализация данной стратегемы встречается с одной из значимых проблем современного рынка труда – дефицит рабочей силы [20–22], который, в свою очередь, является следствием демографических процессов 90-х гг. XX в., а также низкого уровня

⁵ О Стратегии научно-технологического развития РФ. Указ Президента РФ № 143 от 15.03.2021. *СПС Кодекс*.

⁶ Крупные российские проекты (Владимир Путин, 2018–2024). *Руксперт*. URL: [https://ruxpert.ru/Крупные_российские_проекты_\(Владимир_Путин,_2018-2024\)](https://ruxpert.ru/Крупные_российские_проекты_(Владимир_Путин,_2018-2024)) (дата обращения: 21.02.2024).

⁷ 30 крупнейших инвестиционных проектов, реализуемых в России. *Вестник экономики евразийского союза*. 18.10.2021. URL: <https://eurasianmagazine.ru/ratings/30-krupneyshikh-investitsionnykh-proektov-realizuemykh-v-rossii/> (дата обращения: 20.11.2023).

⁸ Авиастроители рассказали о новых условиях и сроках поставок отечественных самолетов. *Rg.ru*. 03.03.2024. URL: <https://rg.ru/2024/03/03/aviastroiteli-rasskazali-o-novyh-usloviiah-i-srokah-postavok-otechestvennyh-samoletov.html>; Инвестиции в развитие. ВЭБ наращивает поддержку проектов на Дальнем Востоке. *Aif.ru*. 06.03.2024. URL: https://aif.ru/money/company/investicii_v_razvitie_vez_narashchivaet_podderzhku_proektov_na_dalnem_vostoke (дата обращения: 06.03.2024).

профессиональных компетенций, только усиливающийся при стремлении к нулю показателю безработицы, отсутствию конкуренции в критически важных областях: обрабатывающей промышленности и тех, что связаны со сложными индустриальными навыками (цифровые, аддитивные, лазерные технологии и интеллектуальная трибология в машиностроении, инженерно-экономическое обеспечение технологий и бизнес-процессов водного транспорта, фундаментальная и прикладная биология и медицина и др.).

Устойчивый тренд молодежи постиндустриальной эпохи на занятость в области услуг, быстрые и «легкие» доходы, преобладание потребительских установок выступает издержкой, которую может преодолеть включенность частного бизнеса, заинтересованного в прибыли от участия в долгосрочных проектах и имеющего налоговые преференции в среднесрочной перспективе. Ресурсы и технологический задел – важные мотиваторы активизации частного бизнеса в условиях реформирования индустриальной базы.

3. Способность быстро и массово генерировать идеи, запускать на этой основе новые товары, востребованные не только внутренним рынком, но и дружественными странами. Для реализации данной задачи значимыми являются следующие меры:

I. Перезапуск институций, выступающих в роли механизма принятия решения и связующего звена между ним и его имплементацией – основой для снижения транзакционных издержек в каждой стратегии. Изменение в законодательстве, процедурах и правилах, переобучение персонала, внедрение технологических решений для автоматизации процессов и уменьшение ручного управления – те шаги, которые следует предпринять для реализации данной меры.

II. Подбор и расстановка кадров, их «выращивание» на стратегически важных проектах с ориентацией на метапредметность и навыки *hard skills*.

III. Формирование рабочих групп, способных в профессиональном, личностном и деловом отношении ставить, реализовывать и своевременно корректировать траекторию реализации проектов / стартапов, ситуативно и целесообразно выбирать необходимые меры для их осуществления.

IV. Определение стратегически важных для безопасности страны направлений и номенклатурного ряда продукции, запуск больших проектов, агрегирующих усилия ряда отраслей.

V. Максимальная поддержка инициативы, идущей от бизнеса / граждан / профессиональных сообществ, их включенность в проекты на уровне экспертов, отказ от ведущей роли государственного аппарата в управлении страной.

VI. Борьба с бедностью в страте экономически активного населения – фактор повышения социальной, профессиональной и личностной активности, вовлеченности на индивидуальном, а затем и общественном уровне в социально-экономические и политические процессы. Фактически это способ актуализации субъектности в человеке, его внутреннего локуса контроля, переориентация с установки *выживания на развитие и рост*, повышение ответственности за стратегию личностного и профессионального пути, а значит и формирование готовности к модернизации. Государство через институции и инфраструктуру должно представить модель общественного договора, доказывающего свою заинтересованность в отдельном человеке и реальную финансовую, материальную и социальную поддержку как его, так и профессиональных групп в долгосрочной перспективе; позиционировать себя как делового партнера.

VII. Консолидация И-России и К-России через элементы корпоративной культуры и меры стимулирования предусматривает обеспечение всех сотрудников предприятия / организации равным доступом к образовательным / информационным ресурсам. Кроме того, важны: материальная и нематериальная поддержка их вовлеченности, в том числе и через возможность обучаться у ведущих специалистов; мотивирующая среда для самореализации; признание и поощрение лидерства на всех уровнях; формирование комфортной психологической атмосферы.

4. Сохранение и качественная трансформация человеческого капитала в условиях отрицательного демографического роста, ожидаемого снижения численности населения в ближайшие 40–50 лет, ставших следствием демографических процессов 90-х гг. XX в., геополитических изменений, установок на нуклеарность и гедонизм. В связи с этим необходима неуклонная ориентация на поддержку молодого трудоспособного населения и преодоление гендерной дискриминации.

5. Определение меры участия государства в процессе индустриализации, социально-экономических процессах, а также в создании законодательной среды для поддержки предпринимательства, стартапов, частной инициативы. Это релевантно запросам молодежи на экономическую и социальную субъектность. Важно сбалансировать нижнюю и, прежде всего, среднюю часть общественной пирамиды за счет рассредоточения денежных потоков сверху, их концентрации, связанной с решением стратегических задач путем плавного перехода к дифференцированной шкале налогообложения. Среднему классу, образованному высококвалифицированными

специалистами, учеными, мелким и средним бизнесом, должна принадлежать ключевая роль в ранее указанных стратегемах и особенно в переформатировании индустриальной базы.

6. Преодоление precariousности – феномена современного общества, сущностно представляющего социальную и экономическую неукорененность, короткие горизонты планирования⁹. Избавление от precariousности как класса, отражающего новую экзистенциальную перспективу развития субъекта и форму существования социума, – не только мера политических и социально-экономических устремлений, но и показатель положительной динамики в направлении устойчивого развития. Отсутствие у молодежи и людей среднего трудоспособного возраста жизненных и профессиональных перспектив, постоянной занятости, низкий уровень доходов и длительное нахождение в состоянии турбулентности фрустрирует их, негативно влияет на желание и возможности построения карьеры, является дестабилизирующим фактором, в том числе и в политических, социально-экономических и демографических процессах.

7. Расконцентрация трудовых ресурсов в урбанизированных территориях, сосредоточенных вокруг столичных территорий и Причерноморья, создание зон опережающего развития в агломерациях и индустриальных регионах благодаря преодолению устойчивого тренда оттока населения из Урала, Сибири и Дальнего Востока. Трансляция установок при осуществлении данной стратегемы, так или иначе, отражена в Стратегии пространственного развития РФ¹⁰. Наличие, степень развития и потенциал трудовых ресурсов значимо коррелируют с удовлетворением всех уровней потребностей [25], поэтому приведение в соответствие с запросами жителей региона (ориентированных на стабильность образа жизни, привычный уклад) инфраструктурного базиса, устранение резких территориальных различий в доходах, уровне валового регионального продукта и доступе к качественному образованию, медицине и иным социальным благам, выступает необходимой мерой для воспроизводства и сбалансирования рынка труда.

Реализация данных стратегем может опираться на два принципа, вытекающих из задач выхода из кризиса: переход в активную фазу роста и длительный рост как определение приоритетных зон; консолидация в них материальных, финансовых

и человеческих ресурсов, в том числе имеющих оппозиционные по отношению друг к другу ценностно-мировоззренческие основания.

Такое полагание следует реализовать в долгосрочных проектах и планировании, которые по умолчанию служат средством преодоления негативных последствий турбулентности. Это очень важно, т.к. в России отмечается длительный период нестабильности и трудности со стратегическим планированием.

Заключение

Значимые стимулы поддержки готовности к профессиональной ориентации молодежи – стратегемы развития страны на ближайшие 6–8 лет, представляющие цивилизационные поворотные линии в ментальном общественном базисе в виде способов мышления, привычек действовать определенным образом и ценностно-мировоззренческих установок. В данных стратегемах, считаемых ориентирами-индикаторами формирования определенных нами базисов готовности к самоопределению и реализуемых как векторы управленческой, финансовой, технологической, социально-экономической и культурной политики государства, обозначены первоочередные социально-экономические задачи его переустройства.

Стратегемы, определяемые как кластеры задач цивилизационной трансформации страны на личностном и общественном уровнях, предусматривают создание технологических условий (для реализации метапредметных компетенций с целью индустриализации, создания высокотехнологичных рабочих мест) и социально-культурных (для сохранения и приращения среднего класса – опоры общества и вектора консолидации оппозиционных в своем ценностно-мировоззренческом изводе представитель И-России и К-России).

Указанные стратегемы возможно реализовать, ориентируясь на долгосрочное планирование и определение меры участия государства.

В исследованиях по институциональной экономике определены пути сглаживания мировоззренческих противоречий через анализ взаимодействия между институтами и экономическими акторами. Мягкие институты могут быть изменены или перезапущены через социальные процессы, такие как общественный дискурс, экономические реформы или культурные изменения. Трансформация жестких

⁹ Precariousность как экзистенциальный феномен. *Психологическая газета*. 22.08.2023. URL: <https://psy.su/feed/11533/> (дата обращения: 11.11.2023).

¹⁰ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. Распоряжение Правительства РФ № 207-р от 13.02.2019 (ред. от 30.09.2022). СПС КонсультантПлюс.

институтов представляет более сложный процесс общественных и правовых изменений, но выступает необходимой мерой сглаживания аксиологических различий в ситуациях неравенства или препятствия развитию определенных групп в государстве.

В практическом своем применении антропологический и конвергентный подходы демонстрируют процесс интериоризации и опосредования внешнего внутрь и перехода вовне как психологической и культурно-исторической предпосылки, создающей целевой, содержательный и инструментальный базис личностной, социальной и профессиональной идентификации, а также трансформацию мягких и жестких институтов. Рефлексия реализации антропологического и конвергентного подходов в цивилизационном повороте региона позволяет их экстраполировать и на другие субъекты Российской Федерации. Однако они требуют

содержательной и инструментальной реализации в виде программы профориентации молодежи как психологического механизма (целесообразного по отношению к самоопределению) стадий, в основе которого оппозиционная по отношению к принятой в психологии и педагогике трактовка интенций с преобладающими *надо* над *хочу*, отражающими внутрилличностный переход к определенности / предсказуемости в ситуации турбулентности социально-экономических процессов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and /or publication of this article.

Литература / References

1. Пьянкова Л. А. Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 1. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 2. С. 220–229. [Pyankova L. A. Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part I. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 220–229. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-220-229>
2. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий. *Вопросы философии*. 2016. № 1. С. 59–70. [Arshinov V. I., Budanov V. G. Paradigm of complexity and socio-humanitarian projections of convergent technologies. *Voprosy filosofii*, 2016, (1): 59–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsasit>
3. Жиронкина О. В. Отечественный и зарубежный опыт анализа феномена педагогической конвергенции. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2021. Т. 5. № 3. С. 201–211. [Zhironkina O. V. Domestic and foreign experience of pedagogical convergence analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(3): 201–211. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-3-201-211>
4. Баксанский О. Е. Мироззрение будущего: конвергенция как фундаментальный принцип. *Педагогика и просвещение*. 2014. № 3. С. 17–29. [Baksanskii O. E. Worldview of the future: Convergence as a fundamental principle. *Pedagogy and education*, 2014, (3): 17–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2306-434X.2014.3.13521>
5. Блинова Т. Л. Конвергентный подход в обучении. *Педагогическое образование в России*. 2018. № 8. С. 42–48. [Blinova T. L. Convergent approach in learning. *Pedagogical Education in Russia*, 2018, (8): 42–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/po18-08-06>
6. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития. *Вопросы философии*. 2013. № 3. С. 3–11. [Kovalchuk M. V., Naraikin O. S., Yatsyshina E. B. Convergence of science and technology – a new stage of scientific and technological development. *Voprosy filosofii*, 2013, (3): 3–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyklut>
7. Деев М. В., Кравец А. Г., Финогеев А. Г. Разработка информационной образовательной среды на базе конвергентного подхода. *Системы управления, связи и безопасности*. 2017. № 3. С. 119–134. [Deev M. V., Kravets A. G., Finogeev A. G. Development of an information educational environment based on a convergent approach. *Systems of Control, Communication and Security*, 2017, (3): 119–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxplmx>
8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М.: АСТ, 2004. 349 с. [Fukuyama F. *Our posthuman future, consequences of the biotechnological revolution*. Moscow: AST, 2004, 349. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qoexll>

9. Данилин И. В. Конвергентные (НБИК) технологии: проблемы развития и трансформационный потенциал. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2017. № 3. С. 555–567. [Danilin I. V. Convergent (NBIC) technologies: Problems of development and transformational potential. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2017, (3): 555–567. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-555-567>
10. Schmidt J. C. NBIC – Interdisciplinary? A framework for a critical reflection on inter- and transdisciplinary of NBIC-scenario. *Georgia Institute of Technology Working Paper*, 2007, (26): 1–15.
11. Roko M. C., Bainbridge W. S. *Converging technologies for improving human performance: Nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science*. Dordrecht: Springer, 2003, 468. <http://dx.doi.org/10.1007/978-94-017-0359-8>
12. Бисько А. Т. Социокультурная интерпретация антропологического подхода к образованию. *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. 2010. № 1. С. 90–102. [Bisko A. T. Sociocultural interpretation of the anthropological approach to education. *Teoriia i praktika servisa: Ekonomika, sotsialnaia sfera, tekhnologii*, 2010, (1): 90–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lmcudv>
13. Agazzi E. *Moral dimension of science and technology*. Moscow: Moscow philosophical foundation, 1998, 344.
14. Барулин В. С. Человек: многогранность и целостность его отношения к общественной жизни. *Личность. Культура. Общество*. 2004. Т. 6. № 1. С. 108–118. [Barulin V. S. Man: Multidimensional and integrity of his relation to social life. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*, 2004, 6(1): 108–118. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hsktkz>
15. Вальверде К. Философская антропология. М.: Христианская Россия, 2000. 412 с. [Valverde C. *Philosophical anthropology*. Moscow: Christian Russia Publ., 2000, 412. (In Russ.)]
16. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 575 с. [Vernadskii V. I. *Biosphere and anthroposphere*. Moscow: Airis-press, 2004, 575. (In Russ.)]
17. Закссе Х. Антропология техники. *Философия техники в ФРГ*, ред. Н. Игнатовская, В. Леонтьев : Прогресс, 1989. С. 424–439. [Zaksse Kh. *Anthropology of technology. Philosophy of technology in Germany*, eds. Ignatovskaya N., Leontiev V. Moscow: Progress, 1989, 424–439. (In Russ.)]
18. Кормер В. Ф. Человек плюс машина. М.: Время, 2009. 195 с. [Kormer V. F. *Man plus machine*. Moscow: Vremia, 2009, 195. (In Russ.)]
19. Розин В. М. Мышление и творчество. М.: Пер Сэ, 2012. 360 с. [Rozin V. M. *Biosphere and anthroposphere*. Moscow: Per Se, 2012, 360. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rauyhk>
20. Морозова Е. А., Кочнева О. П. Миграционные настроения молодежи Кемеровской области – Кузбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6. № 3. С. 326–338. [Morozova E. A., Kochneva O. P. Youth migration in the Kemerovo Region (Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 326–338. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338>
21. Ульмясбаева А. О., Забнева Э. И. Новый взгляд на образовательную миграционную подвижность молодежи в регионах. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 2023. № 1. С. 95–107. [Ulmyasbaeva A. O., Zabneva E. I. A new view on educational migration mobility of youth in the regions. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiia. Ekonomika. Politika*, 2023, (1): 95–107. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2023-1-95-107>
22. Пьянкова Л. А. Занятость и формирование профессиональных компетенций «работников будущего». *Вестник ТГУ. Экономика*. 2021. № 54. С. 136–157. [Pyankova L. A. Employment and the formation of professional competencies of "workers of the future". *Vestnik TGU. Ekonomika*, 2021, (54): 136–157. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988648/54/7>
23. Dries N. The psychology of talent management: A review and research agenda. *Human Resource Management Review*, 2013, 23(4): 272–285. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2013.05.001>
24. Gallardo-Gallardo E., Dries N., González-Cruz T. F. What is the meaning of "talent" in the world of work? *Human Resource Management Review*, 2013, 23(4): 290–300. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2013.05.002>
25. Илюхин А. А., Илюхина С. В. Влияние социальной структуры территорий на формирование трудовых ресурсов. *Дискуссия. Журнал научных публикаций*. 2015. № 7. С. 33–44. [Iliukhin A. A., Iliukhina S. V. Effect of regional social structure on labor resources. *Discussion. Journal of Scientific Publications*, 2015, (7): 33–44. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vjcoza>

Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 4

Пьянкова Людмила Алексеевна

Сибирский государственный индустриальный университет, Россия, Новокузнецк

eLibrary Author SPIN: 7296-4481

<https://orcid.org/0000-0003-1486-5542>

duby.ludmila@yandex.ru

Аннотация: Определены исходные психологические и экономические предпосылки для разработки программы профессиональной ориентации молодежи – завершающего компонента конструируемой ментальной концепции. Внутренним механизмом / психологической предпосылкой выступает процесс интериоризации, имманентно представляющий бихевиориальную схему *стимул-реакция* как интегральный ответ в виде когнитивных, аксиологических, мотивационных и поведенческих паттернов субъекта. При этом предпочтение внутренним или внешним детерминантам, полагаемым как стимулы, отражает тип идентификации – когнитивную или аффективную. Такими стимулами – фактически экономическими предпосылками – мы определили стратегемы социально-экономического развития страны, создающие факторы для ее роста, а для индивида – возможности реализовывать его интенции как *homo economicus*: иметь постоянную и полную занятость, возможность выстраивать долгосрочную стратегию карьерного развития, обладать высоким уровнем и набором компетенций, позволяющих себя реализовать в высокодоходной сфере. Частным случаем и одновременно наглядной моделью действия такого механизма выступает совокупность методов стимулирования и мотивации персонала организации группового и индивидуального свойства по отношению к организационным процессам и нормам корпоративной культуры. Она описывает процесс ментальной трансформации, включающий последовательное целеполагание, стимулирование, групповое и индивидуальное опосредование, а также перенос мотивационных интервенций на профессиональные группы и их влияние на трудовое поведение, позволяющее нивелировать / минимизировать сопротивление полярным цивилизационным моделям и сопротивление представителей индивидуалистической и коллективистской России при существующем аксиологическом тяготении.

Ключевые слова: психологические предпосылки, экономические предпосылки, тип идентификации, алгоритм ментального опосредования, тип цивилизационной модели, стимулирование и мотивация персонала

Цитирование: Пьянкова Л. А. Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 4. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. № 4. С. 565–574. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-565-574>

Поступила в редакцию 06.12.2023. Принята после рецензирования 18.05.2024. Принята в печать 20.05.2024.

full article

Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part IV

Lyudmila A. Pyankova

Siberian State Industrial University, Russia, Novokuznetsk

eLibrary Author SPIN: 7296-4481

<https://orcid.org/0000-0003-1486-5542>

duby.ludmila@yandex.ru

Abstract: The article introduces the initial psychological and economic conditions for a professional self-identification program for young people as the final component of the constructed mental concept. Interiorization is an internal mechanism and a psychological prerequisite that immanently represents the behavioral scheme of *stimulus-response* as an integral response in the form of cognitive, axiological, motivational, and behavioral patterns. The preference for internal or external determinants, which are assumed as stimuli, reflects the type

of identification, cognitive or affective. These stimuli are in fact economic prerequisites that determine the strategies of the country's socio-economic development. They create factors for its growth, as well as allow people to realize their intentions as *homo economicus*, i.e., stable full-time employment, professional skills, long-term career plans, etc. This model can be illustrated by the methods of personnel stimulation and motivation at the level of corporate culture. The proposed algorithm of mental mediation involves stage-by-stage goal-setting, stimulation (external motivations), and group mediation, where there is a gravitation towards the Western, Eastern, or mixed civilizational model, individual mediation, as well as the transfer of motivational interventions to professional groups and their effect on professional behavior. It makes it possible to reduce the resistance to polar civilizational models, i.e., individualism vs. collectivism, in order to follow the existing axiological attraction.

Keywords: psychological prerequisites, economic prerequisites, type of identification, algorithm of mental mediation, type of civilizational model, stimulation and motivation of personnel

Citation: Pyankova L. A. Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part IV. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 565–574. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-565-574>

Received 6 Dec 2023. Accepted after review 18 May 2024. Accepted for publication 20 May 2024.

Введение

Продолжая конструировать ментальную концепцию профессиональной ориентации молодежи, начатую в статьях [1–3] единого исследовательского материала, перейдем к ее завершающему этапу – определению исходных оснований построения программы как психологического механизма стадий неизбежного по отношению к самоопределению. Такой посыл предусматривает внутриличностный переход к субъектной определенности в существующей ситуации турбулентности социально-экономических и геополитических процессов, в основе которой лежит идея *homo economicus* (с лат. – человек экономический, человек рациональный). Его формирование задается стимулами, определенными как стратегии социально-экономического развития страны, означающие цивилизационную трансформацию на когнитивном, аксиологическом, мотивационном и поведенческом уровнях, для государства выступающие факторами его экономического роста, а для индивида служащие целям экономического и социального развития, обеспечения полной и постоянной занятости, высокой производительности труда и доходов. Отметим, что такое общее целеполагание возможно достигнуть при условии кооптации мягких и жестких институтов, когда человек для государства ценен не своей функцией, а именно экзистенцией. Он готов рассматривать инфраструктурные и институциональные элементы, формируемые для него, как ценность, принимать участие в их создании и переформатировании, проявляя открытость, готовность к диалогу и ответственность. Такое компромиссное решение и является конечной целью трансформации институтов и смыслом идентификации субъекта.

Внутренней детерминацией феномена определения выступает опосредование. Оно представляет такое преобразование и развитие субъекта, которое проявляется во внутренней активности, инициируемой внешними, а затем и внутренними побуждениями в виде ответной реакции на сигналы, идущие извне. Сущностно этот процесс представляет улавливание и преобразование социальных воздействий посредством их фильтрации и согласования внешних побудителей и внутренних интенций и формирование ответа в форме намерений. При этом роль фильтров выполняют индивидуально-типологические особенности, выступающие в качестве свойств психической активности, выраженных в темпераменте, характере, способностях, ценностных ориентациях, интересах, направленности личностной установки вовне или внутрь себя и др.

Интерпретируя процесс профессионального определения педагогически в инструментальном исполнении и экономически в целевом, важно уточнить, что именно в *человеке рациональном* и происходит сдвиг ментальности – переход от внутриличностного выбора к внешнеличностному для максимизации экономической выгоды. Живя в условиях рыночных отношений, человек предпочитает такую стратегию личностного, социального и профессионального развития, которая позволяет быть успешным на рынке труда: владеть востребованными компетенциями, иметь возможность строить долгосрочную карьеру, в том числе предусматривающую и материальное преуспевание и поддержание высокого уровня качества жизни. В самой идее рыночных отношений заложен не только риск, но и получение прибыли через предпринимательство, конкуренцию,

свободное ценообразование, что мотивирует человека к личностному росту и удовлетворению материальных потребностей.

Именно прибыль выступает фундаментальным фактором, определяющим темпы роста экономики в параметрах занятости, производства, величины заработной платы, инвестиционного и потребительского спроса [4]. В. Истерли обнаруживает прямую корреляцию между процветанием как феноменом человеческого существования и нужными стимулами [5], организующими принципы поведения человека [6; 7], которые вызывают экономический рост через самоинвестиции в человеческий капитал, факторы роста, сбережения [8–22]. При этом внешними и внутренними побуждениями выступают стимулы и мотивы, фактически являющиеся самодетерминантами готовности к выбору и его эмоциональной оценки [23; 24].

Согласно теории самодетерминации 1970–1980 гг. Э. Л. Деси и Р. М. Райана, внешняя мотивация актуализируется внешними побудителями, приводящими к вознаграждению материального и морального свойства [25]. Источником внутренней мотивации является сам человек, ориентированный на удовлетворение определенных потребностей [26]. Важно и то, что внутренне поведение спроецировано на идеальное Я, внешнее – на социальное, включающее механизм идентификации: формирование Я (сознания) через освоение и присвоение опыта, его внутреннее опосредование индивидуально-типологическими особенностями [27]. Отсюда идентификацию следует анализировать в контексте социализации как *вчувствование*, соприкосновение с душевной жизнью другого человека.

Именно в ходе взаимодействия с социальным и осуществляется принятие субъектом определенной роли путем осознания принадлежности к ней через когнитивное, аксиологическое, мотивационное опосредование и формирование на этой основе соответствующих паттернов поведения. Принимая, разделяя групповые установки, человек конституирует свою приверженность когнитивным либо аффективным идентификаторам. В первом случае детерминация выражена нейротизмом. Невротики движимы потребностью когнитивно снижать неуверенность, растерянность и неопределенность. Это позволяет им лучше понять свои намерения, тяготения, мотивы, цели и способности, сформировать четкий план действий, структурировать информацию и подготовиться к принятию решений.

Во втором случае обнаруживается потребность оптанта в ассоциации с экономически успешными людьми, и потому при выборе субъект придерживается критериев престижа профессии и утилитарных мотивов.

Результаты

Подобные интерпретации детерминант поведения определяющегося субъекта позволяют нам не только глубже проникнуть в сущность процесса опосредования, выдвинутого ранее в качестве личностного и социально-экономического базиса концепции, но и экстраполировать такие установки в структуру программы профессиональной ориентации, признавая за мотивационно-стимулирующим компонентом роль внутреннего и внешнего полагания.

Целевой компонент конструируемой программы отражает трансформацию ментальной сферы оптантов в отношении их профессионального определения. Она положена на бихевиориальную схему *стимул-реакция*. При этом реакция на стимул анализируется и принимается мозгом как опосредованный ответ¹ и выражается в поведении. Опосредование имманентно задает субъекту настройку в широком континууме тех идентификационных параметров, которые далее могут быть представлены рядом стадий самоопределения в ходе цивилизационного поворота, реализуемого в виде стратегем социально-экономического развития страны. Частным же случаем ее осуществления выступает совокупность методов стимулирования и мотивации персонала организации (группового и индивидуального свойства) по отношению к организационным процессам и нормам корпоративной культуры.

Первая стадия полагает постановку цели организации как набора заданий / поручений для сотрудников, ориентированную на реализацию перечисленных нами стратегем либо какой-то их части. Основанием ее (цели) принятия выступает ценностно-мировоззренческая готовность – ядро менталитета социальной общности, расходящееся к групповому менталитету, исходя из профессиональной, гендерной и иной принадлежности, и отраженная в сознании индивида на уровне его ценностно-мотивационных установок, норм, целей, паттернов. При этом групповой и индивидуальный ментальный уровень – подвижная конструкция, опосредующая внешние интервенции в мотивы, когниции – в аттитуды по отношению к профессиональной деятельности.

¹ Немов Р. С. Бихевиоризм (основные теории). *Психологический словарь*. М.: ВЛАДОС, 2007. С. 47.

Вторая стадия может быть описана как стимулирующее воздействие на ментальность работника, сущностно представляющая актуализацию мыслительных процессов при обработке информации. Когниции вызывают эмоциональный отклик и запускают алгоритм профессионального поведения. В такой системе стимуляция рассматривается как процесс коррекции трудового поведения работников по схеме *когниция – аттитюд – поведение*.

Третья стадия демонстрирует групповое ментальное опосредование в профессиональной, гендерной или иной социальной заданности через транслируемые нормы корпоративной культуры. В ментальном конструкте соотечественника, находящегося на пересечении западной и восточной цивилизаций, значимо проступают базисы, реализуемые в производственной сфере и широком диапазоне политических, экономических, социальных и духовных составляющих его жизни. Отметим, что коллективистская Россия (К-Россия) тяготеет к восточным цивилизационным базисам, а индивидуалистская (И-Россия) – к западным.

Представленная в таблице² дифференциация цивилизаций является условной, ее смешанный конструкт обнаруживает себя в следующих ментальных установках [28]:

- нравственная определенность, связанная с кодексом профессиональной этики, религиозными установлениями;
- непротиворечивость как в философско-религиозной, так и в философско-научной интерпретации;

- тяготение к экстраверсии, т. е. открытости и коммуникации, а также к интегративным методам познания (включая рационализацию и интуицию);
- ситуативное поведение, транслируемое в использовании гибких стратегий.

Четвертая стадия отражает переход на индивидуальный уровень, образованный аксиологическими, мотивационными и установочными аттитюдами субъектов профессиональной деятельности и опосредованный динамической подструктурой личностного и исторического менталитета. Этот уровень показывает индивидуальное разнообразие ценностно-типологических особенностей субъекта в виде целей, норм поведения, интересов, идеалов и др. и является фундаментальным по отношению к труду.

Пятая стадия представляет мотивационные интервенции в отношении профессиональных групп, в которых индивидуальная мотивация – итог персонального опосредования организационных влияний на индивидуальную мотивацию сотрудника, в том числе с помощью материальных и нематериальных детерминант. Российская практика мотивации персонала неоднородна ввиду многонациональной представленности объекта труда и его культурно-исторических особенностей.

Шестая стадия отражена в трудовом поведении работников, стимулируемом рядом предпочтений:

1. Поддержка образования и обучения как мера институциональной поддержки человеческого капитала, законодательно закреплённая в ст. 34 Федерального закона Об образовании³.

Табл. Особенности восточной и западной цивилизаций, имплементированные в когнитивных конструктах
Tab. Eastern vs. Western civilizations in cognitive constructs

Линии сравнения	Восточная цивилизация	Западная цивилизация
Политика	<ul style="list-style-type: none"> • коллективизм и групповая идентичность; • уважение граждан к авторитету государственной власти – основа общественного устройства 	<ul style="list-style-type: none"> • индивидуальность, ориентация на права и свободы; • демократия и правовое государство – основа общественного устройства
Экономика	<ul style="list-style-type: none"> • ориентация на экономический рост и развитие; • коллективизм и общественные интересы – факторы экономического роста 	<ul style="list-style-type: none"> • индивидуалистический подход; • свободный рынок, инновации, предпринимательство – факторы экономического роста
Социальность	<ul style="list-style-type: none"> • семейные ценности, традиции и уважение к старшим; • коллективизм и солидарность 	<ul style="list-style-type: none"> • индивидуализм и инновации; • личная свобода, равенство и разнообразие ценностей
Духовность	<ul style="list-style-type: none"> • связана с религией (особенно в странах Восточной Азии); • важность учений о духовном развитии, гармонии и медитации 	<ul style="list-style-type: none"> • отражает ценности человека (в христианских странах); • с ростом секуляризации духовность более разнообразная и уникальная

² Сост. по: [28].

³ Об образовании в РФ. ФЗ № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 04.08.2023). СПС КонсультантПлюс.

2. Создание системы мотивации и поощрения, ориентированной на материальные / нематериальные стимулы и смешанную систему побуждений к более активному и ответственному выполнению работниками своих задач на предприятиях [28]. Единоразовые методы денежного либо нематериального поощрения оказывают больший эффект по сравнению с системными методами, которые в общественном сознании фиксируются как норма [29]. По мнению автора, факторами, положительно влияющими на мотивацию, выступают: стиль управления руководителя; поддержание открытой положительной мотивации; уверенность сотрудника в своем профессиональном будущем; помощь организации, оказанная сотруднику в наращивании человеческого капитала в качестве возможности повышения его конкурентоспособности; прозрачность системы оплаты труда; система нефинансового вознаграждения [28].

3. Эффективное лидерство и открытая коммуникация между руководством и подчиненными – условие создания благоприятной рабочей атмосферы и укрепления доверия, что в перспективе может положительно повлиять на выполнение работниками своих должностных обязанностей.

4. Четкое определение требований к сотруднику по поводу выполняемой им профессиональной задачи транслирует ожидания руководства к качеству ее выполнения, помогает избежать разногласий между руководителем и подчиненным.

5. Создание и поддержка корпоративной культуры, аутентичной целям и миссии компании и основанной на принятых в ней ценностях, этике, принципах взаимоуважения, – основа формирования позитивного менталитета у работников.

Завершив конструирование последнего компонента ментальной концепции профессиональной ориентации молодежи, представим ее наглядно в виде рисунка. Целостно он моделирует структуру и взаимосвязи элементов, а фактически отмечает научный и практический итог проведенного исследования. При этом в логике иллюстрации общего результата отдельно остановимся на описании программы профессиональной ориентации, включающей концептуализирующие установки.

Представленная концепция отражает конвергенцию возможностей психологии личности, педагогической антропологии, культурологии, истории и экономики труда в содержательной интерпретации конструкта *идентификация* с формированием когнитивной, поведенческой, мотивационно-аксиологической готовности субъекта к акту выбора и построению своей личностной,

Рис. Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи

Fig. Mental concept of professional identification in youth

социальной и профессиональной траектории. Психологическим, внутренним по смыслу механизмом выступил процесс опосредования, определенный культурно-исторической концепцией Л. С. Выготского об интериоризации внешнего внутрь [30, с. 144–145] и работой личности, задействующей индивидуально-типологические особенности по преобразованию социально-культурного опыта, закрепленного в культурно-историческом мировоззренческом базисе в виде типичных особенностей, через призму

которых и может / должна происходить идентификация. Общественным / социально-экономическим механизмом выступает переучреждение:

1. Мягких институтов на взаимодействие с формальными, и переориентация установок в отношении роли власти как делового партнера, призванного создавать аутентичную инфраструктуру и транслирующего такие ценностно-мировоззренческие векторы, которые смогут повлиять на снижение транзакционных издержек путем повышения доверия И-России и К-России, их договороспособности и консенсусного варианта разрешения противоречий.

2. Мягких институтов как преодоление тех ложных установок в общественном / национальном менталитете, мешающих кооперации общества и государства и создающих высокие транзакционные издержки для бизнеса: недоговороспособность; обход законов; склонение должностного лица к роли выгодоприобретателя; низкий уровень ответственности; нацеленность на выживание, а не на рост; отказ от сотрудничества и компромисса; неготовность к модернизации. Такую трансформацию возможно реализовать через изменение элементов корпоративной культуры в организациях с одновременным мониторингом коррупциогенности законодательства и последующим изменением тех законов, в которых высок риск коррупциогенности и амбивалентность коррупции.

3. Жестких институтов в сторону создания релевантной законодательно-правовой основы для поддержания ценностей, формирующих предпосылки для технологического переучреждения страны.

Сущностно профессиональное самоопределение представляет многокомпонентную готовность, образующую ментальную конструкцию личности с выраженной интенцией *надо* взамен принятой в психологии и педагогике интенции *хочу*. Готовность отмечается в сознании личности в виде запросов общества и рынка труда на ее индивидуальную типологию. В ней отчетливо проступают представления о типе и характере занятости, корпоративной культуре, номенклатуре и структуре компетенций и проявляется внутрисубъектный переход к личностной определенности в условиях турбулентности. При этом образование, возможность к труду и сами условия труда воспринимаются в общественном и индивидуальном сознании как благо и преференция.

Роль работника и гражданина в государстве в сознании человека соответствует объекту социальной и экономической поддержки властей. Подчеркивается не только его функциональная, но и личностная значимость – капитал государства,

который требуется поддерживать и развивать. Институциональные нормы в коллективном сознании фиксируются как общественный договор о паритетной ответственности граждан и государства, который транслируется через аутентичную законодательную среду и инфраструктурные проекты. Они через механизм внутреннего опосредования создают условия для ориентации на субъектность и активность в построении карьерной траектории и принятия гражданами позиции договороспособности, ответственности, компромисса и кооптации по отношению к государству. Фактически же эти установки выражают базовые условия к идентификации.

Значимые стимулы поддержки готовности к самоопределению – стратегемы социально-экономического развития страны на период 6–8 лет, представляющие цивилизационный поворот в общественном сознании, реализуемом в ментальном базисе в виде когний, паттернов поведения, иерархии мотивов и аксиологических детерминант. В стратегемах отражены ориентиры-индикаторы формирования определенных автором компонентов готовности к идентификации. Последние релевантны мерам общественно-экономической, технологической и аксиологической трансформации общества.

Сформированные кластеры задач, представленные как стратегемы, концентрируются вокруг следующих поворотных линий:

- ориентация на реиндустриализацию;
- поддержка и приращение среднего класса путем трансляции ценностей финансовой безопасности, образования, профессионального развития, стремления к успеху, социальной справедливости и равенства, семейных ценностей и участия в общественной жизни, выступающих вектором консолидации И-России и К-России;
- сглаживание аксиологических и финансовых противоречий между критически поляризованными в уровне благосостояния и общественном укладе слоями бедных и сверхбогатых;
- перезапуск концепции рынка труда в отношении структуры занятости, номенклатуры и индикаторов компетенций в сторону их усложнения и метапредметности;
- преодоление прекарности в среде молодого трудоспособного населения; определение меры участия государства в инновационных, технологических, социально-экономических и иных процессах;
- установление стратегических приоритетов и концентрация вокруг них человеческого, финансового и технологического капитала.

В анализируемых автором источниках представлены психолого-педагогические и прикладные аспекты профессиональной ориентации молодежи на разных этапах возрастного развития в системе непрерывного образования, представляющие [31; 32]:

- изучение индивидуально-типологических особенностей молодых людей;
- акцентирование внимания в дошкольном и младшем школьном возрасте на наклонностях, индивидуальных интересах, способностях, реализуемых в игровой и творческой деятельности;
- диагностические процедуры в старшем школьном возрасте, содействующие актуализации самопознания субъекта, его консультированию для помощи в идентификации в широком континууме критериев выбора;
- предоставление информации о профессиональных возможностях и нуждаемости рынка труда в части компетенций и квалификации в текущей и среднесрочной перспективе, роли субъекта в трансформации его сознания с целью формирования готовности к выбору;
- развитие интенций профессионального самоопределения, включая самоанализ и саморефлексию;
- практическая ориентация и стажировки, профессиональные пробы;
- поддержка в построении карьеры и консультирование.

Однако же ментальной концептуализации исследуемого процесса в условиях цивилизационного перехода не обнаружено.

Заключение

Результат проведенного исследования – сконструированная ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи, целевые установки которой представляют саморазвитие и самосознание, глобальное мышление, предпринимательство, инновации, освоение метапредметных компетенций, социальную ответственность и субъектность, являющиеся базисом для формирования готовности к профессиональному самоопределению, построению карьерного маршрута в условиях цивилизационного поворота в актуальном соотношении факторов *надо – хочу – могу – умею*, отражающих взаимодействие различных аспектов в процессе выбора.

Важно уточнить, что цивилизационный поворот как явление означает движение к изменению в основных параметрах и характеристиках жизни человека и происходит в политике, экономике, социальной и духовной сферах. Имея несколько важных следствий, он отодвигает на второй план развитие

человечества (линейный процесс, ведущий к универсальной цивилизации) и подчеркивает значимость культурных и исторических различий между обществами, предоставляет новую перспективу взаимоотношений в полярных исходах (сотрудничество и конфликт), являет сочетание различных областей знаний для описания сложных феноменов. В нашем исследовании он опосредован внутренним механизмом – процессом интериоризации – и внешним, связанным с профессионализацией, т.е. формированием профессиональной идентичности субъекта в определенных культурных, социальных и экономических обстоятельствах и сопутствующей им индивидуализации, означающей внутриличностный переход к личностной определенности.

Содержательный аспект объясняется через интегративный конструкт *готовность*, выражающий сложность идентификации как аксиологического, антропологического и экзистенциального явления человеческого существования в его многообразии и неоднозначности на разных этапах жизненного и профессионального пути. Он (конструкт) зафиксирован на индивидуальном, культурном и социальном уровне. Исходя из таких посылок формирование менталитета происходит сначала как присвоение общественного опыта с дальнейшей его рефлексией, опосредованием внутренних установок личности в отношении содержания, предмета, характера профессиональной деятельности, вида организационной культуры, к которым склоняется оптант как представитель социума, и в которой обнаруживаются устойчивые психологические, культурные, исторические и иные проекции, транслируемые на уровне формальных и неформальных институтов.

Методология концептуализации представляет антропологический феномен трансформации субъекта профессиональной деятельности, готового отразиться и принять задачи собственной личностной и профессиональной идентификации в ситуации цивилизационного поворота как формирования сложных профессиональных навыков, субъектности и ответственности за принятые решения. Институциональная и инфраструктурная реализация ментальной трансформации молодежи служат целям ее профессионального определения и создают условия для осознания и развития себя как *человека рационального* в контексте существующих общественно-экономических и культурных детерминант.

Ожидаемый социально-экономический результат задает ориентиры ментальной идентификации и выступает прикладной задачей конструируемой концепции. Он фиксирует индикаторы готовности

в виде совокупности детерминант для идентификации и реализуется в стратегемах социально-экономического развития страны на период 6–8 лет, а также считается факторами экономического роста, т.е. является основой сохранения и наращивания человеческого капитала, преодоления неопределенности происходящих социально-экономических процессов. В основу разработанных стратегем положен принцип лидерства государства и стратегического планирования. В процессе реализации второго принципа можно столкнуться со значимыми издержками со стороны управления и бизнеса, длительно существующих в условиях турбулентности.

Практическая реализация ментальной концепции представляет программу профессиональной ориентации молодежи как психологического механизма стадий неизбежного по отношению к самоопределению и указывает на мировоззренческую трансформацию, основанную на бихевиориальной схеме *стимул-реакция*. Реакция на стимул выступает как опосредованный ответ мозга. Опосредование – это когнитивная, поведенческая и мотивационно-ценностная настройка субъекта. Она детерминирована совокупностью методов индивидуального и группового стимулирования и мотивации персонала по отношению к организационным процессам и нормам корпоративной культуры. Опосредование сущностно представляет интериоризацию внешнего внутрь и потом в трансформированном виде – вовне. Данный процесс учитывает внутренний механизм самоопределения и может быть выражен рядом взаимосвязанных стадий:

1. Постановка цели организации.
2. Стимулирующее воздействие на ментальность работника. Индивидуальное мировоззрение.
3. Групповое ментальное опосредование в профессиональной, гендерной или иной социальной заданности через транслируемые нормы корпоративной культуры, в которых отражены цивилизационные базисы И-России и К-России.
4. Трансляция на индивидуальный уровень аксиологических, мотивационных и установочных аттитюдов субъектов профессиональной деятельности.
5. Влияние на групповую мотивацию.
6. Создание предпочтений, отмечаемых в сознании и трудовом поведении субъектов как благо.

Если стимулы соответствуют потребностям и ценностям молодого поколения, то вероятность положительной реакции и успешной профессиональной адаптации высока. В противном случае следует ожидать негативную реакцию и неудачную профессиональную идентификацию. В формате настоящего исследования автор ограничится только концептуализацией программы, полагая, что ее разработка и реализация в виде проектного подхода – дело будущего.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and /or publication of this article.

Литература / References

1. Пьянкова Л. А. Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 1. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 2. С. 220–229. [Pyankova L. A. Mental concept of professional identification in youth: Part I. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 220–229. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-220-229>
2. Пьянкова Л. А. Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 2. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 2. С. 230–240. [Pyankova L. A. Mental concept of professional identification in youth: Part II. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 230–240. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-230-240>
3. Пьянкова Л. А. Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 3. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 4. С. 555–564. [Pyankova L. A. Mental concept of professional identification in youth: Part III. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 555–564. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-555-564>
4. Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности: развитие капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 552 с. [Brenner R. *The economics*

- of global turbulence: The advanced capitalist economies from long boom to long downturn, 1945–2005*. Moscow: HSE University, 2014, 552. (In Russ.)]
5. Easterly W. *The elusive quest for growth: Economists' adventures and misadventures in the tropics*. Cambridge: MIT Press, 2001, 342.
 6. Виноградов В. В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания. *Вопросы языкознания*. 1966. № 6. С. 3–26. [Vinogradov V. V. Academic dictionary of modern Russian literary language in seventeen volumes and its importance for Soviet linguistics. *Voprosy iazykoznanii*, 1966, (6): 3–26. (In Russ.)]
 7. Немов Р. С. Система представлений о психологии мотивации поведения человека с древнейших времен до конца XIX в. *Системная психология и социология*. 2022. № 3. С. 119–133. [Nemov R. S. The system of ideas about the psychology of motivation of human behavior from Ancient times to the end of the XIX century. *System Psychology and Sociology*, 2022, (3): 119–133. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2022.43.3.10>
 8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. Т. 1. 527 с. [Marx K. *Capital: A critique of political economy*. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub, 2009, vol. 1, 527. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qthait>
 9. North D. C., Thomas R. P. *The rise of the Western world: A new economic history*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973, 171. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511819438>
 10. Acemoglu D., Robinson J. A. *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. London: Profile books, 2012. <https://elibrary.ru/qvjwul>
 11. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. *Institutions as the fundamental cause of long-run growth*. Cambridge: National Bureau of Economic Research, 2004. <https://doi.org/10.3386/w10481>
 12. Найт Ф. Х. Прибыль. In: Гальперин В. М. *Вехи экономической мысли. Т. 3. Рынки факторов производства*. СПб.: Экон. shk., 2000. С. 434–448. [Knight F. H. Profit. In: Galperin V. M. *Milestones of economic thought. Vol. 3. Factor markets*. St. Petersburg: Ekon. shk., 2000, 434–448. (In Russ.)]
 13. Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки» (перевод с англ. Е. Головляницыной). *Экономическая социология*. 2017. Т. 16. № 4. С. 39–59. [Rodrik D. Economics rules: The rights and wrongs of the dismal science (an excerpt). *Journal of Economic Sociology*, 2017, 16(4): 39–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vuzcdx>
 14. Херрман-Пиллат К. Социальная рыночная экономика как форма цивилизации. *Вопросы экономики*. 1999. Т. 12. С. 40–53. [Herrman-Pillat K. Social market economy as a form of civilization. *Voprosy Ekonomiki*, 1999, 12: 40–53. (In Russ.)]
 15. Хелпман Э. Загадка экономического роста. М.: Ин-т Гайдара, 2012. [Helpman E. *The mystery of economic growth*. Moscow: Gaidar Institut, 2012. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvdget>
 16. Бабо А. Прибыль. М.: Прогресс-Универс, 1993. 174 с. [Babo A. *Profit*. Moscow: Progress-Univers, 1993, 174. (In Russ.)]
 17. Шумпетер Й. А. История экономического анализа. М.: РГБ, 2004. Т. 1. 496 с. [Schumpeter J. A. *History of economic analysis*. Moscow: RSL, 2004, vol. 1, 496. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpyjzz>
 18. Кики Т. Ю., Протасова И. И. Содержание и структура категории «мотивация труда» в трактовках различных исследователей. *Экономика устойчивого развития*. 2012. № 3. С. 143–150. [Kiku T. Yu., Protasova I. I. The content and structure of the category "labor motivation" in interpretations of various researchers. *Ekonomika ustoichivogo razvitiia*, 2012, (3): 143–150. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pctcpv>
 19. Варданян И. С. Зарубежный и российский опыт управления мотивацией персонала. *Менеджмент в России и за рубежом*. 2013. № 1. С. 129–132. [Vardanian I. S. Foreign and Russian experience of management motivation of the personnel. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*, 2013, (1): 129–132. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwzbnj>
 20. Вукович Г. Г., Климова О. С. Стимулирование труда персонала как ключевой элемент системы кадрового менеджмента. *Экономика: теория и практика*. 2012. № 3. С. 66–72. [Vukovich G. G., Klimova O. S. Stimulation of labor personnel as a key element of personnel management. *Ekonomika: Teoriia i praktika*, 2012, (3): 66–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbuiuz>
 21. Вукович Г. Г., Марусенко И. А. Совершенствование модели управления процессом экономической диагностики. *Экономика устойчивого развития*. 2012. № 1. С. 53–57. [Vukovich G. G., Marusenko I. A. Improving process control model of economic diagnosis. *Ekonomika ustoichivogo razvitiia*, 2012, (1): 53–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ornnuh>

22. Когдин А. А. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности в управлении персоналом. *Основы экономики и управления персоналом*. 2012. № 4. С. 80–83. [Kogdin A. A. Motivation and stimulation of labor activity in personnel management. *Osnovy ekonomiki i upravleniia personalom*, 2012, (4): 80–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pnffzl>
23. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1997. 704 с. [Mescon M. H., Albert M., Khedouri F. *Management*. Moscow: Delo, 1997, 704. (In Russ.)]
24. Егоршин А. П. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 2017. 376 с. [Egorshin A. P. *Motivation and stimulation of labor activity*. 3rd ed. Moscow: INFRA-M, 2017, 376. (In Russ.)]
25. Deci E. L., Ryan R. M. The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*, 2000, 11(4): 227–268. (In Russ.) https://doi.org/10.1207/S15327965PLI1104_01
26. Пьянкова Л. А. Междисциплинарный анализ научной категории профессиональное определение. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 1. С. 75–88. [Pyankova L. A. Interdisciplinary analysis of the scientific category of professional identity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(1): 75–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-1-75-88>
27. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб.: Азбука, 2011. 190 с. [Freud Z. *The psychology of the masses and the analysis of the human self*. St. Petersburg: Azbuka, 2011, 190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qucqlp>
28. Затепакин О. А., Пьянкова Л. А., Грекова Н. Ю. Стимулирование трудовой деятельности. Новокузнецк: СибГИУ, 2021. 183 с. [Zatepyakin O. A., Pyankova L. A., Grekova N. Yu. *Stimulation of labor activity*. Novokuznetsk: SibSIU, 2021, 183. (In Russ.)]
29. Закурдаева В. Д. Разработка системы мотивации и форм стимулирования персонала предприятия. *Актуальные исследования*. 2023. № 25-2. С. 44–45. [Zakurdaeva V. D. Development of a system of motivation and forms of stimulation of the company's personnel. *Aktualnye issledovaniia*, 2023, (25-2): 44–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mkhoeg>
30. Выготский Л. С. Проблемы развития психики. *История развития высших психических функций*. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. С. 5–328. [Vygotskii L. S. Problems of mental development. *History of development of higher mental functions*. Moscow: Pedagogika, 1983, vol. 3, 5–328. (In Russ.)]
31. Пряхникова Е. Ю., Пряхников Н. С. ПрофорIENTATION. 6-е изд. М.: Academia, 2013. 493 с. [Priazhnikova E. Iu., Priazhnikov N. S. *Career guidance*. 6th ed. Moscow: Academia, 2013, 493. (In Russ.)]
32. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Academia, 2004. 301 с. [Klimov E. A. *Psychology of professional self-determination*. Moscow: Academia, 2004, 301. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxienf>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vjsvpy>

Методический потенциал традиционных показателей финансового состояния для оценки результатов централизации финансового управления в сложных организационных образованиях типа *группа компаний*

Васиков Рамиль Разифович

ПАО «Татнефть» им. В. Д. Шашина», Россия, Альметьевск

Юдина Светлана Валентиновна

Казанский национальный исследовательский технический

университет им. А. Н. Туполева, Россия, Казань

eLibrary Author SPIN: 9034-6402

<https://orcid.org/0000-0001-7774-9843>

SVYudina@kai.ru

Аннотация: В условиях волатильного денежного потока, обусловленного внешними факторами, поиск оптимальных механизмов распределения финансовых ресурсов внутри группы компаний между связанными структурами (обеспечение платежеспособности и ликвидности в полиотраслевых организационных образованиях) становится необходимым. Централизация финансового управления в группе компаний позволяет нивелировать сложность и распределенность объектов управления (дочерних и зависимых обществ). Цель – изучить локальные (краткосрочные, статические) итоги централизации финансового менеджмента в крупных группах компаний Российской Федерации для дальнейшего создания методики оценки эффективности такой централизации. Предпринята попытка определить степень управляемости ликвидностью, устойчивостью и рентабельностью на базе открытых данных и официальной финансовой отчетности предприятий трех групп компаний топливно-энергетического сектора России. Выявлены признаки управляемости, большинство фактических значений показателей которой распределены по предприятиям групп неравномерно: более трети показателей имеют уровень ниже нормативного. Зафиксированы успехи компаний в области управления дебиторской и кредиторской задолженностями, что в дальнейшем позволяет продолжить поиск методических решений в области оценки результатов централизации финансового управления в группах компаний.

Ключевые слова: централизация управления, управление ликвидностью, управление платежеспособностью, управление задолженностью, группа компаний

Цитирование: Васиков Р. Р., Юдина С. В. Методический потенциал традиционных показателей финансового состояния для оценки результатов централизации финансового управления в сложных организационных образованиях типа *группа компаний*. *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. № 4. С. 575–587. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-575-587>

Поступила в редакцию 13.06.2024. Принята после рецензирования 18.09.2024. Принята в печать 23.09.2024.

full article

Assessing Financial Management Centralization in Multicorporate Enterprises (Groups of Companies): Methodological Potential of Traditional Financial Performance Indicators

Ramil R. Vasikov

PAO Tatneft Im. V. D. Shashina, Russia, Almetyevsk

Svetlana V. Yudina

Kazan National Research Technical University, Russia, Kazan

eLibrary Author SPIN: 9034-6402

<https://orcid.org/0000-0001-7774-9843>

SVYudina@kai.ru

Abstract: In conditions of volatile cash flow caused by external factors, multicorporate enterprises need to look for new methods of optimal financial distribution. This is especially important for multi-industry organizational

entities that want to ensure their solvency and liquidity. Centralized financial management eases the complex distribution of management objects, i.e., subsidiaries and dependent companies. The article describes the process of financial management centralization in large Russian conglomerates. The research objective was to develop a methodology for efficiency assessment based on open data and official financial statements of three groups of companies in the domestic fuel and energy sector. An attempt was made to assess the manageability of liquidity, stability, and profitability. Most manageability indicators were distributed unevenly among the enterprises within the conglomerates, more than a third of them sliding below the standard. However, the groups proved quite successful in managing receivables and payables, which indicates good prospects for further search for methodological solutions in centralization efficiency assessment for multicorporate enterprises.

Keywords: centralization of management, liquidity management, solvency management, debt management, group of companies

Citation: Vasikov R. R., Yudina S. V. Assessing Financial Management Centralization in Multicorporate Enterprises (Groups of Companies): Methodological Potential of Traditional Financial Performance Indicators. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 575–587. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-575-587>

Received 13 Jun 2024. Accepted after review 18 Sep 2024. Accepted for publication 23 Sep 2024.

Введение

Принято считать, что крупные организационные образования типа *группа компаний* создаются в стратегических целях: централизация управления и финансового контроля над подконтрольными организациями¹, оптимизация налоговых стратегий или защита активов. Они работают в самых разных отраслях: от финансов и инвестиций до производства и технологий. По сути, данные объединения играют важную роль в организации управления, предлагая такие преимущества и эффекты, как управление рисками, диверсификация, оптимизированное управление портфелем предприятий, гибкое ценообразование и т.д. Диверсификация бизнесов, рисков, портфелей смягчает воздействие отраслевых проблем и экономических спадов, повышая совокупную стабильность и гибкость, способствуя долгосрочной устойчивости.

Основные оперативные решения в связанных компаниях принимаются относительно самостоятельной управленческой командой, но стратегическое развитие обычно координируется и контролируется на уровне материнской компании / контролирующего лица². Такой централизованный подход к управлению обеспечивает управляемость (согласованность управления), единство операционных стандартов и оптимальное распределение ресурсов во всей группе. Используя законным образом налоговые льготы и вычеты, а также определяя

источники и условия привлечения заемных средств, сложные объединения могут повысить прибыльность и улучшить управление денежными потоками. Ключевой ролью материнской компании является финансовый надзор и распределение капитала внутри группы.

Центр группы компаний управляет финансовыми рамками: определяет параметры привлечения внешнего долга, принимает решения по распределению внутренних ресурсов и тому, какая структура получает окончательное финансирование и инвестиции. Управление финансами в группе компаний – сложная задача, обусловленная расхождением интересов (например экономических) предприятий, входящих в группу. В ряде стран эта задача усугубляется следующими факторами [1]:

- ограничения на переводы средств между юридическими лицами внутри группы (камуфлирование кредитования);
- недостаточное количество готовых решений (в том числе автоматизированных) для централизации финансовых операций.

Термин *группа компаний* напрямую не используется в российском законодательстве. Однако в некоторых нормативных актах упоминаются определенные понятия, которые могут быть интерпретированы как *группа компаний*. Например:

¹ Велижанская Т. Организация службы внутреннего аудита с нуля. Практический опыт. *GAAP.ru*. 25.04.2019. URL: https://gaap.ru/articles/Organizatsiya_sluzhby_vnutrennego_audita_s_nulya_Prakticheskiy_opyt/ (дата обращения: 08.06.2024).

² Об обществах с ограниченной ответственностью. ФЗ № 14-ФЗ от 08.02.1998 (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). *СПС КонсультантПлюс*.

1. В ст. 9 ФЗ «О защите конкуренции»³ отмечается группа лиц – совокупность юридических лиц, которые в силу долей участия в уставных (складочных) капиталах других юридических лиц, соглашений между собой имеют возможность оказывать влияние на деятельность других юридических лиц и определять условия осуществления ими предпринимательской деятельности или влиять на принятие ими самостоятельных решений.

2. В ст. 105.1 НК РФ упоминается группа *взаимозависимые лица*, определяемая в ст. 20 части 1 НК РФ как совокупность двух и более лиц, являющихся взаимозависимыми⁴.

3. В национальном стандарте РФ об ЭКГ-рейтинге (2023)⁵ есть раздел *Оценка группы компаний*, в котором фигурирует рассматриваемый авторами термин.

В контексте изучения группы компаний важно определить и смежные понятия. Так, в российском праве существует термин *связанные стороны (аффилированные лица)*, используемый в различных нормативных актах, в том числе в Федеральных законах «Об акционерных обществах»⁶ и «О рынке ценных бумаг»⁷. Согласно приведенным документам, *аффилированные лица* – это юридические или физические лица, которые имеют возможность оказывать существенное влияние на деятельность других юридических лиц или на принятие ими решений. Понятие *связанные стороны (аффилированные лица)* также может быть применено к предприятиям в составе группы компаний.

Множество исследований (систематизированных во работе [2]) посвящено вопросам поиска оптимальных механизмов распределения финансовых ресурсов между дочерними структурами для обеспечения экономического роста и увеличения капитализации группы компаний. Научный интерес к оптимизации структуры крупных организаций исследователи проявляли давно: от эффективного управления формальной организацией Ч. Барнарда [3] до рисков избыточной централизации крупных организаций Дж. Г. Марча и Дж. Коллинза [4; 5].

Фундаментальные исследования и теория корпоративных финансов сегодня ассоциируются с именем С. Росса и Д. Свенсона [6; 7]. Современные отечественные ученые также внесли значительный вклад в теорию и методологию корпоративных

финансов [8–12]. Например, в трудах [13–15] отмечены большие возможности управления финансами крупных компаний с развитием информационных технологий.

О необходимости многокритериальной оценки моделей функционирования крупных корпоративных образований говорится в диссертации О. Д. Косоруковой [16]. В работе [17] рассматриваются различные методики проведения анализа финансового состояния корпорации и утверждается, что набор методик не является исчерпывающим и может формироваться под задачи в каждом конкретном случае. В диссертационном исследовании А. Г. Дементьевой выявлены факторы, отрицательно воздействующие на развитие корпораций в России [18]. В статье [19] опубликованы результаты разработки комплексной методики оценки синергетического эффекта как системы взаимосвязанных показателей в крупном объединении, в которых проявляется синергия между компаниями. Таким образом, научный интерес к оценке различных аспектов финансового менеджмента в крупных организационных образованиях не ослабевает. Это не просто актуальная для компаний задача, а поистине научный вызов, не предполагающий простых и «линейных» решений.

В практике управления сложными организационными образованиями закрепился термин *группа компаний* – совокупность хозяйствующих субъектов, объединенных централизованной системой контроля, стратегические решения в которой принимаются в едином центре на основе информации, получаемой от периферии [20]. Развитие информационных технологий сегодня позволяет группам компаний вполне эффективно централизовать ряд функций, включая функцию финансового контроля.

К положительным характеристикам (сторонам) централизации финансового менеджмента в группе компаний относятся:

1. Осуществление более эффективного контроля над финансовой деятельностью дочерних предприятий группы компаний, включающего управление денежными потоками, капитальными вложениями и рисками.

2. Централизованный финансовый менеджмент помогает оптимизировать использование финансовых

³ О защите конкуренции. ФЗ № 135-ФЗ от 26.07.2006. СПС КонсультантПлюс.

⁴ НК РФ № 146-ФЗ от 31.07.1998 (ред. от 30.09.2024). СПС КонсультантПлюс.

⁵ Национальный стандарт РФ. Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг). Методика оценки и порядок формирования ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса. ГОСТ Р 71198-2023 от 01.02.2024. СПС Кодекс.

⁶ Об акционерных обществах. ФЗ № 208-ФЗ от 26.12.1995 (ред. от 25.12.2023). СПС КонсультантПлюс.

⁷ О рынке ценных бумаг. ФЗ № 39-ФЗ от 22.04.1996. СПС КонсультантПлюс.

ресурсов, что может способствовать сокращению затрат, улучшению ликвидности и повышению общей финансовой эффективности.

3. Унифицированная система финансовой отчетности обеспечивает более высокую прозрачность финансовых операций холдинга и его дочерних предприятий, положительно влияющую на повышение доверия инвесторов и кредиторов и облегчающую привлечение капитала.

4. Прозрачные финансовые данные и аналитика могут помочь руководству группы принимать более обоснованные решения, связанные с инвестициями, финансированием и операциями.

Отрицательные эффекты централизации финансового менеджмента в группе компаний заключаются в том, что:

1. Дочерние предприятия могут потерять автономию в принятии финансовых решений. Что приведет к снижению мотивации и инноваций.

2. Централизация может способствовать увеличению бюрократии и замедлению процессов принятия решений.

3. Централизованное финансовое управление рискует стать менее гибким в удовлетворении специфических потребностей дочерних предприятий, а также может увеличить сложность и стоимость финансового управления, особенно в холдингах с многочисленными и разнообразными дочерними предприятиями.

Тем не менее, централизация финансового менеджмента в холдинге имеет ряд преимуществ, таких как улучшенный контроль, оптимизация ресурсов и снижение рисков. Важно также оценивать конкретные проявления этих сторон, т.е. потенциальные положительные и отрицательные эффекты (табл. 1) перед принятием решения о централизации и вести постоянный мониторинг ее параметров.

Целью статьи является изучение результатов централизации финансового менеджмента в крупных группах компаний России. В ходе исследования были решены следующие задачи:

1. Определен набор показателей деятельности предприятий, входящих в группу компаний, по распределению фактических значений которых может быть оценен результат централизации финансового менеджмента.

2. Сформированы сводные таблицы с индикаторами 2023 г. по трем группам компаний.

3. Выдвинуты гипотезы о возможной интерпретации полученных результатов, в том числе о вероятном уровне централизации финансового менеджмента.

Методы и материалы

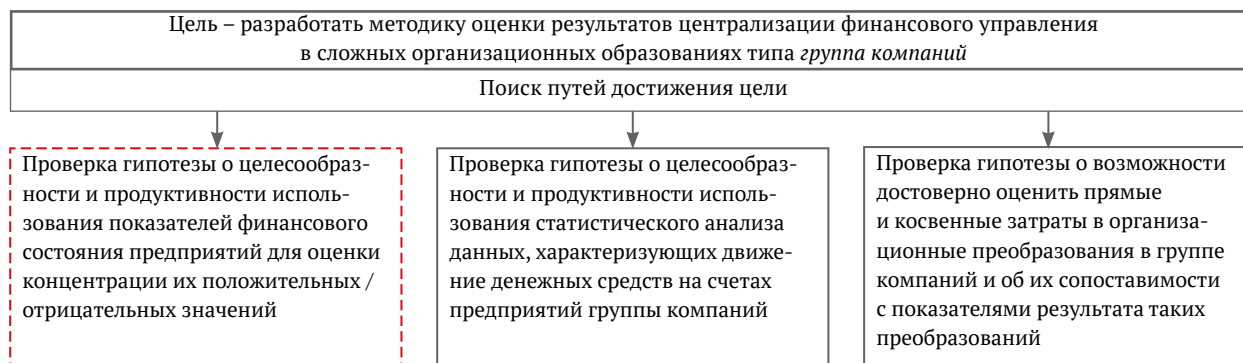
Результаты, представленные в статье, являются частью исследования, направленного на разработку методики оценки эффективности управления финансами в предпринимательских объединениях и эффективности централизации такого управления. При этом ее разработка должна опираться не на аналогичные методики, а исключительно на количественные методы анализа. Данные для него должны быть достоверными, сопоставимыми, доступными. В связи с этим авторы вели поиск с последовательной проверкой гипотезы о целесообразности использования открытых данных или данных, которые достаточно легко могут быть получены путем нетрудоемкой обработки.

На рисунке представлен фрагмент общей методической блок-схемы исследования. Одна из смежных гипотез уже проверена, и ее результаты опубликованы в другом издании [21].

Табл. 1. Эффекты от централизации функций финансового менеджмента в группе компаний

Tab. 1. Effects of centralizing financial management functions in a group of companies

Положительные	Отрицательные
<ul style="list-style-type: none"> • улучшение контроля над финансами • оптимизация использования ресурсов • повышение прозрачности • снижение рисков • повышение эффективности принятия решений • улучшение координации • снижение затрат на соблюдение требований • повышение управляемости финансовой устойчивости • оптимизация инвестиционных программ – сбалансированный внутренний рынок капитала • контроль операционных расходов • консолидация бизнес-планирования • внутреннее казначейство 	<ul style="list-style-type: none"> • потеря автономии связанными и зависимыми структурами • бюрократизация процессов и процедур согласования • негибкость в принятии решений • повышение сложности выработки решений • снижение предпринимательского интереса • снижение мотивации управленческого персонала • сокращение инноваций • высокая стоимость разработки и сопровождения централизованной системы • снижение склонности к риску • концентрация прав в едином центре принятия решений и развитие оппортунизма

Прим.: красным пунктиром выделен этап, результаты которого публикуются в данной статье.

Рис. Фрагмент методической блок-схемы исследования

Fig. Methodological flow chart: a fragment

На данном этапе исследования авторы руководствовались принципом обеспечения объективности исходных данных, поэтому необходимо было сформировать методику, которая позволит ограничиться официальной финансовой отчетностью хозяйствующих субъектов. В таблице 2 представлен набор показателей деятельности предприятий, входящих в группу компаний, по фактическим значениям которых может быть оценен уровень централизации финансового менеджмента.

Нормативные значения по показателю принимались исходя из принятой практики⁸. Интерпретация фактических результатов зависела от величины их отклонения от нормативных значений (табл. 3–5). Результат интерпретации отклонений отображался в таблице цветом. Далее проводилась оценка преобладающего уровня показателей и концентрации позитивных и негативных значений.

Высокий уровень значений устанавливался в случае фиксации в столбце 70 % позитивных значений и более; низкий – аналогично для негативных значений; средний присваивался как в случае преобладания нейтральных значений, так и при паритете между позитивными, негативными и нейтральными значениями.

Равномерная концентрация значений предполагала наличие в столбце более 60 % значений одного уровня. Во всех остальных случаях концентрация рассматривалась как неравномерная. Сочетание высокого уровня показателей и высокой концентрации позитивных значений может свидетельствовать об управляемости финансового состояния и положительных результатах централизации финансового управления.

Исследование проведено на примере трех сложных объектов – российских групп компаний, сопоставимых по организационной структуре, кодам ОКВЭД материнской и дочерних (27 наименований) обществ. Из анализа сознательно были исключены однотипные структуры, как правило, отражающие финансовую ситуацию в региональном подразделении.

Результаты

ПАО «Татнефть» им. В. Д. Шашина» (Татнефть) эволюционно проходила разные этапы развития организационного дизайна, балансируя между централизацией и децентрализацией, гибко реагируя на внешние условия и подчиняя бизнес-архитектуру стратегии развития. В начале нулевых годов Татнефть из-за становления полноформатной материнской компанией выводила так называемые непрофильные активы из состава акционерного общества и создавала широкую сеть дочерних обществ, координация работы которых осуществлялась через ряд специализированных управляющих компаний. Это было обосновано рядом соображений (налоговая оптимизация, улучшение управления имуществом, повышение гибкости разнообразных бизнесов).

Вместе с этим компания проводила широкую вертикальную интеграцию путем приобретения и создания новых бизнесов, дополняющих производственную цепочку основного бизнеса и повышающих контроль над поставками и сбытом. В этот период архитектура группы тяготела к децентрализованной модели. Спустя десятилетие начался обратный процесс интеграции внешних и вспомогательных бизнес-процессов в контур акционерного общества,

⁸ Методологические рекомендации по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций. Госкомстат России от 28.11.2002. СПС КонсультантПлюс.

Табл. 2. Система показателей деятельности предприятий группы компаний

Tab. 2. System of performance indicators of enterprises within a group of companies

	Показатель	Содержание
Финансовая устойчивость	Коэффициент финансовой устойчивости (У1)	Показывает, насколько активы организации обеспечены надежными (собственными) и устойчивыми (долгосрочными) источниками
	Коэффициент автономии (У2)	Показывает, насколько организация независима от кредиторов
	Коэффициент обеспеченности собственными средствами (У3)	Показывает, насколько организация способна обеспечивать текущую деятельность за счет собственных средств
	Отношение дебиторской задолженности к активам (У4)	Показывает долю дебиторской задолженности в совокупных активах
	Коэффициент соотношения заемного и собственного капитала (У5)	Показывает, сколько заемных средств приходится на единицу собственного капитала
Платежеспособность	Коэффициент абсолютной ликвидности (П1)	Показывает, какую долю текущих обязательств организация в состоянии погасить немедленно
	Коэффициент текущей ликвидности (П2)	Показывает, какую долю текущих обязательств покроят имеющиеся у организации текущие активы
	Коэффициент обеспеченности обязательств активами (П3)	Показывает, способна ли организация при необходимости покрыть все обязательства перед кредиторами после продажи активов
	Степень платежеспособности по текущим обязательствам (П4)	Показывает период, за который организация способна погасить текущие обязательства за счет выручки
	Коэффициент утраты платежеспособности (П5)	Показывает вероятность ухудшения текущей ликвидности в течение 3 мес. от отчетной даты
Эффективность	Рентабельность по чистой прибыли (Э1)	Показывает эффективность деятельности организации (сколько чистой прибыли приходится на рубль выручки)
	Рентабельность затрат (Э2)	Показывает эффективность вложений (сколько организация получает прибыли с каждой единицы затрат)
	Рентабельность активов (Э3)	Показывает эффективность использования активов (сколько компания получает прибыли с каждой единицы активов)
	Рентабельность собственного капитала (Э4)	Показывает эффективность использования вложенного капитала
	Оборачиваемость дебиторской задолженности (Э5)	Показывает, насколько быстро с организацией рассчитываются по дебиторской задолженности
	Оборачиваемость кредиторской задолженности (Э6)	Показывает, насколько быстро компания погашает кредиторскую задолженность

а также произошло усиление контроля за деятельностью дочерних и зависимых обществ, знаменующих переход к активной централизации, при которой все ресурсы для выполнения задач (бухгалтерия, кадры, IT) сосредоточились в одном месте. При этом большинство решений в операционной деятельности до сих пор принимается на местах, что свидетельствует о сохранении элементов децентрализации.

Разработка методологии управления (стратегическое планирование и бизнес-планирование) и часть тактических полномочий переданы дочерними обществами специальным подразделениям материнской компании, например Центру обслуживания бизнеса. Такая комбинация подходов

обусловлена целями управления группы: повышение прозрачности и достоверности данных, увеличение эффективности рутинных операций через автоматизацию, понимание и оптимизация структуры затрат. В настоящее время эти подразделения являются провайдером услуг для 67 связанных юридических лиц, что приводит к значительным изменениям в уровне централизации и децентрализации различных систем и функций, отдельных предприятий и группы компаний в целом.

Итак, централизацию и децентрализацию следует рассматривать не как дихотомию, а как спектр возможностей. При принятии решений о централизации и децентрализации тех или иных функций

Табл. 3. Показатели финансового состояния предприятий группы *Татнефть* в 2023 г.

Tab. 3. Financial indicators of *Tatneft* Group enterprises, 2023

Юридическое лицо	Показатели															
	У1	У2	У3	У4	У5	П1	П2	П3	П4	П5	Э1	Э2	Э3	Э4	Э5	Э6
Татнефть	К	З	З	Ж	Ж	К	З	З	К	Ж	З	З	З	Ж	Ж	Ж
Татнефть-АЗС-Центр	К	К	Ж	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж
Татнефть-Актив	З	Ж	К	З	К	З	З	З	К	Ж	К	К	К	К	Ж	Ж
Тольяттикаучук	К	К	К	Ж	Ж	К	З	З	З	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
ТН-АЗС-Запад	К	К	К	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Татнефть-Самара	З	Ж	К	З	Ж	Ж	Ж	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Татнефть-УРС	К	К	К	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	К	К	К	К	Ж	Ж
Татбурнефть	К	К	К	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
ТНГ-Алгис	К	К	К	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
УК Татспецтранспорт	К	К	К	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Химсервис	К	К	К	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Аэропорт Бугульма	З	Ж	З	Ж	Ж	Ж	Ж	З	К	Ж	К	К	К	К	Ж	Ж
УПТЖ для ППД	К	К	К	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
УК Алабуга-2.Нефтехимия	Ж	К	К	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Мехсервис-НПО	К	К	З	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Снежинка	З	Ж	З	Ж	Ж	Ж	Ж	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Татнефть-Энергосбыт	З	Ж	З	Ж	Ж	Ж	Ж	З	К	Ж	К	К	К	К	Ж	Ж
ЦПК-Татнефть	К	К	К	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Татинтек	З	Ж	К	З	Ж	Ж	Ж	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Процессинговый Центр	К	К	К	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
ТМС-Логистика	К	Ж	З	Ж	Ж	Ж	Ж	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
ТТД Татнефть	К	К	З	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Татнефть-Транс	З	Ж	З	Ж	Ж	Ж	Ж	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
ТН-Сервис	К	К	К	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Татнефть-Урал	К	К	К	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
НТЦ Татнефть	К	К	З	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
ТН-Инжиниринг	К	К	К	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
ТатИТнефть	К	К	З	Ж	Ж	К	К	З	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж

Прим.: красный цвет заливки – фактические значения ниже нормативного; желтый – фактические значения на уровне нормативного; зеленый – фактические значения выше нормативного.

компания должна учитывать стратегические цели, текущие задачи, технологические ограничения, стоимость изменений и др.

Данные таблицы 3 свидетельствуют о проводимой в группе компаний централизованной политике финансового управления предприятиями, входящими в группу. В 2023 г. наиболее уязвимую позицию в большинстве предприятий группы занимают показатели финансовой устойчивости, отражающие финансовую стратегию: $У_1, У_2, У_3, У_5$.

Показатель устойчивости в тактическом смысле – отношение дебиторской задолженности к активам – в по группе выглядит позитивно, за исключением

предприятий сервисного профиля. Централизованное управление платежеспособностью очевидно удается лучше: $П_3, П_4$ и опережающий $П_5$ свидетельствуют о неплохой управляемости этой характеристики текущей деятельности в преобладающем большинстве предприятий группы. Показатели $Э_2$ и $Э_6$, несмотря на попадание в «желтую» зону, также стабильны и равномерны по предприятиям группы, что позволяет увидеть реальные результаты мониторинга ситуации в дочерних и зависимых обществах со стороны ПАО «Татнефть».

В целом все, что связано с дебиторской и кредиторской задолженностями на предприятиях группы

Татнефть, говорит об их высокой управляемости и о достаточном уровне централизованного контроля. Для интерпретации больших колебаний по показателям устойчивости и платежеспособности будет проведен более детальный анализ на следующем этапе формирования методических основ оценки эффективности централизации финансового менеджмента.

Лукойл был основан в 1991 г. как акционерное общество, эксплуатирующее нефтяные и газовые месторождения в Западной Сибири, и не являлся вертикально-интегрированной компанией. Ей ПАО «Лукойл» стало в результате ряда приобретений и слияний перерабатывающих мощностей в 1990-х и 2000-х гг.

В целом состав дочерних компаний Татнефти и Лукойла отражает их стратегические приоритеты и масштабы деятельности. Так, ПАО «Татнефть» больше ориентировано на нефтепереработку и нефтехимию и развитие бизнеса в Татарстане, а ПАО «Лукойл» имеет более диверсифицированный портфель дочерних компаний и более широкую географию деятельности.

В группе *Лукойл* еще в 2008 г. была создана и полностью автоматизирована система управления денежными средствами между счетами дочерних компаний и казначейский финансовый центр за рубежом. Именно тогда компания декларировала «создание эффективного инструмента управления ликвидностью, с помощью которого обеспечивается концентрация денежных средств, сокращаются трудозатраты за счет автоматизации операций по списанию и зачислению денежных средств, снижаются затраты по финансированию, увеличивается процентный доход группы благодаря эффективному размещению консолидированного остатка денежных средств»⁹.

Сегодня централизованное управление задолженностью позволяет Лукойлу поддерживать финансовую стабильность и минимизировать риски, связанные с задолженностью дочерних компаний. Кроме того, оно обеспечивает прозрачность и подотчетность в управлении денежными потоками и активами группы компаний *Лукойл*. Данные таблицы 4 свидетельствуют о лучших показателях финансовой устойчивости предприятий ПАО «Лукойл» по сравнению с аналогичными показателями ПАО «Татнефть». В большинстве предприятий группы показатели,

которые отражают финансовую стратегию, имеют равномерно высокий уровень. Однако характер распределения $У_3$, в отличие от *Татнефть*, более равномерный. Показатель $У$ в целом по группе выглядит позитивно.

Централизованное управление платежеспособностью на предприятиях ПАО «Лукойл» не принесло положительного результата: $П_1$ и $П_2$ свидетельствуют о проблемах, с которыми преобладающему большинству предприятий группы не удалось справиться. Коэффициент $П_3$ равномерно высок, как и в Татнефти, что, скорее всего, объясняется спецификой основных и вспомогательных производств в вертикально-интегрированных нефтяных компаниях, предполагающих владение крупными материальными активами. Показатели $Э_1-Э_6$, так же как и на предприятиях группы *Татнефть*, стабильны и равномерно распределены, несмотря на попадание в «желтую» зону.

В целом показатели финансового состояния предприятий группы ПАО «Лукойл» в 2023 г. демонстрируют чуть более равномерное распределение по сравнению с теми же показателями группы *Татнефть*. В группе *Лукойл* фиксируются эффекты от централизованного управления источниками финансирования, и ее предприятия чуть более независимы (чего не скажешь о самой материнской компании ПАО «Лукойл»).

Концерн *Газпром* был зарегистрирован как акционерное общество в 1992 г. В его состав вошло более 200 предприятий газовой отрасли и добывающие, перерабатывающие, транспортные и сбытовые компании. С момента создания концерн начал активно расширять свою деятельность и приобретать контроль над другими компаниями в газовой отрасли.

К концу 1990-х гг. ПАО «Газпром» стало крупнейшей газовой компанией в мире. В 2003 г. концерн *Газпром* был преобразован в открытое акционерное общество. Это позволило Газпрому привлечь дополнительные инвестиции и расширить свою деятельность на международном рынке. По состоянию на 2023 г. у ПАО «Газпром» более 100 дочерних компаний. В конце 2010-х гг. в этой группе было создано Единое казначейство, которое призвано решать задачи централизованного управления денежными потоками Газпрома, управления внутригрупповой ликвидностью, централизации платежной функции и управления рисками¹⁰.

⁹ Лукойл ввел в эксплуатацию автоматизированную систему по управлению денежными средствами. *Лукойл*. 15.09.2008. URL: <https://lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease/lukoil-vvel-v-ekspluatatsiiu-avtomatizirovannuiu> (дата доступа: 05.06.2024).

¹⁰ Финансово-экономическая политика ПАО «Газпром»: пресс-конференция. *ПАО «Газпром»*. 28.06.2018. URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/77/684826/presentation-press-conf-2018-06-28-ru.pdf> (дата обращения: 09.06.2024).

Табл. 4. Показатели финансового состояния предприятий группы *Лукойл* в 2023 г.

Tab. 4. Financial indicators of *Lukoil Group enterprises*, 2023

Юридическое лицо	Показатели															
	У1	У2	У3	У4	У5	П1	П2	П3	П4	П5	Э1	Э2	Э3	Э4	Э5	Э6
Лукойл	К	К	К	З	З	З	К	З	К	З	З	З	З	З	З	З
Лукойл-Западная Сибирь	З	З	К	З	З	К	К	З	З	З	З	З	З	З	З	З
Лукойл-Пермь	З	З	К	З	З	К	К	З	К	З	З	З	З	З	З	З
Лукойл-УралНП	К	З	К	З	З	К	К	З	З	З	З	З	З	З	З	З
Лукойл-СЗНП	К	К	К	З	З	К	К	З	З	З	З	З	З	З	З	З
РИТЭК	З	З	З	З	З	К	К	З	З	З	З	З	З	З	З	З
Лукойл-Энергосети	К	К	К	К	З	К	К	З	З	З	З	З	З	З	З	З
Лукойл-Югнефтепродукт	К	К	К	З	З	К	К	З	З	З	З	З	З	З	З	З
Лукойл-Центрнефтепродукт	К	К	К	З	З	К	К	З	З	З	З	З	З	З	З	З
Лукойл-Пермнефтеоргсинтез	З	З	З	З	З	К	К	З	К	З	З	З	З	З	З	З
Саратоворгсинтез	З	З	З	З	З	К	К	З	З	З	З	З	З	З	З	З
Тебойл Рус	З	З	К	З	З	К	К	З	З	З	К	К	К	К	З	З
Ставролен	З	З	З	З	З	К	К	З	З	З	К	К	К	К	З	З
Лукойл-Инжиниринг	К	К	З	З	З	К	К	З	К	З	К	К	К	К	З	З
Лукойл-Транс	З	К	К	З	З	К	К	З	З	З	К	К	К	К	З	З
Лукойл-Аэро	К	З	З	З	З	К	К	З	З	З	З	З	З	З	З	З
Лукойл-УНП	З	З	З	З	З	К	К	З	З	З	З	З	З	З	З	З
Лукойл-Нижегороднефтеоргсинтез	З	З	З	З	З	К	К	З	З	З	З	З	З	З	З	З
Лукойл Персонал	К	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З
К. Н. Холдинг	З	З	З	З	З	З	З	З	К	З	З	З	К	К	З	З
Лукойл-МЦПБ	К	К	К	К	З	К	К	З	З	З	К	К	К	К	З	З
Башнефть-Полюс	З	К	К	З	З	К	К	З	К	З	К	К	К	К	З	З
Ликард	К	К	З	К	З	К	К	З	З	З	З	З	З	З	З	З
Лукойл-Технологии	К	К	К	З	З	К	К	З	К	З	З	З	З	З	З	З
Варандейский Терминал	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З
ЛИНК	К	З	З	К	З	К	К	З	К	З	З	З	З	З	З	З
Лукойл-КНТ	З	З	З	З	З	К	К	З	К	З	К	К	К	К	З	З
Лун-Инвест	З	З	К	З	З	К	К	З	К	З	З	З	З	З	З	З

Прим.: красный цвет заливки – фактические значения ниже нормативного; желтый – фактические значения на уровне нормативного; зеленый – фактические значения выше нормативного.

Данные таблицы 5 схожи с данными таблицы 4, хотя совокупно предприятия группы *Газпром* демонстрируют худшие показатели финансовой устойчивости. В большинстве предприятий показатели $У_1$ и $У_2$ имеют неравномерный уровень. Показатель $У_3$ и вовсе худший из всех трех анализируемых групп компаний. Показатель $У_4$ в целом по группе выглядит позитивно, хотя распределен по предприятиям также неравномерно. Характер распределения $У_5$, как и аналогичный показатель в группе *Татнефть*, менее равномерный, чем в группе *Лукойл*.

Централизованное управление платежеспособностью, так же как и в ПАО «Лукойл», не принесло положительного результата: коэффициенты $П_1$ и $П_2$ выглядят совсем не оптимальным образом. Коэффициент $П_3$ равномерно распределен и высок, а опережающий коэффициент $П_5$ низок, но относительно равномерен. Показатели $Э_1$ – $Э_4$, неравномерны по предприятиям группы. При этом показатели $Э_5$, $Э_6$ выглядят стабильно и распределены относительно равномерно (с уверенным выходом в «зеленую» зону).

Табл. 5. Показатели финансового состояния предприятий группы Газпром в 2023 г.

Tab. 5. Financial indicators of Gazprom Group enterprises, 2023

Юридическое лицо	Показатели															
	У1	У2	У3	У4	У5	П1	П2	П3	П4	П5	Э1	Э2	Э3	Э4	Э5	Э6
Газпром	З	З	К	З	Ж	К	К	З	К	Ж	З	З	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром трансгаз Москва	К	Ж	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром трансгаз Ухта	К	К	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром добыча Уренгой	К	К	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром трансгаз Томск	К	З	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром добыча Ямбург	К	К	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром трансгаз Саратов	З	З	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром ПХГ	К	Ж	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром трансгаз Краснодар	К	К	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром добыча Краснодар	З	К	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром переработка	З	Ж	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром добыча Оренбург	З	З	З	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром недра	К	К	З	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром телеком	К	З	З	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром трансгаз Казань	З	З	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром энерго	З	К	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
АП Газпром авиа	З	З	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром питание	З	З	З	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром ВНИИГАЗ	К	К	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром инвест	К	К	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром информ	К	К	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром энергохолдинг	Ж	З	З	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпромтранс	К	К	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпромнефть-Ямал	З	Ж	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром Межрегионгаз	К	К	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром инвестпроект	К	Ж	З	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром ГНП Холдинг	К	З	З	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Газпром комплектация	К	К	К	Ж	Ж	К	К	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж

Прим.: красный цвет заливки – фактические значения ниже нормативного; желтый – фактические значения на уровне нормативного; зеленый – фактические значения выше нормативного.

Заключение

Обобщение и систематизация фактических данных о финансовом состоянии предприятий трех крупнейших российских групп компаний позволили получить результаты, представленные в таблице 6. Целью централизации управления, по мнению авторов, во всех трех группах компаний было улучшение финансового состояния (помимо обеспечения прозрачности и управляемости денежных потоков), выраженного 16 показателями финансовой устойчивости, ликвидности и эффективности. Уровень

и характер распределения фактических значений показателей внутри групп в 2023 г. свидетельствуют о том, что только 5 из 16 показателей демонстрируют высокую управляемость ($У_5$, $П_3$, $П_5$, $Э_5$, $Э_6$).

Высокие показатели $У_5$, $П_3$, $Э_5$ и $Э_6$, а также оптимальное значение коэффициента утраты платежеспособности указывают на эффективное управление финансами в исследованных группах компаний. Среднее значение $У_5$ свидетельствует о том, что группа имеет достаточную финансовую

Табл. 6. Итоги анализа показателей финансового состояния

Tab. 6. Analysis of financial indicators

Критерий	Показатели															
	У1	У2	У3	У4	У5	П1	П2	П3	П4	П5	Э1	Э2	Э3	Э4	Э5	Э6
<i>Татнефть</i>																
Уровень	н	н	н/о	с	н	н	н	в	н/о	с	в	н/о	н/о	с	с	с
Концентрация	нр	нр	нр	нр	р	р	нр	р	нр	р	р	нр	нр	нр	р	р
<i>Лукойл</i>																
Уровень	с	с	с	с	с	н	н	в	н/о	с	с	н/о	н/о	с	с	с
Концентрация	нр	нр	нр	нр	р	р	нр	р	нр	р	нр	нр	нр	нр	р	р
<i>Газпром</i>																
Уровень	н	н	н	с	с	н	н	в	н/о	с	н/о	н/о	с	с	с	с
Концентрация	нр	нр	нр	нр	нр	р	р	р	нр	р	нр	нр	нр	нр	р	р

Прим.: в – высокий уровень, с – средний, н – низкий, н/о – невозможно определить; р – равномерная концентрация, нр – неравномерная.

базу и меньше зависит от заемного финансирования. Высокое значение показателя P_3 указывает на то, что предприятия группы имеют достаточное количество активов для покрытия долгов. Высокие показатели Δ_5 и Δ_6 свидетельствуют о том, что группы вполне эффективно управляют своим оборотным капиталом.

В целом высокие показатели этих финансовых коэффициентов указывают на то, что группы компаний имеют финансовую стабильность и низкий риск банкротства, эффективно используют капитал и оптимально управляют оборотным капиталом. В условиях санкционных ограничений, макроэкономической нестабильности и разрыва устойчивых экономических связей ведение единой (внутри групп компаний) политики обеспечения устойчивости и ликвидности приносит свои плоды. Но методические вопросы к адекватной оценке эффективности централизованного финансового управления остаются. Не надо забывать, что усиление контроля и избыточная централизация имеют ряд слабых сторон (табл. 1).

Например, Е. Н. Тимушев эмпирически доказал влияние процесса централизации на увеличение долга субъекта РФ, но при этом отметил, что вопрос о факторах динамики долга остается открытым [22]. В. Л. Бойко и Е. Н. Орехов пишут, что в крупных предпринимательских структурах сложность выбора уровня децентрализации управленческих функций, помимо стратегического и тактического уровней управления, усиливается наличием широкого поля функционального управления [23]. По итогам настоящего исследования следует говорить только о первых (даже не промежуточных) результатах поиска оценочных решений.

По нашему мнению, хорошо обоснованные в теории финансового анализа и широко используемые на практике показатели финансового состояния могут применяться в комплексной методике оценки эффективности организационных решений в группах компаний для определения наиболее узких мест с целью дальнейшего углубленного статистического анализа и использования в интегральной оценке эффективности таких решений. Высокая концентрация негативных значений, равно как и неравномерная концентрация значений по предприятиям группы компаний, может свидетельствовать о низкой управляемости финансового состояния или же об отрицательных результатах централизации управления. При этом анализ показателей не является исчерпывающим, т.к. не позволяет точно определить факторы неблагополучия и их влияние на динамику показателей во времени.

В исследовании была предпринята попытка на основании открытых данных и официальной финансовой отчетности предприятий трех групп компаний топливно-энергетического сектора РФ определить степень управляемости ликвидностью, устойчивостью и рентабельностью. Результаты показали признаки управляемости, большинство фактических значений показателей которой распределены по предприятиям групп неравномерно: более трети показателей имеют уровень ниже нормативного. Но можно говорить о том, что исследование фиксирует успехи компаний в области управления задолженностью. Безусловно, такие результаты – это первая попытка поиска методических решений, исследование которых будет продолжено в дальнейшем.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Кашин В. Б., Пятачкова А. С., Смирнова В. А., Абзианидзе Г. В., Поташев Н. А., Янькова А. Д. Антимонопольное регулирование в КНР: аналитическая записка. ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, 2022. 46 с. [Kashin V. B., Piatachkova A. S., Smirnova V. A., Abzianidze G. V., Potashev N. A., Iankova A. D. *Antimonopoly regulation in China: An analytical note*. CCEIS HSE, 2022, 46. (In Russ.)]
2. Чараева М. В. Финансовое управление реальными инвестициями организаций. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2016. 240 с. [Charaeva M. V. *Financial management of real investments of organizations*. Moscow: Alfa-M; INFRA-M, 2016, 240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yldrj>
3. Ротвелл Ш. Барнард, Честер Ирвинг. *Классики менеджмента*, ред. М. Уорнер. СПб.: Питер, 2001. С. 86–93. [Rothwell Sh. Barnard, Chester Irving. *Classics of management*, ed. Warner M. St. Petersburg: Piter, 2001, 86–93. (In Russ.)]
4. March J. G., Olsen J. P. *Ambiguity and choice in organizations*. Bergen: Universitetsforlaget, 1976, 408.
5. Collins J. *How the mighty fall: And why some companies never give in*. NY: HarperCollins Publishers, 2009, 222.
6. Ross S. A., Westerfield R. W., Jordan B. D., Sain Y., Lim J., Tan R. *Fundamentals of corporate finance*. Singapore: McGraw-Hill Education, 2012, 1040.
7. Swensen D. F. *Unconventional success: A fundamental approach to personal investment*. NY: Free Press, 2005, 403.
8. Бутакова Н. М., Карканица А. С., Удалова С. А. Особенности аудита и экономического анализа интегрированной отчетности. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2018. № 12-1. С. 192–195. [Butakova N. M., Carcanica A. S., Udalova S. A. Features of audit and economic analysis of integrated reporting. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2018, (12-1): 192–195. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2018-10358>
9. Кознов А. Б., Макеева В. Г. Формирование системы показателей для оценки эффективности деятельности организации. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2018. № 9. С. 107–111. [Koznov A. B., Makeeva V. G. Formation of a system of indicators for assessment of enterprise's effectiveness. *Journal of Economy and Business*, 2018, (9): 107–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2018-10020>
10. Ломакина С. А. Особенности корпоративного управления как фактора, влияющего на стоимость компании. *Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития*. 2012. № 2-2. С. 160–164. [Lomakina S. A. Features of corporate governance as a factor affecting the value of the company. *Ekonomika i upravlenie: Analiz tendentsii i perspektiv razvitiia*, 2012, (2-2): 160–164. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/remrb>
11. Орехова С. В., Кудин Л. Ш. Российская модель корпоративного управления: эволюция, специфика, проблемы эффективности. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 3. С. 140–152. [Orekhova S. V., Kudin L. Sh. Russian model of corporate governance: Evolution, specificity, efficiency problems. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (3): 140–152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zhlwte>
12. Якупова Н. М., Левачкова С. Ю. Управляющая компания в системе государственной акционерной собственности. Казань: Казан. ун-т, 2017. 188 с. [Iakupova N. M., Levachkova S. Yu. *A management company in the system of state joint-stock ownership*. Kazan: Kazan University, 2017, 188. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xpfehr>
13. Пудеян Л. О., Запорожцева Е. Н., Медведская Т. К. Система финансового менеджмента в условиях развития цифровой экономики. *Вестник Академии знаний*. 2022. № 48. С. 259–266. [Pudeyan L. O., Zaporozhtseva E. N., Medvedskaya T. K. Financial management system in the development of the digital economy. *Vestnik Akademii znaniy*, 2022, (48): 259–266. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/grvkle>
14. Дорофеев М. Л. Матричные методы управления корпоративными финансами: дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. 152 с. [Dorofeev M. L. *Matrix methods of corporate finance management*. Cand. Econ. Sci. Diss. Moscow, 2010, 152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qetaev>

15. Корпоративное управление и информационные технологии, ред. П. М. Лансков. М.: Магистр, 2017. 184 с. [*Corporate governance and information technology*, ed. Lanskov P. M. Moscow: Magistr, 2017, 184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zqzkun>
16. Косорукова О. Д. Влияние корпоративного управления на формирование стоимости бизнеса: дис. ... канд. экон. наук. М., 2023, 268 с. [Kosorukova O. D. *The impact of corporate governance on the formation of business value*. Cand. Econ. Sci. Diss. Moscow, 2023, 268. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fbhbt1>
17. Ивахнушкина А. И., Анохина Л. В. Методология и сущность анализа финансового состояния. *Глобальная экономика в XXI веке: роль биотехнологий и цифровых технологий: 3 круглый стол с Междунар. уч.* (Москва, 15–16 мая 2020 г.) М.: Конверт, 2020. Ч. 1. С. 62–66. [Ivakhnushkina A. I., Anokhina L. V. Methodology and essence of financial condition analysis. *The global economy in the XXI century: biotechnology and digital technologies: Proc. 3 Round Table with Intern. Participation*, Moscow, 15–16 May 2020. Moscow: Konvert, 2020, pt. 1, 62–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tscpwp>
18. Дементьева А. Г. Развитие корпоративного управления в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2012. 53 с. [Dementeva A. G. *The development of corporate governance in the context of globalization*. Dr. Econ. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2012, 53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qigiqp>
19. Ижевский В. Л., Кононов В. Н. Оценка синергетического эффекта консолидационного процесса методом когнитивного моделирования. *Экономический анализ: теория и практика*. 2017. Т. 16. № 7. С. 1286–1306. [Izhevskii V. L., Kononov V. N. Evaluating the synergy effect of consolidation process under the cognitive modeling method. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2017, 16(7): 1286–1306. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24891/ea.16.7.1286>
20. Цовма Д. В. К вопросу об определении группы компаний как большой и сложной системы. *Новая российская экономика: инвестиции, кластеры, инновации и дорожные карты: Междунар. науч.-практ. конф.* (Самара, 15 сентября 2018 г.) Уфа: Аэтерна, 2018. С. 79–84. [Tsovm D. V. Defining a group of companies as a large and complex system. *New Russian Economy: Investments, clusters, innovations, and roadmaps: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Samara, 15 Sep 2018. Ufa: Aeterna, 2018, 79–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xyivhn>
21. Васиков Р. Р., Юдина С. В. Аналитический потенциал цифровых решений в финансовом менеджменте группы компаний. *Kazan Digital Week – 2024: Междунар. форум.* (Казань, 9–20 сентября 2024 г.) Казань: НЦБЖД АН РТ, 2024. Ч. 1. С. 563–569. [Vasikov R. R., Yudina S. V. Analytical potential of digital solutions in financial management of a group of companies. *Kazan Digital Week – 2024: Proc. Intern. Forum*, Kazan, 9–20 Sep 2024. Kazan: Scientific Center for Life Safety of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2024, 563–569. (In Russ.)]
22. Тимушев Е. Н. Бюджетная децентрализация в России и мире: тенденции и эффекты. *Вопросы экономики*. 2021. № 11. С. 89–107. [Timushev E. N. Fiscal decentralization in Russia and the world: Trends and effects. *Voprosy ekonomiki*, 2021, (11): 89–107. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-11-89-107>
23. Бойко В. Л., Орехов Е. Н. Децентрализация принятия решений в рамках закупочной деятельности. *Вестник Академии*. 2013. № 1. С. 111–113. [Boiko V. L., Orekhov E. N. Decentralization of decision-making in the framework of procurement activities. *Vestnik Akademii*, 2013, (1): 111–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxoacr>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/righjs>

Актуальные вопросы раскрытия информации в интегрированной отчетности экономических субъектов

Карпова Ольга Сергеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6439-7113

<https://orcid.org/0000-0002-6455-6548>

oskarp@yandex.ru

Дымова Ирина Альбертовна

Кузбасский государственный технический университет

имени Т. Ф. Горбачева, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 9128-4180

<https://orcid.org/0000-0002-0327-458X>

Аннотация: В статье поднимаются актуальные вопросы, связанные с тенденциями в области развития отечественной интегрированной отчетности, объединяющей различные виды отчетов, формируемых экономическими субъектами в целях повышения качества информации, развития интегрированного мышления и поддержки способности создавать стоимость в течение длительного времени. Цель – сформировать новый подход к рассмотрению состава и наполнения интегрированной отчетности. Выявлены основные проблемы применения законодательных норм в области группировки и обобщения учетно-аналитической, финансовой и нефинансовой информации. Проанализированы интегрированные отчеты, представленные в библиотеке корпоративных нефинансовых отчетов Российского союза промышленников и предпринимателей. Обобщена информация о последовательности представления российскими экономическими субъектами интегрированной отчетности и ее общего количества в рамках отраслевой принадлежности. Предложена авторская трактовка структуры интегрированной отчетности, включающей в себя 8 элементов с их уточненными наименованиями, содержанием и вопросами, на которые должна отвечать интегрированная отчетность. Обозначены дальнейшие направления исследований по совершенствованию процесса интеграции информации финансового и нефинансового характера в единый формат. Сделан вывод, что интегрированная отчетность должна стать эффективным инструментом обеспечения гармоничного синтеза неких разрозненных частей в единое целое.

Ключевые слова: интегрированная отчетность, экономический субъект, информация, раскрытие, отрасль, устойчивое развитие

Цитирование: Карпова О. С., Дымова И. А. Актуальные вопросы раскрытия информации в интегрированной отчетности экономических субъектов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 4. С. 588–597. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-588-597>

Поступила в редакцию 19.09.2024. Принята после рецензирования 30.10.2024. Принята в печать 05.11.2024.

full article

Current Issues of Information Disclosure in Integrated Reporting of Economic Entities

Olga S. Karpova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 6439-7113

<https://orcid.org/0000-0002-6455-6548>

oskarp@yandex.ru

Irina A. Dymova

Gorbachev Federal State Budgetary Educational Institution of Higher

Education, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 9128-4180

<https://orcid.org/0000-0002-0327-458X>

Abstract: Domestic integrated reporting combines various types of reports generated by economic entities in order to improve the quality of information, develop integrated thinking, and create long-time values. The article introduces a new approach to the composition and content of integrated reporting. The research revealed some problems regarding the application of legislative norms in the field of classification and generalization of analytical, financial, and non-financial data. The authors analyzed the integrated reports available in the library of corporate non-financial reports of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. The analysis made

it possible to summarize the presentation sequence of integrated reporting by Russian economic entities and its total share in the industry affiliation. The integrated reporting structure included eight elements with their specified names, content, and issues. Further research may improve the process of integrating financial and non-financial information into a single format. Integrated reporting can become an effective synthesis tool for organizing certain disparate parts into a single entity.

Keywords: integrated reporting, economic entity, information, disclosure, industry, sustainable development

Citation: Karpova O. S., Dymova I. A. Current Issues of Information Disclosure in Integrated Reporting of Economic Entities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 588–597. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-588-597>

Received 19 Sep 2024. Accepted after review 30 Oct 2024. Accepted for publication 5 Nov 2024.

Введение

Актуальность вопросов потери доверия к учетно-аналитической информации, представляемой экономическими субъектами, с течением времени только растет. Это связано с такими институциональными факторами, как традиции российской учетной практики и особенности привычного поведения работников бухгалтерской службы [1]. Однако существует проблема применения законодательных норм: с одной стороны, действуют правила Международных стандартов финансовой отчетности, а с другой – Федеральный стандарт бухгалтерского учета, регулирующий прежде всего учетный процесс [2–5].

Ретроспективность и зависимость показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности от применяемых методов бухгалтерского учета обуславливают необходимость расширения информационного поля в части составления интегрированной отчетности (ИО) [6–9]. Цель – формирование нового подхода к составу и наполнению ИО. Так как она объединяет финансовую и нефинансовую информацию, то становится главным источником анализа финансово-хозяйственной деятельности, оценки уровня устойчивости и разработки дальнейших путей развития экономических субъектов [10–12]. Многократное обращение к решению данных проблем обосновало актуальность вопросов раскрытия информации экономических субъектов.

Методы и материалы

Для достижения цели использованы российские и международные документы, регулирующие формирование отчетных показателей экономических

субъектов. Больше внимание уделено изучению стандартов GRI (*Global Reporting Initiative* – глобальная инициатива по отчетности). Проведен детальный анализ составляющих национального регистра корпоративных нефинансовых отчетов, формируемого Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП).

Результаты

На 2024 г. в библиотеке корпоративных нефинансовых отчетов РСПП имеется доступ к 444 интегрированным отчетам¹, сгруппированным в структурированном виде с учетом отраслевой принадлежности (табл. 1²). Наибольшее внимание ИО уделяют экономические субъекты энергетической отрасли, удельный вес которых составляет 46,2 % от общего количества представленных отчетов. Экономическими субъектами химической, нефтехимической, парфюмерной отрасли представлено 11,3 % интегрированных отчетов, а металлургической и горнодобывающей – 9,5 %.

При этом в 2009–2023 гг. наблюдается отсутствие стабильности в формировании и представлении ИО экономическими субъектами энергетической и химической, нефтехимической, парфюмерной, а также металлургической и горнодобывающей отраслей (табл. 2–4³).

Анализ интегрированных отчетов субъектов энергетической отрасли показал, что 15 из них формировали показатели интегрированной отчетности в 2023 г., а оставшиеся 19 отказались от синтеза финансовой и нефинансовой информации. Наибольшее число интегрированных отчетов представлено

¹ Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов. РСПП. URL: <https://рспп.рф/activity/social/registr/> (дата обращения: 10.09.2024).

² Сост. по: Таблица Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов по состоянию на сегодня. РСПП. URL: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/> (дата обращения: 10.09.2024).

³ Сост. по: Таблица Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов по состоянию на сегодня...

Табл. 1. Распределение интегрированных отчетов по принадлежности экономических субъектов в 2024 г.
Tab. 1. Integrated reports by affiliation of economic entities, 2024

Отрасль и экономический субъект	Количество	Удельный вес, %
<i>Энергетика</i>	205	46,2
Госкорпорация <i>Росатом</i>	13	2,9
Интер РАО ЕЭС	11	2,5
Концерн <i>Росэнергоатом</i>	10	2,2
ТВЭЛ	10	2,2
Техснабэкспорт	10	2,2
Атомэнергомаш	9	2,0
Россети Северо-Запад	9	2,0
Атомэнергoproject	8	1,8
АСЭ (ранее – НИАЭП)	8	1,8
Россети Московский регион	8	1,8
Электрохимический завод	8	1,8
СПбАЭП	7	1,5
ОКБМ	7	1,5
ГНЦ НИИАР	7	1,5
Юнипро (ранее – Э.ОН Россия)	7	1,5
РусГидро	7	1,5
ЭЛ5-Энерго (ранее – Энел Россия)	6	1,4
Россети Сибирь	6	1,4
Россети Центр	6	1,4
Россети Центр и Приволжье	5	1,1
Сетевая компания	5	1,1
Инжиниринговый дивизион Госкорпорации <i>Росатом</i>	4	1,0
Головной институт <i>ВНИПИЭТ</i>	4	1,0
ФСК ЕЭС	4	1,0
Россети Ленэнерго	3	0,7
Атомэнергopром	3	0,7
Россети Волга	3	0,7
Россети Кубань	3	0,7
Россети Юг	3	0,7
Россети Урал	3	0,7
Россети Тюмень	3	0,7
Россети Северный Кавказ	2	0,5
ГИДРОПРЕСС	2	0,5
ОГК-2	1	0,2

Отрасль и экономический субъект	Количество	Удельный вес, %
<i>Химическая, нефтехимическая, парфюмерная</i>	50	11,3
ФосАгро	10	2,1
Уралкалий	9	2,0
СХК	8	1,8
АЭХК	8	1,8
УЭХК	5	1,1
МХК <i>ЕвроХим</i>	4	1,0
СИБУР Холдинг	4	1,0
НЗХК	2	0,5
<i>Металлургическая и горнодобывающая</i>	42	9,5
Атомредметзолото	8	1,8
ОМК	6	1,4
НЛМК	5	1,1
ТМК	4	1,0
АЛРОСА	3	0,6
ММК	3	0,6
Еп+ Group	3	0,6
Распадская	2	0,5
Полиметалл	2	0,5
Красцветмет	2	0,5
Селигдар	2	0,5
Полюс	1	0,2
EVRAZ PLC	1	0,2
<i>Производство машин и оборудования</i>	23	5,1
Ковровский механический завод	8	1,8
Ростех	4	0,9
СНИИП	4	0,9
КАМАЗ	4	0,9
ФГК	3	0,6
<i>Нефтегазовая</i>	22	5,0
Татнефть	9	2,0
Севернефтегазпром	7	1,5
ЯТЭК	3	0,7
ИНК-Капитал	2	0,6
Зарубежнефть	1	0,2

Отрасль и экономический субъект	Количество	Удельный вес, %
<i>Финансы и страхование</i>	22	5,0
Сбербанк России	7	1,4
ЦЕНТР-ИНВЕСТ	3	0,7
ЭсЭФАй	3	0,7
Банк Уралсиб	2	0,6
МСП Банк	2	0,6
Ситибанк	1	0,2
Система	1	0,2
ВЭБ.РФ	1	0,2
Банк ДОМ.РФ	1	0,2
Московский кредитный банк	1	0,2
Торговля, ритейл	17	3,8
Детский мир	5	1,1
М.Видео	5	1,1
Рольф	3	0,7
X5 Group (ранее – X5 Retail Group)	3	0,7
Магнит	1	0,2
Телекоммуникационная и связь	15	3,3
МегаФон	10	2,2
Почта России	4	0,9
VK	1	0,2
<i>Транспорт, дорожное строительство и логистические услуги</i>	22	5,0
Петербургский метрополитен	6	1,4

Отрасль и экономический субъект	Количество	Удельный вес, %
Аэрофлот	4	0,9
ФПК	4	0,9
Международный аэропорт Шереметьево	3	0,6
ГТЛК	2	0,5
FESCO	2	0,5
Группа компаний Global Ports	1	0,2
<i>Строительство</i>	12	2,7
Etalon Group	5	1,0
Самолет	2	0,5
ЛСР	2	0,5
Мосинжпроект	2	0,5
Брусника	1	0,2
<i>Деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная</i>	7	1,5
Segezha Group	7	1,5
<i>ЖКХ и бытовое обслуживание</i>	4	1,0
РКС-Холдинг	2	0,6
Евразийский	1	0,2
Новогор-Прикамье	1	0,2
<i>Производство пищевых и других потребительских товаров</i>	3	0,6
Балтика	1	0,2
Группа Черкизово	1	0,2
Ros AGRO PLC	1	0,2
Итого	444	100

Госкорпорацией *Росатом* (13 единиц), которая наряду с Концерном *Росэнергоатом*, ТВЭЛ, Техснаб-экспортом (10) одной из первых начала работу по расширению своего информационного поля (табл. 2).

Такие представители химической, нефтехимической, парфюмерной отрасли, как АЭХК и СХК, в 2010 г. первыми начали формировать показатели в формате интегрированных отчетов [13–16]. В 2022–2023 гг. интегрированную отчетность в РСПП сдавали только ФосАгро и СИБУР Холдинг (табл. 3).

Среди экономических субъектов металлургической и горнодобывающей отрасли интегрированную отчетность в 2023 г. представили ММК, En+ Group, Красцветмет и Селигдар (табл. 4).

ИО демонстрирует прозрачность ведения бизнеса, помогает экономическому субъекту управлять своими рисками, показывает весь спектр его деятельности и воздействия на экономику, общество, окружающую среду. Для стандартного потребителя такая информация является более понятной, информативной и позволяет сформировать собственное мнение о деятельности экономического субъекта [17–19].

Потребность в объединении финансовой и нефинансовой информации о деятельности субъекта экономики и ее результатах – одна из основных причин появления интегрированной отчетности. К ним также относятся: представление в рамках отчетной структуры информации, отвечающей текущим

Табл. 2. Представление интегрированных отчетов экономическими субъектами энергетической отрасли в 2009–2023 гг.
 Tab. 2. Presentation of integrated reports by economic entities in the energy industry, 2009–2023

Наименование	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Госкорпорация <i>Росатом</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-
Концерн <i>Росэнергоатом</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
ТВЭЛ	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
Техснабэкспорт	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
Атомэнергопроект	+	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
Атомэнергомаш	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
АСЭ (ранее – НИАЭП)	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
СПБАЭП	-	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-
Электрохимический завод	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
ОКБМ	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
Интер РАО ЕЭС	-	-	-	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ГНЦ НИИАР	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
Россети Московский регион	-	-	-	-	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
Головной институт <i>ВНИПИЭТ</i>	-	-	-	-	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-
Россети Северо-Запад	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ЭЛ5-Энерго (ранее – Энел Россия)	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-
Инжиниринговый дивизион Госкорпорации <i>Росатом</i>	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-
Юнипро (ранее – Э.ОН Россия)	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-
ГИДРОПРЕСС	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
РусГидро	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+
ФСК ЕЭС	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-
Россети Сибирь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
Россети Центр	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
Сетевая компания	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Россети Центр и Приволжье	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
ОГК-2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
Россети Ленэнерго	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
Атомэнергопром	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-
Россети Волга	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
Россети Кубань	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
Россети Юг	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
Россети Урал	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
Россети Тюмень	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
Россети Северный Кавказ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+

Табл. 3. Представление интегрированных отчетов экономическими субъектами химической, нефтехимической, парфюмерной отрасли в 2009–2023 гг.

Tab. 3. Presentation of integrated reports by economic entities in the chemical, petrochemical, and perfume industries, 2009–2023

Наименование	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
СХК	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
АЭХК	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
Уралкалий	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-
УЭХК	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
НЗХК	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ФосАгро	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
МХК <i>ЕвроХим</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-
СИБУР Холдинг	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+

Табл. 4. Представление интегрированных отчетов экономическими субъектами металлургической и горнодобывающей отрасли в 2009–2023 гг.

Tab. 4. Presentation of integrated reports by economic entities in the metallurgical and mining industry, 2009–2023

Наименование	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Атомредметзолото	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
ОМК	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-
НЛМК	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-
ТМК	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-
Полюс	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
EVRAZ PLC	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
АЛРОСА	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-
ММК	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+
En+ Group	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	+
Распадская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-
Полиметалл	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-
Красцветмет	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
Селигдар	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+

требованиям, и расширение имеющихся приемов и подходов к отчетности.

В 2024 г. интегрированная отчетность становится эффективным инструментом демонстрации успешности деятельности экономического субъекта и его бизнес-модели, показателей ценностных и производственных факторов, а также облегчает работу и взаимодействие экономического субъекта с лицами, проявляющими интерес к его деятельности [20–25].

В рамках ИО экономическим субъектом раскрывается информация о финансовом капитале, являющемся источником для других видов капитала (природного, производственного, интеллектуального, социально-репутационного, человеческого) и представляющем собой запас средств, доступных экономическому субъекту для формирования, создания ценностей и их дальнейшего распределения в интересах собственников, руководства, инвесторов, контрагентов, персонала, государственных структур.

Интегрированная отчетность включает в себя бухгалтерскую (финансовую) отчетность и отчет об устойчивом развитии, которые на сегодняшний день считаются полноценными самостоятельными отчетами. Важно понимать, что ИО – это не совокупность отчетностей, а отчетность о конкретном экономическом субъекте, содержащая сведения как финансового характера, так и экологического, корпоративного и социального.

Отметим, что, согласно ст. 14 ФЗ «О бухгалтерском учете», бухгалтерская (финансовая) отчетность включает в себя: бухгалтерский баланс, отчет о финансовых результатах, приложения к ним⁴. Руководство по отчетности в области устойчивого развития – ключевой документ GRI – это комплект отчетности, состоящий из отчета о корпоративной ответственности, экологической отчетности и корпоративной социальной отчетности⁵.

Одно из основных качеств ИО – сбалансированность информации: экономический субъект стремится предоставить сведения, которые бы совпадали с интересами каждой группы заинтересованных лиц. Интегрированная отчетность демонстрирует ценность экономического субъекта в настоящем и будущем, степень эффективности процессов и руководства. Помимо этого, за счет построения связей между различными типами отчетности увеличивается наглядность, логичность и обоснованность представленных показателей, а также демонстрируется, как эти факторы влияют на способность экономического субъекта создавать и поддерживать свою ценность.

В конечном итоге ИО позволяет удовлетворить интерес к получению более концентрированной и углубленной информации намного более широкого круга лиц, в то время как возможности бухгалтерской отчетности не могут удовлетворить интересы широкого круга стейкхолдеров (англ. *stakeholder* – заинтересованная сторона).

Один из актуальных вопросов формирования интегрированной отчетности экономического субъекта – соответствие ее оптимальной структуры и содержания требованиям Международного стандарта *Интегрированная отчетность*, принятого в 2013 г. Международным советом по интегрированной отчетности⁶.

На основании характеристик элементов интегрированной отчетности, представленных в Международном стандарте *Интегрированная отчетность*, авторами предлагается собственная трактовка ее структуры с уточнением формулировок в содержании элементов и вопросов, на которые должна отвечать интегрированная отчетность. Ее восемь элементов, отраженных в таблице 5⁷, раскрывают основное свойство ИО – направленность в будущее. Особое значение приобретает сам факт объединения финансовой и нефинансовой информации, обеспечивающий раскрытие причинно-следственных связей бизнес-процессов.

Заключение

Процесс раскрытия информации в интегрированной отчетности экономических субъектов требует особого внимания как со стороны научного сообщества, так и представителей бизнес-среды. Необходимо установить режим постоянного отслеживания достоверности, полноты и прозрачности раскрываемой финансовой и нефинансовой информации в интегрированной отчетности, чтобы обеспечить эффективность принимаемых управленческих решений и проводимых на их основе мероприятий, носящих долгосрочный характер.

Интегрированная отчетность должна стать эффективным инструментом обеспечения гармоничного синтеза неких разрозненных частей в единое целое. Эта проблема решается предложенной авторами новой трактовкой структуры интегрированной отчетности, включающей в себя 8 элементов. Данная структура раскрывает особенности обобщения информации российскими экономическими субъектами в рамках отраслевой принадлежности.

Основные направления дальнейших исследований вопросов раскрытия информации в интегрированной отчетности экономических субъектов заключаются в поиске путей совершенствования интеграции информации в единый формат, установления границ целесообразности объединения показателей разного спектра воздействия на эффективность принимаемых управленческих решений, состояния и перспектив развития финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов в долгосрочной перспективе.

⁴ О бухгалтерском учете. ФЗ № 402-ФЗ от 06.12.2011. СПС КонсультантПлюс.

⁵ Руководство по отчетности в области устойчивого развития. GRI. URL: <https://rspp.ru/12/11938.pdf> (дата обращения: 10.09.2024).

⁶ Международный стандарт. *International Integrated Reporting Council*. URL: https://integratedreporting.ifs.org/wp-content/uploads/2015/03/13-12-08-THE-INTERNATIONAL-IR-FRAMEWORK.docx_en-US_ru-RU.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

⁷ Сост. по: Международный стандарт...

Табл. 5. Элементы интегрированной отчетности экономических субъектов

Tab. 5. Elements of integrated reports of economic entities

Наименование	Вопросы	Содержание
Основные требования к содержанию	<ul style="list-style-type: none"> Из каких разделов должна состоять ИО? Какие показатели она в себя включает, и как они оцениваются? 	<ul style="list-style-type: none"> основные группы информации; расчет уровня существенности для показателей, входящих в ИО; описание или ссылка на методы, используемые для оценки количественной и качественной информации
Сжатое сообщение об экономическом субъекте и его внешней среде	<ul style="list-style-type: none"> К какому типу относится экономический субъект, и каковы условия его функционирования? 	<ul style="list-style-type: none"> наличие акционеров и учредителей; основные и прочие виды деятельности; перечень основных конкурентов и место экономического субъекта на рынке; ключевые технико-экономические показатели
Управление	<ul style="list-style-type: none"> Какими способами менеджмент экономического субъекта позволяет получать прирост капитала в долгосрочной и краткосрочной перспективе? 	<ul style="list-style-type: none"> тип организационной структуры; профессиональные компетенции высшего менеджмента экономического субъекта; Кодекс этики экономического субъекта; материальная и моральная мотивация работников
Бизнес-модель	<ul style="list-style-type: none"> Какова бизнес-модель экономического субъекта? 	<ul style="list-style-type: none"> наличие и движение финансовых, материальных, трудовых, информационных и инновационных ресурсов
Угрозы	<ul style="list-style-type: none"> В чем суть возникающих угроз? 	<ul style="list-style-type: none"> описание внешних и внутренних угроз, анализ источников их возникновения; предложение локальных и реактивных действий в случае реализации угроз
Финансовые результаты	<ul style="list-style-type: none"> Какой прирост капитала получает экономический субъект? 	<ul style="list-style-type: none"> раскрытие информации о формировании финансовых результатов и их факторный анализ
Направления развития	<ul style="list-style-type: none"> Каким направлениям своего развития экономический субъект будет уделять особое внимание? 	<ul style="list-style-type: none"> инвестиции; инновации; экология; капитал
Ожидаемые перспективы	<ul style="list-style-type: none"> Какие перспективы ожидаются и планируются в современных условиях развития экономического субъекта и экономики в целом? 	<ul style="list-style-type: none"> пути совершенствования ключевых аспектов развития

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Винокурова О. А. Преимущества использования интегрированного мышления при составлении интегрированных отчетов. *Russian Economic Bulletin*. 2023. Т. 6. № 1. С. 151–154. [Vinokurova O. A. The advantages of using integrated thinking in the preparation of integrated reports. *Russian Economic Bulletin*, 2023, 6(1): 151–154. (In Russ.) <https://elibrary.ru/plsqie>

2. Бычкова С. М., Мальцева Е. А. Роль нефинансовой отчетности в принятии экономических решений. *Аудитор*. 2023. Т. 9. № 11. С. 19–24. [Bychkova S. M., Malceva E. A. The role of non-financial reporting in economic decision-making. *Auditor*, 2023, 9(11): 19–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/1998-0701-2023-9-11-19-24>
3. Воронова Е. Ю., Пучкова С. И. Институциональные особенности внедрения МСФО в российскую учетную систему. *Аудитор*. 2023. Т. 9. № 2. С. 15–21. [Bychkova S. M., Malceva E. A. The role of non-financial reporting in economic decision-making. *Auditor*, 2023, 9(2): 15–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/1998-0701-2023-9-2-15-21>
4. Гудожникова Е. В. Анализ тенденций развития зарубежной интегрированной отчетности. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 2-2. С. 38–40. [Gudozhnikova E. V. Analysis of development trends in foreign integrated reporting. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2021, (2-2): 38–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.2.038>
5. Дмитриева И. М., Машинистова Г. Е., Харакоз Ю. К. Процесс совершенствования МСФО и российская учетная практика. *Аудитор*. 2019. Т. 5. № 3. С. 35–40. [Dmitrieva I. M., Mashinistova G. E., Kharakoz Yu. K. The process of improving of IFRS and Russian accounting practices. *Auditor*, 2019, 5(3): 35–40. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/article_5c88f3464ddaf0.95746469
6. Днепров А. Б. Раскрытие в бухгалтерской отчетности информации о рисках. *Бухгалтерский учет*. 2024. № 3. С. 75–84. [Dneprova A. B. Disclosure of information about risks in accounting statements. *Bukhgalterskii uchet*, 2024, (3): 75–84. (In Russ.)]
7. Куликова Л. И. Раскрытие информации о событиях после отчетной даты в бухгалтерской отчетности. *Бухгалтерский учет*. 2024. № 8-9. С. 40–47. [Kulikova L. I. Disclosure of information about events after the reporting date in the financial statements. *Bukhgalterskii uchet*, 2024, (8-9): 40–47. (In Russ.)]
8. Сафонова И. В. Трансформация модели финансовой отчетности в концепции информационной прозрачности. *Аудиторские ведомости*. 2024. № 1. С. 37–41. [Safonova I. V. Transformation of financial reporting model in the concept of information transparency. *Auditorskie vedomosti*, 2024, (1): 37–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1727-8058-2024-1-37-41>
9. Халикова Э. А., Муслимова Р. Ф. Анализ практики формирования отчетности в области устойчивого развития российскими компаниями в соответствии с международными стандартами. *Аудит*. 2024. № 1. С. 51–55. [Khalokova E. A., Muslomova R. F. Analysis of the practice of reporting in the field of sustainable development by Russian companies in accordance with international standards. *Audit*, 2024, (1): 51–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jtmqxm>
10. Скрынская О. А. Годовые отчеты становятся интегрированными: особенности концепции интегрированной отчетности в России. *Глобальные вызовы в экономике и развитие промышленности (INDUSTRY-2016)*: науч.-практ. конф. с заруб. уч. (Санкт-Петербург, 21–23 марта 2016 г.) СПб.: СПбПУ, 2016. С. 637–640. [Skrynskaia O. A. Annual reports are becoming integrated: features of the integrated reporting concept in Russia. *Global challenges in the economy and industrial development (INDUSTRY-2016)*: Proc. Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, St. Petersburg, 21–23 Mar 2016. St. Petersburg: SPbPU, 2016, 637–640. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqkfjn>
11. Hdeib T. S., Nesvetailov V. F. Strategic management accounting as a fundamental system for supporting integrated reporting. *Ekonomika i upravlenie: problemy resheniya*, 2023, 2(6): 140–152. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.06.02.016>
12. Бестаева Л. И. Модель консолидации отчетности по группе компаний. *Аудиторские ведомости*. 2023. № 2. С. 22–25. [Bestaeva L. I. The procedure for auditing the company's pricing regulations. *Auditorskie vedomosti*, 2023, (2): 22–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkvqiv>
13. Богатая И. Н., Евстафьева Е. М., Лавров Д. А. Развитие методики формирования интегрированной отчетности в организациях нефтегазового комплекса на основе использования интегрированного мышления. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2022. № 9-2. С. 169–178. [Bogataya I. N., Evstafyeva E. M., Lavrov D. A. Development of the methodology for forming integrated reporting in the oil and gas complex. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2022, (9-2): 169–178. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/vaael.2408>
14. Деревянкина Е. С., Янковская Д. Г. Раскрытие ESG-факторов в интегрированной отчетности нефтедобывающих организаций как база для принятия инвестиционных решений. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2022. № 2. С. 44–56. [Derevyankina E. S., Yankovskaya D. G. Disclosure of ESG-factors in the integrated reporting of oil producing organizations as a basis for making investment decisions. *Intellect. Innovations. Investments*, 2022, (2): 44–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-2-44>

15. Еремеева О. С. Возможность применения концепции интегрированной отчетности к территории. *Аудитор*. 2023. Т. 9. № 2. С. 9–14. [Eremeeva O. S. Ability to apply the concept of integrated reporting to the territory. *Auditor*, 2023, 9(2): 9–14. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/1998-0701-2023-9-2-9-14>
16. Левичева С. В. Сравнительный анализ интегрированных отчетов и выявление лучшей практики подготовки интегрированной корпоративной отчетности российских компаний. *Социально-экономическая политика страны и Сибирского региона в условиях цифровой экономики: XI Междунар. науч.-практ. конф.* (Барнаул, 26–27 сентября 2019 г.) Барнаул: Графикс, 2019. С. 308–310. [Levicheva S. V. Comparative analysis of integrated reports and identification of best practices in integrated corporate reporting of Russian companies. *Socio-economic policy in Russia and Siberia in the context of the digital economy: Proc. XI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Barnaul, 26–27 Sep 2019. Barnaul: Grafiks, 2019, 308–310. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qfufbi>
17. Лоханова Н. А. Состав показателей интегрированной корпоративной отчетности – возможный подход к структуризации. *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 6. [Lokhanova N. A. Indicators of integrated corporate reporting – approach to structuring. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniia*, 2012, (6). (In Russ.)]. URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2012/6/478.pdf> (дата обращения: 10.09.2024). <https://elibrary.ru/todqvl>
18. Рожнова О. В. Проблемы оценки элементов корпоративной отчетности. *Аудиторские ведомости*. 2023. № 4. С. 42–47. [Rozhnova O. V. Valuation in corporate reporting: an analysis of current issues and recommendations. *Auditorskie vedomosti*, 2023, (4): 42–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kovzyd>
19. Сафонова И. В. Концептуальные подходы формирования отдельных структурных элементов корпоративной отчетности. *Аудиторские ведомости*. 2023. № 2. С. 40–45. [Safonova I. V. Conceptual approaches to the formation of separate structural elements of corporate reporting. *Auditorskie vedomosti*, 2023, (2): 40–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vymzba>
20. Борисюк А. А., Гаджиев Г. М. Нефинансовая отчетность как инструмент «обратной связи» компании и проблемы ее развития в РФ. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2021. № 6-2. С. 17–21. [Borisjuk A. A., Gadzhiev G. M. Non-financial reporting as an instrument for company's "feedback" and the problems of its development in the Russian Federation. *Economy and Business*, 2021, (6-2): 17–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-6-2-17-21>
21. Копкова Е. С. Интегрированная отчетность и интегрированное мышление в эволюции стратегического управления. *Вестник современной науки*. 2015. № 12-1. С. 64–65. [Kopkova E. S. Integrated reporting and integrated thinking in the evolution of strategic management. *Vestnik sovremennoi nauki*, 2015, (12-1): 64–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vjipmt>
22. Сабирьянова Л. Р., Сабирьянова Р. Р. Проблемы формирования интегрированной учетно-аналитической информации для развития стратегической управленческой и интегрированной отчетности. *Инновационное развитие экономики*. 2016. № 4. С. 267–271. [Sabirianova L. R., Sabirianova R. R. Problems of formation of integrated accounting and analytical information for the development of strategic management and integrated reporting. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*, 2016, (4): 267–271. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wmcged>
23. Сафронова О. Н. Значение и формирование интегрированной отчетности в качестве инновационного формата корпоративной отчетности. *Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе*. 2022. № 4. С. 58–71. [Safronova O. N. Significance and formation of integrated reporting as an innovative corporate reporting format. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve*, 2022, (4): 58–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21685/2227-8486-2022-4-4>
24. Долгих Е. Л., Семенихина А. В. Формирование интегрированного пространства и интегрированной информационной среды инновационных хозяйствующих субъектов. *Экономические и гуманитарные науки*. 2019. № 3. С. 97–108. [Dolghih E. L., Semenikhina A. V. Formation of integrated space and integrated information environment of innovative economic entities. *Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki*, 2019, (3): 97–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylappx>
25. Brînzaru S.-M., Grosu V., Socoliuc M., Petrescu C. Stakeholders' trust in the global performance information of companies applying integrated reporting: Pros and cons. *European Scientific e-Journal*, 2022, (8). <https://doi.org/10.47451/ecn2022-10-03>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fbkzni>

Цифровое развитие хозяйственных систем стран БРИКС

Пономарев Сергей Валерьевич

Калужский филиал Финансового университета при

Правительстве РФ, Россия, Калуга

eLibrary Author SPIN: 6115-8899

<http://orcid.org/0000-0001-6216-1190>

Усанов Александр Юрьевич

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4532-8574

<http://orcid.org/0000-0002-2329-8300>

Покаместов Илья Евгеньевич

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1765-3020

<http://orcid.org/0000-0002-8457-4866>

Кузьменко Наталья Ивановна

Воронежский государственный педагогический университет,

Россия, Воронеж

eLibrary Author SPIN: 8653-9914

<http://orcid.org/0000-0002-3456-8097>

conscience1980@mail.ru

Аннотация: Актуальность исследования определяется задачами по укреплению потенциала цифрового развития интеграционного объединения стран БРИКС в условиях формирования нового глобального ландшафта. Цель – провести анализ динамики цифрового развития и выявить преимущества от использования цифровых технологий в хозяйственных системах стран БРИКС, а также определить возможности укрепления их цифрового потенциала. Задачи: 1) провести анализ показателей, отражающих динамику цифрового развития стран БРИКС на современном этапе; 2) оценить последствия применения цифровых технологий для компенсации негативного воздействия пандемии на хозяйственные системы стран БРИКС; 3) определить направления интеграционного взаимодействия стран БРИКС для укрепления потенциала их цифрового развития. Применены методы сравнения, систематизации, экономико-статистического анализа, логического метода, графического метода, системного подхода. Выявлены изменения в состоянии цифровой инфраструктуры в странах БРИКС и сокращение разрыва в использовании сети Интернет между городским и сельским населением, произошедшие в результате пандемии. Установлены направления использования населением сети Интернет. Сделан вывод, что во всех странах БРИКС в период пандемии произошла интенсификация развития электронной коммерции. Обнаружено увеличение объема экспорта ИКТ-товаров и услуг прежде всего Китаем и Индией. Проанализированы изменения, произошедшие в процессе цифровизации государственных услуг в странах БРИКС. Предложены меры, способствующие укреплению внутриинтеграционного взаимодействия стран БРИКС и расширению потенциала их цифрового развития. Сделан вывод о росте показателей цифрового развития стран БРИКС под влиянием пандемии, а также подтверждена гипотеза об усилении позиций интеграционного объединения как центра влияния в мировой экономике.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, цифровое развитие, цифровая инфраструктура, возможности, пандемия, БРИКС

Цитирование: Пономарев С. В., Усанов А. Ю., Покаместов И. Е., Кузьменко Н. И. Цифровое развитие хозяйственных систем стран БРИКС. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 4. С. 598–609. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-598-609>

Поступила в редакцию 26.08.2024. Принята после рецензирования 23.09.2024. Принята в печать 30.09.2024.

full article

Digital Development of Economic Systems in BRICS Countries

Sergey V. Ponomarev

Kaluga Branch of Financial University under the Government
of the Russian Federation, Russia, Kaluga
eLibrary Author SPIN: 6115-8899
<http://orcid.org/0000-0001-6216-1190>

Ilya E. Pokamestov

Financial University Under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 1765-3020
<http://orcid.org/0000-0002-8457-4866>

Alexander Yu. Usanov

Financial University Under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 4532-8574
<http://orcid.org/0000-0002-2329-8300>

Natalia I. Kuzmenko

Voronezh State Pedagogical University, Russia, Voronezh
eLibrary Author SPIN: 8653-9914
<http://orcid.org/0000-0002-3456-8097>
conscience1980@mail.ru

Abstract: As the global political landscape keeps changing, digital development becomes even more important for the BRICS integration. The article describes the benefits of digitalizing the economic systems of the BRICS countries, as well as outlines the opportunities of strengthening their digital potential. The authors analyzed the current dynamics of the digital development in the BRICS countries and assessed the ability of digital technologies to compensate for the negative impact of the COVID-19 pandemic on the BRICS economy. They used a set of standard research methods combined with economic, statistical, and graphic analyses to identify the main integrative directions between the countries that may improve their digital potential. The pandemic widened the gap between Internet use in urban and rural areas but diversified it as e-commerce continued to grow and more and more public services went digital. China and India increased their exports of information and communication goods and services. The article contains some ideas on strengthening the intra-integration cooperation between the BRICS countries in order to expand their digital potential. The indicators of digital development in all BRICS countries increased after the pandemic, and the integration proved effective as a new center of influence in the global economy.

Keywords: digital technologies, digitalization, digital development, digital infrastructure, opportunities, pandemic, BRICS

Citation: Ponomarev S. V., Usanov A. Yu., Pokamestov I. E., Kuzmenko N. I. Digital Development of Economic Systems in BRICS Countries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 598–609. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-598-609>

Received 26 Aug 2024. Accepted after review 23 Sep 2024. Accepted for publication 30 Sep 2024.

Введение

Цифровое развитие до пандемии носило эволюционный характер. Страны и регионы шли в направлении построения Индустрии 4.0 и планомерной реализации стратегий цифрового развития, основанных на расширении цифровой инфраструктуры и повсеместном внедрении информационных технологий, облегчающих жизнь индивидов и оптимизирующих производственные процессы компаний. Однако цифровой разрыв между индивидами, предприятиями, отраслями и регионами мира оставался существенным [1–3]. Развитые страны демонстрировали ярко выраженное технологическое лидерство,

а развивающиеся страны в силу отсутствия ресурсов на создание цифровой инфраструктуры в большинстве случаев приобретали статус догоняющих. Но такая ситуация не распространялась на все страны. Так, Китай и Индия в течение нескольких десятилетий делали уверенные шаги по укреплению цифрового и инновационного потенциала¹ [4].

Пандемия стала внешним вызовом, ускорившим процессы цифровизации во всем мире и обусловившим поиск новых инструментов достижения глобального лидерства. Это связано с тем, что в этот период обществу потребовались новые виды услуг

¹ Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2023 National Economic and social development. *National Bureau of Statistics of China*. 29.02.2024. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202402/t20240228_1947918.html (accessed 7 Aug 2024).

и способы их реализации. Например, технологии онлайн-обучения, получения услуг телемедицины, онлайн-приобретения товаров и услуг, поиска работы на международных рынках труда и т.д. Благодаря тому, что правительства и предпринимательский сектор быстро сориентировались в ситуации, вызванной COVID-19, многих провалов рынка удалось избежать. После прохождения стадии всеобщих локдаунов использование многих видов цифровых технологий продолжилось и вошло в повседневную жизнь людей.

В настоящее время цифровые технологии совершенствуются, а расширение доступа населения к ним формирует предпосылки восстановления после ковидизации и создания конкурентных преимуществ в новом глобальном ландшафте.

Вектор авторского исследования задает определение: особенностей изменений цифрового развития стран БРИКС из-за пандемии; сфер деятельности, в которых цифровые технологии стали наиболее востребованными; действий правительства стран для создания новых возможностей опережающего цифрового развития.

Цель исследования – провести анализ динамики цифрового развития и выявить преимущества от использования цифровых технологий в хозяйственных системах стран БРИКС, а также рассмотреть возможности укрепления их цифрового потенциала.

Задачи:

- провести анализ показателей, отражающих динамику цифрового развития стран БРИКС на современном этапе;
- оценить последствия применения цифровых технологий для компенсации негативного воздействия пандемии на хозяйственные системы этих стран;
- предложить направления интеграционного взаимодействия стран БРИКС для укрепления потенциала их цифрового развития.

Исследовательское внимание ученых фокусируется на нескольких проблемах:

1. В работах [4–10] подчеркивается усиление роли стран БРИКС в глобальной экономике за последние десятилетия. Некоторые исследователи проводят сравнительный анализ научно-образовательного, инновационного и цифрового потенциала стран БРИКС и альянсов развитых стран Большой семерки в динамике. Ученые подчеркивают расширение цифровой инфраструктуры, открытие новых возможностей информационного развития и, как следствие, увеличение совокупной доли ВВП стран БРИКС в мировом ВВП на фоне сокращения соответствующего вклада стран Большой семерки.

Другие исследователи изучают особенности цифрового развития отдельных стран, входящих в БРИКС, и выявления их потенциала роста. Например, в трудах [11; 12] объект исследования – факторы роста и ограничения цифрового развития Российской Федерации и ее регионов, в том числе в период неопределенности, вызванной пандемией. Ученые делают вывод о существующей региональной дифференциации цифрового развития в России, преодоление которой может укрепить позиции страны в достижении цифрового лидерства.

В работе [13] подчеркивается усиление тенденции, связанной с выходом населения России на глобальный рынок онлайн-труда, что свидетельствует об использовании потенциала цифровых технологий для преодоления ограничений социально-экономического развития в условиях кризиса рынка труда. Также раскрывается специфика цифрового развития Южной Африки [14; 15], Китая [16], Бразилии [17] и России [18].

2. Отмечается неравномерность социально-экономического и цифрового развития стран-участниц БРИКС [19; 20]. Например, в работах [7; 9] указывается на ведущую роль Китая в обеспечении интенсивного развития всего альянса БРИКС. Кроме того, подчеркивается экспортный потенциал Индии в части производства ИКТ-услуг.

3. В исследованиях представлен обзор выявленных проблем стран БРИКС, сдерживающих развитие их цифрового потенциала, и соответствующие рекомендации по реализации государственной политики цифрового развития. Так, ученые обосновывают значительный уровень внутрирегиональной дифференциации цифрового развития в России, связанный с доступностью для населения цифровой инфраструктуры. Также отмечается низкий уровень грамотности жителей Бразилии, Индии, Китая и Южной Африки и сильные стороны системы образования и науки в РФ, которые могут быть использованы для решения данной проблемы внутри БРИКС [6].

В настоящее время появился ряд работ, отражающих влияние пандемии на цифровое развитие стран БРИКС и заключающихся в:

- 1) изучении потенциала онлайн-образования для повышения уровня грамотности населения как условия интенсификации цифрового развития на этапе постковидного восстановления [21];
- 2) указании на трансформацию экономических отношений в процессе цифрового развития хозяйственных систем [22];
- 3) фиксации улучшений качества цифровой инфраструктуры в регионах России в период пандемии и указании на разнонаправленные

тенденции в части использования возможностей цифровых технологий населением регионов страны [23];

- 4) выделении увеличения количества цифровых инноваций в системе государственного управления в России во время пандемии [24].

Однако в указанных работах не раскрыты предпосылки ускорения цифровизации в период пандемии и не систематизированы преимущества, достигнутые в экономике стран БРИКС благодаря использованию цифровых технологий.

Научная новизна исследования состоит в проведении комплексного анализа цифрового развития хозяйственных систем стран БРИКС, позволившего установить высокий уровень адаптивности отдельных стран-участниц к воздействию факторов неопределенности и их способность компенсировать возникающие ограничения других стран-участниц за счет реализуемых мер государственной политики. В условиях формирования нового глобального ландшафта это является безусловным преимуществом, определяющим возможности достижения цифрового лидерства.

Методы и материалы

Для достижения целей исследования был использован метод сравнительного анализа, позволяющий сопоставить условия и факторы цифрового развития стран, входящих в интеграционное объединение БРИКС. Кроме того, временной период исследования – 2018–2022 гг., что потребовало применения методов экономико-статистического анализа для оценки динамических изменений в исследуемых хозяйственных системах.

Использование метода систематизации позволило авторам перейти от исследования потенциала цифрового развития хозяйственных систем стран, входящих в БРИКС, к оценке потенциала всего интеграционного объединения и перспектив его реализации в глобальной экономике.

Преимущество использования графического метода для реализации проводимого исследования – возможность построения графиков и диаграмм, позволяющих структурировать и визуализировать явления и процессы, а также определить возможные варианты преодоления выявленных ограничений.

Логический метод, основанный на выдвижении авторского предположения об укреплении потенциала цифрового развития интеграционного объединения стран БРИКС в условиях формирования нового глобального ландшафта, позволил обосновать данную гипотезу с помощью анализа данных и последующих логических рассуждений.

Использование системного подхода было необходимо для формирования рекомендаций по укреплению цифрового потенциала БРИКС, учитывающих выявленные ограничения цифровизации стран-участниц и стратегическую важность развития их интеграционного взаимодействия на современном этапе эволюции геоэкономики.

Результаты

Базовыми показателями цифрового развития территории являются *широкополосный доступ к сети Интернет* и *количество активных пользователей*. Из рисунка 1² следует, что лидерами по количеству абонентов фиксированной широкополосной связи за весь исследуемый период являются Китай

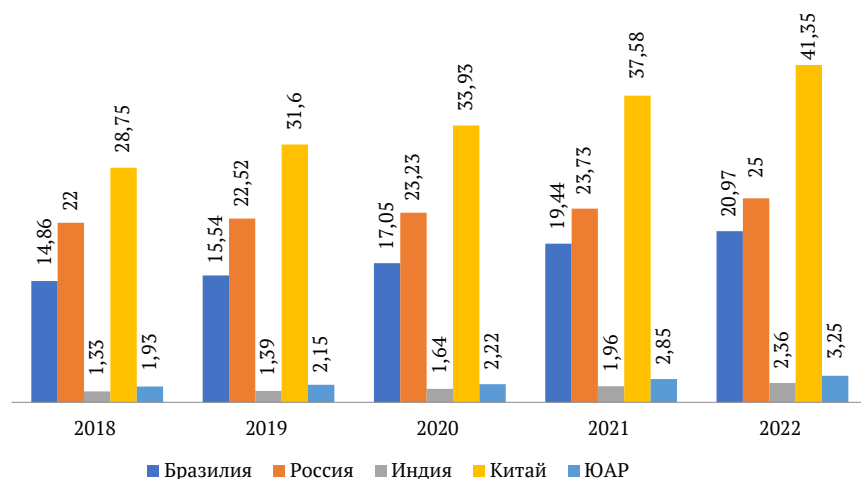

Рис. 1. Количество абонентов фиксированной широкополосной связи на 100 человек
Fig. 1. Broadband subscribers, per 100 people

² Сост. по: Fixed broadband subscriptions (per 100 people). World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.BBND.P2?end=2022&start=2018> (accessed 12 Aug 2024).

(41,35 абонентов на 100 человек в 2022 г.), Россия (25) и Бразилия (20,97). При этом темпы роста показателя являются максимальными в Индии (увеличение на 77,44 % в 2018–2022 гг.), Южно-Африканской Республике (ЮАР) (68,39 %), Китае (43,8 %) и Бразилии (41,1 %). Для сравнения: в развитых странах значение данного показателя достигает 37,58 абонентов на 100 человек в 2022 г. (США) и 41,48 (Великобритания). Другими словами, в Китае к 2022 г. количество абонентов фиксированной широкополосной связи достигло уровня Великобритании.

Между тем в развивающихся странах в силу отсутствия развитой цифровой инфраструктуры и низкого уровня жизни, проявляющегося в необеспеченности населения компьютерной техникой, традиционно высоки показатели мобильного широкополосного доступа к сети Интернет, что частично компенсирует населению ограниченные возможности использования Сети. Мобильная связь намного дешевле и не требует создания инфраструктурных условий для традиционных настольных компьютеров с фиксированным доступом в Интернет. Например, в Бразилии количество абонентов фиксированной широкополосной связи находится на уровне 88,1 абонентов на 100 человек населения, в Китае – 95,4, а в ЮАР – 76 [10].

Проблемы, связанные с COVID-19, повлияли не только на расширение сети Интернет, но и на его использование населением (рис. 2³). Так, в Бразилии в 2018–2022 гг. количество пользователей Сети увеличилось на 15,7 %, в России – на 11 %, в Индии – на 17 %, в Китае – на 29 %, а в ЮАР – на 9,7 %.

Из этой статистики следует, что наибольший темп роста характерен для Индии и Китая. Единственная страна, в которой в 2022 г. произошло сокращение активных пользователей Интернета, – ЮАР, где данная тенденция вызвана длительными отключениями электричества, перебоями в работе Интернета и проблемами с доступом в него [14; 15]. Еще одна проблема для развивающихся стран с низким уровнем жизни – низкая пропускная способность сети Интернет, что создает ограничения для онлайн-деятельности.

Еще одной закономерностью, спровоцированной пандемией, стало сокращение разрыва в использовании сети Интернет между городским и сельским населением. В 2019 г. в Бразилии 77 % городского населения и 53 % сельского использовали Интернет. Пандемия способствовала не только росту числа активных пользователей, но и сокращению разрыва между городскими и сельскими территориями: в 2022 г. в Бразилии около 82 % опрошенных жителей городских районов и 72 % жителей сельских районов пользовались Интернетом⁴.

В этом же году Интернетом стали пользоваться девять из десяти жителей России (при этом 80 % (130,8 млн человек) интернет-пользователей были пользователями мобильного Интернета), а также 88,3 % городских домохозяйств и 81,2 % домохозяйств в сельской местности (для сравнения: в начале пандемии это соотношение было на уровне 82,8 % и 71,6 % соответственно)⁵. За период пандемии не только увеличилось общее количество домохозяйств, использующих Интернет, но и сократился

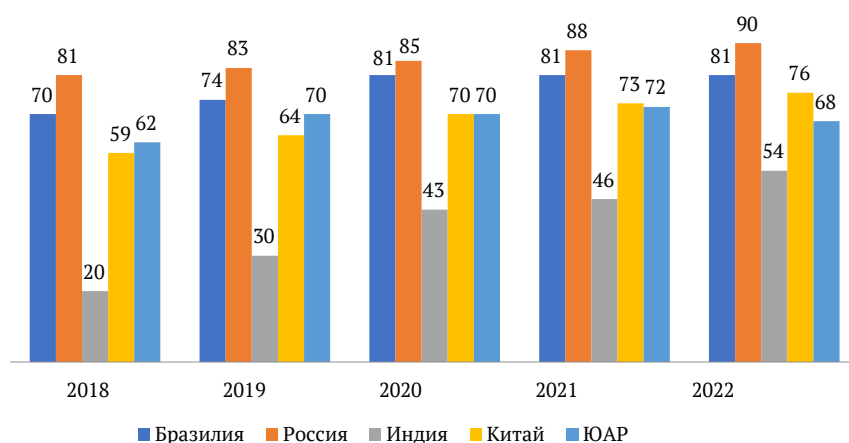

Рис. 2. Интернет-пользователи, % от численности населения
Fig. 2. Internet users, % population

³ Сост. по: Individuals using the Internet (% of population). World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?end=2022&start=2018> (accessed 12 Aug 2024).

⁴ Bianchi T. Internet usage penetration in Brazil from 2015 to 2023, by urbanity. Statista. 19.12.2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1347531/internet-usage-reach-urbanity-brazil/> (accessed 12 Aug 2024).

⁵ Melkadze A. Share of households with Internet access in Russia in 2022, by area. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1004225/household-internet-usage-by-area-russia/> (accessed 12 Aug 2024).

разрыв в доступе и соответствующих возможностях между населением городских и сельских территорий.

В Китае около 28 % пользователей Интернета – жители сельской местности. Для снижения цифрового разрыва между городскими и сельскими территориями правительство страны реализовало меры по обеспечению доступности интернет-услуг для всех категорий населения, снижению тарифов на услуги, а также расширению широкополосного доступа к сети Интернет с высокой пропускной способностью более чем в 300 городах⁶.

В 2020 г. в Индии насчитывалось около 622 млн активных пользователей Интернета, а к 2025 г. их численность должна вырасти до 900 млн человек. Главный эффект COVID-19 для Индии – расширение цифровой инфраструктуры и преодоление (сокращение) разрыва между процентной долей активных пользователей Интернета в городах и сельской местности⁷.

В 2019 г. в ЮАР разрыв между городским и сельским населением в использовании сети Интернет оставался значительным. Например, 80 % городских пользователей выходили в Интернет из дома, тогда как численность аналогичных пользователей из сельской местности достигала только 36 %. Интернет с рабочего места использовали 62 % городских жителей и только 14 % сельских [25]. В 2023 г. численность сельского населения ЮАР составляла 31,4 %⁸, вместе с тем 31,8 % всего населения страны оставались вне Сети. Отсутствие доступа к услугам ИКТ в ЮАР рассматривается как крайне регрессивный фактор в современном экономическом ландшафте, однако в период пандемии ситуация несколько изменилась [25]. В это время в Южной

Африке произошло ускоренное внедрение 5G, а также был завершен переход Cell C (мобильная телекоммуникационная компания, работающая в Южной Африке) на сети MTN и Vodacom, что повлияло на увеличение пользователей мобильной связи и расширение доступа населения (прежде всего сельских территорий) к сети Интернет.

В 2023 г. разрыв между сельской местностью и городом в ЮАР сократился по сравнению с 2022 г., несмотря на то, что средняя скорость загрузки в сельской местности была на 15,9 % ниже, чем в городах. При этом данный показатель в 2023 г. вырос на 11,5 % по сравнению с 2022 г.⁹

Выделяются следующие цели использования Интернета населением стран БРИКС:

1. В Бразилии 92 % респондентов заявили, что Интернет ими применялся для отправки мгновенных сообщений; 81 % опрошенных совершали голосовые звонки или видеозвонки; 80 % пользовались социальными сетями; 75 % слушали музыку и смотрели потоковое видео¹⁰.

2. В России более 50 % интернет-пользователей занимались веб-серфингом, посещали социальные сети и проверяли электронную почту¹¹.

3. В Индии основным видом деятельности в сети Интернет являлось использование социальных сетей (91 % активных пользователей), поисковых систем и получение знаний¹².

4. В Китае 51 % интернет-пользователей использовали Интернет для онлайн-игр¹³.

5. В ЮАР 42,8 % от общей численности населения проводили время в социальных сетях (WhatsApp, Facebook и Instagram)¹⁴¹⁵.

⁶ Thomala L. L. Number of Internet users in China from 2018 to 2022 with forecasts until 2027. *Statista*. 18.03.2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/278417/number-of-internet-users-in-china/> (accessed 12 Aug 2024).

⁷ Basuroy T. Number of active Internet users in India from 2017 to 2020, with estimate of 2025. *Statista*. 22.12.2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1257929/india-number-of-active-internet-users/> (accessed 12 Aug 2024).

⁸ Kemp S. Digital 2023: South Africa. *Datareportal*. 13.02.2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-south-africa#:~:text=51.3percentofSouthAfrica%27s> (accessed 12 Aug 2024).

⁹ Wyrzykowski R. Rural-urban digital divide still poses a challenge in South Africa. *Opensignal*. 13.12.2023. URL: <https://www.opensignal.com/2023/12/13/rural-urban-digital-divide-still-poses-a-challenge-in-south-africa> (accessed 12 Aug 2024).

¹⁰ Bianchi T. Leading Internet activities in Brazil in 2023. *Statista*. 23.11.2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1052520/brazil-internet-activities/> (accessed 12 Aug 2024).

¹¹ Melkadze A. Forecast Internet user count in Russia from 2019 to 2029. *Statista*. 13.06.2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/567007/predicted-number-of-internet-users-in-russia/> (accessed 12 Aug 2024).

¹² Basuroy T. Leading Internet activities carried out in India as of January 2022, by user type. *Statista*. 22.03.2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/1388616/india-popular-internet-activities-by-user-type/> (accessed 12 Aug 2024).

¹³ Thomala L. L. Share of Internet users in China as of June 2023, by activity. *Statista*. 14.09.2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/265622/share-of-internet-users-in-china-by-online-activities/> (accessed 12 Aug 2024).

¹⁴ Компания Meta Platforms, владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook and Instagram, is banned in the Russian Federation as an extremist organization*.

¹⁵ Cowling N. Digital population in South Africa as of January 2024. *Statista*. 23.02.2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/685134/south-africa-digital-population/> (accessed 7 Aug 2024).

Между тем именно в период пандемии, когда действовали жесткие санитарные ограничения, получила ускорение в своем развитии электронная коммерция. Первоначально это стало вынужденной мерой для населения, однако удобство совершения покупок из дома, а также интенсивное расширение логистической инфраструктуры и сервисов доставки создали предпосылки для закрепления у населения привычки онлайн-приобретения товаров и услуг на постоянной основе [26–28].

Электронная коммерция набирала обороты на розничном рынке Бразилии еще до 2020 г., но COVID-19 ускорил эту тенденцию¹⁶. В 2020 г. сектор онлайн-покупок пережил значительный рост, при этом доходы выросли на 40 % (в дальнейшем рост продолжился). В 2022 г. на онлайн-продажи приходилось около 10 % всех розничных продаж в Бразилии, что в 2 раза больше, чем в 2018 г. В 2023 г. доход от электронной коммерции в Бразилии составил почти 186 млрд бразильских реалов (+9,5 % по сравнению с 2022 г.).

Динамика развития электронной коммерции в России до 2020 г. была стабильно растущей: в 2015–2019 гг. ежегодный рост составлял в среднем 29 %, а к 2019 г. объем онлайн-продаж потребительских товаров достиг около 28,4 млрд долларов¹⁷. Несмотря на то что пандемия вместе с карантинными ограничениями и введением режимов самоизоляции сформировала устойчивый спрос на онлайн-приобретение товаров и услуг (прежде всего продуктов питания и товаров для поддержания здоровья), одновременно другие тенденции способствовали сдерживанию роста сектора электронной коммерции, как например: снижение уровня жизни в связи с ростом безработицы, сокращением доходов населения и запуском модели кризисного потребления, основанной на режиме

экономии; сокращение объемов трансграничной торговли из-за коронавирусных ограничений и нарушения логистических связей. Тем не менее в 2019–2023 гг. был обеспечен трехкратный рост сектора электронной коммерции в России, достигший к 2023 г. объема 66,7 млрд долларов¹⁸.

Индустрия электронной коммерции в Индии стремительно развивается особенно после экспоненциального роста Интернета и онлайн-инфраструктуры страны. Рост осуществляется прежде всего за счет распространения смартфонов, повышения благосостояния и поддержания низких цен на передачу данных¹⁹. Индия обеспечивает 131,16 млн транзакций в год, приносящих 300 млрд долларов и находится на втором месте в мире по объему рынка интернет-торговли²⁰.

Китай является безоговорочным мировым лидером по объему рынка электронной коммерции и в настоящее время обгоняет своего главного конкурента (США). Данное лидерство распространяется как на сегмент B2B, так и на розничную онлайн-торговлю и B2B-экспорт. Такой экстремальный рост стал следствием реализации целенаправленной государственной поддержки цифрового сектора²¹. Введение режима самоизоляции в период пандемии тоже способствовало развитию онлайн-предприятий торговли главным образом в части доставки продовольственных продуктов и предоставления социальных услуг. Рост электронной коммерции Китая в 2021 г. составил 20 %. В результате общий объем продаж достиг 2,164 трлн долларов. По прогнозам SEO China Agency, Китай продолжит доминировать в сфере электронной коммерции во всем мире (52,1 %) ²².

В 2018 г. ЮАР занимала 77 позицию из 151 экономики по объему рынка B2C и 2 место в Африке²³. В 2020 г. объем электронной коммерции в Южной

¹⁶ Chevalier S. E-commerce as a percentage of total retail sales in Brazil from 2019 to 2023. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/379140/e-commerce-share-of-retail-sales-in-brazil/> (accessed 12 Aug 2024).

¹⁷ Российский рынок интернет-торговли: итоги 2019 года, тренды 2020-го. *ВШЭ*. URL: <https://icf.hse.ru/data/2020/06/15/1605035155/Обзор%20рынка-май2020-финал.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).

¹⁸ Анализ интернет-торговли в России в 2019–2023 гг., прогноз на 2024–2028 гг. *BusinesStat*. URL: <https://businesstat.ru/catalog/id80406/> (дата обращения: 12.08.2024).

¹⁹ E-commerce. Fastest growing e-commerce market in the World. *Invest India*. URL: <https://www.investindia.gov.in/sector/retail-e-commerce/e-commerce> (accessed 12 Aug 2024).

²⁰ Minhas A. E-commerce in India – statistics & facts. *Statista*. 16.07.2024. URL: <https://www.statista.com/topics/2454/e-commerce-in-india/#topicOverview> (accessed 12 Aug 2024).

²¹ Ou X. E-commerce in China – statistics & facts. *Statista*. 11.04.2024. URL: <https://www.statista.com/topics/1007/e-commerce-in-china/#topicOverview> (accessed 12 Aug 2024).

²² E-Commerce in China is Booming (data 2022). *SEO China Agency*. 22.04.2022. URL: <https://seoagencychina.com/e-commerce-china-booming/> (accessed 12 Aug 2024).

²³ UNCTAD B2C e-commerce index 2018 focus on Africa. *UNCTAD technical notes on ICT for development*, 2018, (12): 21. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tn_unctad_ict4d12_en.pdf (accessed 12 Aug 2024).

Африке вырос на 66 % из-за коронавирусных ограничений по сравнению с доковидным 2019 г.²⁴ В 2021 г. доходы от электронной коммерции ЮАР составили 1412 млн долларов²⁵.

Итак, можно сделать вывод о росте сектора электронной коммерции в экономиках всех стран БРИКС и об ускорении его развития в период пандемии, а также о существовании потенциала для расширения этой коммерции в будущем.

Одним из показателей потенциала цифрового развития страны является объем экспорта ИКТ-товаров и услуг. По объему экспорта ИКТ-товаров из всех стран БРИКС выделяется только Китай: в 2018 г. этот объем составлял 27,4 % от общего объема экспорта товаров; в 2019 г. – 26,5 %, в 2020 г. – 27,1 %, в 2021 г. – 25,5 % (в то время как в США в 2018 г. – 8,9 %, в 2021 г. – 9,1 %; в Японии в 2018 г. – 8,1 %, в 2021 г. – 8,6 %)²⁶.

Данные рисунка 3²⁷ подтверждают опережающие позиции двух стран БРИКС – Индия, которой принадлежит мировое лидерство (объем экспорта ИКТ-услуг в 2018 г. составлял 41,3 % от общего объема экспорта страны, в 2022 г. – 46,8 %), и Китай (в 2018 г. – 12,9 %, в 2022 г. – 15,1 %). Для сравнения: объем экспорта ИКТ-услуг США в 2018 г. достигал 5,7 % от общего объема экспорта, в 2022 г. – 7,1 %; Германии – 9,4 % и 9,8 %

соответственно; Канады – 10 % и 12,4 %. В Бразилии в течение всего исследуемого периода также наблюдался рост показателя. Россия и ЮАР вплоть до 2022 г. наращивали объемы экспорта ИКТ-услуг. Таким образом, представленные данные позволяют сделать вывод об имеющемся потенциале роста всего интеграционного объединения БРИКС, особенно в сравнении с показателями альянса ведущих развитых стран Большой семерки.

В период пандемии цифровые технологии охватили сферу государственного управления, создав основу для предоставления государственных и муниципальных услуг в секторах здравоохранения, образования, охраны и безопасности в онлайн-формате²⁸. Портал государственных услуг стал инструментом электронного правительства, обеспечившим взаимодействие между системой государственного управления, предприятиями и населением.

На основании рейтингов в соответствии с Индексом развития электронного правительства (EGDI – *E-Government Development Index*) за 2018, 2020, 2022 гг. (табл.²⁹) можно сделать вывод о том, что страны БРИКС в рамках реализуемых программ цифрового развития делают акцент на улучшении телекоммуникационной инфраструктуры и развитии человеческого капитала. Благодаря пандемии

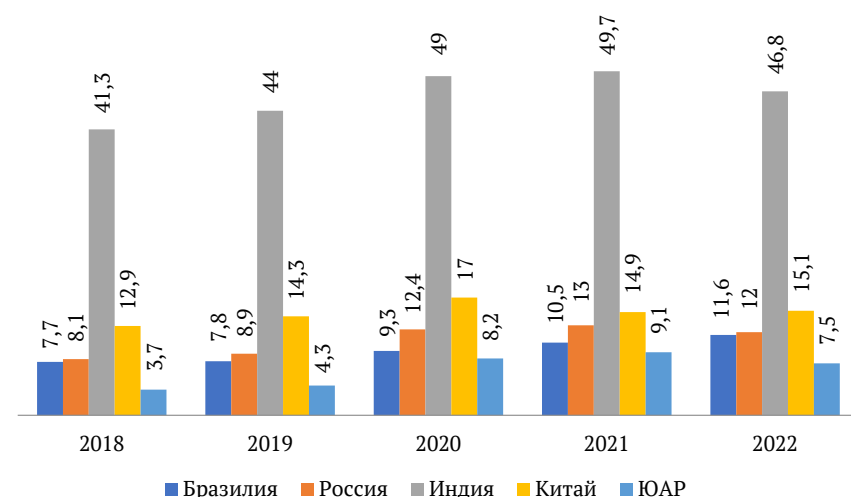

Рис. 3. Динамика экспорта услуг в области ИКТ, % от общего объема экспорта услуг
Fig. 3. Information and communication service export, % total services exported

²⁴ Kibuacha F. E-commerce in South Africa: The growth, and the future. *GeoPoll*. 06.12.2021. URL: <https://www.geopoll.com/blog/e-commerce-south-africa/> (accessed 12 Aug 2024).

²⁵ eCommerce in South Africa. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/study/70380/e-commerce-in-south-africa-country-report/> (accessed 12 Aug 2024).

²⁶ ICT service exports (% of service exports, BoP). *World Bank Group*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.CCIS.ZS?end=2022&start=2018> (accessed 12 Aug 2024).

²⁷ Сост. по: Ibid.

²⁸ Исследование ООН: Электронное правительство 2022. Будущее цифрового правительства. *United Nations*. URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2023-02/UN%20E-Government%20Survey%202022%20-%20Russian%20Web%20Version.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).

²⁹ Там же.

Табл. EGDI в странах БРИКС
Tab. EGDI in the BRICS countries

Страна	2018	2020	2022
Бразилия	0,7327	0,7677	0,7910
Россия	0,7969	0,8244	0,8162
Индия	0,5669	0,5964	0,5883
Китай	0,2159	0,7948	0,8119
ЮАР	0,6618	0,6891	0,7357

заметно улучшилось качество оказания онлайн-услуг практически по всем странам. Так, очевиден скачок Китая (с 0,2159 в 2018 г. до 0,8119 в 2022 г.). Для сравнения: в 2022 г. EGDI США составлял 0,9304, Великобритании – 0,8859. Позитивная динамика наблюдается также в Бразилии. В России, которая имеет упущения по показателям качества предоставления онлайн-услуг, Индии и ЮАР максимальный рост EGDI был достигнут в 2020 г., в дальнейшем его значение сократилось.

Учитывая выявленные ограничения цифрового развития некоторых стран БРИКС, а также стратегическую важность развития их интеграционного взаимодействия на современном этапе эволюции геэкономике, меры, способствующие комплексному развитию стран БРИКС, будут включать:

1. Расширение цифровой инфраструктуры в части обеспечения равного широкополосного доступа к сети Интернет в разрезе территорий (сельских, удаленных) для преодоления цифрового разрыва, определяющего дифференциацию возможностей населения в реализации человеческого капитала (создание равных возможностей населения для участия на онлайн-рынках труда; использование технологий онлайн-обучения всеми категориями населения вне зависимости от удаленности территории; обеспечение доступа к медицинским услугам и т.д.).

2. Использование цифровых технологий и искусственного интеллекта для достижения целей устойчивого развития территорий. Например, инструментов предиктивной аналитики для идентификации природных катастроф, выявления их причин и минимизации негативных последствий; технологий обеспечения кросс-функционального сотрудничества между проектировщиками, строителями, инженерами [29]; блокчейн-технологий для обеспечения прозрачности энергетических транзакций [30] и др.

3. Развитие многостороннего сотрудничества на основе согласования коллективных и индивидуальных интересов стран БРИКС с потребностью в инвестициях, включая совершенствование

единой платежной системы для упрощения внутри-интеграционных расчетов и мобилизации ресурсов членам, а также оперативного реагирования на внешние вызовы.

4. Образовательное и научное сотрудничество между странами-участницами, в том числе направленное на повышение уровня образованности населения и обеспечение преемственности научных кадров как основы функционирования региональных центров развития.

Заключение

В статье определены особенности цифрового развития стран БРИКС в период ковидизации и на посткризисном этапе. Выявлены изменения в состоянии цифровой инфраструктуры в странах БРИКС, увеличение количества активных пользователей сети и сокращение разрыва в использовании Интернета между городским и сельским населением, произошедшие в результате пандемии. Установлены направления использования населением сети Интернет. Обнаружены изменения, связанные с развитием сектора электронной коммерции, сделан вывод, что во всех странах БРИКС в период пандемии произошло вынужденное расширение цифровой инфраструктуры, сформировавшее предпосылки для интенсификации развития электронной коммерции. Установлено увеличение объема экспорта ИКТ-товаров и услуг прежде всего Китаем и Индией, что позволило расширить экспортный потенциал интеграционного объединения стран БРИКС. Проанализированы изменения, произошедшие в цифровизации государственных услуг. В частности, на основе анализа EGDI удалось установить улучшение позиций стран БРИКС в мировых рейтингах и повышение качества онлайн-сервисов системы государственного управления, ИКТ-инфраструктуры и человеческого капитала как основы для предоставления государственных и муниципальных услуг в секторах здравоохранения, образования, охраны и безопасности в онлайн-формате. Предложены меры, способствующие укреплению внутриинтеграционного взаимодействия стран БРИКС, а также наращиванию их цифрового потенциала.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: С. В. Пономарев – разработка методологии, определение целей и задач, формирование результатов исследования. А. Ю. Усанов – формирование статистической базы исследования, анализ данных. И. Е. Покаместов – экономический анализ, подготовка выводов. Н. И. Кузьменко – разработка рекомендаций, представление результатов, обзор литературы.

Contribution: S. V. Ponomarev designed the research and formulated the results. A. Yu. Usanov provided statistics and data analysis. I. E. Pokamestov was responsible for the economic analysis and conclusions. N. I. Kuzmenko formulated the recommendations, results, and review.

Литература / References

1. Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda. *The Journal of Strategic Information Systems*, 2019, 28(2): 118–144. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>
2. Karpunina E. K., Zabelina O. V., Lupacheva S. V., Mirzabalaeva F. I., Alieva P. R. Assessment of interregional divides in digital development as a basis for the policy of overcoming Russia's digital lag. *International Journal of Technology Policy & Management*, 2023, 23(2): 148–169. <https://doi.org/10.1504/ijtpm.2023.131373>
3. Цифровая трансформация хозяйственных систем: новые возможности и риски, ред. Е. К. Карпунина. М.: Русайнс, 2022. 273 с. [*Digital transformation of economic systems: New opportunities and risks*, ed. Karpunina E. K. Moscow: Ruscience, 2022, 273. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qjrqln>
4. Kochyan G. A., Borshchevskaya E. P., Ponomarev S. V., Magomaeva L. R., Lavrikova N. I. Assessing the digital divide in OECD and BRICS countries: Implications for public policy. *International Journal of Technology, Policy & Management*, 2024, 24(3): 285–302. <https://doi.org/10.1504/IJTPM.2024.139453>
5. Karpunina E. K., Magomaeva L. R., Kochyan G. A., Ponomarev S. V., Borshchevskaya E. P. Digital inequality and forms of its appearance: A comparative analysis in the OECD and BRICS countries. *Innovation management and information technology impact on global economy in the era of pandemic: Proc. 37 IBIMA Conf., Cordoba, 30–31 May 2021*. IBIMA, 2021, 1028–1039. <https://elibrary.ru/kejumr>
6. Алехина О. Ф., Иода Ю. В., Пономарев С. В., Шарафутдинов А. Г. Цифровая трансформация региональных хозяйственных систем: что изменила пандемия. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12. № 5. С. 132–143. [Alyokhina O. F., Ioda Yu. V., Ponomarev S. V., Sharafutdinov A. G. Digital transformation of regional economic systems: What the pandemic changed. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2022, 12(5): 132–143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ocxdly>
7. Kukina E. E., Fomenko N. M., Alekhina O. F., Smirnova E. V., Pecherskaya O. A. Long-term effects of COVID-19: How the pandemic highlighted the global digital divide. *Big Data in the GovTech System*, eds. Ostrovskaya V. N., Bogoviz A. V. Cham: Springer, 2022, 137–148. https://doi.org/10.1007/978-3-031-04903-3_17
8. Пономарев С. В., Бухонова Н. М., Сайфутдинова Л. Р., Гараева Ч. Р. Сравнительный анализ научно-образовательного и цифрового потенциала стран БРИКС и G7: выводы для систем государственного управления. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2023. Т. 13. № 2. С. 39–52. [Ponomarev S. V., Bukhonova N. M., Saifutdinova L. R., Garayeva Ch. R. Comparative analysis of the scientific, educational and digital potential of the BRICS and G7 countries: Conclusions for public administration systems. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2023, 13(2): 39–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-39-52>
9. Плясова С. В., Бондарева Н. А., Гриднев Ю. В. Оценка цифрового потенциала стран БРИКС в условиях формирования нового геопорядка. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2023. Т. 25. № 1. С. 128–142. [Plyasova S. V., Bondareva N. A., Gridnev Yu. V. Assessment of the digital potential of the BRICS countries in the formation of the new geopolitical order. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2023, 25(1): 128–142. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.1.11>
10. Морозкина А. К. Цифровой разрыв в странах БРИКС: проблемы межрегионального неравенства. *Вестник международных организаций*. 2020. Т. 15. № 4. С. 70–90. [Morozkina A. K. Regional perspective of digitalization in BRICS. *International Organisations Research Journal*, 2020, 15(4): 70–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-04>

11. Хашир Б. О., Швецова И. Н., Усанов А. Ю., Пономарев С. В. Специфика цифровизации в России и регионах в условиях неопределенности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 249–258. [Khashir B. O., Shvetsova I. N., Usanov A. Yu., Ponomarev S. V. Specifics of digitalization in Russia and its regions under uncertainty. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 249–258. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-249-258>
12. Petrov I. V., Plyasova S. V., Kolomytseva O. Yu., Yakovleva I. K., Kuzmenko N. I. Regional features of digital transformation during the pandemic. Challenges of the modern economy. *Digital technologies, problems, and focus areas of the sustainable development of country and regions*, eds. Buchaev Y. G., Abdulkadyrov A. S., Ragulina J. V., Khachaturyan A. A., Popkova E. G. Cham: Springer, 2023, 515–521. https://doi.org/10.1007/978-3-031-29364-1_101
13. Галиева Г. Ф., Сазанова Е. В., Дик Е. Н., Аминова Р. Р. Исследование современных тенденций участия населения стран БРИКС и ОЭСР на глобальном рынке онлайн-труда. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2023. Т. 13. № 3. С. 10–23. [Galieva G. F., Sazanova E. V., Dik E. N., Amineva R. R. Study of current trends of participation of population of the BRICS and OECD countries in the global online labor market. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2023, 13(3): 10–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-3-10-23>
14. David O. O., Grobler W. Information and communication technology penetration level as an impetus for economic growth and development in Africa. *Economic research-Ekonomska istraživanja*, 2020, 33(1): 1394–1418. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2020.1745661>
15. Johansen J., Noll J., Johansen C. InfoInternet for education in the Global South: A study of applications enabled by free information-only Internet access in technologically disadvantaged areas. *African Journal of Science, Technology, Innovation and Development*, 2022, 14(3): 642–654. <https://doi.org/10.1080/20421338.2021.1884326>
16. Qin Y. China's transport infrastructure investment: Past, present, and future. *Asian Economic Policy Review*, 2016, 11(2): 199–217. <https://doi.org/10.1111/aepr.12135>
17. Leone T., Coast E., Correa S., Wenham C. Web-based searching for abortion information during health emergencies: A case study of Brazil during the 2015/2016 Zika outbreak. *Sexual and Reproductive Health Matters*, 2021, 29(1): 133–145. <https://doi.org/10.1080/26410397.2021.1883804>
18. Claessen E. Reshaping the internet – the impact of the securitisation of Internet infrastructure on approaches to Internet governance: The case of Russia and the EU. *Journal of Cyber Policy*, 2020, 5(1): 140–157. <https://doi.org/10.1080/23738871.2020.1728356>
19. Matli W., Malatji M. A review of Internet use and access for BRICS sustainable futures: Opportunities, benefits, and challenges. *Journal of InFormation Systems and InFormatics*, 2024, 6(1): 435–452. <https://doi.org/10.51519/journalisi.v6i1.636>
20. James J. The smart feature phone revolution in developing countries: Bringing the Internet to the bottom of the pyramid. *The Information Society*, 2020, 36(4): 226–235. <https://doi.org/10.1080/01972243.2020.1761497>
21. Ponomarev S. V., Mirgorod E. E., Beilina A. F., Chudaeva A. A., Maksaev A. A. Online education in BRICS countries: New opportunities for post-pandemic development. Ecological footprint of the modern economy and the ways to reduce it. *The role of leading technologies and responsible innovations*, eds. Sergi B. S., Popkova E. G., Ostrovskaya A. A., Chursin A. A., Ragulina Y. V. Cham: Springer, 2024, 373–378. https://doi.org/10.1007/978-3-031-49711-7_62
22. Карпунина Е. К., Плюснина О. В. Трансформация экономических отношений в процессе цифрового развития хозяйственных систем: предпосылки, перспективы, ограничения. *Друкеровский вестник*. 2023. № 2. С. 20–32. [Karpunina E. K., Plyusnina O. V. Transformation of economic relations in the process of digital development of economic systems: Prerequisites, prospects, limitations. *Drukerovskii vestnik*, 2023, (2): 20–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2023-2-20-32>
23. Fomenko N. M., Markova O. M., Ermolaev K. N., Ioda Yu. V., Zhigunova T. S. Assessment of the level of digitalization of Russian regions under conditions of socio-economic uncertainty. *Smart green innovations in industry 4.0 for climate change risk management*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2023, 461–472. https://doi.org/10.1007/978-3-031-28457-1_47

24. Московцева Л. В., Окунькова Е. А., Королюк Е. В., Пономарев С. В. Цифровые инновации в системе государственного управления. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2024. Т. 14. № 1. С. 34–47. [Moskovtseva L. V., Okunkova E. A., Korolyuk E. V., Ponomarev S. V. Digital innovations in the system of public administration. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2024, 14(1): 34–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-1-34-47>
25. Ngwenya S. O., Heymann R., Swart T. G., Lysko A. A. A Comparative analysis of urban and rural broadband penetration and access trends in South Africa. *ICT 2023: Proc. 16 Intern. Conf., Porto, 15–17 July 2023. Communities in ResearchSpace, 2023*. URL: <http://hdl.handle.net/10204/13591> (дата обращения: 12.08.2024).
26. Karpunina E. K., Ruzhanskaya N. V., Podorova-Anikina O. N., Zubareva N. N., Luchaninov R. S. Transformation of consumer behavior during the COVID-19 pandemic. *Geo-economy of the future. sustainable agriculture and alternative energy*, eds. Popkova E. G., Sergi B. S. Cham: Springer, 2022, 85–96. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_10
27. Карпунина Е. К., Губернаторова Н. Н., Соболевская Т. Г. Эффекты пандемии COVID-19: новые паттерны потребительского поведения. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2022. № 1. С. 63–76. [Karpunina E. K., Gubernatorova N. N., Sobolevskaya T. G. Effects of the COVID-19 pandemic: New patterns of consumer behavior. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federalnogo universiteta*, 2022, (1): 63–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iyhzbzbo>
28. Podorova-Anikina O. N., Karpunina E. K., Gukasyan Z. O., Nazarchuk N. P., Perekatieva T. A. E-commerce market: Intensification of development during the pandemic. *Imitation market modeling in digital economy: Game theoretic approaches*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2022, 363–373. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_40
29. Matějka P., Vitásek S. Comparison of different cost estimation methods with use of building information modelling (BIM). *Engineering for Rural Development: Proc. 17 Intern. Sci. Conf., Jelgava, 23–25 May 2018*. Jelgava: ERDev, 2018, 843–849. <https://doi.org/10.22616/ERDev2018.17.N154>
30. Коданева С. И. Роль цифровых технологий в обеспечении устойчивого развития. *Социальные новации и социальные науки*. 2022. № 1. С. 58–73. [Kodaneva S. I. Role of digital technologies in ensuring sustainable development. *Social novelties and Social sciences*, 2022, (1): 58–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/snsn/2022.01.05>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/opaqxd>

Управление маркетинговой деятельностью через ценностное предложение: практика российских компаний

Суворова Татьяна Викторовна

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5978-6383

<https://orcid.org/0000-0002-1844-1678>

suvori.suvorova@yandex.ru

Аннотация: Рассмотрена проблема управления маркетинговой деятельностью через ценностное предложение, так как на первый план в реализации бизнес-стратегии компании выходит создание и продвижение ценности для клиента. Дано определение ценностного предложения как обещание бренда клиентам, позволяющее продукту или услуге компании стать уникальными, что является следствием предпочтения клиентами одной компании другой. Данная проблема вызывает живой интерес как у специалистов в области маркетинга, так и у практиков бизнеса, ведь умелая разработка и предоставление выгодного ценностного предложения важны не только для клиента, но и для компании, так как способствуют устойчивому росту ее доходности. Задачи исследования: 1) определить дефиницию ценностного предложения; 2) проанализировать кейсы компаний, успешно представляющих ценностное предложение как элемент стратегии маркетинга; 3) описать этапы управления ценностным предложением компании; 4) уточнить существующую модель инструментов ценностного предложения; 5) обозначить цели предоставления ценностного предложения; 6) сделать заключительные выводы на основе анализа кейсов из практики российских компаний. Применены методы анализа, обобщения, индукции и дедукции, сравнения. Проанализировано, как российские компании предоставляют ценностное предложение и с помощью каких маркетинговых инструментов его продвигают. Определена последовательность этапов управления ценностным предложением компании с упором на их работу над повышением клиентоориентированности. Сделан вывод, что ценностное предложение формирует устойчивую связь между брендом и потребителем, обеспечивая лояльность и повторные продажи. Современные компании используют несколько каналов маркетинга для обеспечения максимизации метрик конверсии и предоставления наиболее полного отражения ценностного предложения продукта для клиента.

Ключевые слова: управление маркетинговой деятельностью, стратегия маркетинга, ценностное предложение, продвижение ценностного предложения, онлайн-реклама, офлайн-реклама, клиентоориентированность компании, клиент

Цитирование: Суворова Т. В. Управление маркетинговой деятельностью через ценностное предложение: практика российских компаний. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 4. С. 610–619. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-610-619>

Поступила в редакцию 12.07.2024. Принята после рецензирования 12.09.2024. Принята в печать 16.09.2024.

full article

Russian Practice of Marketing Management by Value Proposition

Tatiana V. Suvorova

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5978-6383

<https://orcid.org/0000-0002-1844-1678>

suvori.suvorova@yandex.ru

Abstract: As a method of marketing management, value proposition means that the business strategy relies on a promise of value. It is a value offer that represents the product or service as unique, thus increasing the customer loyalty. This approach is regarded as efficient both by marketers and entrepreneurs because a well-designed value proposition is usually profitable for the company. The author developed an up-to-date definition for value proposition and analyzed specific cases of successful value propositions as a marketing strategy. Standard research methods made it possible to describe the stages of managing the company's value proposition management, define the existing model of value proposition tools, and identify the goals of value proposition. The illustrative part of the research involved a comprehensive analysis of Russian value proposition practice, i.e., presentation methods, promotion tools, stages, and customer orientation. Value proposition creates a lasting connection between the brand and the consumer, ensuring loyalty and repeat sales as companies employ multiple marketing channels to ensure optimal conversion metrics and deliver the product's value proposition to the customer.

Keywords: marketing activity management, marketing strategy, value proposition, promoting of a value proposition, online advertising, offline advertising, customer-oriented company, client

Citation: Suvorova T. V. Russian Practice of Marketing Management by Value Proposition. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 610–619. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-610-619>

Received 12 Jul 2024. Accepted after review 12 Sep 2024. Accepted for publication 16 Sep 2024.

Введение

В статье автор уделяет внимание необходимости разработки ценностного предложения для реализации стратегии управления маркетингом, чтобы повысить лояльность клиентов и клиентоориентированность компании. Цель – проанализировать особенности управления маркетинговой деятельностью через ценностное предложение со стороны компаний. Для этого поставлены следующие задачи: дать определение ценностного предложения; проанализировать кейсы 11 компаний по предоставлению ценностного предложения; подробно охарактеризовать этапы управления ценностным предложением компаний; конкретизировать существующие инструменты ценностного предложения; указать цели предоставления ценностного предложения; сделать обобщающие выводы по итогу анализа кейсов компаний.

В научном сообществе достаточно много работ, посвященных рассмотрению данного вопроса, которые можно разделить на два направления:

1. Разработка ценностного предложения применительно к работодателю, который А. В. Пеша формулирует как уникальный набор ценностей,

предположений и ассоциаций [1], оказывающих положительное влияние на действующих и потенциальных сотрудников организации [1; 2]. В дополнение к этой позиции В. Н. Пуляева выделяет отраслевые особенности ценностных предложений крупных работодателей [3].

2. Рассмотрение важности разработки ценностного предложения для создания продукта и повышения конкурентоспособности компании на основе бизнес-модели А. Остервальдера и И. Пинье (канва А. Остервальдера). Так, в работе [4] подчеркивается значимость предоставления клиентам ценностного предложения, и в качестве дополнительной услуги указывается разработка программ лояльности с учетом моделей потребительского поведения, а в трудах [5; 6] исследуется потребительская ценность продуктов. По мнению исследователей, «на товарах и услугах строится ценностное предложение, определенный набор которых помогает потребителям выполнять их функциональные, социальные или эмоциональные задачи или удовлетворять основные потребности» [6].

Отдельного внимания заслуживает научная работа коллектива исследователей, применяющих канву А. Остервальдера к теории тактического маркетинга и обновляющих методику «формирования ценностного предложения» [7, с. 481]. С точки зрения интеллектуального анализа отзывов клиентов с помощью алгоритмов машинного обучения Е. Г. Серова рекомендует управлять ценностным предложением для клиентов [8].

Так как внедрение клиентоориентированного подхода в практику российских компаний до сих пор вызывает определенные трудности, актуальность работы заключается в том, что ценностное предложение рассматривается нами как ключ к лояльности клиентов, прибыльности и клиентоориентированности компании.

В статье автор сосредотачивает свое внимание на структуре ценностного предложения и его продвижении, намеренно не рассматривая вопросы эволюции ценности, проблематику жизненного цикла ценности [9] и связь этой категории с категорией полезности и потребительской ценности.

Методы и материалы

Основной метод исследования – сравнительная характеристика инструментов ценностного предложения. Также применены аналитический метод изучения представленности компаний в Интернете и анализ наружной рекламы российских компаний для определения семантики и визуализации ценностного предложения.

Результаты

Ценностное предложение – такое предложение клиенту, которое объясняет, каким образом продукт компании удовлетворит его потребность (боль) и / или даст ему выгоду после приобретения товара или услуги. То есть ценностное предложение – это описание пользы, полезности, выгоды, важности / ценности продукта компании для потребителя. Основная его функция – привлечение целевой аудитории (ЦА) и увеличение продаж за счет правильной подачи преимуществ продукта, т.к. тогда клиент с большей долей вероятности повторно приобретет услугу / товар. Из этого следует, что в центре внимания находится не сам продукт, а желания, задачи и потребности ЦА.

Российские компании разрабатывают ценностные предложения для клиентов, применяя разные методы, модели и подходы. Один из них – составление диаграммы ценностного предложения, разработанной П. Томсоном¹. Этот подход включает анализ составляющих компании с точки зрения клиента, которые способствуют созданию весомого ценностного предложения. Также компании используют модель Гарвардской школы бизнеса² для анализа ценностного предложения, касающегося клиентов, их потребностей и стоимости продукта.

Одной из наиболее популярных моделей построения ценностного предложения является модель А. Остервальдера, отражающая как потребности, опасения и пожелания клиента, которые фиксируются в ключевых характеристиках продукта, так и выгоду для клиента и позитивные впечатления, которые продукт должен вызывать у потребителя [10]. В работе [11] указывается, что карта ценности товаров предполагает ранжирование ключевых ценностей потребителями при принятии решения о покупке на когнитивном уровне и представляет собой потребительскую ценность товаров. Модель А. Остервальдера неоднократно дополнялась и обновлялась в силу несовершенства.

Кроме того, в ключе ценности можно интерпретировать модель когнитивного маркетинга О. А. Козловой [12], за основу которой взята теория рационального и импульсивного поведения потребителей [13], модель холистического маркетинга Ф. Котлера [14], концепция стратегического маркетинга Ф. Котлера и К. Л. Келлера [15], модель осведомленности клиентов Б. Ханта [16], старейшая рекламная модель Р. А. Льюиса [17], методика измерения эмоций клиента от пользования продуктом Н. Кано [18; 19], модель формирования бренда Д. А. Аакера [20], модели Ж.-Н. Капферера [21], Т. Гэда [22], Дж. К. Нарвера и С. Ф. Слейтера [23], А. Parasuraman, V. A. Zeithaml, L. L. Berry [24], О. А. Третьяк [25] и др.

Определим последовательность этапов управления ценностным предложением:

1. Проведение исследований внешней и внутренней маркетинговой среды, а также конкурентов. Компания анализирует тенденции в бизнесе и рассматривает специфику моделей поведения потребителей.

¹ Ценностное предложение, или value proposition: изучаем модель на примерах Airbnb и Slack. *Skillbox Media*. 09.05.2023. URL: <https://skillbox.ru/media/marketing/tsennostnoe-predlozhenie-ili-value-proposition-izuchaem-model-na-primerakh-airbnb-i-slack/> (дата обращения: 02.07.2024).

² Там же.

2. Определение (сегментирование) целевого рынка реализуется по нескольким признакам из четырех известных (поведенческих и демографических, или географических и психографических), вариации которых компания определяет самостоятельно. На этом же этапе целесообразно заняться поиском клиентских инсайтов с помощью метода интервью для сбора опыта решения каких-либо задач клиента.

3. Определение компанией сущности ценности как категории и ее связи с категорией полезности и экономической выгоды для покупателя.

4. Формирование ценностного предложения, т.е. разработка и визуализация карты ценности.

5. Разработка бизнес-идеи создания или модификации продукта / услуги под ценностное предложение, а также обеспечения высокого качества сервиса.

6. Выявление «узких мест», т.е. сложностей и проблем, при моделировании предоставления ценности (например клиент может не понять инсайт компании).

7. Выстраивание маркетинговой коммуникационной политики компании, направленной на продвижение ценности и повышение ее узнаваемости и имиджа через эмоциональный брендинг, сотворчество с клиентами на сайте (если компания работает в Интернете), маркетинг в социальных сетях, сторителлинг и нативную рекламу. На этом этапе компания определяет подходы предоставления ценности (как правило, это продуктовый и клиентоцентричный подходы), а также выделяет другие инструменты интегрированных маркетинговых коммуникаций. Его (этапа) сложность состоит в правильном и понятном донесении ценности до потребителя и ее позиционировании (важно избегать типичных ошибок типа сверх- или недопозиционирования).

8. Оптимизация, автоматизация и улучшение процесса выстраивания взаимодействия с клиентами компании [11] благодаря внедрению CRM (*Customer Relationship Management* – управление взаимоотношениями с клиентами) или роботизации.

9. Развитие клиентской лояльности и клиентоориентированности компании – прогнозный этап, связанный с ожиданиями самой компании относительно роста удовлетворенности клиента и развитием клиентоориентированного подхода.

10. Постоянная обратная связь с потребителем, дающая возможность отслеживать изменения отношения потребителей к компании и анализировать их отзывы. Именно обратная связь с ЦА помогает

компаниям корректировать дальнейшие маркетинговые действия и мероприятия, чтобы повысить ценность продукта для клиентов.

11. Анализ эффективности предоставления ценностного предложения через индексы лояльности и удовлетворенности с помощью расчета коэффициента конверсии, вовлеченности на сайте, а также финансовых метрик компании.

Отечественная компания Rocketzyze, специализирующаяся на разработке ценностных предложений, поясняет, что такое предложение должно не только информировать потенциального клиента о характеристиках продукта, но и показывать, чем он отличен от аналогичных продуктов конкурентов. При этом слоган и позиционирование, по мнению специалистов Rocketzyze, сами по себе не являются ценностными предложениями, т.к. оно (ценностное предложение) является системным инструментом, бренд и элементы которого, позиционирование компании и другие формы информирования клиента – составляющие одного целого³.

Автор конкретизировал данное мнение, представив ценностное предложение в виде комплексного набора элементов: имидж и репутация; товар и его характеристики; реклама; кросс-маркетинг; программы лояльности; бренд и его элементы, в том числе слоган; позиционирование бренда. Безусловно, в силу системности ценности, компании используют все элементы ценностного предложения.

Следует отметить, что в современной маркетинговой практике российских компаний наблюдается акцент на формирование и продвижение уникального ценностного предложения (*unique value proposition*), в основу которого взята концепция торгового предложения Р. Ривса [25], точно соответствующая запросам и ожиданиям ЦА. Для достижения этой цели компании используют сложные аналитические инструменты, такие как анализ больших данных (*Big Data Analytics*) и инструменты искусственного интеллекта (*AI tools*). Указанные технологии позволяют проводить детальную сегментацию рынка и персонализировать маркетинговые предложения. Например, ритейлер *X5 Group*, применяющий передовые аналитические методы для оптимизации ассортимента и ценообразования, влияющие на предложение, является максимально релевантным для каждого покупателя.

Многие российские компании используют блоги, видео и инфографику для привлечения внимания клиентов и их обучения навыкам быстрого поиска

³ Rocketzyze. URL: <https://rocketzyze.com/> (дата обращения: 10.07.2024).

нужных товаров в каталоге компании или особенностям пользования товаром, а также специфике обслуживания конкретной компании, что способствует росту доверия к ней и ее признанию. Например:

1. Розничная сеть *Лента*⁴ фокусируется на предоставлении качественных товаров по доступным ценам, что является основой их ценностного предложения. Она предлагает широкий ассортимент, регулярные акции, программу лояльности, повышающие интерес потребителей и их преданность (лояльность) к бренду. R. Reeves подчеркивает, что «цель брендинга заключается в донесении того имиджа и ценности, который важно донести, по мнению компании, до потребителей»⁵ [26].

2. По данным агентства Markway, в 2024 г. сотовый оператор *Билайн*⁶ вошел в тройку самых упоминаемых мобильных компаний в Интернете⁷. В условиях жесткой конкуренции на рынке сотовой связи в России Билайн взял курс в сторону увеличения скорости мобильного Интернета. Так в 2018 г. этот сотовый оператор построил больше всех базовых станций⁸. Кроме этого, форма для обращения по приобретению услуг доступна по кнопке *Хочу быстрый интернет!*, а рекламные материалы на сайте компании в виде роликов показывают людей, которые смотрят видео с телефона находясь в самых разных жизненных ситуациях, что демонстрирует потенциальному клиенту скорость и региональную доступность продукта Билайна.

3. Основной целевой аудиторией ОК «РУСАЛ»⁹ являются юридические лица, т.к. РУСАЛ – производитель алюминия. На главной странице официального сайта компании размещен блок-галерея. Его первое изображение – цифровой клиентский сервис с подписью *С нами удобно работать: информация о заказах доступна 24/7*. Вероятнее всего, из-за силы бренда потенциальный клиент уже имеет представление о том, чем занимается РУСАЛ, поэтому первое, что компания желает ему показать – то, чем их сервис отличается от остальных. Постоянный доступ к сведениям о заказе и контроль

за его выполнением – крайне важные аспекты производства, в котором происходит постоянный поток сырья. Клиентский сервис, находящийся на связи 24/7, действительно отличает компанию от других и является удобным для клиентов. Дальнейшие блоки галереи отражают раздел ценностей компании и показывают другие ее отличительные черты: экологичность, масштабы производства, технологичность, наличие корпоративного университета. Все это в совокупности – умелые шаги по формированию ценностного предложения.

4. Ценностное предложение сервиса *Едадил*¹⁰ направлено на потребность потребителя найти более дешевый продукт (самое выгодное предложение на продукт, который он ищет) и купить его прямо сейчас: *Узнайте, где покупать дешевле и экономьте до 50 % уже сегодня с Едадил. Актуальный каталог акций и скидок на сайте и в мобильном приложении*.

5. Бренд *Kari*¹¹ предлагает уникальную гарантию на обувь и мелкие предметы кожгалантереи сроком от 30 до 120 дней, включая возможность обмена обуви в течение 90 дней без объяснения причин. Это предложение выделяет компанию на фоне конкурентов и подчеркивает надежность и качество продукции, делая акцент на долгосрочном удовлетворении потребностей клиентов.

6. Проект *WowFit*¹² ориентирован на организацию и проведение онлайн-тренировок с личным тренером и решает проблемы нехватки времени и доступности спортзалов, а также гарантирует индивидуальный подход к каждому (персонализация) и поддержку со стороны профессионала (эффективность). Такой подход подчеркивает важность заботы о здоровье и благополучии клиентов, аккумулирует в себе мастерскую счастья.

7. Одним из интересных кейсов является стратегия продвижения ценностного предложения, реализованная компанией *Домашний доктор*¹³ – сервисом удаленных медицинских консультаций, который обеспечивает оперативность и доступность медицинской помощи. Клиенты могут получить

⁴ Лента. URL: https://lenta.com/?utm_referrer=https:%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 02.07.2024).

⁵ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

⁶ ПАО «ВымпелКом». URL: <https://moskva.beeline.ru/about/about-beeline/> (дата обращения: 02.07.2024).

⁷ Рейтинг репутации мобильных операторов России – 2024. *Деловой мир*. 17.01.2024. URL: <https://delovoyimir.biz/rejting-reputacii-mobilnyh-operatorov-rossii-2024.html> (дата обращения: 02.07.2024).

⁸ Билайн в 2018 году в 1,5 раза увеличил сеть LTE. *Oml.ru*. URL: https://www.om1.ru/amp/business/news/162114-bilajjn_v_2018_godu_v_15_raza_uvelichil_set_lte/ (дата обращения: 02.07.2024).

⁹ Русал. URL: <https://rusal.ru/> (дата обращения: 02.07.2024).

¹⁰ Едадил. URL: https://edadeal.ru/?utm_referrer=https://www.google.com/&utm_source=www.google.com (дата обращения: 02.07.2024).

¹¹ Kari. URL: <https://kari.com/> (дата обращения: 02.07.2024).

¹² WowFit. URL: <https://wowfit.ru/> (дата обращения: 02.07.2024).

¹³ ДомДоктор. URL: <https://domdoctor.ru/> (дата обращения: 02.07.2024).

консультацию врача в любое время через мобильное приложение или по телефону, что особенно удобно для людей, ведущих активный образ жизни или проживающих в труднодоступных районах. Продвижение данного ценностного предложения осуществляется через широкое использование digital-каналов. Компания активно размещает рекламу в социальных сетях, на тематических медицинских порталах, а также использует в своих коммуникациях отзывы реальных клиентов. Это позволяет убедительно донести до аудитории ключевые преимущества сервиса: экономия времени и получение высококвалифицированной медицинской помощи в любой момент.

8. Сеть супермаркетов *Магнит*¹⁴ фокусируется на ценовом предложении и доступности продуктов для массового покупателя. Основное ценностное предложение данной сети – возможность приобрести качественные товары повседневного спроса по низким ценам рядом с домом или работой. Компания активно продвигает эту идею через масштабные рекламные кампании, регулярные акции и распродажи, а также развитие широкой сети магазинов шаговой доступности.

Итак, российские компании успешно продвигают свои ценностные предложения, акцентируя внимание на ключевых потребностях клиентов. Использование релевантных каналов коммуникаций и фокусирование на преимуществах, значимых для ЦА, позволяют эффективно доносить ценностное предложение и укреплять лояльность потребителей.

Зачастую компании используют одну из множества вариаций продвижения ценностного предложения, а именно правильное выявление ценности собственного продукта и потребностей потребителя с использованием маркетинговых инструментов. Они (компании) активно применяют наружную рекламу (баннеры) и рекламу в Интернете (интернет-тизеры), что позволяет проанализировать визуальную составляющую маркетингового материала.

Автором осуществлен анализ продвижения ценностного предложения компаниями и через такие маркетинговые инструменты, как онлайн- и офлайн-реклама:

1. Ценностное предложение *Т-банка*¹⁵ заключается в простоте взаимодействия с клиентом: без посещения классических офисов банка, без долгих очередей, в соответствии с трендами молодежи – заказал карту, и завтра она уже у тебя дома.

2. Реклама нового жилого комплекса *Поклонная 9*¹⁶ российского застройщика ANT Development размещается как на билбордах города, так и различных интернет-площадках, в том числе платформах для поиска жилья, в социальных сетях и др. (рис. 1).

Во-первых, название жилого комплекса совпадает с адресом его местонахождения (Москва, ул. Поклонная, 9). С одной стороны, он (адрес) сам по себе является одной из ключевых характеристик продукта в данной индустрии, с другой – жилой комплекс находится в одном из самых престижных районов Москвы, и расположение на Поклонной улице создает дополнительную ценность для покупателей, которые хотят жить в этом районе. Так данная реклама сразу позволяет решить один из базовых пунктов в матрице ценностного предложения.

Во-вторых, слоган проекта *Где у жизни есть вкус* указывает на премиальный уровень нового жилого комплекса, что подтверждается минимальной стоимостью квадратного метра в жилом комплексе, превышающей 1 млн руб. При этом на баннере не отражается цена, т. к. указание ценового диапазона могло бы оттолкнуть часть таргетируемой группы клиентов (из-за крайне высокой стоимости квартир).

В-третьих, основная часть баннера – минималистичный дизайн, на котором не представлен сам дизайн проекта, а только мужчина на черном фоне, одетый в дорогой костюм, окруженный дорогим ужином и интерьером. По мнению автора, это отражает приоритизацию внутренних сервисов жилого комплекса (услуг консьержа или наличия ресторана для жильцов). Это также подчеркивает особое внимание проекта к дорогому дизайну внутри квартиры, в то время как внешний дизайн считается наиболее типичным для современного города. В связи с этим проект указывает и на приватность,

Рис. 1. Реклама нового жилого комплекса *Поклонная 9*
Fig. 1. Advertising of the new residential complex *Poklonnaya 9*

¹⁴ Магнит. URL: <https://magnit.ru/> (дата обращения: 02.07.2024).

¹⁵ АО «ТБанк». URL: <https://www.tbank.ru/> (дата обращения: 02.07.2024).

¹⁶ ANT Development. URL: <https://antdevelopment.ru/projects/1> (дата обращения: 02.07.2024).

доступную внутри жилого комплекса, что может решать потребность в неприкосновенности частной жизни и личной информации будущих жителей. Итак, данная реклама эффективно демонстрирует ключевые преимущества жилого комплекса *Поклонная 9*, что отражают ценностные предложения проекта от застройщика.

3. На рекламном баннере оператора связи *Ростелеком*¹⁷, размещенном на различных интернет-платформах, соблюдены все аспекты микротипографии (присутствуют картинка и текст, выполненный шрифтом разной величины без засечек) (рис. 2).

Во-первых, на баннере ярко выделен логотип компании, который находится в относительно незаполненном левом углу, что обеспечивает читабельность и видимость бренда. Также стоит отметить, что Ростелеком является одним из крупнейших операторов связи в России и обладает высоким доверием клиентов, поэтому репутация бренда уже является одним из ценностных предложений продукта, т. к. отражает надежность домашнего Интернета.

Во-вторых, в продолжение анализа айдентики бренда нужно обратить внимание на нижний правый квадрат постера. На нем на контрастном фоне написан слоган Ростелекома *Технологии возможностей*, содержащий информацию об одном из ключевых фокусов бизнеса компании – высокая технологичность ее продуктов и решений. Слева посередине написан главный маркетинговый слоган продукта *Счастливые скорость не измеряют*, который отражает несколько ценностных характеристик продукта: низкая стоимость решения, т. к. при дешевом тарифе клиент меньше времени уделяет потребленным гигабайтам Интернета; позитивное впечатление от использования продукта, что является одним из элементов в матрице ценностного предложения.

Ниже расположено название продукта – домашний Интернет – и описание двух его важнейших характеристик *быстрый и стабильный*. Быстрый Интернет является одной из самых частых потребностей клиентов, в то время как *стабильный* в описании продукта откликается на наиболее распространенный страх потенциальных покупателей при выборе провайдера – опасения о перебоях в работе связи.

На картине, изображенной на баннере, транслируется семейная тема: справа изображен довольный отец, который держит на руках счастливую дочь, что, по мнению автора, демонстрирует таргетируемую аудиторию в виде взрослого населения в возрасте 20–55 лет и говорит о впечатлениях, которые возникают от использования продукта. Также важно и то, что ребенок на изображении носит очки виртуальной реальности – современный гаджет, коррелирующий с основным слоганом Ростелекома. Следовательно, на данном постере отражены все ключевые ценностные характеристики услуги *домашний Интернет* от этой компании.

Итак, российские компании интегрируют ценностное предложение во все точки взаимодействия с клиентом, не только рассказывая о том, что из себя представляет их продукт, но и показывая, что его отличает от аналогов конкурентов, благодаря чему формируют ценность продукта для потенциального клиента.

Заключение

В результате проведенного анализа предоставления ценностных предложений в практике российских компаний автор конкретизировал существующие инструменты предложения (в дальнейшем – продвижения) ценностного предложения (табл. 1), что является дополнением к существующему авторскому исследованию [27].

В статье было представлено понятие ценностного предложения как пользы, сформулированной для клиентов компании; ценности и конкурентного преимущества, продвигающего компанию вперед и помогающего ей быть востребованной среди других; такого предложения клиенту, которое объясняет, каким образом продукт компании удовлетворит его потребность (боль) и / или даст ему выгоду после приобретения товара или услуги.

Сделан вывод, что компании в рамках управления маркетинговой деятельностью используют ценностные предложения для реализации следующих целей, представленных в таблице 2.

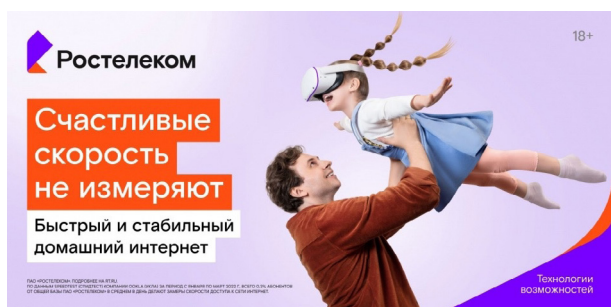

Рис. 2. Рекламный баннер оператора связи *Ростелеком*
Fig. 2. Advertising banner of the Rostelecom operator

¹⁷ ПАО «Ростелеком». URL: <https://msk.rt.ru/> (дата обращения: 12.07.2024).

Табл. 1. Уточненная модель инструментов ценностного предложения

Tab. 1. Refined model of value proposition tools

Существующая	Уточненная
Продукт	Продукт
Цена	Конкурентоспособная цена
Персонал	Клиентоориентированный персонал
Бренд	Позиционирование бренда
Сервис	Имидж и репутация компании
–	Онлайн- и офлайн-реклама
–	Программы и клубы лояльности
–	Персонализированный сервис при продаже товаров на основе внедрения CRM-систем и чат-ботов, аналитики больших данных

Автор проанализировал кейсы компаний, успешно представляющих ценностное предложение как элемент стратегии маркетинга. Так как ценностное предложение должно быть сформировано емко и структурированно, то российские компании продвигают его при любом контакте с потребителем в виде онлайн-рекламы, офлайн-рекламы разных форматов и содержания.

В статье определены этапы управления ценностным предложением компании: проведение исследований маркетинговой среды; определение (сегментирование) целевого рынка; определение компанией сущности ценности как категории; формирование ценностного предложения; разработка бизнес-идеи создания или модификации

продукта / услуги под ценностное предложение; выявление «узких мест» при моделировании предоставления ценности; выстраивание маркетинговой коммуникационной политики компании; оптимизация, автоматизация и улучшение процесса выстраивания взаимодействия с клиентами компании; развитие лояльности клиентов и клиентоориентированности компании; постоянная обратная связь с потребителем; анализ эффективности предоставления ценностного предложения.

На основе анализа кейсов из практики компаний было выявлено, что ценностное предложение формирует устойчивую связь между брендом и потребителем, обеспечивая лояльность и повторные продажи. Мы пришли к выводу о необходимости использования целого набора маркетинговых инструментов в целях продвижения ценностного предложения. Современные компании используют несколько каналов маркетинга для обеспечения максимизации метрик конверсии и предоставления наиболее полного отражения ценностного предложения продукта для клиента.

Анализ российских компаний показал, что управление маркетинговой деятельностью с помощью донесения ценности до потребителей обеспечивает быструю позитивно-эмоциональную реакцию от них, привлекает новых клиентов и «возвращает» старых в компанию.

Необходимо отметить, что существует большая вариативность в использовании маркетинговых кампаний для предоставления потенциальному клиенту ценностного предложения продукта. К тому же способ подачи информации может сильно варьироваться от канала рекламы.

Табл. 2. Цели предоставления ценностного предложения

Tab. 2. Objectives of value proposition

Цели	Характеристика
Повышение конкурентоспособности	<ul style="list-style-type: none"> • на данный момент большинство зарубежных брендов одежды и обуви покинули РФ, из-за чего стали открываться магазины, которые привозят данные товары из-за рубежа. Так компания привлекает клиентов тем, что такие товары – редкость и только у нее их можно приобрести
Определение ЦА	<ul style="list-style-type: none"> • компании регулярно производят анализ ЦА и стараются подстроиться под нее для того, чтобы удержать клиентов
Установление цены	<ul style="list-style-type: none"> • компании анализируют емкость и долю рынка, цены конкурентов и средние цены на данный товар; • компании используют систему лояльности, предполагающую большую скидку для часто приходящих и что-либо приобретающих клиентов в конкретной компании
Привлечение и удержание клиентов	<ul style="list-style-type: none"> • привлечение: компании размещают рекламу на телевизионных каналах или через блогеров, которые могут являться амбассадорами конкретной компании; • удержание: компании проводят промоакции, активно используют событийный и партизанский маркетинг, вирусную рекламу

Так, пуш-уведомления или холодные звонки будут обладать более прямым способом объяснения ценностного предложения, если использовать слоганы и тезисы фирмы. Благодаря встраиванию чат-ботов через CRM (чат-бот Олег Т-банка, чат-бот Lamoda в Телеграме, СберБизнесБот и др.) компания может создать персональные ценностные предложения для клиентов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности выбора со стороны бизнеса направленности ценностного предложения, маркетинговых активностей и коммуникаций при продвижении ценности для клиента.

Основные направления дальнейших исследований в данной области состоят в анализе трендов продвижения ценности для потребителей, а также в рассмотрении управления ценностью через event-маркетинг и ambient-маркетинг.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Пеша А. В. Ценностное предложение работодателя – сущность и значение в экономике организации. *Human progress*. 2016. Т. 2. № 12. [Pesha A. V. Employer value proposition – the content and value for the organizations economy. *Human progress*, 2016, 2(12). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xkqciz>
2. Якимова З. В., Царева Н. А., Жук А. Е. Моделирование ценностного предложения работодателя в контексте типа организационной культуры. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2019. Т. 8. № 1. С. 410–414. [Yakimova Z. V., Tsareva N. A., Zhuk A. E. Modeling the value proposition of the employer in the context the type of organizational culture. *Azimuth of scientific research: Economics and administration*, 2019, 8(1): 410–414. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kfwfgk>
3. Пуляева В. Н. Роль ценностного предложения работодателя в формировании HR-бренда. *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10. № 3. С. 659–676. [Pulyaeva V. N. The role of the employer's value proposition in building an HR-brand. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, 10(3): 659–676. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/epp.10.3.100591>
4. Березка С. М. Ценностное предложение ритейлера для клиентов. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2018. № 66. С. 144–159. [Berezka S. M. Retailer's value proposition for customers. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 2018, (66): 144–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytbbim>
5. Удальцова Н. Л. Проектирование ценностного предложения. *Креативная экономика*. 2021. Т. 15. № 4. С. 1427–1446. [Udaltsova N. L. Designing a value proposition. *Kreativnaya ekonomika*, 2021, 15(4): 1427–1446. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/ce.15.4.111925>
6. Ковальчук Н. Б., Филимонова Н. В. Ценностное предложение в системе продуктовой политики компании. *Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Экономика и управление*. 2017. № 9. С. 82–84. [Kovalchuk N. B., Filimonova N. V. Value offer in the system of the company product policy. *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiuma Srednerusskii universitet. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, 2017, (9): 82–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztplil>
7. Кренева С. Г., Лежнина Т. А., Яровиков А. Н. Ценностное предложение и его роль в краткосрочном планировании. *Управленческий учет*. 2021. № 12-2. С. 481–489. [Krenea S. G., Lezhnina T. A., Yarovikov A. N. Value proposition and its role in short-term planning. *Upravlencheskii uchet*, 2021, (12-2): 481–489. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sxcahm>
8. Серова Е. Г., Файнштейн Е. М. Ценностное предложение ресторанного бизнеса: интеллектуальный анализ онлайн-отзывов клиентов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. 2022. Т. 21. № 1. С. 47–73. [Serova E. G., Fainshtein E. M. The restaurant business value proposition: Intellectual text analysis of online customer reviews. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, 2022, 21(1): 47–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2022.103>
9. Юлдашева О. У., Юдин О. И. Моделирование цепочки по созданию потребительской ценности. *Проблемы современной экономики*. 2012. № 1. С. 218–222. [Yuldasheva O. U., Yudin O. I. Creating consumer value: Modeling the chain of its development. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2012, (1): 218–222. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcgkix>

10. Остервальдер А., Пинье И., Бернарда Г., Смит А. Разработка ценностных предложений: Как создавать товары и услуги, которые захотят купить потребители. Ваш первый шаг... М.: Альпина Паблшер, 2015. 312 с. [Osterwalder A., Pigneur Y., Bernarda G., Smith A. *Value proposition design. How to create products and services customers want. Get started with...* Moscow: Alpina Publisher, 2015, 312. (In Russ.)]
11. Жукова Е. Е., Суворова Т. В., Бурлаков В. В. Клиентоориентированность как ключевая ценность современного конкурентоспособного бизнеса. М.: ИНФРА-М, 2024. 163 с. [Zhukova E. E., Suvorova T. V., Burlakov V. V. *Customer focus as a key value of modern competitive business*. Moscow: INFRA-M, 2024, 163. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/byfkii>
12. Козлова О. А. Когнитивный подход в моделировании поведения потребителей на рынке экологических товаров. *Гуманитарные и социальные науки*. 2010. № 2. С. 115–124. [Kozlova O. A. Cognitive approach to modeling consumer behavior in the market of environmental goods. *The Humanities and Social sciences*, 2010, (2): 115–124. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/redkqp>
13. Webster F. E., Wind Y. *Organizational buying behavior*. Saddle River: Prentice-Hall, 1972, 132.
14. Kotler P. From sales obsession to marketing effectiveness. *Harvard Business Review*, 1977, 55(6): 67–55.
15. Котлер Ф., Келлер К. Л. Маркетинг Менеджмент. 12-е изд. СПб.: Питер, 2012. 816 с. [Kotler P., Keller K. L. *Marketing Management*. 12th ed. St. Petersburg: Piter, 2012, 816. (In Russ.)]
16. Morgan R. M., Hunt S. D. The commitment-trust theory of relationship marketing. *Journal of marketing*, 1994, 58(3): 20–38. <https://doi.org/10.1177/002224299405800302>
17. Lewis R. A., Rao J. M. The unfavorable economics of measuring the returns to advertising. *The Quarterly Journal of Economics*, 2015, 130(4): 1941–1973. <https://doi.org/10.1093/qje/qjv023>
18. Kano N., Seraku N., Takahashi F., Tsuji S. Attractive Quality and Must-be Quality. *Journal of the Japanese Society for Quality Control*, 1984, 14(2): 147–156.
19. Капустина Л. М., Журавлева А. Ю., Кронидова Л. П. Применение метода Кано для оценки удовлетворенности потребителей. *Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов: 4 Всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 17 мая 2018 г.)* Иркутск: БГУ, 2018. Ч. 1. С. 105–110. [Kapustina L. M., Zhuravleva A. Yu., Kronidova L. P. Kano method and the estimation of client's satisfactory. *Activation of the intellectual and resource potential of regions: Proc. 4 All-Russian Sci.-Prac. Conf., Irkutsk, 17 May 2018*. Irkutsk: BSU, 2018, pt. 1, 105–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xmdijc>
20. Aaker D. A. *Building strong brands*. NY: Simon & Schuster, 2012, 400.
21. Kapferer J.-N. Why are we seduced by luxury brands? *Journal of Brand Management*, 1998, 6(1): 44–49. <https://doi.org/10.1057/bm.1998.43>
22. Гэд Т. 4D брэндинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2005. 230 с. [Gad T. *4-D branding: Cracking the corporate code of the network economy*. St. Petersburg: Stockholm School of Economics, 2005, 230. (In Russ.)]
23. Narver J. C., Slater S. F. The effect of a market orientation on business profitability. *Journal of marketing*, 1990, 54(4): 20–35. <https://doi.org/10.1177/002224299005400403>
24. Parasuraman A., Zeithaml V. A., Berry L. L. A conceptual model of service quality and its implications for future research. *Journal of Marketing*, 1985, 49(4): 41–50. <https://doi.org/10.1177/002224298504900403>
25. Третьяк О. А. Отношенческая парадигма современного маркетинга. *Российский журнал менеджмента*. 2013. Т. 11. № 1. С. 41–62. [Tretiak O. A. Relational paradigm of modern marketing. *Russian Management Journal*, 2013, 11(1): 41–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwyjch>
26. Reeves R. *Reality in Advertising*. NY: Knopf, 1961, 153.
27. Suvorova T. V. Managing brand positioning on the Internet among rapidly developing beauty standards. *Human Progress*, 2024, 10(3). <https://doi.org/10.34709/IM.1103.8>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/mvkwju>

Развитие навыков управления проектами в университете как драйвер регионального развития

Бельчик Татьяна Алексеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2035-9787

<https://orcid.org/0000-0001-5729-8475>

t.a.belchik@mail.ru

Аннотация: Приведены результаты обобщения опыта формирования компетенций, связанных с управлением проектами, у студентов классического университета. Дана характеристика системы высшего образования Кемеровской области – Кузбасса и показана динамика основных показателей. Цель – обосновать необходимость и возможность формирования навыков управления проектами в университетах для регионального развития. Одна из задач – проанализировать организацию проектной деятельности в вузе и регионе. Проанализированы терминологические ошибки в исследуемой области и организация проектной деятельности в вузе и регионе. Установлена необходимость применения системного подхода в преподавании проектного менеджмента. Выявлены проблемы в подготовке специалистов с необходимыми компетенциями для управления проектами, и даны рекомендации по их разрешению. Эмпирическая база: данные мониторинга деятельности вузов; анализ сайтов организаций; экспертные оценки, полученные в ходе интервью с руководителями. Обнаружено, что в Кемеровском государственном университете организована работа по формированию проектных компетенций для учащихся школ (через работу школы юных стратегов) и реализуются программы дополнительного образования. По мнению автора, в настоящее время объемы подготовки недостаточны для формирования проектных компетенций нужного качества. Вовлечение учащихся в проекты, реализуемые на уровне региона, муниципалитетов, вузов, могло бы не только способствовать успешному закреплению навыков, но и мотивировать обучающихся участвовать в решении проблем региона и его развития в целом. Включение в проектные команды выпускников с достойной материальной мотивацией частично решило бы проблему оттока молодежи из региона.

Ключевые слова: региональное развитие, проектная деятельность, управление проектами, компетенции, университет, качество образования

Цитирование: Бельчик Т. А. Развитие навыков управления проектами в университете как драйвер регионального развития. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 4. С. 620–629. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-620-629>

Поступила в редакцию 17.09.2024. Принята после рецензирования 08.10.2024. Принята в печать 14.10.2024.

full article

Development of Project Management Skills at the University as a Driver of Regional Development

Tatyana A. Belchik

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 2035-9787

<https://orcid.org/0000-0001-5729-8475>

t.a.belchik@mail.ru

Abstract: The article summarizes the experience of developing project management skills in university students in the Kemerovo Region. Management skills give graduates a competitive advantage, thus developing the laborpotential of the region. However, project management as a teaching area is not free of terminological errors. Thereseearch revealed a lack of systematic approach in teaching project management in the Kemerovo Region, as well as some other training problems. The author developed a set of recommendations based on monitoring

the activities of the regional universities and their websites, as well as on the expert assessments from interviews with university management. The Kemerovo State University develops project management competencies in school students at the School of Young Strategists, not to mention a number of additional education programs. Unfortunately, the efforts are not sufficient enough to develop project management skills of required quality. Students need to be involved in real projects of regional, municipal, and university level to consolidate their skills and motivate them to perform similar tasks after graduation. By using a decent financial reward to attract new graduates to project team work, the regional authorities could partially solve the problem of the outflow of job migration.

Keywords: regional development, project activities, project management, competencies, university, quality of education

Citation: Belchik T. A. Development of Project Management Skills at the University as a Driver of Regional Development. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 620–629. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-620-629>

Received 17 Sep 2024. Accepted after review 8 Oct 2024. Accepted for publication 14 Oct 2024.

Введение

Применение проектного подхода позволяет эффективно достигать поставленных целей проекта. Но важно понимать, что для его (проекта) успешной реализации необходимо грамотное управление. Люди, способные инициировать проект, провести его детальное и укрупненное планирование и реализовать с заданными критериями качества, требуются во всех сферах человеческой деятельности. Дефицит специалистов с такими компетенциями решено уменьшить, обязав вузы формировать компетенции, связанные с проектной деятельностью, на всех направлениях подготовки (как в бакалавриате, так в специалитете и магистратуре).

Среди проблем, препятствующих более динамичному развитию регионов России, отмечают [1–3]:

- 1) недостаточный опыт в реализации проектов;
- 2) низкий уровень квалификации специалистов, ответственных за управление проектами;
- 3) непонимание целесообразности применения проектного подхода;
- 4) недостаточная проработка нормативной базы;

5) неумение учесть специфику реализации проектов в разных сферах;

6) неумение идентификации и оценки рисков.

Однако они частично решаются массовой подготовкой специалистов, у которых сформированы компетенции, связанные с проектами и работой в команде.

С переходом на обновленные федеральные образовательные стандарты появились универсальные компетенции (УК), которые задают планку результатов обучения. В таблице 1 приведены формулировки универсальных компетенций, к формированию которых вузы приступили в 2020–2021 гг.

Среди ученых и практиков вузов развернулась дискуссия относительно необходимости введения в учебные планы дисциплин, связанных с управлением проектами, и выбора наиболее эффективных методов преподавания проектного менеджмента [4–7]. Время вступления в силу усовершенствованных образовательных стандартов высшего образования пришлось на период активной

Табл. 1. Универсальные компетенции в высшем образовании

Tab. 1. Universal competencies in higher education

Компетенции	Бакалавриат	Специалитет	Магистратура
УК-2 Разработка и реализация проектов	способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений	способен управлять проектом на всех этапах его жизненного цикла	
УК-3 Командная работа и лидерство	способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде	способен организовывать и руководить работой команды, вырабатывая командную стратегию для достижения поставленной цели	

реализации национальных проектов и всплеска интереса к проектному менеджменту. С этой точки зрения формирование соответствующих универсальных компетенций – очень актуальная и своевременная задача.

Достижение поставленных задач с использованием технологии проектного подхода актуализируется как внутренними проблемами (недостаток трудовых ресурсов, низкая эффективность бизнес-процессов, необходимость обеспечения технологического суверенитета и др.), так и внешними факторами (санкционное давление, разрушение логистических связей). Специалисты, владеющие навыками управления проектами, востребованы на большинстве предприятий РФ. Вузы могут и должны взять на себя роль центров подготовки проектных менеджеров. Так, некоторые высшие учебные заведения страны на своей базе открыли сертификационные центры по управлению проектами.

Кемеровский государственный университет (КемГУ) как ведущий вуз региона осуществляет системную подготовку основам управления проектами. В связи с этим накоплен некоторый опыт и определены проблемные точки.

Некоторые авторы [8–10] обсуждают возможность формирования УК-2 в таких дисциплинах, как *Правовые основы профессиональной деятельности*, *Профессионально-творческий практикум*, а для УК-3 предлагаются *Тренинг профессиональной коммуникации*, *Инженерная и компьютерная графика*, *Психология* и т. д.

Анализ сайтов образовательных организаций показал, что единства в представлениях о способах формирования универсальных компетенций нет, а также прослеживается попытка «закрепить» за этими компетенциями те дисциплины, которые и ранее были в учебных планах многие годы. Изменение же их (дисциплин) содержания можно обнаружить только в ходе отдельного исследования. Тем не менее большая часть вузов видит формирование УК-2 и УК-3 в дисциплинах *Управление проектами*, *Проектный менеджмент*, *Основы проектной деятельности*, в которых есть возможность познакомить будущих специалистов с инструментами и методами, позволяющими успешно реализовывать проекты и достигать уникальных целей в заданное время с максимально эффективным вариантом использования ресурсов [7].

Результаты социально-экономического развития регионов часто рассматриваются через призму реализации национальных проектов [1; 11; 12]. Опыт применения проектного подхода в управлении регионом был описан И. М. Потравным [13]. Другие

исследователи утверждают, что развитие регионов может происходить только на основе роста инновационной активности людей, предприятий, вследствие чего возлагаются большие надежды на систему образования и рассматривается взаимодействие государства, образования и бизнеса на основе модели тройной спирали [14]. Автор данной концепции, Г. Ицковиц, отмечает, что «университеты являются не только генераторами знаний, новых идей, "точкой притяжения молодых умов", но и основой общества знаний, опорой двух других составляющих тройной спирали – государства и бизнеса» [15]. Успешная практика взаимодействия университетов и бизнеса возможна за счет проектного подхода, предполагающего участие студентов и преподавателей в реализации проектов бизнеса. Как следствие, в работе [14] предлагается создание информационной платформы для объединения интересов бизнеса и образования в реализации проектов.

Успешность применения проектного менеджмента в региональном управлении подчеркивается в труде [16] и предлагается использование гибких методов (авторы перечисляют большое количество техник и методов, содержание которых большинству участников проектных команд в регионах неизвестно). Однако, чтобы использовать гибкие методы, необходимо обладать общими базовыми знаниями классической модели управления проектами.

Все вышеперечисленное обосновывает актуальность исследования и остроту проблемы формирования проектных компетенций в университетах, т. к. вузы несут ответственность за обеспечение результатов обучения, в первую очередь, в части формирования компетенций.

Цель – обосновать необходимость и возможность формирования навыков управления проектами в университетах для регионального развития. Задачи исследования: анализ системы высшего образования Кемеровской области – Кузбасса и экспертных мнений о навыках проектной деятельности; обобщение опыта КемГУ; обзор литературы по проблемам развития регионов на базе университетов.

Методы и материалы

Исследование опирается на труды отечественных ученых и стандарты проектного менеджмента. Эмпирическую базу научной работы составляют сайты вузов; мнение экспертов, полученное в ходе интервью; статистические данные; результаты мониторинга эффективности вузов. В статье использована такая исследовательская стратегия, как изучение практической ситуации. Применены методы: включенное наблюдение, опросные и статистические

(при обработке исходных данных) методы. Основа исследования – ситуационный подход. В ходе работы использованы такие приемы научного познания, как сравнение (при анализе сайтов и показателей в динамике), анализ и синтез, обобщение.

Результаты

Система высшего образования Кемеровской области представлена в 2023 г. 15 вузами (среди которых один частный), в том числе 8 филиалами. На программах высшего образования в 2023–2024 учебном году обучались 44499 студентов¹, 58 % учились на очной форме и более 62 % обучались за счет средств бюджетной системы РФ. Всего реализуется 402 образовательные программы. В вузах работали 1944 преподавателя, из них 14,6 % имеют ученую степень доктора наук, 55 % – кандидата наук².

На протяжении последних 5–6 лет система высшего образования Кемеровской области изменялась. Общее число вузов (с филиалами) сократилось с 31 до 15. Количество студентов сократилось с 61595 до 44499 человек. Больше студентов стали выбирать очную форму обучения. Структура подготовки по направлениям изменилась незначительно³.

Анализ происходящих в системе образования изменений показал, что она претерпела как количественные, так и качественные изменения. Не прошли

аккредитацию или были реструктуризованы неэффективные вузы, которые выпускали слабо подготовленных специалистов, сократилось количество заочников, вырос уровень подготовки абитуриентов.

КемГУ – самый крупный вуз Кузбасса: в 2023 г. численность обучающихся составляла 12706 человек, или почти треть всех студентов региона. Поэтому Кемеровский государственный университет вносит самый значительный вклад в обеспечение потребностей рынка труда области. По данным мониторинга эффективности вузов, объем НИОКР КемГУ вырос с 2018 г. в 3,7 раза и, как следствие, к 2023 г. улучшились все основные показатели (табл. 2⁴).

Такие изменения говорят о том, что вуз динамично развивается. В качестве способа достижения положительных результатов в КемГУ используют проектный подход. В организационной структуре вуза создано управление проектной деятельности⁵, в которое входят: *Проектный офис, Этический комитет, Отдел по обработке аналитических данных*. Новостная страница сайта содержит информацию о проектах, реализуемых как студентами, так и профессорско-преподавательским составом (ППС)⁶. На особом контроле в вузе находятся проекты научной направленности⁷. В структуре управления молодежной политики создан молодежный проектный офис⁸.

Табл. 2. Данные мониторинга эффективности КемГУ
Tab. 2. Effect monitoring of the Kemerovo State University

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Средний балл ЕГЭ студентов, принятых на очную форму на бюджетной основе	65,28	66,03	66,25	66,84	67,11	67,19
Объем НИОКР на одного НПР, тыс. руб.	195	310,16	283,14	564,25	594,44	628,4
Доходы вуза из всех источников на одного НПР, тыс. руб.	2,323,93	2,759,23	3369,28	4381,75	4054	4634,7
Зарплата ППС к средней по региону, %	181	199	224	225	205	198,15

¹ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. Сибирский федеральный округ. Кемеровская область. ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2023/_vpo/material.php?type=2&id=10902 (дата обращения: 12.09.2024).

² Высшее образование. Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 09.09.2024).

³ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. Архив материалов. ГИВЦ. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2023> (дата обращения: 12.09.2024).

⁴ Сост. по: Там же.

⁵ Проектный офис управления проектной деятельности. КемГУ. URL: <https://kemsu.ru/university/structure/unit/upravlenie-proektnoy-deyatelnosti/proektnyy-ofis/> (дата обращения: 12.09.2024).

⁶ Новости. КемГУ. URL: <https://kemsu.ru/news/> (дата обращения: 12.09.2024).

⁷ Проекты опорного. КемГУ. URL: <https://kemsu.ru/university/projects/> (дата обращения: 12.09.2024).

⁸ Управление молодежной политики. КемГУ. URL: <https://kemsu.ru/university/structure/unit/management-youth-policy/> (дата обращения: 12.09.2024).

Руководство вуза понимает, что успехи могли бы быть еще более заметными, если бы в вузе удалось сформировать не только единые правила управления проектами, но и культуру проектного управления. Одним из значимых и решительных шагов руководства КемГУ на пути к этому стало введение в учебные планы всех направлений подготовки дисциплины *Управление проектами*. Так, с 2022 г. все студенты КемГУ на 1 или 2 курсах изучают данную дисциплину, по итогам освоения которой могут составить паспорт проекта, разработать календарный график его реализации, оценить ресурсы и риски, разработать план формирования команды проекта и т.д. В ходе изучения *Управления проектами* учащиеся знакомятся и с программными продуктами, используемыми в проектном менеджменте, например со свободно распространяемым *ProjectLibre*. Для организации такой масштабной подготовки Учебно-методическим управлением были приняты следующие решения:

1. Проведено обучение ППС в рамках ДПО.

2. Записаны видеолекции по данной дисциплине, чтобы оптимизировать учебную нагрузку и дать возможность студентам свободно прослушивать лекции (особенно это эффективно на очно-заочной и заочной формах обучения). В аудиторное время студенты разбирают кейсы, знакомятся со стандартами по *Управлению проектами*, занимаются разработкой паспорта проекта и планов по различным функциональным областям.

3. Разработано единое методическое обеспечение для всех направлений подготовки.

Опыт первого года преподавания *Управления проектами* у студентов неэкономического профиля показал, что они получают неоспоримые преимущества перед теми, кто не изучал эту дисциплину. Так как обучающиеся защищают паспорт проекта по своей будущей профессиональной деятельности, то учатся делать элементарные экономические расчеты, продумывать организационные аспекты формирования команды проекта, составлять планы.

Каждый студент в ходе выполнения практического задания осознает преимущества использования инструментов проектного менеджмента: построение матрицы заинтересованных сторон, матрицы рисков, определение критического пути проекта, разработка иерархической структуры работ проекта и т.д. Главное – студенты «вооружены»: они знают стандарты и умеют ими пользоваться. Конечно, результаты такой массовой подготовки специалистов, обладающих навыками управления проектами, ощутимы только спустя какое-то время. Однако эти навыки могут пригодиться студентам и при написании

выпускной квалификационной работы, выполнении заданий по другим дисциплинам, реализации личных проектов с амбициозными целями.

Также существуют следующие возможности более детального изучения управления проектами:

1. Те студенты, которые имеют желание более глубоко изучать эту сферу профессиональной деятельности, могут продолжить обучение в магистратуре по программе *Управление проектами*. Таким образом, в вузе создан полный цикл развития навыков управления проектами.

2. В рамках сотрудничества со школой № 85 (где создана школа юных стратегов) преподаватель вуза проводит занятия со школьниками по теме *Управление проектом, SWOT-анализ* и др.

3. В Президентской образовательной программе подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ наиболее практикоориентированным является курс *Управление проектами*. Все слушатели в ходе изучения проектного менеджмента выполняют работы по планированию проекта, который ложится в основу аттестационной работы.

В ходе реализации перечисленных решений всегда требуется время для анализа процесса и результатов. И хотя результаты (совокупность необходимых проектных компетенций выпускников) измерить довольно непросто, все-таки ряд замечаний уже можно высказать. Так, анализ организационной структуры вуза (в том числе перечень задач и функций отдельных структурных подразделений) показывает, что задачи проектного офиса косвенно связаны с проектной деятельностью: нет функций обучения, развития методологии, разработки стандарта, мониторинга проектов, формирования команд, обобщения опыта и т.д. То есть на данный момент проектный офис не является тем структурным подразделением, которое аккумулирует активности, связанные с проектной деятельностью КемГУ.

Новые решения вуза, направленные на формирование компетенций проектной деятельности, будут способствовать ее более грамотной организации в университете. В настоящее время проекты в КемГУ реализуются вне общей методологии управления проектами, курируются проректорами и для их реализации формируются временные группы, которые не считают себя частью одной команды. Вместе с тем следует отметить, что университет поддерживает проекты, которые ориентированы на достижение стратегических ориентиров как вуза, так и региона в целом. Многие проекты КемГУ коррелируют с национальными, например *Цифровая кафедра, Школа 21, Цифровая система регионального управления, Создание Кузбасского экополигона* и др.

Анализ деятельности КемГУ по проекту *Приоритет-2030*⁹ показал, что наиболее эффективными способами достижения стратегических целей, представленных на официальном сайте вуза, являются инициация, равноуровневое планирование, реализация в соответствии со стандартами проектного менеджмента, в котором находят отражение оценка достижимости поставленных целей, расчет ресурсов, необходимых для их (целей) выполнения, работа с заинтересованными сторонами и т.д. Цели проектов должны быть сформулированы в соответствии со SMART-методикой. В настоящее время представленные на официальном сайте цели стратегических проектов носят обширный характер, из-за чего трудно представить продукт таких проектов, что затрудняет осуществление процессов мониторинга и контроля, которые должны пронизывать все фазы их (проектов) жизненного цикла.

Однако познакомиться с паспортами проектов в КемГУ невозможно: их нет в свободном доступе, что противоречит общим тенденциям открытости и не способствует привлечению в проекты заинтересованных студентов и преподавателей. В этом смысле полезным мог бы оказаться опыт Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ «ВШЭ»), в котором на постоянной основе ведется работа по привлечению обучающихся к проектной деятельности через внутреннюю среду вуза. Такая практика генерирует инициативу студентов, привлекает наиболее заинтересованных в университетские проекты, а также носит не эпизодический характер, а ведется на постоянной основе. В КемГУ пока не сформировался механизм привлечения участников в проекты, правила формирования проектных команд, отсутствуют шаблоны документов по проектам и не налажены многие другие процессы, которые по стандартам являются обязательными.

В ходе анализа кейсов по преподаванию проектного менеджмента в КемГУ была выявлена необходимость применения системного подхода к этому процессу, заключающемуся в:

- 1) организации обучения по программам дополнительного образования не только для ППС, но и для административных, и научных работников на регулярной основе, т.к. меняются люди, направленность проектов, появляются новые тренды в проектном менеджменте;
- 2) увеличении в бакалавриате количества практических занятий (с 16 ч. до 32 ч.) для более

успешного формирования универсальных компетенций (чтобы студенты могли разобрать больше кейсов и более тщательно обдумать свой проект);

- 3) интеграции студентов в реальные проекты КемГУ, партнеров КемГУ, работодателей и предприятий региона, т.к. это могло бы приносить пользу региону, а молодежи давать ценный опыт и помогать налаживать контакты с организациями;
- 4) выстраивании проектной деятельности самого университета в соответствии со стандартом (можно разработать для вуза оригинальный стандарт, но основывающийся на международном и российском);
- 5) становлении КемГУ центром формирования проектных компетенций как для работников организаций, так и для чиновников, и всех заинтересованных сторон;
- 6) охватывании при планировании региональных проектов всех функциональных областей, а не отдельных (например составление паспорта проекта), в том числе для обеспечения системности в управлении;
- 7) формировании системы сертификации специалистов в области управления проектами через организацию собственного центра оценки и сертификационные центры других городов;
- 8) сосредоточении на создании корпоративной системы управления проектами, необходимой для более обоснованного выделения ресурсов на проекты, соответствующие целям организации, и позволяющей достигать планируемые результаты по многим проектам без непосредственного участия первого лица.

А. Д. Волгин и В. Е. Гимпельсон изучили более 1800 тыс. вакансий на *HeadHunter* – одном из самых крупных сайтов по поиску работы и сотрудников в мире. Исследователи выделили 10 основных групп наиболее востребованных навыков, среди которых есть и *управление проектами* [17].

В декабре 2022 г. автором статьи совместно с магистрантами, обучающимися по программе *Управление проектами*, было проведено исследование, направленное на изучение ситуации на рынке труда и востребованности проектных компетенций. Сбор информации проводился с помощью метода личного интервью с руководителями различных организаций. Всего было опрошено 27 руководителей различных организаций. Одной из тем

⁹ Приоритет-2030. Лидерами становятся. КемГУ. URL: <https://kemsu.ru/university/prioritet-2030/> (дата обращения: 09.09.2024).

интервью была *Качество подготовки специалистов в вузе*. Эксперты оценивали важность наличия различных компетенций у работников от 1 балла (наименее важная) до 5 (наиболее важная). Такая компетенция как *умение работать в команде* получила среднюю оценку 4,7.

Таким образом, компетенции проектного менеджмента очень важны и востребованы работодателем, поэтому выпускник вуза, обладающий ими, является более конкурентоспособным. В Атласе профессий¹⁰ «умение управлять проектами и процессами» отнесено к надпрофессиональным навыкам. Этот навык не будет отличать именно подготовленных менеджеров. Будут востребованы люди с качествами лидера, умеющие ставить цели и их достигать..

Далее будет проведен обзор терминологических неточностей, которые встречаются в научных работах и практической деятельности. Например, О. В. Приходько рассматривает проектную деятельность через призму персональной образовательной среды, полагая, что проектная технология ставит в центр обучения студента. Как следствие, данный метод можно относить к личностно-ориентированному. В работе [18] исследователь заключает, что проектная деятельность, как правило, осуществляется в несколько этапов: постановка целей; определение задач; распределение задач между членами группы, если проект групповой; презентация проекта; дискуссия по оценке проекта. Перечисленное совершенно не отличается от обычной курсовой работы, у которой есть цель, задачи, презентация.

В педагогике проекты не опираются на определение, сформулированное в ГОСТ Р 54869-2011: «проект – это комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленный на создание уникального продукта или услуги в условиях временных и ресурсных ограничений»¹¹. Очень важно и в школе, и тем более в вузе на начальном этапе не упускать из вида главные отличительные черты проекта:

- 1) уникальность цели;
- 2) ограниченность ресурсов;
- 3) ограниченность по времени.

Также необходимо формировать начальные навыки планирования у будущих специалистов, что позволит им избегать ошибок в расчетах и научиться достигать поставленных целей. Ошибки, связанные с незнанием методологии проектного управления, можно встретить не только в педагогической практике, но и в государственном управлении,

реализации отраслевых проектов. Часто на должность руководителей проектов назначаются люди, которые не обладают специальными знаниями в области проектного менеджмента и недооценивают некоторые функции в проекте либо вообще их игнорируют.

Тема роли университетов в региональном развитии рассматривается с разных точек зрения:

- в работе [19] критически анализируется достижение целей опорными университетами и отмечается недостаточность влияния средних по численности и бюджетам региональных вузов на региональное социально-экономическое развитие;
- подчеркивается недооцененность роли системы образования в региональном развитии и доказывается наличие значимой связи между функционированием вузов и основными социально-экономическими показателями регионального развития на основе проведенного корреляционного анализа [20];
- в статье [21] анализируется опыт региональных вузов и предлагается создавать проектные команды на весь период обучения студентов и привлекать их в программы технологического предпринимательства;
- отмечается, что на успешность реализации проектов регионального уровня университеты могут повлиять расширением программ дополнительного образования, где главной целью будут проектные компетенции и знания методологии проектного менеджмента [22].

Заключение

Для достижения основной цели вуза – подготовки высококвалифицированных специалистов – необходимы достаточные ресурсы (как материальные, так и человеческие), однако грамотное университетское управление является залогом их эффективного использования. Менеджмент вуза должен обладать знаниями в области управления и владеть современными технологиями, одной из которых является проектное управление.

Проекты – средства стратегического развития организаций [23]. Но важно не только заявить (инициировать) интересную и амбициозную идею, назвав ее проектом, но и достичь проектной цели в рамках обозначенного бюджета и срока. Важно, чтобы результат управления проектом был востребован,

¹⁰ Атлас новых профессий 3.0, ред. Д. Варламова, Д. Судаков. М.: Альпина ПРО, 2021. С. 23.

¹¹ ГОСТ Р 54869-2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом: введен 01.09.2012. М.: Стандартинформ, 2012. СЛС Кодекс

отвечал требованиям всех заинтересованных сторон, а значит работа по идентификации этих стейкхолдеров и их оценке должна быть спланирована до начала фазы реализации.

Проектная деятельность – это командная работа. Сформировать по-настоящему работоспособную команду трудно, т.к. требуются дополнительные усилия и определенные личные качества руководителей проектов. Очевидно, что КемГУ уже готов подняться на следующий уровень зрелости в области управления проектами, но для этого надо выполнить следующие действия:

- 1) подготовить и обучить проектному менеджменту молодых преподавателей и организовать наставничество со стороны опытных преподавателей и руководителей проектов;
- 2) создать единый проектный офис, выполняющий такие функции, как координация всех проектов вуза, организация методической помощи участникам проекта, организация непрерывного обучения членов проектных команд и обсуждения по итогам реализации проектов, извлечение уроков, архивирование проектной документации;
- 3) создать единую информационную платформу для ведения проектов в единых методологических рамках;
- 4) организовать стимулирование наиболее успешных руководителей проектов;
- 5) организовать работу по обмену опытом реализации проектов разной направленности.

Создание корпоративной системы управления проектами должно стать одной из первоочередных задач, успешное выполнение которой зависит от выстраивания структуры (от управления отдельным проектом до управления портфелем проектов).

Региональные вузы, подобные КемГУ, как правило, обеспечивают предприятия и организации региона кадрами и тем самым участвуют в развитии экономики региона. Формирование проектных компетенций у большого числа выпускников вузов создает предпосылки не только для кадрового обеспечения, но и для инновационного развития, технологического лидерства. Опыт участия студентов в проектах-стартапах, разработка собственных идей в выпускных квалификационных работах и их реализация на основе проектной работы могут кардинально изменить роль университетов в регионах.

Участие студентов в проектах формирует лидерские качества будущих специалистов, увеличивает их привлекательность в глазах работодателя, создает условия для продолжения начатых проектов уже в реальной практике. Выпускники с хорошими знаниями проектной методологии могут более успешно создавать новые предприятия в регионах, где учились, что формирует его привлекательность, способствует сокращению оттока молодежи. Создание корпоративных систем управления проектами в региональных вузах может способствовать эффективной реализации (в отличие от программы развития опорных вузов) программы стратегического академического лидерства *Приоритет-2030* и новых национальных проектов, которые обозначены Указом Президента РФ № 309 от 07.05.2024¹².

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Соболева О. Н., Лучинина В. В. Проектный подход в управлении социально-экономическим развитием региона (на примере Кировской области). *Актуальные вопросы современной экономики*. 2021. № 6. С. 388–396. [Soboleva O. N., Luchinina V. V. Project approach in the management of socio-economic development of the region (on the example Kirov Region). *Aktualnye voprosy sovremennoi ekonomiki*, 2021, (6): 388–396. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.10.36.166>
2. Уандыкова М. К. Системные модели управления рисками при формировании программ инновационного развития региона. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2019. Т. 10. № 4. С. 487–500. [Uandykova M. K. System models of risk management in the formation of programs of innovative development of the region. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie)*, 2019, 10(4): 487–500. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.4.487-500>

¹² О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Указ Президента РФ № 309 от 07.05.2024. ИПП Гарант.

3. Дышловой И. Н., Ибрагимов Э. Э., Семенова Л. В., Солнцева О. Г. Проектный и процессный подходы к реализации программ развития региона. *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2020. Т. 14. № 1. С. 55–67. [Dyshlovoi I. N., Ibragimov E. E., Semenova L. V., Solntseva O. G. Project and process approaches to the regional development programs realization. *Service and Tourism: Current Challenges*, 2020, 14(1): 55–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wiwaху>
4. Ефремов Е. А., Меньшенина Е. А., Донченко К. В. Зачем переводчику навыки управления проектами. *Инновационные технологии и технические средства специального назначения: 13 Общерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 16–20 ноября 2020 г.)* СПб.: БГТУ «Военмех», 2021. Т. 2. С. 138–140. [Efremov E. A., Menshenina E. A., Donchenko K. V. Why does a translator need project management skills? *Innovative technologies and special purpose equipment: Proc. 13 All-Russian Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 16–20 Nov 2020*. St. Petersburg: BSTU «Voenmekh», 2021, vol. 2, 138–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bpqzqa>
5. Найдис О. А., Бартош Е. А. Знания и навыки инженера для эффективного управления проектами. *Управление научно-техническими проектами: 4 Междунар. науч.-техн. конф. (Москва, 3 апреля 2020 г.)* М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2020. С. 187–191. [Naydis O. A., Bartosh E. A. Engineer knowledge and skills for effective project management. *Managing scientific and technical projects: Proc. 4 Intern. Sci.-Tech. Conf., Moscow, 3 Apr 2020*. Moscow: BMSTU, 2020, 187–191. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fewqio>
6. Чичкин Д. И. Формирование навыков управления проектами как фактор повышения профессиональной компетентности студентов вузов. *Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: VI Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Пермь, 3–4 декабря 2019 г.)* Пермь: ПГНИУ, 2019. С. 336–340. [Chichkin D. I. Formation of project management skills as a factor of increasing professional competence of university students. *Relevant issues of human potential development in modern society: Proc. VI All-Russian (with Intern. Participation) Sci.-Prac. Conf., Perm, 3–4 Dec 2019*. Perm: PSU, 2019, 336–340. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oclmzx>
7. Галимулина Н. М., Коршунова О. Н., Дианова Ю. А., Вагаева О. А. Развитие навыков проектной деятельности в вузе: методический и организационный аспекты. *ЦИТИСЭ*. 2022. № 4. С. 407–422. [Galimullina N. M., Korshunova O. N., Dianova Yu. A., Vagaeva O. A. Development of project activity skills at the university: Methodological and organizational aspects. *CITISE*, 2022, (4): 407–422. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.4.38>
8. Шодонова М. Э. Механизмы реализации и индикаторы достижения универсальной компетенции УК-2 в рамках дисциплины «Правовые основы профессиональной деятельности». *Формирование компетенций в условиях современных потребностей рынка труда: Междунар. науч.-метод. конф. (Улан-Удэ, 18–19 марта 2020 г.)* Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2020. Вып. 27. С. 16–20. [Shodonova M. E. Mechanisms of implementation and indicators of achievement of universal competences UK-2 in the framework of the discipline "Legal basis of professional activity". *Developing competencies in the context of modern labor market needs: Proc. Intern. Sci.-Method. Conf., Ulan-Ude, 18–19 Mar 2020*. Ulan-Ude: ESSUTM, 2020, (27): 16–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ayslwm>
9. Бородай А. Д. Формирование универсальных компетенций у будущих журналистов в вузе. *Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений: XV Междунар. науч. конф. (Москва, 14–16 ноября 2019 г.)* М.: МосГУ, 2019. Ч. 1. С. 114–119. [Borodai A. D. Developing universal competencies in future journalists at university. *Higher education for the XXI century: Humanities education in the context of technological and socio-cultural changes: Proc. XV Intern. Sci. Conf., Moscow, 14–16 Nov 2019*. Moscow: MosUH, 2019, pt. 1, 114–119. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fptgvp>
10. Леонтьева А. В., Деткова И. В. Возможности дисциплины «Тренинг профессиональной коммуникации» в формировании универсальных компетенций обучающихся. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2021. № 1. С. 53–60. [Leontyeva A. V., Detkova I. V. Opportunities of the discipline of "Training professional communication" in the formation of students' universal competences. *Vestnik Maykopskogo Gosudarstvennogo Tehnologiceskogo Universiteta*, 2021, (1): 53–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-1-53-60>
11. Агеев В. А. Национальные проекты как драйверы развития российской экономики: региональный аспект (на примере Камчатского края). *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2022. Т. 236. № 4. С. 98–120. [Ageev V. A. National projects as drivers for the development of the Russian economy: A regional aspect (on the example of the Kamchatka territory). *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 2022, 236(4): 98–120. (In Russ.)] <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-236-4-98-120>

12. Масюк Н. Н., Бауэр Е. А., Бушуева М. А. Национальные проекты как инструменты активизации инновационной деятельности в регионе. *Фундаментальные исследования*. 2022. № 7. С. 69–76. [Masyuk N. N., Bauer E. A., Bushueva M. A. National projects as instruments of activization of innovative activities in a region. *Fundamental Research*, 2022, (7): 69–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/fr.43286>
13. Потравный И. М., Яшалова Н. Н., Гассий В. В., Чавез Ф. К. Й. Проектный подход в управлении экологически ориентированным развитием экономики региона. *Экономика региона*. 2019. Т. 15. № 3. С. 806–821. [Potravny I. M., Yashalova N. N., Gassiy V. V., Chavez F. K. Y. The project approach for managing the environmentally oriented development of the regional economy. *Ekonomika regiona*, 2019, 15(3): 806–821. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17059/2019-3-14>
14. Иваненко Л. В., Киселева О. Н., Филиппов Д. В. К вопросу повышения эффективности взаимодействия образования и бизнеса как фактора инновационного развития регионов. *Актуальные проблемы экономики и менеджмента*. 2022. № 3. С. 27–35. [Ivanenko L. V., Kiseleva O. N., Filippov D. V. On the issue of improving the efficiency of interaction between education and business as a factor of innovative development of regions. *Aktualnye problemy ekonomiki i menedzhmenta*, 2022, (3): 27–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qmevkm>
15. Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. Томск: ТУСУР, 2010. 238 с. [Etkowitz H. *The triple helix: University – industry – government innovation in action*. Tomsk: TUSUR, 2010, 238. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/quooir>
16. Авдеева И. Л., Задоренко И. О. Тенденции современного управления проектами в регионе. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2022. № 44. С. 390–393. [Avdeeva I. L., Zadorenko I. O. Trends in modern project management in the region. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniia*, 2022, (44): 390–393. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywvrhz>
17. Волгин А. Д., Гимпельсон В. Е. Спрос на навыки: анализ на основе онлайн-данных о вакансиях. М.: ВШЭ, 2021. 34 с. [Volgin A. D., Gimpelson V. E. *Demand for skills: Analysis of on online job data*. Moscow: HSE, 2021, 34. (In Russ.)]
18. Приходько О. В. Проектные технологии в обучении в вузе как средство конструирования персональной образовательной среды студента. *Современные наукоемкие технологии*. 2019. № 4. С. 147–151. [Prikhodko O. V. Project technologies in education in the university as a means of designing a personal educational environment of a student. *Modern High Technologies*, 2019, (4): 147–151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wprwgu>
19. Опрятова О. В. Влияние опорных университетов на развитие региональной экономики. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Экономика*. 2022. № 3. С. 62–69. [Opryatova O. V. The impact of supporting universities on the development of the regional economy. *Bulletin of the Adyge State University, series "Economics"*, 2022, (3): 62–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.53598/2410-3683-2022-3-305-62-69>
20. Котомина О. В., Третьякова Е. А. Взаимосвязь развития региона и функционирования вузов (на примере Северо-Западного федерального округа). *Балтийский регион*. 2024. Т. 16. № 1. С. 117–140. [Kotomina O. V., Tretiakova E. A. University performance and regional development: the case of Russia's North-West. *Baltiiskii region*, 2024, 16(1): 117–140. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-7>
21. Радыгина С. В. Инструменты поддержки молодежного предпринимательства и стартап-движения. *Молодежное предпринимательство как фактор экономического роста. Инструменты поддержки startup: Междунар. науч.-практ. конф. (Ижевск, 18 мая 2022 г.)* Ижевск: УдГУ, 2022. С. 5–12. [Radygina S. V. Tools to support youth entrepreneurship and the startup movement. Experience of Udmurt State University. *Youth entrepreneurship as a factor of economic growth. Startup Support Tools: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Izhevsk, 18 May 2022. Izhevsk: Udsu, 2022, 5–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ifcxdx>
22. Манчинская Л. И., Шувалов В. В. Роль дополнительного профессионального образования в экономике региона. *Журнал правовых и экономических исследований*. 2023. № 4. С. 225–231. [Manchinskaya L. I., Shuvalov V. V. Role of further professional education in regional. *Journal of Legal and Economic Studies*, 2023, (4): 225–231. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/osrovq>
23. Арчибальд Р. Д. Управление высокотехнологичными программами и проектами. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Академия АйТи, 2010. 463 с. [Archibald R. D. *Managing High-Technology Programs and Projects*, 3rd ed. Moscow: Akademiia AiTi, 2010, 463. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtztup>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/jybmkg>

Развитие взаимодействия с высшими учебными заведениями как элемент стратегии инновационного развития наукоемких предприятий

Галайко Владимир Васильевич

Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М. Ф. Решетнева, Россия, Красноярск
eLibrary Author SPIN: 3561-4951
<https://orcid.org/0009-0001-5708-1521>
galaikovladimir@yandex.ru

Юрковская Галина Ивановна

Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М. Ф. Решетнева, Россия, Красноярск
eLibrary Author ID: 500970

Харебин Артем Витальевич

Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М. Ф. Решетнева, Россия, Красноярск
<https://orcid.org/0009-0005-3313-7198>

Аннотация: В целях увеличения конкурентного преимущества на рынке продукции гражданского назначения предложено формирование стратегии инновационного развития, включающей в себя взаимодействие наукоемких предприятий радиоэлектронной промышленности с федеральными государственными бюджетными образовательными учреждениями высшего образования. Перечислены преимущества и недостатки (которые должна учитывать предлагаемая стратегия инновационного развития) организации производства продукции гражданского назначения, обладающей патентной защитой, на наукоемком предприятии радиоэлектронной промышленности. Предложено решение проблемы по увеличению процента выпуска высокотехнологичной продукции гражданского назначения в общем объеме наукоемкого предприятия радиоэлектронной промышленности. Проанализированы имеющиеся определения понятия *стратегия инновационного развития* и дана авторская трактовка термина. Выработан вариант взаимодействия наукоемких предприятий радиоэлектронной промышленности с федеральными государственными бюджетными образовательными учреждениями высшего образования путем создания инновационной экосистемы кафедры. Дано авторское определение понятия *инновационная экосистема кафедры* и произведено его сравнение с уже имеющимися в науке толкованиями. Продемонстрированы направления стратегии инновационного развития в рамках указанного взаимодействия. Разработана товарная линейка продукции гражданского назначения с перечнем конкурентных преимуществ по сравнению с имеющимися аналогами как пример возможного сотрудничества. Отмечены конкретные выгоды от предлагаемого взаимодействия для наукоемких предприятий.

Ключевые слова: стратегия инновационного развития наукоемкого предприятия, инновационное развитие, инновационная экосистема кафедры, экосистема кафедры, интеллектуальная собственность, продукция гражданского назначения, организация производства

Цитирование: Галайко В. В., Юрковская Г. И., Харебин А. В. Развитие взаимодействия с высшими учебными заведениями как элемент стратегии инновационного развития наукоемких предприятий. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 4. С. 630–641. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-630-641>

Поступила в редакцию 06.06.2024. Принята после рецензирования 03.09.2024. Принята в печать 09.09.2024.

full article

Cooperating with Higher Education Institutions as Part of Innovative Strategizing of Science-Based Companies

Vladimir V. Galaiko

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 3561-4951

<https://orcid.org/0009-0001-5708-1521>

galaikovladimir@yandex.ru

Galina I. Yurkovskaya

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author ID: 500970

Artem V. Kharebin

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Russia, Krasnoyarsk

<https://orcid.org/0009-0005-3315-7198>

Abstract: Science-based enterprises may cooperate with universities to increase their competitive advantage in the radio-electronic industry. The article describes advantages and disadvantages of this strategy on the market of civil products with patent protection for high-tech radio-electronic enterprises. The academic cooperation may offer a solution to the problem of increasing the percentage of high-tech civilian products in the total volume of a high-tech enterprise. The authors interpreted numerous definitions of the concept of *strategy of innovative development* to develop one of their own. The new strategy of cooperation between high-tech enterprises and universities presupposes creating an innovative ecosystem at university departments. The resulting definition of the concept of the *innovative ecosystem of a university department* was compared with those available. By obtaining a new line of civilian products with competitive advantages, science-based enterprises are sure to benefit from the cooperation with universities in the field of radio-electronic production.

Keywords: strategy for innovative development of a science-based enterprise, innovative development, innovative ecosystem of department, ecosystem of department, intellectual property, civilian products, production organization

Citation: Galaiko V. V., Yurkovskaya G. I., Kharebin A. V. Cooperating with Higher Education Institutions as Part of Innovative Strategizing of Science-Based Companies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 630–641. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-630-641>

Received 6 Jun 2024. Accepted after review 3 Sep 2024. Accepted for publication 9 Sep 2024.

Введение

Техническое устройство как продукция машиностроительного производства целесообразно лишь в том случае, когда его используют для выполнения необходимого объема полезных и востребованных потребителем функций (при обязательном условии экономической и социальной эффективности). Новая продукция представляет собой результат научно-технического достижения, способствующего ее производству, развитию производительных сил и удовлетворению потребностей общества. Ввиду этого единственный объективно необходимый фактор создания новой продукции – потребность рынка.

При организации производства наукоемкой продукции на предприятии возрастает величина затрат на научные исследования, что является одним из количественных критериев наукоемкости. По методологии Организации экономического сотрудничества и развития наукоемкими отраслями

считаются те, в которых доля расходов на научные исследования составляет не менее 3,5–4 % от оборота [1]. По этой причине разработка и внедрение инноваций – неотъемлемая часть развития наукоемких предприятий и их конкурентоспособности, т.к. конкуренция относится к основным условиям эффективной деятельности предприятий в рыночной экономике. Следует также подчеркнуть, что для стандартной ситуации высокотехнологичного бизнеса доля совокупного дохода с продаж, направляемая на продолжение исследований и развитие бизнеса в целом, составляет 15 % [2].

Поддержание различного уровня патентов в силе для сохранения монополии, интеллектуальным собственником которой является наукоемкое предприятие, и положительной статистики пополнения нематериальных активов (без производства товара) не приводит к существенным структурным сдвигам,

а лишь к дополнительным затратам. В то же время изменение количества патентов, рассматриваемых в статье, не означает крупных сдвигов в деятельности наукоемкого предприятия в целом: один объект интеллектуальной собственности ничего кардинально не изменит. Однако постепенное накопление нематериальных активов и создание грамотно разработанной стратегии инновационного развития, элементом которой является развитие сотрудничества с федеральными государственными бюджетными образовательными учреждениями высшего образования (ФГБОУ ВО), могут привести к положительным изменениям функционирования рынка.

Таким образом, предложенное направление стратегии инновационного развития наукоемкого предприятия, проявляющееся в управлении интеллектуальной собственностью путем взаимодействия с высшими учебными заведениями, будет выступать методом решения актуальной на сегодняшний день проблемы.

Целью исследования является развитие сотрудничества между наукоемкими предприятиями радиоэлектронной промышленности (РЭП) и ФГБОУ ВО путем создания инновационной экосистемы кафедры.

Задачами исследования выступают:

- формирование понятийного аппарата термина *стратегия инновационного развития*;
- формирование понятийного аппарата термина *инновационная экосистема кафедры*;
- создание функциональной схемы предлагаемой инновационной экосистемы кафедры в рамках взаимодействия с потенциальным наукоемким предприятием РЭП;
- выявление положительных и отрицательных сторон для наукоемкого предприятия РЭП от включения в стратегию инновационного развития элемента, заключающегося в развитии сотрудничества с ФГБОУ ВО путем создания инновационной экосистемы кафедры;
- демонстрация экономических эффектов на составленном примере для наукоемкого предприятия, вступившего в предлагаемое сотрудничество с ФГБОУ ВО;
- определение дальнейших направлений исследований в случае успешности концепции, предложенной авторами.

В научной литературе подходы к понятию *стратегия инновационного развития* наукоемкого предприятия РЭП отличаются, т.к. данная стратегия

формируется индивидуально для каждого наукоемкого предприятия [3–8]. Учитывая отсутствие единого мнения по поводу этого термина, далее в статье дается его авторская трактовка.

Теоретические основы исследования в области инновационной экосистемы кафедры составляют труды [9–13], которые демонстрируют общие положения экосистемы кафедры. Для ее более четкого и системного описания как элемента стратегии инновационного развития наукоемкого предприятия РЭП, авторами также сформулировано определение этого термина.

Актуальность темы обосновывается тем, что «инновации, созидательное разрушение – основной механизм прогрессивного развития» [14], подчеркивающего роль инноваций как гарантии устойчивого конкурентоспособного превосходства и значимость научных исследований, институциональных аспектов инновационной деятельности как важнейших факторов экономического развития. Они (инновации) признают особую роль знания в экономическом развитии, исследуют ценности нематериальных активов компании по сравнению с ее материальными ресурсами и финансовым капиталом¹ [15].

Изучение проблематики выстраивания взаимодействия наукоемких предприятий и ФГБОУ ВО путем создания инновационной экосистемы кафедры в области интеллектуальной собственности позволяет отметить следующее: главный составляющий фактор эффективного функционирования высокотехнологичного предприятия – высокий процент интеллектуальной составляющей в его структуре [16]; увеличение доли интеллектуальной составляющей в деятельности индивида и человеческого капитала при определении понятия *интеллектуализация экономики* [17].

Поиском способов по увеличению интеллектуальной собственности в России занимались С. В. Савин и А. Д. Мурзин. Они выделили финансовые меры (включающие льготное налогообложение) и финансирование НИОКР, которые были ориентированы на развитие интеллектуальной собственности [18]. Такая схема взаимодействия подчеркивает необходимость включения в нее государства с различными мерами поддержки, направленными на укрепление данного сотрудничества и продвижение полученных результатов на рынке. Причина такого подхода проста: системные исследования, проводимые в различных сферах высоких технологий, возможны только при наличии развитых рыночных отношений [19].

¹ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ № 1315-р от 20.05.2023; О Стратегии научно-технологического развития РФ. Указ Президента РФ № 145 от 28.02.2024. *СПС КонсультантПлюс*.

Следует отметить, что наукоемкому предприятию РЭП, включенному в формирующуюся стратегию инновационного развития элемента, суть которого заключается в развитии сотрудничества с ФГБОУ ВО путем создания инновационной экосистемы кафедры, необходимо учитывать устойчивость данного развития. Определяя термин *устойчивость развития*, ученые отмечали следующее:

- 1) фактор обеспечения устойчивости развития организации – согласованность изменений, создающаяся непрерывным управлением по принципу бегущей волны [20; 21];
- 2) в работе [22] предлагается концепция четырехмерного измерения устойчивого развития в экологическом, экономическом, социальном и управленческом пространствах;
- 3) основная цель управления устойчивостью работы организации – максимальное приближение реального протекания процесса к идеальному нормативному [23];
- 4) устойчивость и целостность системы сохраняются в долгосрочном периоде при достаточной гибкости субъекта управления и сбалансированности альтернатив стратегий его развития [24];
- 5) встраивание понятия *устойчивость инновационного развития предприятия* в технологию принятия управленческих решений [25].

Таким образом, необходима детальная проработка управленческого решения касательно предлагаемой авторами формы сотрудничества. Следует выявить положительные и отрицательные стороны, а также определить получаемые выгоды и экономические эффекты для того, чтобы говорить об устойчивости инновационного развития наукоемкого предприятия после внедрения такого взаимодействия.

Гипотеза исследования состоит в том, что включение в стратегию инновационного развития наукоемкого предприятия элемента, заключающегося в развитии взаимодействия с ФГБОУ ВО посредством создания инновационной экосистемы кафедры, приведет к совершенствованию создаваемой и выпускаемой продукции гражданского назначения (ПГН).

Методы и материалы

В статье мы применяли как общенаучные методы (сравнительный анализ, системный анализ и синтез), так и специализированные (статистическая обработка материала, обобщение и систематизация, классификация, методы оценки экономической эффективности инновационных проектов).

Результаты

На сегодняшний день в открытом доступе представлено множество научных работ, касающихся вопросов управления наукоемкими предприятиями. Среди этого научного многообразия наиболее доступной и соответствующей действительности выступает формулировка наукоемкого предприятия как социально-экономической системы, «которая занимается разработкой и созданием новейших технологий, продуктов, услуг на основе объектов интеллектуальной собственности, и использует имеющийся научно-исследовательский, производственный, материально-технический, финансовый и кадровый потенциал для внедрения и коммерциализации инновационных разработок, как во внутренней, так и во внешней среде» [26]. Наукоемкая продукция включает и высокотехнологичную продукцию².

Рассмотрение предлагаемого направления стратегии инновационного развития наукоемкого предприятия стоит начать с выделения основных определений данного понятия:

1. Представляет собой модель поведения предприятия, воплощение которой направлено на достижение поставленных целей на основе инноваций [3].

2. Совокупность действий и методов ведения инновационной деятельности, обеспечивающей конкурентные преимущества за счет разработки и внедрения инноваций [4].

3. Специфическая разновидность инновации, которую принято определять как *управленческую инновацию*, состоящую во внедрении в практику менеджмента новых подходов к реализации комплекса базовых функций управления. В данном случае она (инновация) относится фактически к обновлению кардинальных решений о целях и способах поведения организации во внешней среде и реформирования ее внутренней среды [5].

4. Комплексная программа действий, целью которой является укрепление позиции предприятия на рынке, усиление его конкурентоспособности, совершенствование характеристик продукции, улучшение показателей финансово-хозяйственной деятельности с помощью внедрения инноваций в производство, управление и другие сферы, процессы, операции и т.д. [6].

5. Одно из новых (для данной компании и, возможно, для отрасли, рынка, потребителей) средств достижения целей предприятия. В этом случае стратегия инновационного развития подчинена общей

² О Стратегии научно-технологического развития РФ...

стратегии предприятия и задает цели инновационной деятельности, выбор средств для их достижения и источники привлечения этих средств [7].

6. Целенаправленная деятельность по определению важнейших направлений, выбору приоритетов перспективного развития предприятия [8].

7. «Комплекс мер и противомер, способствующих прогрессивному развитию системы в условиях динамично развивающейся среды» [27, с. 11]. В дальнейшем при упоминании предлагаемой стратегии авторы будут опираться именно на данное определение.

Исходя из приведенных трактовок, *стратегия инновационного развития* – это комплексно сбалансированная программа действий наукоемкого предприятия, направленная на реализацию его целей, а также на постоянный поиск, отбор и реализацию требуемых потребителем продуктовых и технологических (с точки зрения изготовления) инноваций для обеспечения стабильного развития на рынке.

В целях полного понимания описанной задачи представим направления стратегии инновационного развития, а также инструменты по их достижению (табл. 1).

В рамках стратегии инновационного развития в качестве взаимодействия наукоемких предприятий и ФГБОУ ВО предлагается создание инновационной экосистемы кафедры. Но, прежде чем формировать функциональную схему ее работы в рамках взаимодействия с потенциальным наукоемким предприятием, необходимо разобраться с понятийным

аппаратом. Инновационную экосистему кафедры описывают следующим образом:

1. Качественно новый уровень развития инновационной инфраструктуры [9].

2. Среда, которая должна отслеживаться фирмой, и реакция на которую влияет на ее динамические способности [10].

3. Эффективная модель инновационного развития, основанная на взаимодействии промышленных предприятий с органами власти и университетами [11].

4. В обществе, основанном на знаниях, границы между государственным и частным секторами, наукой и технологиями, университетами и промышленностью все больше стираются, порождая систему пересекающихся взаимодействий: промышленность функционирует как центр производства; правительство выступает в качестве источника договорных отношений, гарантирующих стабильное взаимодействие и обмен; университеты предоставляют новые знания и технологии [12].

5. Концепция открытых инноваций, основанная на рассмотрении потока новых знаний, имеющих инновационный характер, через своеобразный фильтр – границы отдельных организаций, правительства, научных учреждений [13].

Так, по нашему мнению, *инновационная экосистема* – это согласованная структура тройного типа партнерских отношений, направленная на достижение общих целей данного союза, а также ориентированная в ходе взаимодействия на поиск, отбор и реализацию продуктовых и технологических инноваций для обеспечения стабильного развития на рынке.

Табл. 1. Направления стратегии инновационного развития и инструменты их достижения

Tab. 1. Strategy for innovative sustainable development: prospects and tools

Направления	Инструменты
Разработка специальных показателей для измерения динамики инновационных процессов и качественных сдвигов	Показатели результативности и оценки эффективности в виде доли лицензионной продукции
Формирование аппаратно-программных комплексов, концентрирующих информацию и базы данных по развитию наукоемких технологий	Автоматизированные системы управления базами наукоемких данных
Внедрение стандартов проектного менеджмента в структуры наукоемких предприятий	Стандарты проектного наукоемкого менеджмента
Создание и поддержка объектов интеллектуальной деятельности, внедряемых на рынок с последующим потребительским спросом	Сотрудничество с ФГБОУ ВО путем создания инновационных экосистем кафедр
	Управление компетенциями потенциальных специалистов по генерированию новшеств в созданных инновационных экосистемах кафедр
	Управление интеллектуальной собственностью в созданных инновационных экосистемах кафедр

Не стоит забывать и о технологическом предпринимательстве, которое уже с 1970–1980-х гг. стало основой технологического развития (а не прямое взаимодействие науки с бизнесом). Н. О. Васецкая отмечает необходимость формирования в структуре высшего образования новых видов подразделений, деятельность которых должна строиться на интеграционных процессах в образовательной, научной и производственной сферах [28].

Один из важных моментов предлагаемой инновационной экосистемы кафедры – управление компетенциями потенциальных специалистов по генерированию новшеств. Управление интеллектуальной собственностью в рамках предлагаемой концепции поможет снизить имеющиеся недостатки организации производства ПГН, обладающей патентной защитой на потенциальном наукоемком предприятии.

В рамках дальнейшего развития продемонстрированной экосистемы кафедры возможно выстраивание каждым преподавателем своей подсистемы с узкими специализированными направлениями и формирование научного направления с новшествами в виде объекта интеллектуальной собственности (ОИС) в технической, организационной и экономической деятельности [29]. ОИС – это продукт творческого труда (устройство, вещество и т.д.), готовый к применению и распространению в производстве и на рынке³. Он (ОИС) также выступает в форме новых методов конструирования, изготовления и использования готовых продуктов. Широкого внимания заслуживает подход дифференцированного продвижения объектов интеллектуальной собственности на рынке, где для запрашиваемых объектов будут получены патент на устройство и способы его изготовления и использования.

Работа описанной тройной модели взаимодействия будет способствовать выявлению узких мест в производстве, возникших из-за имеющегося оборудования с меньшей пропускной способностью по сравнению с остальными; снижению себестоимости изделий наукоемких предприятий; уменьшению нагрузки на имеющийся персонал наукоемкого предприятия в части генерирования новшеств, оформления заявок на объекты интеллектуальной собственности, работы с государственной патентной экспертизой. Также на практических занятиях со студентами, помимо изучения производственных ситуаций, может проводиться выполнение информационного поиска на мировую научно-техническую новизну, формирование новых

отличительных признаков для достижения прогнозируемого технического результата.

Для получения физическими лицами патентов РФ в рамках инновационной системы кафедры необходимо стимулирование со стороны органов власти. Инновационная экосистема кафедры, являясь важной частью инновационного процесса, должна активно его продвигать и сопровождать молодежные инновационные стартапы на всех этапах их развития. В процессе деятельности инновационной экосистемы кафедры особое значение приобретает разработка первоисточника инновации, т.е. ОИС, права на который юридически подтверждаются документом установленной формы – патентной грамотой РФ. Так, моделируя и генерируя новые идеи в учебном процессе, студенты приобретают статус исследователей.

На практических занятиях и лекциях в качестве разработанной программы, учитывающей специфику данного взаимодействия, студенты получают от преподавателя направления аналитических исследований. Далее обучающийся выбирает интересующее его или его будущего работодателя тематическое задание. Для начинающих исследователей оно может заключаться в несложном объекте конструктивно единого устройства (детали, узла) с разработкой заявки на полезную модель. Но первоначально необходимо выполнить информационный поиск по этому направлению, включающий изучение аналогов⁴.

Особенность проведения учебного исследования заключается в создании ОИС по принципу *от общего к частному*, т.е. изучается все, что есть в мире знаний, и прогнозируется, моделируется, генерируется и определяется то, чего нет. Такой подход, в конечном итоге, позволяет установить, что необходимо сделать для достижения технического результата, сформулированного в форме аналога или прототипа (исследователь сам выбирает одно из двух), составляющих базу оформления заявки на объект интеллектуальной собственности.

Взаимодействие участников инновационной экосистемы кафедры в рамках учебного процесса выполняется в виде понимания достигаемой цели и зависит в основном от конечного результата инновационного процесса, к которому участники движутся. При составлении заявки на изобретение в рамках предлагаемой инновационной экосистемы исследователь может включить разработанный ОИС в учебный проект. Дополнительно к модели возможна организация

³ Лопатин В. Н. Интеллектуальная собственность: словарь терминов и определений. М.: Патент, 2012. С. 7.

⁴ У каждого аналога изучаются его аналоги, что постепенно сужает область поиска.

партнерства между Красноярским инновационно-технологическим бизнес-инкубатором и Краевым фондом науки. В рамках их сотрудничества выстраиваются деловые отношения, прописывается очередная цель, после достижения которой партнерство будет продолжено с новым объектом.

На рисунке предложена функциональная схема инновационной экосистемы кафедры и представлены ее участники и результаты деятельности.

В качестве примера предлагаемого сотрудничества с потенциальным наукоемким предприятием могут выступать результаты собственных разработок авторов по формированию товарной линейки ПГН медицинского направления: как полученные ОИС, так и потенциальные заявки на патенты, представленные в таблице 2.

На стадии предварительного анализа проекта по изготовлению сушильного шкафа были определены необходимые для его реализации сроки (3 года), инвестиционные затраты (около 30 млн руб.), цена (более 60 тыс. руб.), а также рассчитаны показатели экономической эффективности проекта, из которых следует, что предлагаемый стартап является эффективным и сможет окупиться уже в течение ближайших 4 лет.

Антибактериальное и антигрибковое устройства для восстановления функции равновесия при мозжечковой атаксии обладают похожими экономическими эффектами из-за использования схожих технологий. Период организации этого производства составляет около 400 рабочих дней, инвестиционные затраты – более 2 млн руб. при стоимости изделия около 100 тыс. руб. Показатели эффективности проекта наглядно демонстрируют, что он окупится в ближайшие 5 лет.

Таким образом, рассчитанные показатели интегрального эффекта, эффективности и окупаемости анализируемых проектов свидетельствуют об их эффективности. В таких условиях планируется формирование товарного ассортимента медицинской продукции, а в дальнейшем – товарной линейки для каждого продукта, учитывающей специфику сегментов рынка B2B, B2C, B2G.

Медицинская продукция, действительно, является перспективным направлением, имеющим огромный потенциал развития как на отечественном (особенно в условиях импортозамещения), так и на зарубежном рынках. Но, к сожалению, у общества сформировалось критическое отношение к бренду отечественной медицинской продукции в связи с длительным отставанием ряда основных видов техники и технологии (в сравнении с зарубежными аналогами) по одному из важных критериев оценки – *качеству*.

В дальнейшем реализация аналогичных примеров будет создавать инновационный опыт и компетенции подготавливаемых специалистов-инноваторов, которые в рамках эффективного функционирования предложенной авторами модели позволят более оперативно удовлетворять возникающую потребность в данном продукте, независимо от сегмента (при соответствующих производственных мощностях, не загруженных государственным оборонным заказом). Наличие достаточного количества оборудования предоставит возможность производить запрашиваемую продукцию в запланированных объемах не только с учетом количества предполагаемых заключенных контрактов, но и производства продукции с новым качеством, указанным в техническом результате ОИС. Такое решение сделает возможным выполнение задачи в части импортозамещения.

Рис. Функциональная схема инновационной экосистемы кафедры в рамках взаимодействия с потенциальным наукоемким предприятием
Fig. Innovative ecosystem of a university department as part of cooperation with a potential science-based enterprise

Табл. 2. Предлагаемая товарная линейка ПГН медицинского направления
Tab. 2. Product line of civilian medical products

Продукт	Назначение	Описание
Антибактериальное устройство для восстановления функции равновесия при мозжечковой атаксии [30]	<ul style="list-style-type: none"> восстанавливает функцию равновесия; обладает высокими гигиеническими характеристиками 	<ul style="list-style-type: none"> средство пассивной антибактериальной защиты; рабочие поверхности покрыты антибактериальным слоем, содержащим серебро; войлочная прокладка с антимикробным покрытием выполнена путем последовательного распыления раствора нитрата серебра
Антигрибковое устройство для восстановления функции равновесия при мозжечковой атаксии [31]		<ul style="list-style-type: none"> средство пассивной антибактериальной защиты; рабочие поверхности покрыты антигрибковым слоем, содержащим медь; войлочная прокладка с антигрибковым покрытием выполнена путем пропитывания химическими соединениями: сульфатом меди, полифенольным спиртом, аскорбиновой кислотой и водным раствором наночастиц меди
Заявка на способ изготовления антибактериальных шахмат	<ul style="list-style-type: none"> повышает комфортабельность игроков и уровень их безопасности (предотвращает попадание инфекции на руки) в процессе игры за шахматной доской; поддерживает здоровье путем регулярного развития интеллектуальных способностей потребителя 	<ul style="list-style-type: none"> средство пассивной антибактериальной защиты (в частности от возможной инфекции на шахматных фигурах)
Заявка на способ изготовления антибактериального сушильного шкафа	<ul style="list-style-type: none"> обладает внешними высокими гигиеническими характеристиками, т. е. предотвращает попадание инфекции на руки человека в процессе загрузки одежды и обуви в складное сушильное устройство; представляет собой инновационное медицинское дезинфицирующее устройство 	<ul style="list-style-type: none"> средство внешней пассивной антибактериальной защиты; сушильная система, оснащенная обдувом их внутреннего пространства нагретыми воздушными потоками и последующим выведением нагретого воздуха наружу, включает дальнейшую обработку высушиваемой одежды и обуви кварцевым бактерицидным облучателем (для обеззараживания высушиваемой поверхности) и ионизатором (для отвода и предотвращения нежелательных электростатических зарядов)

Н. О. Васецкая отмечает, что базовая кафедра создается в целях подготовки специалистов для конкретных предприятий [28], и широкое проведение научных исследований на них не практикуется, т. е. инновации в научной сфере низкие. Но инновационная экосистема кафедры проводит широкий круг исследований (от фундаментальных до прикладных), результаты которых выше, чем на базовой кафедре как в образовательном процессе, так и в коммерческой деятельности.

При проведении научных исследований нужно учитывать длительность срока закрепления за патенто-

обладателем его интеллектуального труда и тот факт, что интеллектуальной собственностью являются экономические отношения между людьми по вопросу создания результатов интеллектуальной деятельности, наличие которых приносит выгоды сообществу [32]. Важно и то, что применение интеллектуальных контрактов, основанных на технологии *блокчейн*, способствует повышению эффективности управления [33].

Таким образом, направлениями стратегии инновационного развития наукоемких предприятий РЭП становятся:

- высокие удельные затраты на НИОКР (10–15 % от объема продаж);
- развитие сотрудничества с ФГБОУ ВО в целях подготовки специалистов-инноваторов;
- управление интеллектуальной собственностью в инновационной экосистеме кафедры при изготовлении объектов под заказ в условиях совместного использования;
- управление в результате описанного трехстороннего сотрудничества компетенциями потенциальных специалистов (при их подготовке и переподготовке) в области поиска и генерирования новшеств в инновационной экосистеме кафедры;
- становление науки в совокупности с мерами поддержки государства производительной силой наукоемких предприятий РЭП.

Заключение

Реализация нового элемента стратегии инновационного развития наукоемкого предприятия, заключающегося в развитии взаимодействия с ФГБОУ ВО и государственными органами власти, увеличит долю рынка высокотехнологичных устройств, повысит рентабельность предприятия, увеличит его прибыль. Проведенные мероприятия предполагают рост ПГН с дальнейшей перспективой полного импортозамещения.

Предлагаемое сотрудничество также выгодно из-за ряда преимуществ: повышение процента наукоемкой продукции на предприятии; развитие технологий двойного применения и расширение их использования; увеличение доли нематериальных активов и интеллектуальной собственности.

Организация производства продукции потенциального наукоемкого предприятия РЭП по выполненным и планируемым программам с инновационной экосистемой кафедры и государственными структурами приведет к содействию в развитии наукоемкого производства. Помимо этого, при изготовлении этой продукции будут задействованы следующие факторы: роль НИОКР при производстве изделия будет на первом месте; высокие удельные затраты на НИОКР 10–15 % от объема продаж.

Литература / References

1. Шамрай В. А., Позднякова Н. Н. Вопросы организации мониторинга развития высокотехнологичных секторов экономики. *Студенческий научный форум 2014*: VI Междунар. науч.-практ. конф. (15 февраля – 31 марта 2014 г.) М.: ПАЕ, 2014. [Shamrai V. A., Pozdnyakova N. N. The problems of monitoring the development of high-tech sectors. *Student Scientific Forum 2014*: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., 15 Feb – 31 Mar 2014. Moscow: RANS, 2014. (In Russ.)] URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014004301> (дата обращения: 05.06.2024).

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что потенциальное наукоемкое предприятие радиоэлектронной промышленности будет иметь интегральный или совокупный эффект от реализации всех мероприятий в виде:

- производственных эффектов, повышающих загрузку производственных мощностей в связи с увеличением выпуска ПГН;
- организационных эффектов, которые предполагают выполнение требований по количеству продукции гражданского назначения в товарном портфеле предприятия;
- экономических эффектов, увеличивающих выручку, а также прибыль.

Следующим шагом в случае успешности авторской концепции является разработка (сначала со стороны региональных органов власти, затем – центральных органов власти) различных программ и постановлений и в конечном итоге – создание стратегии, направленной на поддержание и укрепление взаимодействия федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего образования, а также наукоемких предприятий радиоэлектронной промышленности и государства.

В перспективе имеющаяся теоретическая база исследования будет способствовать эффективному функционированию организации, применяющей на практике предложенную модель сотрудничества, в современных рыночных условиях.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

2. Andonian J. K. *New method to determine royalty rates*. 26 Les Nouvelles, 1991, (58): 58–60.
3. Новиков С. Л. Развитие российской модели мониторинга факторов, противодействующих выбору инновационных стратегий предприятиями. *Стратегическое планирование и развитие предприятий*: 18 Всерос. симпозиум. (Москва, 11–12 апреля 2017 г.) М.: ЦЭМИ РАН, 2017. С. 329–331. [Novikov S. L. Developing a Russian model for monitoring factors that counteract the choice of innovative strategies by enterprises. *Strategic planning and development of enterprises*: Proc. All-Russian Symposium, Moscow, 11–12 Apr 2017. Moscow: CEMI RAS, 2017, 329–331. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymrmas>
4. Соменкова Н. С. Формирование стратегии инновационного развития промышленного предприятия. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2008. № 1. С. 160–162. [Somenkova N. S. Formation of a strategy for innovative development of an industrial enterprise. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2008, (1): 160–162. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ilacqh>
5. Янушевич И. Н. Концепция стратегического развития и формирование стратегии развития промышленного научно-производственного предприятия. *Вестник Чувашского университета*. 2006. № 4. С. 310–316. [Yanushevich I. N. Concept of strategic development: Strategizing industrial research and production enterprises. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2006, (4): 310–316. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jxqpgz>
6. Лютоева М. Д., Манохина Е. Э. Понятие инновации, инновационного развития и инновационной стратегии развития предприятия. *Экономика и управление*, ред. А. Е. Карлик. СПб.: СПбГЭУ, 2018. Ч. II. С. 13–17. [Liutoeva M. D., Manokhina E. E. Concept of innovation, innovative development, and innovative strategy for enterprise development. *Economics and Management*, ed. Karlik A. E. St. Petersburg: SPbSUE, 2018, pt. II, 13–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sodtkp>
7. Агарков С. А., Кузнецова Е. С., Грязнова М. О. Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика. Пенза: Академия Естествознания, 2011. 143 с. [Agarkov S. A., Kuznetsova E. S., Griaznova M. O. *Innovation Management and State Innovation Policy*. Penza: Akademiia Estestvoznaniia, 2011, 143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qurpjr>
8. Киселева О. Н. Развитие теоретических положений формирования сбалансированной стратегии инновационного развития предприятий в современных условиях. *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*. 2017. Т. 8. № 4. С. 51–55. [Kiseleva O. N. Development of theoretical positions of balanced strategy of innovative development formation of enterprises in modern conditions. *Vestnik of Samara University. Economics and Management*, 2017, 8(4): 51–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytfevi>
9. Морозова А. В. Инновационная экосистема заведений высшего профессионального образования и ее роль в развитии инновационного предпринимательства. *Инновационное развитие экономики*. 2021. № 1. С. 20–23. [Morozova A. V. Innovative ecosystem of institutions of higher professional education and its role in the development of innovative entrepreneurship. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*, 2021, (1): 20–23. (In Russ.)] https://doi.org/10.51832/2223-7984_2021_1_20
10. Тис Д. Дж. Выявление динамических способностей: природа и микрооснования (устойчивых) результатов компании. *Российский журнал менеджмента*. 2009. Т. 7. № 4. С. 59–108. [Teece D. J. Explicating dynamic capabilities: The nature and microfoundations of (sustainable) enterprise performance. *Russian Management Journal*, 2009, 7(4): 59–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kybfzt>
11. Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. Томск: ТУСУР, 2010. 238 с. [Etzkowitz H. *The triple helix: University – industry – government innovation in action*. Tomsk: TUSUR, 2010, 238. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/quooir>
12. Pique J. M., Berbegal-Mirabent J., Etzkowitz H. Triple helix and the evolution of ecosystems of innovation: The case of Silicon Valley. *Triple Helix*, 2018, 5(11). <https://doi.org/10.1186/s40604-018-0060-x>
13. Трифилова А. А. «Открытые инновации» – парадигма современного инновационного менеджмента. *Инновации*. 2008. № 1. С. 73–77. [Trifilova A. A. Open Innovations as a modern paradigm of innovation management. *Innovatsii*, 2008, (1): 73–77. (In Russ.)]
14. Шумпетер Й. А. Процесс «созидательного разрушения». Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. Гл. 7. [Schumpeter J. A. *The process of creative destruction. Capitalism, socialism and democracy*. Moscow: Ekonomika, 1995, Chapt. 7. (In Russ.)] URL: https://libertarium.ru/lib_capsocdem_7 (дата обращения: 05.06.2024).
15. Салимьянова И. Г. Методологические аспекты построения национальной инновационной системы. СПб.: СПбГИЭУ, 2011. 226 с. [Salimianova I. G. *Methodological aspects of building a national innovation system*. St. Petersburg: SPbSUEE, 2011, 226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/quvokd>

16. Внучков Ю. А., Хмелевой В. В. Инновации как важнейший фактор повышения конкурентоспособности национальной продукции и машиностроительных предприятий. *Научные труды (Вестник МАТИ)*. 2010. № 17. С. 250–254. [Vnutchkov Yu. A., Khmelevoy V. V. Innovation as an important factor in increasing the competitiveness of national products and engineering enterprises. *Nauchnye trudy (Vestnik MATI)*, 2010, (17): 250–254. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qcrtxh>
17. Авилкина С. В., Сухарева М. А. О сущности подходов к определению понятия «интеллектуализация экономики». *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2019. № 2. С. 20–29. [Avilkina S. V., Sukhareva M. A. On the essence of the approaches to the definition of "intellectualization of the economy". *Intelligence. Innovations. Investment*, 2019, (2): 20–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-2-20>
18. Савин С. В., Мурзин А. Д. Проблемы развития интеллектуальной собственности и инноваций в России. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2023. № 5. С. 69–81. [Savin S. V., Murzin A. D. Problems of development of intellectual property and innovations in Russia. *Intelligence. Innovations. Investment*, 2023, (5): 69–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-5-69>
19. Беляков Г. П., Еремеева С. В. Понятие и сущность инновационного потенциала наукоемкого предприятия ракетно-космической промышленности. *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 11. С. 474–477. [Belyakov G. P., Ereneyeva S. V. Concept and essence of the innovative potential of a high technology enterprise of the aerospace industry. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, 2013, (11): 474–477. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rrubsl>
20. Мельник М. В. Междисциплинарный подход к исследованию устойчивости экономических субъектов. *Учет. Анализ. Аудит*. 2016. № 1. С. 15–22. [Melnik M. V. Interdisciplinary approach to the economic entities' sustainability study. *Accounting. Analysis. Auditing*, 2016, (1): 15–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqgqfp>
21. Васин Н. С. Факторы, влияющие на устойчивость развития и функционирования предприятия. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2014. Т. 10. № 48. С. 56–64. [Vasin N. S. Factors affecting the sustainability of development and operation of an enterprise. *National interests: Priorities and security*, 2014, 10(48): 56–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tbuckh>
22. Старикова Е. А. Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития. *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 1. С. 7–17. [Starikova E. A. The contemporary approaches to interpretation of the sustainable development concept. *RUDN Journal of Economics*, 2017, 25(1): 7–17. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-1-7-17>
23. Герасимова Е. Б. Методологические основы самооценки устойчивости организации. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. № 9. С. 137–142. [Gerasimova E. B. Methodological basis of self-estimation of stability of organization. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*, 2015, (9): 137–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/slenli>
24. Мисхожев Э. Р. Системный подход в исследовании экономической устойчивости предприятия. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2011. № 1. С. 40–46. [Mishozhev E. R. The system approach in research of economic stability of the enterprise. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2011, (1): 40–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nddcsp>
25. Бармута К. А. Основные черты современной системы управления развитием промышленных предприятий. *Вестник Донского государственного технического университета*. 2012. Т. 12. № 2-2. С. 130–137. [Barmuta K. A. Main features of the modern management system for the development of industrial enterprises. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2012, 12(2-2): 130–137. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfpaat>
26. Галкин В. В., Дудкина М. Н. Особенности управления предприятиями наукоемкого бизнеса. *Вестник Воронежского государственного технического университета*. 2009. Т. 5. № 5. С. 250–252. [Galkin V. V., Dudkina M. N. Features of management of the enterprises of the high technology business. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2009, 5(5): 250–252. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kuzred>
27. Беликова И. П. Проблемы реализации стратегии развития предприятия. *Вестник Северо-Кавказского гуманитарно-технического института*. 2015. № 3. С. 8–12. [Belikova I. P. Problems of implementing the enterprise development strategy. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarno-tekhnicheskogo instituta*, 2015, (3): 8–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ulyced>

28. Васецкая Н. О. Разработка показателей оценки перспективности интегрированных инновационных структур университета. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2020. Т. 5. № 1. С. 85–93. [Vasetskaya N. O. Development of indicators to assess the prospects of integrated innovation structures at university. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(1): 85–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-1-85-93>
29. Трофимов С. Оборот имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности как вид объектов налогообложения. *Хозяйство и право*. 2012. № 8. С. 64–67. [Trofimov S. Turnover of property rights to intellectual property objects as a type of taxable objects. *Khoziaistvo i pravo*, 2012, (8): 64–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ulhirb>
30. Галайко В. В., Харебин А. В., Карачева Г. А. Патент № 216611. Российская Федерация, МПК А61Н 3/00, А61Н 1/00, А61L 2/00. Антибактериальное устройство для восстановления функции равновесия при мозжечковой атаксии: № 2022132036: заявл. 08.12.2022. опубл. 15.02.2023. [Galayko V. V., Kharebin A. V., Karacheva G. A. Patent 216611. Russian Federation, IPC A61H 3/00, A61H 1/00, A61L 2/00. Antibacterial device for restoring equilibrium function in cerebellar ataxia: No. 2022132036: application 8 Dec 2022. publication 15 Feb 2023. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylugqc>
31. Галайко В. В., Харебин А. В., Карачева Г. А. Патент № 220522. Российская Федерация, МПК А61Н 3/00, А61Н 1/00, А61L 2/00. Антигрибковое устройство для восстановления функции равновесия при мозжечковой атаксии: № 2023111250: заявл. 02.05.2023. опубл. 19.09.2023. [Galayko V. V., Kharebin A. V., Karacheva G. A. Patent 220522 Russian Federation, IPC A61H 3/00, A61H 1/00, A61L 2/00. Antifungal device for restoring balance function in cerebellar ataxia: No. 2023111250: application. 2 May 2023. publication 19 Sep 2023. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lomge>
32. Домнина С. В., Подкопаев О. А., Салынина С. Ю. Интеллектуальная собственность как фактор повышения благосостояния. *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 11-2. С. 208–212. [Domnina S. V., Podkopaev O. A., Salynina S. Yu. Intellectual property as a factor of increasing the welfare. *International Journal of Experiential Education*, 2016, (11-2): 208–212. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wzvotn>
33. Андрианова Н. В., Нечаева П. А. Интеллектуальные контракты при управлении снабжением машиностроительного предприятия. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6. № 4. С. 496–505. [Andrianova N. V., Nechaeva P. A. Intelligent contracts in engineering enterprise supply management. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 496–505. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-496-505>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/pwxonb>

Методические подходы к оценке социально-экономической дифференциации экономического пространства

Мельков Вячеслав Константинович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2301-2009

<https://orcid.org/0009-0009-3177-3261>

Жидкова Елена Анатольевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5805-7999

<https://orcid.org/0000-0002-7658-0254>

291154@mail.ru

Аннотация: Проанализированы методические подходы к оценке социально-экономической дифференциации экономического пространства Российской Федерации. Цель – уточнить современные подходы к измерению дифференциации территорий и ее оценке на основе комплекса показателей. Объект – социально-экономические системы России, предмет – методы оценки и анализа дифференциации территорий. Методология исследования включает обзор литературы, контент-анализ, диалектический и системный подходы, а также методы экономической статистики, графического анализа, экономико-математических и статистических методов оценки показателей. Систематизированы методические подходы к оценке социально-экономической дифференциации экономического пространства. Построена схема *Логические этапы оценки социально-экономической дифференциации территорий*, которая помогает выявить ключевые факторы, влияющие на различия между регионами. Систематизированы и определены расчетные показатели и методы оценки социально-экономической дифференциации территорий. На конкретном примере показано, как их выбор влияет на результаты и выводы исследования. Установлена важность внимательного выбора аналитических инструментов для разработки эффективных региональных политик. Результаты подтверждают необходимость комплексного подхода к изучению социально-экономической неоднородности территорий, особенно в условиях экономических и социальных вызовов, связанных с новыми целями и приоритетами пространственного развития России.

Ключевые слова: показатели социально-экономической дифференциации, экономическое пространство, методы оценки дифференциации экономического пространства, новые вызовы развития России, индекс Тейла, размах распределения, коэффициент вариации

Цитирование: Мельков В. К., Жидкова Е. А. Методические подходы к оценке социально-экономической дифференциации экономического пространства. *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. № 4. С. 642–654. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-642-654>

Поступила в редакцию 07.11.2024. Принята после рецензирования 28.11.2024. Принята в печать 28.11.2024.

full article

Methodological Approaches to Assessing Social and Economic Differentiation of Economic Space

Vyacheslav K. Melkov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 2301-2009

<https://orcid.org/0009-0009-3177-3261>

Elena A. Zhidkova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5805-7999

<https://orcid.org/0000-0002-7658-0254>

291154@mail.ru

Abstract: This article introduces a system of contemporary methodological approaches to assessing the socio-economic differentiation of the economic space in the Russian Federation. Each approach is a set of indicators that can be applied to Russia's socio-economic system for assessment and analysis of its territorial differentiation. The research methodology included a review, content analysis, dialectical, approach, and systemic approach, as well as the methods of economic statistics, graphical representation, and econometric analysis. The resulting

scheme of *Logical stages of assessing socio-economic territorial differentiation* made it possible to identify the key factors behind the interregional differences. A case study shows how the choice of appropriate indicators and may affect the results and conclusions of a territorial differentiation assessment. Well-chosen analytical tools provide effective regional policies. Russia's socio-economic heterogeneity needs a comprehensive approach, especially in the context of the current economic and social challenges to the domestic territorial spatial development.

Keywords: indicators of socio-economic differentiation, economic space, methods for assessing the differentiation of economic space, new challenges for Russia's development, Tail index, distribution range, variation coefficient

Citation: Melkov V. K., Zhidkova E. A. Methodological Approaches to Assessing Social and Economic Differentiation of Economic Space. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 642–654. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-642-654>

Received 7 Nov 2024. Accepted after review 28 Nov 2024. Accepted for publication 28 Nov 2024.

Введение

Изучение подходов к оценке социально-экономической дифференциации экономического пространства – важная задача как для современных исследований в области регионального анализа, так и властей всех уровней. Проблема дифференциации заключается в нарастании различий между регионами страны, которые проявляются в расслоении населения по уровню жизни и неравном распределении доступа к ресурсам. Существенная дифференциация территорий порождает такие сложности, как социальные и политические протесты, несбалансированность экономического развития региона, разрушение единого экономического пространства и т.д.

Важно понимать, что различия территорий по уровню социально-экономического развития предопределены объективными факторами: разностью климатических условий, географическим положением, численностью населения и его качественными характеристиками, наличием сырьевых ресурсов и др. Тем не менее нельзя отрицать тот факт, что межрегиональная дифференциация регионов Российской Федерации растет, и это требует особого контроля. Как следствие, была разработана Концепция Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.¹ (далее – Концепция), основой которой стало обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития, снижение межрегиональной дифференциации [1; 2].

Выравнивание территориальных диспропорций рассматривается как приоритетное направление в повышении экономической эффективности социально-экономической системы России

в условиях новых вызовов (низкая производительность труда, инновационный и инвестиционный спад, дефицит кадров, структурные сдвиги и т.д.). Их учет при оценке пространственной дифференциации крайне важен, т.к. они оказывают значительное влияние на уровень социально-экономического развития регионов, а также выбор механизмов и инструментов сглаживания территориального неравенства. Так как в кризисные периоды социально-экономическая дифференциация территорий возрастает, то именно государство и муниципальные власти должны эффективно решать возникающие в ходе этой диспропорции проблемы. Подчеркнем, что для эффективности принимаемых мер необходимо точно измерять дифференциацию, чем и обуславливается актуальность исследования.

Цель статьи заключается в уточнении современных подходов к измерению дифференциации территорий и ее оценке на основе комплекса показателей. В соответствии с целью поставлены следующие задачи:

- 1) определить основные этапы оценки социально-экономической дифференциации территорий с последующим детальным рассмотрением основных показателей;
- 2) рассмотреть основные показатели, используемые РИА Рейтинг для составления рейтинга социально-экономического положения, и определить, какие показатели могут быть включены в методiku для улучшения качества ранжирования регионов;
- 3) установить, как выбор показателя влияет на конечный результат оценки дифференциации территорий.

¹ Концепция Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. *Министерство экономического развития Российской Федерации*. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/konceptsiya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 25.10.2024).

Научная новизна исследования состоит в обосновании современных подходов к измерению пространственной дифференциации с использованием показателей, отражающих новые социально-экономические реалии и вызовы развития России.

Методы и материалы

Объект анализа – территориальные социально-экономические системы Российской Федерации, предмет – методы оценки и анализа дифференциации территорий. Методология данного исследования включает обзор литературы и контент-анализ, ориентированные на минимизацию затрат и повышение достоверности результатов. Теоретическую базу составили труды отечественных исследователей, занимающихся вопросами устойчивого экономического развития и модернизацией экономических систем. Теоретический анализ строился на методах дедукции и индукции, абстрагирования, сопоставления и сравнения, группировки и классификации, логического анализа. На эмпирическом уровне применялись методы графического анализа и экономико-математической оценки показателей.

Результаты

Понятие *дифференциация* (от лат. *differentia* – разность, различие) означает как процесс разделения, расчленения целого на части, так и его результат². Важным же отличием данного понятия от *классификации*³ является то, что второе означает не только дифференциацию, но и выделение в группы по определенному признаку. Также дифференциация должна быть не абстрактна, а иметь объект и признак. Поскольку в авторском исследовании в центре внимания стоят различия экономического пространства, т.е. совокупности экономических ресурсов, производственных сил и взаимосвязей, которые существуют в пределах определенной территории, то признаком дифференциации выступает социально-экономическое положение территорий, в рамках статьи понимаемое нами как регионы, субъекты РФ.

Вопросы внутри- и межрегионального неравенства, методического инструментария оценки дифференциации экономического пространства рассмотрены в работах [3–11]. Однако единого подхода к понятийному аппарату и методике оценивания социально-

экономической дифференциации территорий все еще нет, что дает возможности для внедрения новых идей и совершенствования существующих методик.

Отдельно стоит отметить подходы к определению социально-экономической дифференциации:

1. Н. А. Санковец указывает, что «под территориальной экономической дифференциацией следует понимать сравнительное различие в развитии отдельных территориальных экономических систем (подсистем), которое выступает неотъемлемым условием развития и совершенствования государственной экономической политики» [12, с. 8–9].

2. По мнению Ю. С. Положенцевой, *социально-экономическая дифференциация* обозначает такое состояние региональных систем, при котором перераспределение доходов между регионами с целью устранения диспропорций приводит к улучшению ситуации для всей страны, не создавая при этом ухудшения положения ни в одном из регионов [13].

3. А. А. Победин вводит понятие *внутрирегиональная дифференциация*, под которой понимает «объективное состояние неоднородности экономического пространства в результате неравномерного социально-экономического развития территориальных единиц, проявляющееся в различиях по определенным социальным и экономическим параметрам» [14, с. 10].

4. В работе [15] выделяются два подхода к определению объекта социально-экономической дифференциации территорий: с одной стороны, объект выступает как территориальная социально-экономическая система, с другой – как экономическое пространство. Но уточняется, что эти понятия близки, поэтому возможен их синтез.

Таким образом, социально-экономическая дифференциация территорий – это характеристика неоднородности экономического пространства, процесс и результат развития территориальных социально-экономических систем, заключающийся в формировании различий этих систем по определенному признаку или группе признаков. В основе изучения дифференциации территорий также лежит определение показателей, с помощью которых можно оценить неравномерность развития регионов и непосредственно оценить сами показатели. Работа по оценке социально-экономической дифференциации экономического пространства в целом проводится в несколько этапов (рис. 1⁴).

² Философский энциклопедический словарь, ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 170.

³ Там же. С. 257.

⁴ Сост. по: [15].

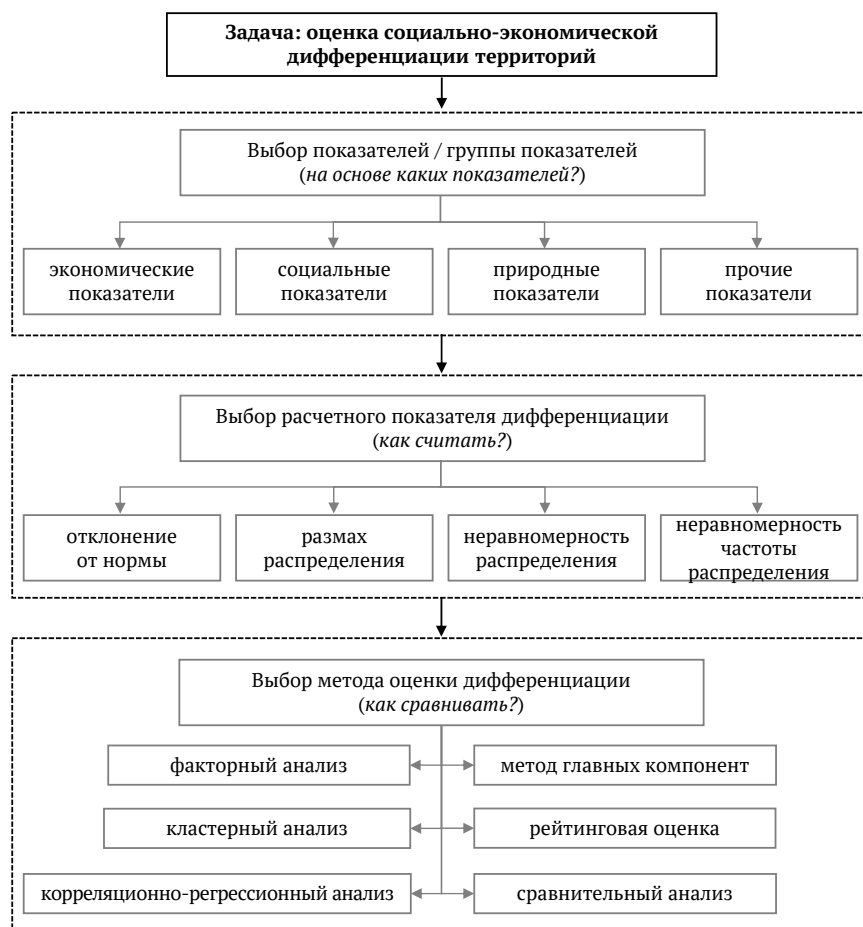

Рис. 1. Логические этапы оценки социально-экономической дифференциации территорий
Fig. 1. Assessing the socio-economic territorial differentiation: logical stages

После постановки задачи и выбора объекта дифференциации (регион, муниципалитет, район и т.д.) нужно выбрать показатели для оценки различий, т.е. оценки социально-экономических параметров регионов, которые применяются для описания различных аспектов их социально-экономического развития. Многообразие показателей, представленных в таблице 1, подтверждает, что единой точки зрения по этому вопросу нет: одни используют группы показателей для оценки дифференциации регионов, другие ограничиваются введением одного показателя, на основе которого и осуществляется оценка уровня социально-экономической дифференциации регионов.

Однако в целом можно выделить три подхода к оценке дифференциации регионов:

1. На основе одного интегрального показателя [16; 17].
2. На основе группы показателей, характеризующих регион с разных сторон и раскрывающих социальные, экономические, демографические, пространственные и другие характеристики. Этот подход является наиболее популярным и используется в работах [18; 19].

3. На основе комбинации показателей (через систему интегральных показателей) [20]. Такой подход позволяет избегать возможных противоречий при определении места региона на основе разных показателей, т.к. они могут иметь неодинаковую значимость и вес, что создает определенные сложности.

Наиболее часто встречаемые показатели в научных работах: ВРП на душу населения; доля населения за чертой бедности; средняя заработная плата; уровень безработицы; индекс человеческого развития; уровень образования; продолжительность жизни; коэффициенты рождаемости и смертности; доля городского населения; объем промышленного производства; производительность труда; объем инвестиций; коэффициент использования мощностей; бюджетный дефицит / профицит; уровень инфляции; показатели, отражающие ресурсную обеспеченность; уровень загрязнения воздуха; потребление воды на душу населения; площадь лесов и т.д.

Выбор того или иного показателя всегда трактуется целями исследования, которые связаны с текущим состоянием экономики-политической обстановки в стране. Иначе говоря, современный вызов

Табл. 1. Показатели социально-экономической дифференциации территорий

Tab. 1. Socio-economic territorial differentiation: indicators

Авторы	Группы показателей (количество показателей)
Победин А. А. [5]	социальные (6), экономические (5)
Санковец Н. А. [12]	производственно-финансовый потенциал (4), социально-трудовой потенциал (3), уровень жизни и потребления населения (5), потенциал внешнеэкономической деятельности (4)
Лапин А. В. [15]	природные (4), экономические (15), социальные (9)
Скуфьина Т. П., Баранов С. В., Самарина В. П. [21]	производственные (4), ресурсно-инфраструктурные (4), социальные (2)
Беломестнов В. Г. [22]	экономические (12), природно-экологические (20), социальные (7)
Вигандт Л. С. [23]	производственные (3), инфраструктурные (3), социально-демографические (6), финансовые (4)
Гетманцев К. В. [24]	финансы (5), местное хозяйство и экономический потенциал (36), социальная сфера (11), качество жизни населения (9)
Гришина И. В., Полынев А. О. [25]	воспроизводственный блок (4), инновационно-инфраструктурный блок (4), инвестиционно-финансовый блок (4), социальный блок (4)
Леонов С. М. [26]	экономические (4), социальные (3)
Полынев А. О. [27]	уровень экономического развития региона (8), состояние важных отраслей производства (4), финансовое положение регионов (5), уровень доходов и дифференциация доходов (4), инвестиционная активность регионов (5), состояние важных отраслей социальной сферы (5), занятость населения, состояние рынка труда (5), экологическая ситуация в регионах (4), международная экономическая активность регионов (4)
Суспицын Н. А. [28]	экономические (5), оценочные (4), целевые (3)
Троцкий А. Я. [29]	население (14), система расселения (26), социально-бытовая сфера (48), производственная сфера (26)
Шильцин Е. А. [30]	экономические (7), социальные (12), экологические (4)
Шмидт Ю. Д. [31]	экономические (7), социальные (10), финансовые (3)
Шмидт Ю. Д., Денисенко В. А. [32]	производственные (7), рыночные (3), качество жизни (21)

и приоритеты развития страны формируют вектор развития науки. Так, исходя из Концепции, новые условия и вызовы развития России требуют особой работы по подбору качественных и количественных показателей для оценки социально-экономической дифференциации (табл. 2).

Природа новых вызовов, отраженных в Концепции, заключается в усилении различий между регионами на основе демографических и социальных показателей. В связи с этим подчеркивается особая важность человеческого ресурса и развития человеческого капитала. Повышение производительности труда – одна из главных задач Правительства РФ, поэтому мы считаем, что в оценке дифференциации регионов в текущих условиях стоит сделать акцент на таких показателях, как уровень занятости и безработицы, уровень

образования, средняя заработная плата, миграция населения, производительность труда.

Также важно выбрать расчетный показатель, т.к. сравнение диспропорций предполагает математические расчеты по значительному массиву информации по всем субъектам России (кроме новых территорий). С точки зрения авторов, ключевыми в исследовании должны быть количественные расчетные показатели, которые можно разделить на 4 группы [15]:

- 1) измерение отклонения от нормы (рассеивание, коэффициент вариации, коэффициент асимметрии, индекс Морана, индекс Гири);
- 2) измерение размаха распределения (отношение максимального и минимального значений, децильный коэффициент, индекс Гувера);

Табл 2. Показатели социально-экономической дифференциации в условиях новых вызовов

Tab. 2. Socio-economic differentiation from the perspective of new challenges: indicators

Новые вызовы / приоритеты	Критерии	Показатели
Технологический суверенитет	Инновационная трансформация	<ul style="list-style-type: none"> доля инновационной продукции в ВРП региона; количество человек, занятых в высокотехнологичном производстве
Изменение климата	Эффективность климатической политики	<ul style="list-style-type: none"> углеродоемкость экономики; темпы снижения выбросов парниковых газов
Дефицит трудовых ресурсов	Обеспеченность кадрами	<ul style="list-style-type: none"> производительность труда; уровень безработицы

3) измерение неравномерности распределения (коэффициент вариации Уильямсона, индекс Джини, индекс Тейла, индекс Аткинсона, энтропийная характеристика Шеннона, относительная энтропийная характеристика);

4) измерение неравномерности частоты распределения (коэффициент эксцесса, индекс Гетиса-Орда, индекс Клоцвога-Магомедова).

Основные расчетные показатели, сгруппированные по критериям (группы показателей социально-экономической дифференциации) и приемлемые для оценки пространственной дифференциации, представлены в таблице 3⁵. По нашему мнению, эти показатели должны быть включены в текущую методику РИА Рейтинг. Это позволит повысить качество ранжирования регионов ввиду того, что данные показатели учитывают современные вызовы и в полной мере отражают уровень социально-экономического положения регионов. Так, масштабы экономики можно оценивать на основе показателей размаха, чтобы определить разрыв между бедными и богатыми регионами, сравнивая величину ВРП или среднюю заработную плату. Показатели эффективности рационально оценивать с позиции неравномерности распределения; бюджетную сферу – по выполнению плана (измерение отклонения от нормы). Показатели социальной сферы можно оценивать как по среднему отклонению, так и по неравномерности распределения.

У каждого из расчетных показателей есть определенные особенности расчета, преимущества и недостатки, которые нужно учитывать при выборе одного из них. Например, индикаторы неравенства, такие как размах асимметрии, среднее отклонение и индекс Джини, имеют свои ограничения: они не всегда дают полную картину различий в распределении показателей, а также могут не соответствовать

аксиомам (симметрия и независимость от размера популяции). Индексы Тейла и Аткинсона, напротив, более универсальны и позволяют разделить общее неравенство на внутригрупповое и межгрупповое. Выбор расчетных показателей и методов оценки должен определяться набором решаемых задач.

Не менее важен следующий этап оценки дифференциации территорий – выбор метода оценки социально-экономической дифференциации. В статье Е. А. Коломак выделено три направления исследований: количественная оценка пространственных различий; тестирование конвергенции; выявление факторов межрегиональных различий [8].

Несмотря на то что зачастую авторы используют синтез нескольких направлений, в большинстве исследований они применяют количественную оценку пространственных различий территорий для обработки данных, выявления факторов или тестирования конвергенции. Выбор метода изучения социально-экономической дифференциации регионов зависит от направленности и целей конкретного исследования (табл. 4).

Например, если целью исследования является изучение различий в уровне доходов, то чаще всего применяются методы статистического анализа и эконометрического моделирования (регрессионный анализ / сравнительный анализ). Для изучения пространственных экономических процессов и выявления кластеров развития часто используют геоинформационные системы и методы пространственного анализа (кластерный анализ), которые позволяют визуализировать и анализировать географические данные. Если фокус исследования направлен на политические и институциональные аспекты, подход может включать качественные методы, такие как сравнительный анализ и рейтинговая оценка.

⁵ Сост. по: Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2019 года. *РИА Рейтинг*. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2020.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

Табл. 3. Показатели оценки социально-экономической дифференциации регионов

Tab. 3. Assessing the socio-economic differentiation of Russian regions: indicators

Группа показателей	Показатели	Расчетные показатели (рекомендуемые)
Показатели масштаба экономики	<ul style="list-style-type: none"> • объем производства товаров и услуг; • доходы консолидированного бюджета; • численность занятых в экономике; • оборот розничной торговли 	<ul style="list-style-type: none"> • измерение размаха распределения (отношение максимального и минимального значений, децильный коэффициент, индекс Гувера)
Показатели эффективности экономики	<ul style="list-style-type: none"> • объем производства товаров и услуг на душу населения; • инвестиции в основной капитал на душу населения; • доля прибыльных предприятий; • доля просроченной кредиторской задолженности в суммарном объеме кредиторской задолженности; • доля просроченной задолженности по кредитам, предоставленным юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям – в суммарном объеме такой задолженности 	<ul style="list-style-type: none"> • измерение неравномерности распределения (индекс Джини, индекс Тейла, энтропийная характеристика Шеннона)
Показатели бюджетной сферы	<ul style="list-style-type: none"> • доходы консолидированного бюджета на душу населения; • доля налоговых и неналоговых доходов в суммарном объеме доходов консолидированного бюджета; • отношение государственного долга к налоговым и неналоговым доходам консолидированного бюджета; • отношение налоговых и неналоговых доходов к расходам консолидированного бюджета 	<ul style="list-style-type: none"> • измерение отклонения от нормы (рассеивание, коэффициент вариации, индекс Морана)
Показатели социальной сферы	<ul style="list-style-type: none"> • отношение доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг; • уровень безработицы; • ожидаемая продолжительность жизни при рождении; • уровень младенческой смертности; • смертность населения трудоспособного возраста; • доля населения с доходами ниже прожиточного минимума 	<ul style="list-style-type: none"> • измерение неравномерности распределения (индекс Джини, индекс Тейла, энтропийная характеристика Шеннона); • измерение отклонения от нормы (рассеивание, коэффициент вариации, индекс Морана)

Конечный результат и выводы исследования зависят от выбора расчетного показателя, показателя оценки и метода исследования. В качестве примера возьмем «тестовое» исследование оценки динамики дифференциации 85 регионов России в 2018–2022 гг. Показатели этого исследования – ВРП на душу населения и средняя заработная плата; расчетные показатели – размах распределения, коэффициент вариации и индекс Тейла – взяты из разных групп таблицы 3. Индекс Тейла довольно часто встречается в современных научных трудах, посвященных изучению межрегиональной неоднородности [17; 33], коэффициент вариации – в работе [34], а размах распределения – в статье [35]. Метод исследования – количественная оценка дифференциации в динамике (по годам).

Расчет размаха распределения был произведен по данной формуле:

$$W = \frac{\max x_i}{\min x_i} \quad (1),$$

где x_i – значение показателя по i -й территории.

Коэффициент вариации найден следующим образом:

$$\sigma = \frac{1}{N} \sqrt{\sum_{i=1}^N (x_i - \bar{x})^2} \quad (2),$$

где N – число территорий; \bar{x} – среднее значение показателя.

Индекс Тейла рассчитан по указанной формуле:

$$I_T = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \left(\frac{x_i}{\bar{x}} \times \ln \frac{x_i}{\bar{x}} \right) \quad (3).$$

Табл. 4. Основные методы оценки социально-экономической дифференциации территорий

Tab. 4. Assessing the socio-economic territorial differentiation: methods

Название	Краткая характеристика
Сравнительный анализ	<ul style="list-style-type: none"> • сопоставление различных регионов или групп по определенным социально-экономическим показателям; • выявление ключевых различий и сходств, что помогает в понимании закономерностей и причин существующих различий; • используется, когда необходимо быстро сравнить и оценить эффективность или состояние различных регионов
Регрессионный анализ	<ul style="list-style-type: none"> • установление взаимосвязи между зависимой переменной и одной / несколькими независимыми переменными; • позволяет оценить, какие факторы существенно влияют на социально-экономическое развитие региона, и помогает выявить причинно-следственные связи
Факторный анализ	<ul style="list-style-type: none"> • выявление основных движущих сил, влияющих на развитие регионов; • используется для уменьшения размерности данных, выявляя скрытые переменные (факторы), которые объясняют общие характеристики вариации среди наблюдаемых переменных
Корреляционный анализ	<ul style="list-style-type: none"> • измеряет степень взаимосвязи между двумя / более переменными; • значения коэффициентов корреляции дают понимание о том, насколько сильно и в каком направлении изменяются исследуемые переменные (но не устанавливают причинно-следственные отношения); • первоначальное выявление потенциальных связей, требующих дальнейшего исследования
Кластерный анализ	<ul style="list-style-type: none"> • сегментирование данных на группы или кластеры: объекты в одном кластере больше схожи друг с другом, чем с объектами в другом кластере; • определение группы регионов со сходными характеристиками или уровнями развития, что может быть полезно для разработки дифференцированных политик
Рейтинговая оценка	<ul style="list-style-type: none"> • оценка и ранжирование регионов на основе определенных критериев или показателей, составляющих комплексный индекс, что позволяет быстро оценить и сравнить относительное положение регионов на основе их социально-экономического развития; • используется для мониторинга и оценки эффективности политик

На рисунке 2⁶, несмотря на схожесть динамики дифференциации в рамках одного показателя (в особенности это видно по результатам расчетов ВРП на душу населения), мы также наблюдаем снижение неравномерности развития регионов в 2019–2020 гг. и ее увеличение в 2021–2022 гг. Так, размах распределения показывает большой рост дифференциации регионов в 2021 г. по сравнению с 2020 г., а результаты расчета индекса Тейла указывают на то, что падение 2020 г. было не столь сильным, в отличие от других показателей. По данным по зарплате индекс Тейла и коэффициент вариации менялись незначительно, а размах распределения продемонстрировал более волатильную и выраженную динамику.

Анализ расчетов, представленный на рисунке 3⁷, показал, что конечные результаты и выводы могут

сильно отличаться: расчеты на основе заработной платы в 2020 г. подтверждают, что дифференциация регионов существенно выросла, а расчеты на основе ВРП на душу населения, напротив, сообщают о сокращении дифференциации. Несовпадение динамики показателя соблюдается на основе расчета всех расчетных показателей. Размах распределения несколько отличается от других показателей: в 2022 г. рост дифференциации регионов наблюдается как на основе показателя ВРП на душу населения, так и на основе средней заработной платы. Выбор размаха распределения позволяет выявить изменения в максимальных и минимальных значениях показателей между регионами, что может сигнализировать о значительных различиях в темпах изменения экономических условий в разных частях страны. В то же время индекс Тейла, будучи более

⁶ Рассчитано по: Национальные счета. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts#>; Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности и субъектам РФ (годовые данные). *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/t4.htm> (дата обращения: 01.11.2024).

⁷ Рассчитано по: Национальные счета...; Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций...

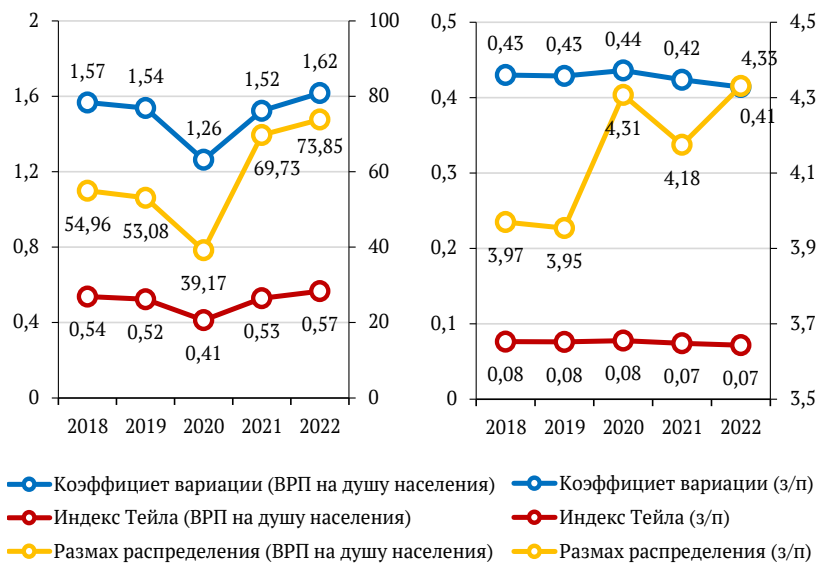

Рис. 2. Динамика оценки дифференциации социально-экономического положения регионов РФ
 Fig. 2. Assessing the socio-economic territorial differentiation in the Russian Federation: dynamics

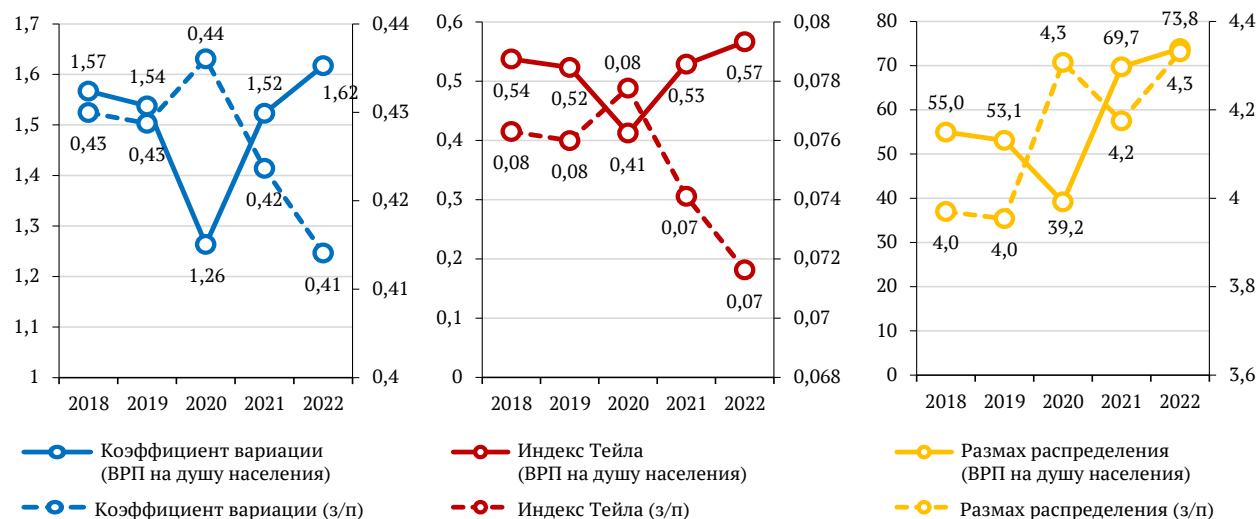

Рис. 3. Сопоставление оценок дифференциации социально-экономического положения регионов РФ
 Fig. 3. Assessing the socio-economic territorial differentiation in the Russian Federation: comparative analysis

чувствительным к изменениям в средней части распределения, указывает на менее выраженные колебания, особенно в периоды, когда средние значения остаются относительно стабильными при значительной внутригрупповой дисперсии.

Такие различия в интерпретации данных позволяют увидеть общую картину социально-экономического положения регионов, так как могут указать на необходимость использования комплексного подхода к анализу данных. Это подразумевает комбинирование различных показателей и расчетных показателей для углубленного и многогранного понимания происходящих процессов. Следовательно, исследователи и политики должны

внимательно подходить к выбору методологии и аналитических инструментов, чтобы получить наиболее полное и точное представление о межрегиональных различиях и динамике их развития. Таким образом, расчеты подтвердили, что выбор показателя, расчетного показателя и метода оценки в большой степени определяет конечный результат и выводы исследования.

Заклучение

Выявлено многообразие методических подходов к оценке социально-экономической дифференциации экономического пространства регионов России. В процессе анализа установлено, что в настоящее

время отсутствует единая методика оценивания, а используемые показатели могут существенно варьироваться. Это подчеркивает необходимость унификации и разработки новых критериев, более точно отражающих современное состояние межрегиональных различий. В статье приведена схема *Логические этапы оценки социально-экономической дифференциации территорий*, которая систематизирует процесс анализа и позволяет идентифицировать ключевые факторы, влияющие на различия между регионами, а также является инструментом для углубленного изучения социально-экономических процессов и принятия управленческих решений.

Путем применения различных расчетных показателей, таких как размах распределения, коэффициент вариации и индекс Тейла, было показано, что динамика оценки различий в социально-экономическом состоянии регионов может изменяться в зависимости от использованных параметров. Это подчеркивает необходимость внимательного подхода к выбору аналитических инструментов, что особенно важно для разработки и реализации эффективных региональных политик. Также предложены показатели, которые следует включить в методику РИА Рейтинг для повышения качества ранжирования регионов в рамках решения задач в условиях новых вызовов России согласно Концепции.

Результаты проведенного исследования подчеркивают важность комплексного подхода к изучению социальной и экономической неоднородности

территорий. В условиях нарастающих экономических и социальных вызовов актуальность разработанных методических рекомендаций только возрастает. Адекватная оценка и мониторинг социально-экономической дифференциации может стать основой для достижения целей стратегических инициатив и программ, направленных на пространственное развитие Российской Федерации. Исследование предоставляет ценные теоретические и практические сведения, которые могут быть использованы в дальнейшем для улучшения информационного обеспечения государственных органов в процессе принятия управленческих решений, направленных на снижение межрегиональных диспропорций и достижение баланса в экономическом развитии регионов страны.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Стратегия пространственного развития: новые подвижки и старые проблемы. *Этап: экономическая теория, анализ, практика*. 2022. № 5. С. 7–26. [Ivanov O. B., Buchwald E. M. Spatial development strategy: New developments and old problems. *Etap: Ekonomicheskaja teoriia, analiz, praktika*, 2022, (5): 7–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-5-7-26>
2. Гильмундинов В. М., Панкова Ю. В. Пространственное развитие России в условиях внешних и внутренних вызовов. *Проблемы прогнозирования*. 2023. № 4. С. 82–93. [Gilmundinov V. M., Pankova Yu. V. Spatial development of Russia under the conditions of external and internal challenges. *Problemy prognozirovaniia*, 2023, (4): 82–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-82-93>
3. Аносов А. В. Социально-экономическая дифференциация Дальневосточных регионов России. М.: Дашков и К, 2010. 485 с. [Anosov A. V. *Socio-economic differentiation of the Far Eastern regions of Russia*. Moscow: Dashkov i K, 2010, 485. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/quiuuyb>
4. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: НИСП, 2010. 160 с. [Zubarevich N. V. *Regions of Russia: Inequality, crisis, and modernization*. Moscow: IISP, 2010, 160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vnfdjx>
5. Победин А. А. Методика анализа дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований. *Муниципалитет: экономика и управление*. 2011. № 1. С. 29–37. [Pobedin A. A. Methods for analyzing the differentiation of socio-economic development of municipalities. *Munitsipalitet: Ekonomika i upravlenie*, 2011, (1): 29–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyonjt>

6. Вошилов Н. В. Направления решения проблемы внутрирегиональной социально-экономической дифференциации. *Управление социально-экономическими системами: Междунар. науч.-практ. конф.* (Вологда, 2–3 февраля 2017 г.) Вологда: ВоГУ, 2017. Т. 2. С. 242–244. [Voshilov N. V. Directions for solving the problem of intraregional socio-economic differentiation. *Management of socio-economic systems: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Vologda, 2–3 Feb 2017. Vologda: VoSU, 2017, vol. 2, 242–244. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytrzc>
7. Меркулова Т. В. Экономический рост и неравенство: институциональный аспект и эмпирический анализ. *Мир России. Социология. Этнология*. 2010. Т. 19. № 2. С. 59–77. [Merkulova T. V. Economic growth and inequality: Institutional aspect and empirical analysis. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2010, 19(2): 59–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndsvyz>
8. Коломак Е. А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии. *Вопросы экономики*. 2013. № 2. С. 132–150. [Kolomak E. A. Uneven spatial development in Russia: Explanations of new economic geography. *Voprosy Ekonomiki*, 2013, (2): 132–150. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-2-132-150>
9. Галдин М. В. Методические подходы к выявлению асимметрии социально-экономического развития муниципальных образований региона (на примере Омской области): дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2004. 194 с. [Galdin M. V. *Methodological approaches to identifying the asymmetry of socio-economic development of municipal entities in the Omsk Region*. Cand. Econ. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2004, 194. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/noflkb>
10. Климов А. А. Пространственное развитие и проблемные территории: социально-экономические аспекты. М.: URSS, 2006. 284 с. [Klimov A. A. *Spatial development and problem areas: Socio-economic aspects*. Moscow: URSS, 2006, 284. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrmunb>
11. Лавровский Б. Л. Измерение региональной асимметрии на примере России. *Вопросы экономики*. 1999. № 3. С. 42–52. [Lavrovskii B. L. Measuring regional asymmetry using the example of Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 1999, (3): 42–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgcauy>
12. Санковец Н. А. Экономическое развитие регионов России: дифференциация и регулирование: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Улан-Удэ, 2011. 20 с. [Sankovets N. A. *Economic development of regions of Russia: differentiation and regulation*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Ulan-Ude, 2011, 20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zokhan>
13. Положенцева Ю. С. Повышение конкурентоспособности региона на основе сглаживания пространственной дифференциации. *Известия Курского государственного технического университета*. 2010. № 4. С. 93–109. [Polozhenceva U. S. Increase of competitiveness of region on the basis of smoothing of spatial differentiation. *Izvestiia Kurskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2010, (4): 93–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbiyfd>
14. Победин А. А. Политика регулирования внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития (на примере Свердловской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с. [Pobedin A. A. *Policy of regulating intraregional differentiation of socio-economic development of the Sverdlovsk Region*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Ekaterinburg, 2008, 24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/znuokh>
15. Лапин А. В. Социально-экономическая дифференциация территорий: теоретико-методологические аспекты, оценка и анализ. Пермь: ПГНИУ, 2018. 139 с. [Lapin A. V. *Socio-economic differentiation of territories: theoretical and methodological aspects, assessment, and analysis*. Perm: PSU, 2018, 138. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywsgid>
16. Тикунов В. С., Бабуринов В. Л., Белоусов С. К. Интегральная оценка экономического развития регионов Российской Федерации. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2022. № 2. С. 189–202. [Tikunov V. S., Baburin V. L., Belousov S. K. Integral assessment of Russian regions economic development. *Moscow University Economics Bulletin*, 2022, (2): 189–202. (In Russ.)] <https://doi.org/10.38050/01300105202229>
17. Шаталова О. М., Касаткина Е. В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15. № 4. С. 74–87. [Shatalova O. M., Kasatkina E. V. Socio-economic inequality of regions in the Russian Federation: Measurement issues and long-term evaluation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2022, 15(4): 74–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.5>

18. Степаненкова Н. М., Степаненкова М. А. Применение кластерного анализа для оценки уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации. *Креативная экономика*. 2021. Т. 15. № 11. С. 4225–4236. [Stepanenkova N. M., Stepanenkova M. A. Application of cluster analysis to assess the level of socio-economic development of Russian regions. *Kreativnaya ekonomika*, 2021, 15(11): 4225–4236. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/ce.15.11.113764>
19. Базылева М. А. Дифференциация регионов и политика выравнивания социально-экономического развития Российской Федерации. *Экономика и парадигма нового времени*. 2024. № 1. С. 5–19. [Bazyleva M. A. Differentiation of regions and the policy of leveling the socio-economic development of the Russian Federation. *Ekonomika i paradigma novogo vremeni*, 2024, (1): 5–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hloudr>
20. Мадрахимов У. А. Оценка устойчивого развития и территориальной сбалансированности экономики регионов. *Universum: экономика и юриспруденция*. 2021. № 9. С. 4–7. [Madrakhimov U. A. Assessment of sustainable development and territorial balance of the regional economy. *Universum: Ekonomika i iurisprudentsiia*, 2021, (9): 4–7. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smobpe>
21. Скуфья Т. П., Баранов С. В., Самарина В. П. Эконометрическая оценка развития межрегиональной дифференциации в России и прогноз влияния ВТО на динамику процесса. Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, 2015. 150 с. [Skufina T. P., Baranov S. V., Samarina V. P. *Econometric assessment of interregional differentiation development in Russia and the forecast of WTO influence on the dynamics of the process*. Apatity: IES KSC RAS, 2015, 150. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uzrvvp>
22. Беломестнов В. Г. Управление развитием проблемных территориально-отраслевых систем. Иркутск: БГУЭП, 2003. 163 с. [Belomestnov V. G. *Management of the development of problem territorial-branch systems*. Irkutsk: BSUEL, 2003, 163. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yttega>
23. Вигандт Л. С. Теоретические основы управления финансовыми ресурсами депрессивных регионов: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2004. 32 с. [Vigandt L. S. *Theoretical foundations of managing financial resources of depressed regions*. Dr. Econ. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2004, 32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nhyhhr>
24. Гетманцев К. В. Социально-экономическая дифференциация муниципалитетов и механизм поддержки проблемных территорий: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Краснодар, 2006. 26 с. [Getmantsev K. V. *Socio-economic differentiation of municipalities and the mechanism of support for problematic territories*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Krasnodar, 2006, 26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/znqran>
25. Гришина И. В., Полюнев А. О. Социально-экономическое положение российских регионов: методические подходы и результаты комплексной оценки. *Современные производительные силы*. 2012. С. 34–48. [Grishina I. V., Polynyev A. O. Socio-economic situation of Russian regions: Methodological approaches and results of comprehensive assessment. *Sovremennye proizvoditelnye sily*, 2012, 34–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qclwoj>
26. Леонов, С. Н. Проблемы регионализации современной российской экономики. *Инициативы XXI века*. 2010. № 1. С. 51–54. [Leonov S. N. Regionalization problems of modern Russian economy. *Initiativy XXI veka*, 2010, (1): 51–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mclhgl>
27. Полюнев А. О. Межрегиональная экономическая дифференциация. Методология анализа и государственного регулирования. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2011. 208 с. [Polynyev A. O. *Interregional economic differentiation. Methodology for analysis and state regulation*. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2011, 208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wweltd>
28. Суспицын С. А. Барометры социально-экономического положения регионов России. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2004. 123 с. [Suspicyun S. A. *Barometers of the socio-economic situation of regions in Russia*. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2004, 123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqedqt>
29. Троцкий А. Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1997. 249 с. [Trotskovsky A. Ya. *Socio-territorial structure of the region: Structure and main transformation trends*. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 1997, 249. (In Russ.)]
30. Шильцин Е. А. Вопросы оценки региональной асимметрии (на примере России). *Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых*: науч.-практ. конф. (Новосибирск, 9–11 ноября 2004 г.) Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005. С. 143–158. [Shiltzin E. A. Issues of assessing regional asymmetry in Russia. *Current problems of socio-economic development: young scientists's perspective*: Proc. Sci.-Prac. Conf., Novosibirsk, 9–11 Nov 2004. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2005, 143–158. (In Russ.)]

31. Шмидт Ю. Д. Об уровне дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований региона. *Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета*. 2008. № 1. С. 3–10. [Schmidt Yu. D. The level of differentiation of socio-economic development of municipal entities in the region. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2008, (1): 3–10. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwuunz>
32. Шмидт Ю. Д., Денисенко В. А. Дифференциация и регулирование социально-экономического развития муниципальных образований региона. *Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета*. 2008. № 3. С. 3–14. [Schmidt Yu. D., Denisenko V. A. Differentiation and regulation of socio-economic development of municipal entities in the region. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2008, (3): 3–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwuuw1>
33. Куманеева М. К., Слесаренко Е. В., Шевелева О. Б. Пространственная социально-экономическая дифференциация: проблемы регулирования внутрирегиональных диспропорций. *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10. № 4. С. 965–986. [Kumaneeva M. K., Slesarenko E. V., Sheveleva O. B. Spatial socio-economic differentiation: Problems of intraregional imbalances regulation. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, 10(4): 965–986. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/epp.10.4.100857>
34. Морошкина М. В. Дифференциация российских регионов по уровню экономического развития. *Проблемы прогнозирования*. 2016. № 4. С. 109–114. [Moroshkina M. V. Differentiation of the regions of Russia based on level of economic development. *Problemy prognozirovaniia*, 2016, (4): 109–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xsibft>
35. Бенц Д. С. Долгосрочные тренды межрегиональной дифференциации. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 4. С. 56–71. [Benz D. S. Long-term trends in interregional differentiation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2022, (4): 56–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10406>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zkwgde>

Бюджетный эффект легализации земель сельскохозяйственного назначения

Калачева Ирина Владимировна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7690-4659

<https://orcid.org/0000-0002-6530-473X>irinakalacheva@mail.ru

Никитина Оксана Игоревна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-7869-1732>

Федулова Елена Анатольевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6334-7919

<https://orcid.org/0000-0002-1820-3848>

Комарова Анастасия Анатольевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0009-0007-6514-1153>

Аннотация: Российская Федерация обладает невероятными масштабами земельных участков, которые должны эксплуатироваться по целевому назначению, определяемому категорией и видом разрешенного использования. Среди них особое место в экономике страны занимают земли сельскохозяйственного назначения. Их важность для каждого региона подчеркивается тем, что они облагаются местным налогом, который устанавливается нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований, т.е. налоговые поступления от земельного налога составляют значительную часть доходов местного бюджета. Следовательно, своевременный и правильный учет земель сельскохозяйственного назначения приведет к наполнению местных бюджетов. Цель – определить площади земель сельскохозяйственного назначения на территории Кемеровской области – Кузбасса и провести расчет бюджетного эффекта от использования этого вида земель. Выявлен уровень доходов, которые может получить областной бюджет. Установлено положительное влияние корректного измерения земель и их четкой классификации для дальнейшего использования: 1) проведена оценка потенциальных налоговых сборов и штрафов в бюджет Кемеровской области; 2) высчитан размер взимаемых штрафов за неиспользование земель сельскохозяйственного назначения или их неправомерное использование.

Ключевые слова: экономический эффект, налоговые поступления, кадастровая стоимость, земельный налог, земли сельскохозяйственного назначения, невостребованные земельные участки, штрафы

Цитирование: Калачева И. В., Комарова А. А., Никитина О. И., Федулова Е. А. Бюджетный эффект легализации земель сельскохозяйственного назначения. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 4. С. 655–666. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-655-666>

Поступила в редакцию 19.08.2024. Принята после рецензирования 30.10.2024. Принята в печать 04.11.2024.

full article

Effect of Legalization of Agricultural Land Plots on Regional Budget

Irina V. Kalacheva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7690-4659

<https://orcid.org/0000-0002-6530-473X>irinakalacheva@mail.ru

Oksana I. Nikitina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-7869-1732>

Elena A. Fedulova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 6334-7919

<https://orcid.org/0000-0002-1820-3848>

Anastasia A. Komarova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0009-0007-6514-1153>

Abstract: The Russian Federation has a great number of land plots to be used for a particular purpose, which depends on the category and type of the land. Agricultural land plots are of particular importance for the regional economy because they are subject to the local tax, established by the municipalities, i.e., land tax makes up

a significant share of local budget revenues. Prompt and correct accounting of agricultural land improves the local budget. The authors determined the area of agricultural land in the Kemerovo Region and calculated the budget effect from their use. They also identified the potential income to the regional budget. The appropriate land measurement and classification proved to have a positive impact on the budget of the Kemerovo Region. The article contains an assessment of potential tax fees to the budget of the Kemerovo Region, as well as the amount of fines for irrational or improper use of agricultural lands.

Keywords: economic effect, tax revenues, cadastral value, land tax, agricultural lands, unclaimed land plots, fines

Citation: Kalacheva I. V., Komarova A. A., Nikitina O. I., Fedulova E. A. Effect of Legalization of Agricultural Land Plots on Regional Budget. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 655–666. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-655-666>

Received 19 Aug 2024. Accepted after review 30 Oct 2024. Accepted for publication 4 Nov 2024.

Введение

Состояние, развитие и производственные возможности современной экономики напрямую зависят от наличия и качества имеющихся в ее распоряжении факторов производства. Традиционно они приравниваются к таким видам ресурсов, которые могут быть применены в процессе создания / производства товаров и услуг, необходимых социуму.

Современная экономическая теория определяет пять факторов производства, одним из которых выступает земля. Именно она является поистине уникальным ресурсом для любого государства, занимающая особое место в жизнедеятельности общества: ее можно рассматривать и как источник ресурсов природного происхождения (растительность, почва, пресная вода, все виды полезных ископаемых и т.д.), и как непосредственно земельный участок [1].

Земля как фактор производства представляет собой непосредственно земельные угодья и обладает такими качественными характеристиками, как географическая точка (место, где находится земля) и качество земли, характеризующее то, насколько почва пригодна для использования, будет ли она производительной с точки зрения объема собираемого на ней урожая [2]. Однако важно, что данные характеристики могут быть повышены при дополнительных вложениях.

Также следует отметить и характерные черты рынка земли:

1. Определение понятия земля. Она, по сути, является природным компонентом, полученным человечеством бесплатно (о чем свидетельствует невозможность точной оценки ее стоимости), но в современной экономической системе выступает как ценный ресурс, с которым связаны денежные

отношения, и как объект для торгов, представляющий собой особый вид товара.

2. Ограниченность земельных участков по площади, которая в совокупности с оформлением земли в частную собственность раскрывается особенно остро в рамках возможности получения доступа к ней как к ценному ресурсу.

Рынок земли – лишь частный пример рынка факторов производства. В свете ограниченного предложения совокупный спрос на землю объединяет в себе спрос как на земли сельскохозяйственного, так и несельскохозяйственного назначения [3].

Российская Федерация (РФ) – страна огромных масштабов, одним из богатств которой выступают большие площади земельных ресурсов. Соответственно, важнейшими задачами государства является контроль степени рациональности их использования и повышение уровня охраны земель как объекта природного достояния страны и ее земельного потенциала [4].

Большое значение для экономики России представляют земли, используемые для сельского хозяйства, т.к. они приравнены к объектам недвижимого имущества и являются продуктивными участками земельного фонда государства [5]. Важно и то, что все земельные участки, принадлежащие РФ, в том числе и участки сельскохозяйственных угодий, должны эксплуатироваться исключительно по целевому назначению, которое определено категорией и видом разрешенного использования (ст. 7 Земельного кодекса РФ¹ (ЗК РФ)). Помимо этого данная категория земель по своей площади в структуре земельного фонда страны уступает только землям лесного фонда.

¹ Земельный кодекс РФ № 136-ФЗ от 25.10.2001 (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). СПС КонсультантПлюс.

В соответствии с п. 1 ст. 77 ЗК РФ² к категории земель сельскохозяйственного назначения относятся земли, расположенные за границами населенных пунктов и предоставленные для достижения целей сельского хозяйства и удовлетворения его нужд. Рациональному использованию и охране этих земель способствует выделение в их структуре особо ценных и продуктивных сельскохозяйственных угодий. Классификация всех земель по категориям и установленный порядок использования каждой из них закреплены не только в ЗК РФ, но и в ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»³.

Собственник земельного участка выбирает вид разрешенного использования с учетом категории земли и классификатора, утвержденного Приказом Росреестра «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков»⁴ и правил землепользования и застройки для конкретного земельного участка. Принадлежность земли к определенному виду разрешенного использования устанавливает цель использования как самого участка, так и тех объектов недвижимости, которые на нем находятся [6].

Согласно п. 1 ст. 77 ЗК РФ⁵, структура земельных участков сельскохозяйственного назначения включает следующие виды земель: сельскохозяйственные угодья, земли, занятые внутрихозяйственными дорогами, коммуникациями, агролесомелиоративными насаждениями, агрофитомелиоративными насаждениями, водными объектами (в том числе прудами, образованными водонапорными сооружениями на водотоках и используемыми в целях осуществления прудовой аквакультуры), объектами капитального строительства, некапитальными строениями, сооружениями, используемыми для производства, хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции, в случаях, предусмотренных федеральными законами, нестационарными торговыми объектами, а также жилыми домами, строительство, реконструкция и эксплуатация которых допустимы на земельных участках, используемых крестьянскими / фермерскими хозяйствами для осуществления своей деятельности, либо предназначенных для ведения гражданами садоводства для собственных нужд [7].

В п. 1 ст. 79 ЗК РФ⁶ указано, что к землям сельскохозяйственного назначения относят пашни, сенокосы, пастбища, залежи, земли, занятые многолетними насаждениями (садами, виноградниками и др.). Такие земли занесены в перечень земельных участков, который сформирован по критерию кадастровой стоимости, отражающей фактор получения ренты или дохода в результате производства сельскохозяйственной продукции в процессе использования данного участка по назначению.

Любые земельные участки, располагающиеся на территории России, в том числе земли сельскохозяйственного назначения, независимо от категории, к которой они отнесены, подлежат обложению земельным налогом. Несмотря на сравнительно невысокую ставку и, соответственно, невысокую долю в общем объеме налоговых доходов бюджета, земельный налог имеет большое значение при формировании местных бюджетов [8]. Это объясняется тем, что данный вид налога относится к налогам местного уровня, ставки по которому устанавливают представительные органы муниципальных образований [9, с. 45].

В целях корректного взимания налога необходимо сначала определить его налоговую базу. В случае с земельным налогом она рассчитывается для каждого земельного участка. В соответствии с п. 1 ст. 391 ч. 2 Налогового Кодекса РФ (НК РФ), налоговая база представляет собой актуализированную кадастровую стоимость земли, внесенную в ЕГРН, по состоянию на 1 января года, являющегося налоговым периодом, определяемым п. 1 ст. 393 ч. 2 НК РФ и равным году. Объекты налогообложения описываются в п. 1 ст. 389 ч. 2 НК РФ⁷. Налогоплательщики – юридические лица, обязанные самостоятельно рассчитывать земельный налог и применяющие для этого следующую формулу:

$$\text{земельный налог} = \text{кадастровая стоимость} * \text{налоговая ставка}.$$

Земельный налог выплачивается по итогам года (до 28 февраля следующего календарного года). В течение года по итогам квартала организации вносят авансовые платежи (до 28 числа месяца, следующего за истекшим кварталом) [10].

² Там же.

³ Об обороте земель сельскохозяйственного назначения. ФЗ № 101-ФЗ от 24.07.2002. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков. Приказ Росреестра № П/0412 от 10.11.2020 (ред. от 23.06.2022). Зарегистрировано в Минюсте России № 61482 от 15.12.2020. СПС КонсультантПлюс.

⁵ Земельный кодекс РФ...

⁶ Там же.

⁷ Налоговый Кодекс РФ № 117-ФЗ от 05.08.2000 (ред. от 29.10.2024). СПС КонсультантПлюс.

При несвоевременной уплате земельного налога или авансовых платежей по нему Федеральная налоговая служба РФ (ФНС РФ) в течение года начисляет пени, которые рассчитываются за каждый день просрочки с ориентиром на 1/300 ключевой ставки Центрального банка РФ⁸.

Если в ходе проверки ФНС РФ установит, что компания⁹:

- 1) не оплатила земельный налог, то ей будет начислен штраф в размере 20 % от суммы неоплаченного налогового платежа;
- 2) не полностью оплатила земельный налог, умышленно занизив его сумму, то штраф составит 40 %.

При этом на авансовые платежи штрафы не начисляются. Помимо них и пеней по НК РФ, предусмотрена административная ответственность за нецелевое использование земель в соответствии со ст. 8.8 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ)¹⁰.

Методы и материалы

Методом сбора информации послужил обзор нормативно-правовых документов (кодексы, законы, приказы), литературы и интернет-источников по исследуемой теме. Для анализа были приведены данные, полученные в ходе изучения *Доклада о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2022 г.* (далее – Доклад), подготовленного и опубликованного Министерством сельского хозяйства РФ¹¹. При проведении исследования также применялись общенаучные методы: группировка, сравнение, анализ, синтез и статистические методы обработки информации.

Результаты

На территории Кемеровской области – Кузбасса располагается 17 муниципальных округов, в рамках которых соответствующими решениями муниципальных органов власти установлен размер ставки земельного налога (табл. 1¹²). Так, по данным Кемеровостата к концу 2022 г. земельные участки

сельскохозяйственного назначения на территории Кузбасса имеют площадь 2643000 га¹³.

Предварительная оценка потенциальных размеров налоговых сборов в бюджет Кемеровской области и корректное определение величин взимаемых штрафов за неиспользование или неправомерное использование земель сельскохозяйственного назначения требует определения юридической сущности земельных участков и земель сельскохозяйственного назначения, которые можно условно классифицировать на 6 групп¹⁴:

1. Земельные участки, внесенные в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) как ранее учтенные с зарегистрированными правами, границы которых не установлены в соответствии с действующим законодательством (уже включены в налоговую базу, т.к. внесены в ЕГРН, права на них зарегистрированы);

2. Земельные участки, внесенные в ЕГРН как ранее учтенные с зарегистрированными правами, границы которых установлены в соответствии с действующим законодательством (уже включены в налоговую базу, т.к. внесены в ЕГРН, права на них зарегистрированы);

3. Земельные участки, внесенные / не внесенные (действия по внесению осуществимы) в ЕГРН как ранее учтенные, границы которых не установлены / установлены в соответствии с действующим законодательством, принадлежащие на праве собственности, праве постоянного (бессрочного) пользования или праве пожизненного наследуемого владения гражданам, а также предоставленные им до дня вступления в силу Земельного кодекса РФ. Сведения о правах на земли этой категории не отражены в ЕГРН (считаются в силу закона предоставленными на праве собственности без ограничения вида их разрешенного использования и целевого назначения). Данные земельные участки являются потенциальными объектами налогообложения, если не внесены в налоговую базу. В эту категорию также входят «паевые» земельные участки (земли бывших

⁸ Там же. Ст. 75. Пеня.

⁹ Там же. Ст. 122. Неуплата или неполная уплата сумм налога (сбора, страховых взносов).

¹⁰ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 29.10.2024, с изм. от 12.11.2024). СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2022 г. М.: ФГБНУ «Росинформротех», 2023. 372 с. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/a49/3n7rogvhveochotyhamxgskmr7weovx.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).

¹² Сост. по: Справочная информация о ставках и льготах по имущественным налогам. ФНС России. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn42/service/tax/> (дата обращения: 17.08.2024).

¹³ Земельные ресурсы. URL: <https://service.kemerovostat.gks.ru/bgd/EJEGOD/issWWW.exe/Stg/2022/3.%20природные%20ресурсы%20и%20охрана%20окружающей%20среды.htm> (дата обращения: 17.08.2024).

¹⁴ О введении в действие Земельного кодекса РФ. ФЗ № 137-ФЗ от 25.10.2001; О государственной регистрации недвижимости. ФЗ № 218-ФЗ от 13.07.2015. СПС КонсультантПлюс.

Табл. 1. Ставки земельного налога для земель сельскохозяйственного назначения, 2024 г.

Tab. 1. Land tax rates for agricultural land, 2024

Муниципальный округ	Нормативный документ	Ставка налога, %
Беловский	Об установлении земельного налога на территории Беловского муниципального округа. Решение Совета народных депутатов Беловского муниципального округа № 368 от 28.11.2023	0,3
Гурьевский	Решение Совета народных депутатов Гурьевского муниципального округа № 133 от 18.11.2020 (ред. от 29.11.2023 № 759)	0,3
Ижморский	Об установлении земельного налога на территории Ижморского муниципального округа. Решение Совета народных депутатов Ижморского муниципального округа № 116 от 22.10.2020 (ред. от 24.11.2022 № 275)	0,3
Кемеровский	Об установлении земельного налога на территории Кемеровского муниципального округа. Решение Совета Народных Депутатов Кемеровского муниципального округа № 887 от 30.11.2023	0,3
Крапивинский	Об установлении и введении в действие земельного налога на территории Крапивинского муниципального округа. Решение Совета народных депутатов Крапивинского муниципального округа № 165 от 28.07.2020 (ред. от 26.06.2023 № 414)	0,3
Ленинск-Кузнецкий	Об установлении земельного налога на территории Ленинск-Кузнецкого муниципального округа. Решение Совета народных депутатов Ленинск-Кузнецкого муниципального округа № 148 от 01.10.2020 (ред. от 29.06.2023 № 476)	0,3
Мариинский	Решение Совета народных депутатов Мариинского муниципального округа № 2/21 от 05.10.2021 (ред. от 05.02.2024 № 62/1)	0,3
Новокузнецкий	О земельном налоге. Решение Совета народных депутатов Новокузнецкого муниципального округа № 59-МНПА от 17.11.2022 (ред. от 29.02.2024 № 261-МНПА)	0,3
Прокопьевский	Об установлении земельного налога на территории Прокопьевского муниципального округа. Решение Совета народных депутатов Прокопьевского муниципального округа № 73 от 24.11.2022 (ред. от 28.09.2023 № 182)	0,3
Промышленновский	Об установлении и введении в действие на территории Промышленновского муниципального округа земельного налога. Решение Совета народных депутатов Промышленновского муниципального округа № 208 от 04.12.2020	0,3
Тисульский	Об установлении земельного налога на территории Тисульского муниципального округа. Решение Совета народных депутатов Тисульского муниципального округа № 122 от 29.10.2021 (ред. от 29.12.2023 № 342)	0,3
Топкинский	Об установлении и введении земельного налога на территории Топкинского муниципального округа. Решение совета народных депутатов Топкинского муниципального округа № 173 от 20.10.2020 (ред. от 28.06.2022 № 418)	0,3
Тяжинский	Решение Совета народных депутатов Тяжинского муниципального округа № 127 от 24.09.2020 (ред. от 26.11.2020 № 158)	0,3
Чебулинский	Об установлении земельного налога на территории Чебулинского муниципального округа. Решение Совета народных депутатов Чебулинского муниципального округа № 130 от 24.11.2020 (ред. от 26.03.2024 № 428)	0,2
Юргинский	Об установлении на территории Юргинского муниципального округа земельного налога. Решение Совета народных депутатов Юргинского муниципального округа № 8-НА от 26.12.2019 (ред. от 25.08.2022 № 199-НА)	0,3
Яйский	Об установлении земельного налога на территории Яйского муниципального округа. Решение Совета народных депутатов Яйского муниципального округа № 163 от 29.10.2020 (ред. от 31.08.2023 № 58)	0,3
Яшкинский	Об установлении земельного налога на территории Яшкинского муниципального округа. Решение Совета народных депутатов Яшкинского муниципального округа № 461-р от 27.12.2023	0,3

колхозов и совхозов) и земельные участки подсобных (крестьянских, фермерских) хозяйств, которые подлежат выделу и регистрации права.

4. Земельные участки, внесенные в ЕГРН как ранее учтенные, границы которых не установлены в соответствии с действующим законодательством, государственная собственность на них не разграничена, и они не предоставлены третьим лицам (земли, которыми распоряжается КУГИ Кузбасса, КУМИ муниципальных образований). Эта категория земельных участков также является потенциальным объектом налогообложения, если будет предоставлена в собственность юридическим или физическим лицам. Кроме того, указанные земли могут быть предоставлены в аренду.

5. Земельные участки, внесенные в ЕГРН как ранее учтенные, границы которых установлены в соответствии с действующим законодательством, государственная собственность на которые не разграничена (землями распоряжается КУГИ Кузбасса или КУМИ муниципальных образований). Эти земли – также потенциальные объекты налогообложения, если будут предоставлены в собственность / аренду юридическим или физическим лицам.

6. Земли, государственная собственность на которые не разграничена (не внесены в ЕГРН, нет кадастрового номера). Эта категория земель до введения в действие ЗК РФ была определена как *земли администрации*. Распоряжается ими КУМИ муниципальных образований, и они являются потенциальными объектами налогообложения. Для введения этих земель в оборот необходимо провести кадастровые работы и зарегистрировать права.

В соответствии с Письмом ФНС РФ «О рассмотрении обращений», определено, что ответственность за уплату земельного налога возложена на физические и юридические лица, у которых на праве собственности, постоянного (бессрочного) пользования или пожизненного наследуемого владения есть земельный участок, признанный объектом налогообложения¹⁵. Государственные органы, отвечающие за кадастровый учет и осуществляющие регистрацию прав на недвижимое имущество, в обязательном порядке доводят данные о располагающемся на подведомственной территории недвижимом

имуществе и об их владельцах в налоговые органы по месту своего нахождения [11].

В тех случаях, когда в ЕГРН не отражены сведения об имеющихся правах на конкретные участки земли, налогоплательщики земельного налога определяются на основании государственных актов, свидетельств и других документов, удостоверяющих права физических или юридических лиц на землю и обладающих такой же юридической силой, как и записи в ЕГРН. Аналогичная ситуация с актами органов государственной власти или местного самоуправления, которые в рамках их компетенции в этом вопросе предоставляют земли субъектам. Однако обложению земельным налогом подвержена только частная собственность, а собственность государства, региона и муниципалитета от его уплаты освобождена.

Для расчета недополученной бюджетом суммы налогов с тех участков земли, которые не используются по прямому назначению (для осуществления на них сельскохозяйственной деятельности), в обязательном порядке нужно определить их кадастровую стоимость [12]. Она, согласно п. 3 ст. 14 ФЗ «О государственной кадастровой оценке», напрямую зависит от местоположения земельного участка, нахождения объекта недвижимости в границах зоны со специальными условиями использования конкретной территории и других ценообразующих факторов, предусмотренных методическими указаниями о государственной кадастровой оценке¹⁶ [13].

В соответствии с положениями Приказа Минэкономразвития России № 514 от 24.09.2018, кадастровая стоимость может быть рассчитана как произведение площади земельного участка и среднего значения удельного показателя кадастровой стоимости земли указанного вида разрешенного использования, которые соответствуют категории и виду разрешенного использования для того кадастрового квартала, где фактически расположен земельный участок¹⁷.

Кадастровая ценность земельных участков, относящихся к землям сельскохозяйственного назначения, – это комплекс административных и технических мероприятий, позволяющих определить стоимость земельных участков. В данном случае качественные характеристики плодородия почв

¹⁵ О рассмотрении обращений. Письмо ФНС № БС-4-21/14862@ от 20.10.2021. ИПП Гарант. URL: <https://base.garant.ru/402950056/> (дата обращения: 17.08.2024).

¹⁶ О государственной кадастровой оценке. ФЗ № 237-ФЗ от 03.07.2016. СПС КонсультантПлюс.

¹⁷ Об утверждении Порядка определения кадастровой стоимости объектов недвижимости при осуществлении государственного кадастрового учета ранее не учтенных объектов недвижимости, включения в ЕГРН сведений о ранее учтенных объектах недвижимости или внесения в ЕГРН соответствующих сведений при изменении качественных и (или) количественных характеристик объектов недвижимости, влекущем за собой изменение их кадастровой стоимости. Приказ Минэкономразвития России № 514 от 24.09.2018. Зарегистрировано в Минюсте России № 53245 от 29.12.2018. СПС КонсультантПлюс.

являются наиболее важными [14]. На основе данных, полученных из ЕГРН, была рассчитана кадастровая стоимость участков земли на территории Кемеровской области – Кузбасса и определено ее среднее значение (табл. 2).

Сложность достоверного определения суммы земельного налога и вычисления любых штрафов и пеней в рамках использования земель сельскохозяйственного назначения связана с тем, что конечные данные могут не совпадать с данными из других источников, т.к. эти категории земель в основном не имеют конкретно определенных границ [15].

Стоит отметить, что большую часть земельных участков сельскохозяйственного назначения проблематично ввести в оборот, потому что каждый из них должен быть поставлен на учет и пройти регистрацию права собственности.

Вышесказанное является набором весомых аргументов в пользу разработки и внедрения более точных способов определения границ и площадей земельных участков с использованием современных цифровых технологий и разработки системы модуля земельного надзора (по землям сельскохозяйственного назначения) [16].

Табл. 2. Средние значения кадастровой стоимости земельного участка
Tab. 2. Cadastral mean values of land plot

Кадастровый номер	Местоположение	Площадь, кв. м	Кадастровая стоимость, руб.	Кадастровая стоимость за 1 кв. м, руб.
42:04:0211001:3562	Кемеровский муниципальный округ, Елыкаевское сельское поселение	229342	756828,60	3,30
42:04:0211001:2070	Кемеровский муниципальный округ, Елыкаевское сельское поселение	229211	799946,39	3,49
42:04:0000000:1943	Кемеровский муниципальный округ	2505979	5287615,69	2,11
42:04:0213001:532	Кемеровский муниципальный район, в границах СХПК колхоз «Сибирь» / КСП «Силинский» (участок фонда перераспределения земель)	1982978	3549530,62	1,79
42:04:0216004:269	Кемеровский муниципальный район, в границах бывшего АОЗТ «Луговое» / ЗАО «Исток» (участок фонда перераспределения)	1232794	3291559,98	2,67
42:05:0105003:817	Крапивинский муниципальный округ, на землях АО «Уньга», находящихся вдоль автодороги Новосибирск – Ленинск-Кузнецкий – Кемерово – Юрга, начиная от автодороги п. Зеленовского до черты п. Панфилова	1530720	2553547,10	1,67
42:06:0000000:969	Ленинск-Кузнецкий район	294321	513325,26	1,74
42:06:0113006:360	Ленинск-Кузнецкий муниципальный округ	980148	1529618,97	1,56
42:06:0000000:570	Ленинск-Кузнецкий район, в границах ТОО «Демьяновское» (участок фонда перераспределения)	6080000	10536108,10	1,73
42:05:0112003:73	Крапивинский муниципальный район, Борисовское сельское поселение	17950000	34971985,00	1,95
42:01:0107004:218	Беловский муниципальный район, в границах колхоза «Заря» (участок фонда перераспределения)	1332618	2527576,56	1,90
42:01:0106003:342	Беловский муниципальный округ	2811715	7844684,85	2,79
42:10:0102006:142	Прокопьевский район, п. Октябрьский	5421146	15504477,56	2,86
42:10:0109005:88	Прокопьевский район	1000000	2640000,00	2,64
42:10:0105004:89	Прокопьевский район, в границах СТОО «Бурлаковское» (участок фонда перераспределения земель)	2736582	6868820,82	2,51
42:09:1205001:849	Новокузнецкий район, Красулинское сельское поселение, п. Восточный	2250853	5109436,31	2,27

Кадастровый номер	Местоположение	Площадь, кв. м	Кадастровая стоимость, руб.	Кадастровая стоимость за 1 кв. м, руб.
42:09:0606001:446	Новокузнецкий район, СПК «Ильинский»	34124785	82923227,55	2,43
42:09:2820001:58	Новокузнецкий район	28526187	66180753,84	2,32
42:14:0102007:436	Топкинский район	3459158	6235824,13	1,80
42:14:0102007:399	Топкинский район	2800396	5153288,72	1,84
42:17:0103027:188	Юргинский район	1376343	2448101,29	1,78
42:17:0103025:56	Юргинский район, внутри землепользования ФГСП «Томский»	13819847	24890926,43	1,80
42:17:0103025:327	Юргинский муниципальный округ	2992000	7480000	2,50
42:17:0103025:154	Юргинский район, Новоромановское сельское поселение	5169538	9310854,89	1,80
42:17:0000000:864	Юргинский муниципальный округ	24098762	45669563,87	1,90
42:19:0212001:594	Яшкинский муниципальный район, Пачинское сельское поселение	9574599	16506608,68	1,72
42:19:0212001:604	Яшкинский муниципальный район, Акациевское сельское поселение	4805570	6437061,01	1,34
42:19:0212001:504	Яшкинский район	222000	390942	1,76
42:19:0203001:30	Яшкинский муниципальный район, Дубровское сельское поселение	2953576	4744329,13	1,61
42:19:0106001:74	Яшкинский район, в границах ОАО «Ленинское» (участок фонда перераспределения земель)	18958852	30624233,64	1,62
42:17:0101038:159	Юргинский район	12282683	33163244,10	2,70
42:18:0107003:96	Яйский район	4232552	6008107,56	1,42
42:18:0000000:741	Яйский муниципальный округ	3860592	5480110,34	1,42
42:18:0000000:571	Яйский муниципальный район, Улановское сельское поселение	1991200	2826508,40	1,42
Среднее значение				2,06

Для примерных вычислений налоговых поступлений в бюджет возьмем за основу территорию бывшего АОЗТ «Луговое», т. к. по указанным земельным угодьям есть точный архивный картографический материал, и они могут быть оцифрованы с помощью разных технических средств. Кроме того, данные земельные участки имеют ровную поверхность и залесенность, что было важно для проведения экспериментальных подсчетов по проекту *«Информационная система цифрового регионального управления в рамках комплексной научно-технической программы полного инновационного цикла (КНТП) Чистый уголь – Зеленый Кузбасс»*¹⁸.

В результате участия в этом проекте авторы проклассифицировали земли сельскохозяйственного назначения и провели расчет их площадей на 2023 г.¹⁹ Так было выявлено, что осталось 305 га земельных участков, относящихся к фонду перераспределения, границы которых не зафиксированы по требованиям действующего законодательства. Площадь «паевых» земель на территории бывшего АОЗТ «Луговое» составила 1388 га, земель администрации – 787 га и земель сельскохозяйственного назначения, с которых должен уплачиваться налог и которые являются не востребуемыми, – 20 га. Соответственно, можно говорить

¹⁸ КНТП «Чистый уголь – Зеленый Кузбасс»: «Разработка и внедрение комплекса технологий в областях разведки и добычи твердых полезных ископаемых, обеспечения промышленной безопасности, биоремедиации, создания новых продуктов глубокой переработки из угольного сырья, при последовательном снижении экологической нагрузки на окружающую среду и рисков для жизни населения». *НОЦ «Кузбасс – Донбасс»*. URL: https://xn--42-bmce4b.xn--p1ai/kntp_coal (дата обращения: 15.08.2024).

¹⁹ Распоряжение Правительства РФ № 1144-р от 11.05.2022. *СПС КонсультантПлюс*.

о том, что по состоянию на 2024 г. земельный налог с этих земельных участков не взимается в порядке, установленном НК РФ.

По данным таблицы 2 средняя кадастровая стоимость 1 кв. м равна 2,06 руб. Следовательно, средняя кадастровая стоимость 1 га составит 20600 руб. Тогда кадастровая стоимость невогребованной земли сельскохозяйственного назначения в границах бывшего АОЗТ «Луговое» составит:

$$20 * 20600 = 412000 \text{ руб.}$$

Земельный налог этой территории будет равен:

$$412000 * 0,3 \% = 1236 \text{ руб.}$$

Согласно данным Доклада, общая площадь сельхозугодий, вовлеченных в 2022 г. в оборот, в Кемеровской области была 38,934 тыс. га, а площадь невогребованных земельных участков по состоянию на 01.01.2022 составила 122,157 тыс. га²⁰. Таким образом, сумма потенциального земельного налога за невогребованные земли сельскохозяйственного назначения в Кемеровской области (при их использовании) по предварительным усредненным расчетам за 2022 г. составила:

$$(122,157 \text{ тыс. га} * 20600 \text{ руб.}) * 0,3 \% = 7,54 \text{ млн руб.}$$

Для активизации процессов регулирования земельных отношений в части их правомерного использования и использования по назначению необходимо закрепить такие участки за собственниками, что будет способствовать обоснованному взиманию налогов [17; 18]. При этом в ряде случаев Федеральное законодательство позволяет изъять неиспользуемый участок земли сельскохозяйственного назначения у собственника по решению суда²¹.

Разработка и внедрение комплексной централизованной системы контроля и учета за состоянием и условиями эксплуатации неиспользованных земельных участков дадут возможность обеспечить их полноценное вовлечение в сельскохозяйственный оборот, повысить эффективность использования и привлечь дополнительные налоговые поступления в муниципальные бюджеты [10; 19; 20].

В рамках исследования также определены территории земель сельскохозяйственного назначения, использование которых неправомерно для ведения деятельности по производству сельскохозяйственной продукции (табл. 3).

Табл. 3. Площадь земельных участков без установленных границ, свободных от прав третьих лиц, использующихся в производстве сельскохозяйственной продукции
Tab. 3. Total area of land plots with no official boundaries and free of any lien or encumbrance used in the agricultural production

Муниципальный округ	Количество	Площадь, га
Гурьевский	9	40,60
Ижморский	11	7444,23
Кемеровский	13	815,06
Крапивинский	14	184,05
Мариинский	13	568,59
Прокопьевский	29	956,75
Топкинский	38	1154,72
Тяжинский	1	12,56
Юргинский	4	23,06
Яйский	74	1395,14
Итого	206	12594,75

В соответствии с п. 2 ст. 8.8 КоАП РФ²² предварительно рассчитана кадастровая стоимость неиспользуемых участков и проведены расчеты административных штрафов для всех категорий пользователей земель сельскохозяйственного назначения по минимальному и максимальному уровню (табл. 4). Полученные результаты показали, что доходы местного бюджета могут быть увеличены на суммы штрафов от неправомерного использования земель сельскохозяйственного назначения в размере от 778 тыс. руб. до 25, 9 млн руб. в зависимости от ставки и категории собственников.

Заключение

Итак, вопросы по определению количественных характеристик земель сельскохозяйственного назначения носят практический характер и напрямую влияют на доходную часть бюджета Кемеровской области – Кузбасса. В связи с этим особенно остро стоит задача обновления и актуализации сведений о характеристиках, принадлежности, площадях земель сельскохозяйственного назначения в цифровом виде и их подтверждения официальными государственными данными [21].

²⁰ Доклад о состоянии и использовании земель...

²¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». ФЗ № 507-ФЗ от 05.12.2022. СПС КонсультантПлюс.

²² Кодекс РФ об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 08.08.2024).

Табл. 4. Расчет суммы административного штрафа

Tab. 4. Administrative fine

Категория	Сумма штрафа в зависимости от ставки, руб.				
	0,3 %	0,5 %	1,5 %	2 %	10 %
граждане	778355,5	1297259,3	–	–	–
должностные лица	–	1297259,3	3891777,75	–	–
юридические лица	–	–	–	5189037	25945185

Важно учитывать, что актуализация данных должна проводиться, когда в разрабатываемой системе земельного надзора (по землям сельскохозяйственного назначения) в рамках Проекта КНТП *Чистый уголь – Зеленый Кузбасс* будут отражены максимально точные значения. Это, в свою очередь, возможно только при проведении верного измерения площадей земельных участков, их четкой классификации и определении всех правоустанавливающих документов на тот или иной земельный участок. Реализация указанных пунктов позволит увеличить доходную часть бюджета за счет вовлечения в сельскохозяйственный оборот земель соответствующей категории и будет благотворно влиять на все экономические показатели области. Так, ежегодное пополнение местного бюджета Кузбасса за счет земельного налога может составить 7,54 млн руб., а бюджетов муниципальных образований за счет штрафов – от 778 тыс. руб. до 25,9 млн руб.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. В. Калачева – обработка и анализ данных, выявление закономерностей, формулирование результатов, графическое отражение полученных результатов, подготовка рукописи. А. А. Комарова – подбор и описание статистических данных, представление результатов, выводов, рекомендаций. О. И. Никитина – формирование информационной базы статьи, подбор статистических данных. Е. А. Федуллова – разработка методики исследования, определение целей и задач, обоснование методов.

Contribution: I. V. Kalacheva processed the data, identified the patterns, formulated the results, provided the graphical analysis, and wrote the manuscript. A. A. Komarova selected and described the statistics, as well as formulated the results, conclusions, and recommendations. O. I. Nikitina was responsible for the information base and data selection. E. A. Fedulova developed the research methodology and set the research objectives.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках соглашения о предоставлении из федерального бюджета грантов в форме субсидий № 075-15-2022-1195 от 30.09.2022.

Funding: The research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Agreement No. 075-15-2022-1195, September 30, 2022.

Литература / References

1. Мырадов М. М. Факторы производства и экономика труда. *Вестник науки*. 2022. № 11. С. 27–31. [Myradov M. M. Factors of production and labor economy. *Vestnik nauki*, 2022, (11): 27–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hpjhuj>
2. Улицкая Н. Ю., Акимова М. С. Анализ рынка земельных участков с обременениями как показатель доступности земли для потребителей. *Стратегии бизнеса*. 2019. № 2. С. 22–29. [Ulitskaya N. Yu., Akimova M. S. Market analysis of land with encumbrances as an indicator of availability of land for consumers. *Business Strategies*, 2019, (2): 22–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yuiuxr>
3. Зайцева Я. В. Анализ рынка земель сельскохозяйственного назначения Краснодарского края. *International agricultural journal*. 2020. Т. 63. № 6. С. 186–194. [Zaytseva Ya. V. Analysis of the agricultural land market in Krasnodar territory. *International agricultural journal*, 2020, 63(6): 186–194. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ltqlxe>

4. Валиев Д. С., Хабарова И. А. Правовые основы государственного кадастрового учета земель сельскохозяйственного назначения. *Международный журнал прикладных наук и технологий Integral*. 2018. № 4. [Valiev D. S., Khabarova I. A. The legal basis of the state cadastral registration of agricultural land. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh nauk i tekhnologii Integral*, 2018, (4). (In Russ.)] URL: <https://e-integral.ru/ru/nauka/article/85945/view> (дата обращения: 17.08.2024). <https://elibrary.ru/vrinom>
5. Казаков О. С., Алиева Э. А. Развитие и проблемы предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве в условиях модернизации экономики. *Экономика и социум*. 2021. № 1-2. С. 6–13. [Kazakov O. S., Alieva E. A. Development and problems of enterprise activity in agriculture in the conditions of economy modernisation. *Ekonomika i sotsium*, 2021, (1-2): 6–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rmxtsz>
6. Щербатова Т. А., Щербатов И. В. К вопросу об управлении земельными ресурсами. *Вестник Адыгейского государственного университета, серия «Экономика»*. 2018. № 3. С. 159–163. [Shcherbatova T. A., Shcherbatov I. V. To the question of management of land resources. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia "Ekonomika"*, 2018, (3): 159–163. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozgutq>
7. Ткачева О. А. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья: особенности формирования. *Экология и водное хозяйство*. 2022. Т. 4. № 4. С. 1–11. [Tkacheva O. A. Especially valuable productive agricultural land: Formation features. *Ecology and water management*, 2022, 4(4): 1–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rfhggz>
8. Носов А. В., Тагирова О. А., Федотова М. Ю., Новичкова О. В., Боряева Т. Ф. Повышение эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения с использованием налоговых инструментов. *Нива Поволжья*. 2016. № 4. С. 142–149. [Nosov A. V., Tagirova O. A., Fedotova M. Yu., Novichkova O. V., Boryayeva T. F. Improving the efficiency of using farm lands with the help of tax instruments. *Niva Povolzhia*, 2016, (4): 142–149. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypsnld>
9. Балынин И. В. Социально справедливое совершенствование налогообложения доходов и имущества физических лиц в Российской Федерации. *Налоги и налогообложение*. 2024. № 2. С. 43–54. [Balynin I. V. Socially fair improvement of taxation of income and property of individuals in the Russian Federation. *Nalogi i nalogooblozhenie*, 2024, (2): 43–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-065X.2024.2.70401>
10. Ильин А. В. Применение расчетного метода в целях исчисления экономически обоснованного земельного налога. *Вестник университета*. 2022. № 5. С. 152–160. [Ilin A. V. Application of the calculation method for calculating an economically justified land tax. *Vestnik universiteta*, 2022, (5): 152–160. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-5-152-160>
11. Владимир А. М., Гилева Л. Н. Анализ методических положений по совершенствованию кадастровой оценки земель сельскохозяйственного назначения. *International agricultural journal*. 2022. Т. 65. № 6. [Makht V. A., Gileva L. N. Analysis of methodological provisions to improve the cadastral assessment of agricultural land. *International agricultural journal*, 2022, 65(6). (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/25876740_2022_6_6_43
12. Носов А. В., Тагирова О. А., Федотова М. Ю., Новичкова О. В., Боряева Т. Ф. Повышение эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения с использованием налоговых инструментов. *Нива Поволжья*. 2016. № 4. С. 142–149. [Nosov A. V., Tagirova O. A., Fedotova M. Yu., Novichkova O. V., Boryayeva T. F. Improving the efficiency of using farm lands with the help of tax instruments. *Niva Povolzhia*, 2016, (4): 142–149. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypsnld>
13. Сагайдак А. Э., Сагайдак А. А. Совершенствование оценки земель сельскохозяйственного назначения в условиях рынка. *Финансовые рынки и банки*. 2020. № 5. С. 97–101. [Sagaydak A. E., Sagaydak A. A. Improvement of valuation of agricultural land in the market conditions. *Finansovye rynki i banki*, 2020, (5): 97–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dhjjiid>
14. Кинаш А. А., Кривоконева Е. Ю. Возможные ошибки при проведении государственной кадастровой оценки и порядок их исправления. *Аграрная наука на Севере – сельскому хозяйству: VI Всерос. науч.-практ. конф. (с Междунар. уч.) (Сыктывкар, 26 апреля 2024 г.) Киров: Межрегиональный ЦИТО, 2024. С. 75–78. [Kinash A. A., Krivokoneva E. Yu. Possible errors during the state cadastral assessment and correction. *Agricultural science and Agricultural Practice in the North: Proc. VI All-Russian Sci.-Prac. Conf. (with Intern. Participation)*, Syktyvkar, 26 Apr 2024. Kirov: Interregional CITE, 2024, 75–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/cl-37231-2024-1-75-78>*

15. Ширина Н. В., Горобенко А. В., Кононов А. А. О проведении эксперимента по созданию и внедрению единого информационного ресурса о земле и недвижимости в РФ. *Вектор ГеоНаук*. 2022. Т. 5. № 1. С. 25–31. [Shirina N. V., Gorobenko A. V., Kononov A. A. On conducting an experiment on the creation and implementation of a single information resource about land and real estate in the Russian Federation. *Vector of Geosciences*, 2022, (5): 25–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2619-0761-2022-1-25-31>
16. Тараканов О. В., Киселева Н. А., Маслова Л. А., Шиндяпин М. В. Цифровая трансформация управления сельскохозяйственными землями. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2022. № 3. С. 14–21. [Tarakanov O. V., Kiseleva N. A., Maslova L. A., Shindyapin M. V. Digital transformation of agricultural land management. *Regionalnye problemy preobrazovaniia ekonomiki*, 2022, (3): 14–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-3-14-21>
17. Липски С. А. Невостребованная земельная доля: текущий правовой статус и перспективы. *Юридическая наука*. 2024. № 1. С. 36–41. [Lipski S. A. Unclaimed land share: Current legal status and prospects. *Iuridicheskaia nauka*, 2024, (1): 36–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/efboix>
18. Рулева Н. П., Гвоздева О. В., Емельянова Е. М. О достоверности сведений, содержащихся в едином государственном реестре недвижимости. *Московский экономический журнал*. 2022. Т. 7. № 5. [Ruleva N. P., Gvozdeva O. V., Emelyanova E. M. On the reliability of the information contained in the Unified State Register of Real Estate. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*, 2022, 7(5). (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_5_321
19. Дерябина О. А., Гаврилова Е. Д. Землеустройство как механизм управления земельными ресурсами. *Universum: технические науки*. 2022. № 7-1. С. 55–58. [Deryabina O. A., Gavrilova E. D. Land management as a mechanism of land resources management. *Universum: Tekhnicheskie nauki*, 2022, (7-1): 55–58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32743/UniTech.2022.100.7.14048>
20. Маканникова М. В., Лапшакова Л. А., Бельмач Н. В. Совершенствование управления земельными ресурсами в муниципальном образовании. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки*. 2022. № 2. С. 62–67. [Makannikova M. V., Lapshakova L. A., Belmach N. V. Improvement of land management in the municipality. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Serii: Estestvennye nauki*, 2022, (2): 62–67. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/1026-2237-2022-2-62-67>
21. Максимова Т. В., Дорошенко Ю. А., Таипова Э. Х. Разработка методики арендных платежей земельных участков с неразграниченной собственностью органов власти. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент*. 2024. Т. 18. № 2. С. 136–145. [Maksimova T. V., Doroshenko Yu. A., Taipova E. Kh. Development of a methodology for rental payments of land plots with undemarcated property of government authorities. *Bulletin of the SUSU. Ser. Economics and Management*, 2024, 18(2): 136–145. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/em240211>

**Указатель статей, изданных за 2024 г. в журнале
«Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки»**

	Стр.	№
РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА		
<i>Бадло С. В., Табашишникова О. Л.</i> Стратегический анализ реализации пациент-ориентированного подхода к развитию здравоохранения Кузбасса	106	1
<i>Бельчик Т. А.</i> Развитие навыков управления проектами в университете как драйвер регионального развития	620	4
<i>Василенко В. Н., Василенко Д. В.</i> Метаморфозы административно-территориального устройства в границах современной Донецкой Народной Республики	284	2
<i>Галайко В. В., Юрковская Г. И., Харебин А. В.</i> Развитие взаимодействия с высшими учебными заведениями как элемент стратегии инновационного развития наукоемких предприятий	630	4
<i>Дзюба А. П., Конопелько Д. В.</i> Повышение ВРП экономики Иркутской области на основе роста уровня энергетической эффективности регионального промышленного комплекса	443	3
<i>Козий К. Ю.</i> Систематизация показателей, отражающих состояние ключевых факторов в модели экономического развития региона	459	3
<i>Котов Е. В., Савченко О. Ю.</i> Самообеспеченность и доступность продовольствия в новом субъекте Российской Федерации: состояние и перспективы	295	2
<i>Лушников О. Л.</i> Трудовые практики неработающих жителей удаленных сел (на примере Хакасии)	120	1
<i>Максименко И. А., Вашко Т. А., Здрестова-Захаренкова С. В.</i> Оценка привлекательности ресторанных рынков регионов Сибирского федерального округа	467	3
<i>Мельков В. К., Жидкова Е. А.</i> Методические подходы к оценке социально-экономической дифференциации экономического пространства	642	4
<i>Московцева Л. В., Головлева И. В., Усанов А. Ю., Корякина Т. В.</i> Устойчивое развитие России и регионов в условиях пандемии	129	1
<i>Плюснина О. В., Бутова Л. М., Конищев Е. В., Плеханова Е. О.</i> Изменение параметров уровня и качества жизни населения в период неопределенности	306	2
<i>Сатывалдиева Б. А.</i> Проблемы регионального развития Кыргызстана в условиях новых вызовов	142	1
<i>Хашир Б. О., Плясова С. В., Усанов А. Ю., Иода Ю. В.</i> Исследование рисков экономической безопасности территорий в период неопределенности, вызванной пандемией	479	3
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА		
<i>Ваганов Д. Р.</i> Интеграционная повестка в деятельности органов Союзного государства Беларуси и России	317	3
<i>Галкин К. А.</i> Особенности социологических исследований старения в постпандемийное время	1	1
<i>Кадынцева П. В., Чардымский М. Г.</i> Анализ контента патриотического Telegram-канала <i>Readovka</i> : статистический метод, перспективы исследования	163	2
<i>Кондратенко К. С.</i> Варианты моделирования социальных рационально-смысловых сетей: проблема конгруэнтности	489	4

	Стр.	№
<i>Лазаренко Д. В., Антилогова Л. Н.</i> Ценностные предпочтения в карьере государственных служащих Республики Казахстан и России	170	2
<i>Лутова Ю. А., Щанина Е. В.</i> Социальная адаптация иностранных студентов, обучающихся в региональных вузах (на примере Пензенской области)	11	1
<i>Лю Чао, Сунь Чао.</i> Языковая политика Латвии после распада СССР	504	4
<i>Молчанов А. А., Нятина Н. В.</i> Видовое разнообразие делинквентных молодежных субкультур в современной России: опыт теоретического исследования	326	3
<i>Погребная Н. С.</i> Риски и угрозы сетевой коммуникации детей в цифровом обществе	19	1
<i>Проскурина А. С.</i> Самооценка преподавателя вуза в контексте современных медиа	338	3
<i>Федоров В. И.</i> Влияние ДЭГ на явку избирателей на выборах в России в 2021–2023 гг.	349	3
<i>Фомина Т. А., Щанина Е. В.</i> Включенность некоммерческих организаций и объединений в деятельность общественных комиссий при главных бюро медико-социальной экспертизы в субъектах Российской Федерации	359	3
<i>Чирун С. Н., Гладких С. С.</i> Исследования коррупции в отечественных социальных науках: политический аспект	183	2
<i>Шавеко Н. А.</i> Популизм как угроза демократии	514	4
<i>Шалагина Е. В., Шихова О. Н.</i> Есть ли профессиональное будущее в индустриальном секторе? Взгляд уральских школьников (по результатам социологического исследования)	371	3
<i>Щербинина Н. Г., Аванесова Е. Г.</i> Политический мир воображаемого: конструирование образа нации	522	4
<i>Юдина В. А., Танина М. А., Бондаренко В. В.</i> Развитие социально-педагогических технологий воспитания государственно-ориентированной личности в высших учебных заведениях	31	1
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ		
<i>Банных Г. А., Паливода И. Р.</i> Региональная антикоррупционная политика: современные управленческие практики реализации	531	4
<i>Богдан И. В., Горносталев М. Д., Чистякова Д. П.</i> Вклад работодателей мегаполиса в сохранение здоровья сотрудников (на примере города Москвы)	198	2
<i>Домнышев А. В., Ганиева И. А.</i> Модель непрерывного профессионального развития специалистов	546	4
<i>Протасова Т. Н.</i> Трансформация российской семьи: история вопроса и тенденции современного периода	209	2
<i>Пьянкова Л. А.</i> Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 1	220	2
<i>Пьянкова Л. А.</i> Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 2	230	2
<i>Пьянкова Л. А.</i> Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 3	555	4
<i>Пьянкова Л. А.</i> Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 4	565	4
ФИНАНСЫ		
<i>Выжитович А. М., Тахтобина М. А.</i> Концепция финансового контроля деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг в современных экономических условиях	153	1
<i>Калачева И. В., Комарова А. А., Никитина О. И., Федулова Е. А.</i> Бюджетный эффект легализации земель сельскохозяйственного назначения	655	4

	Стр.	№
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА		
Антонова И. С., Оглезнева Е. А. Рынок труда в креативных индустриях	381	3
Баландин И. И. Обоснование необходимости стратегического предпринимательства в индустрии хоккея	40	1
Беспаликов В. В., Бельчик Т. А. Оценка трудового потенциала: от количества сил до их возможностей	49	1
Васиков Р. Р., Юдина С. В. Методический потенциал традиционных показателей финансового состояния для оценки результатов централизации финансового управления в сложных организационных образованиях типа <i>группа компаний</i>	575	4
Горелкина А. В. Развитие медиахолдинга в контексте формирования дуального рынка медиауслуг	60	1
Карпова О. С., Дымова И. А. Актуальные вопросы раскрытия информации в интегрированной отчетности экономических субъектов	588	4
Козлова О. Н., Котова О. Н., Слаутина Э. Д. Актуальные направления развития банковского маркетинга в современных условиях	241	2
Кокорина Д. А. Теоретические и практические аспекты формирования системы индикативных показателей диагностики экономической безопасности холдинговых структур	398	3
Котов Е. Ю., Силенко А. Н. Технологии развития человеческого капитала в качестве ресурсной базы промышленного развития	253	2
Ларионов К. А. Финтех как фактор улучшения корпоративных ESG-показателей	72	1
Логинова Ю. В., Логинов И. В. Сравнение схожести интеллект-карт в задачах маркетингового анализа	410	3
Меркулов Н. А., Анисимов А. Ю. Взаимное влияние условий и оплаты труда на потребность системы здравоохранения в медицинских работниках	424	3
Московцева Л. В., Языкова С. В., Шапошникова И. В., Орлова А. А. Исследование причин и факторов изменения потребительского поведения населения	433	3
Надеждина С. Д., Чистякова О. А., Чистяков А. А. Трансформация рынка труда и запрос на новый тип ИТ-специалистов в тренде цифровой экономики	84	1
Нерослов А. Д., Кузнецова П. Ю. Суперсервис: понятие, значение, методы построения моделей	263	2
Новичкова И. А., Платов А. В., Удалов Д. Э. Формирование системы оценки эффективности бизнес-процессов на базе SMART-подхода	95	1
Пonomарев С. В., Усанов А. Ю., Покаместов И. Е., Кузьменко Н. И. Цифровое развитие хозяйственных систем стран БРИКС	598	4
Суворова Т. В. Управление маркетинговой деятельностью через ценностное предложение: практика российских компаний	610	4
Шелгинская В. А. Социально-коммуникативный механизм в управлении ивент-деятельностью: концептуализация и реализация	273	2

**Index of articles published in 2024 in the journal
 "Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences"**

	Pages	Issue
ECONOMICS AND MANAGEMENT: THEORY AND PRACTICE		
<i>Antonova I. S., Oglezneva E. A.</i> Labor Market in Creative Industries	381	3
<i>Balandin I. I.</i> Justification for the Strategic Entrepreneurship Necessity in the Hockey Industry	40	1
<i>Bespalikov V. V., Belchik T. A.</i> Labor Potential Assessment: From Amount of Forces to Their Capabilities	49	1
<i>Gorelkina A. V.</i> Development of Media Holding in the Context of the Dual Media Services Market Formation	60	1
<i>Karpova O. S., Dymova I. A.</i> Current Issues of Information Disclosure in Integrated Reporting of Economic Entities	588	4
<i>Kokorina D. A.</i> Developing a System of Economic Security Indicators for Holdings: Theory and Practice	398	3
<i>Kotov E. Yu., Silenko A. N.</i> Human Capital Development Technologies as Resource Base for Industrial Development	253	2
<i>Kozlova O. N., Kotova O. N., Slautina E. D.</i> Current Trends in Bank Marketing	241	2
<i>Larionov K. A.</i> Fintech as a Factor of Improving Corporate ESG Indicators	72	1
<i>Loginova J. V., Loginov I. V.</i> Similar Mind Maps in Marketing Analysis	410	3
<i>Merkulov N. A., Anisimov A. Yu.</i> Joint Effect of Working Conditions and Wages on Labor Shortage in Healthcare	424	3
<i>Moskovtseva L. V., Yazykova S. V., Shaposhnikova I. V., Orlova A. A.</i> Causes and Factors of Changes in Consumer Behavior	433	3
<i>Nadezhkina S. D., Chistyakova O. A., Chistyakov A. A.</i> Labor Market Transformation and Demand for a New Type of IT Specialists in Digital Economy Trend	84	1
<i>Neroslov A. D., Kuznetsova P. Yu.</i> Superservice: Concept, Content, and Modeling	263	22
<i>Novichkova I. A., Platov A. V., Udalov D. E.</i> Developing a System for Evaluating the Business Processes' Effectiveness Based on the SMART Approach	95	1
<i>Ponomarev S. V., Usanov A. Yu., Pokamestov I. E., Kuzmenko N. I.</i> Digital Development of Economic Systems in BRICS Countries	598	4
<i>Shelginskaya V. A.</i> Social Communication in Event Management: Concept and Implementation	273	2
<i>Suvorova T. V.</i> Russian Practice of Marketing Management by Value Proposition	610	4
<i>Vasikov R. R., Yudina S. V.</i> Assessing Financial Management Centralization in Multicorporate Enterprises (Groups of Companies): Methodological Potential of Traditional Financial Performance Indicators	575	4
FINANCE		
<i>Kalacheva I. V., Komarova A. A., Nikitina O. I., Fedulova E. A.</i> Effect of Legalization of Agricultural Land Plots on Regional Budget	655	4
<i>Vyzhitovich A. M., Takhtobina M. A.</i> Improving the Financial Control System of Securities Market Professional Participants' Activities	153	1

	Pages	Issue
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY		
Badlo S. V., Tabashnikova O. L. Implementation of Patient-Oriented Approach to the Health Care Development in Kemerovo Region – Kuzbass: Strategic Analysis	106	1
Belchik T. A. Development of Project Management Skills at the University as a Driver of Regional Development	620	4
Dzyuba A. P., Konopelko D. V. Raising Gross Regional Product of Irkutsk Region by Increasing Energy Efficiency of Regional Industrial Complex	443	3
Galaiko V. V., Yurkovskaya G. I., Kharebin A. V. Cooperating with Higher Education Institutions as Part of Innovative Strategizing of Science-Based Companies	630	4
Khashir B. O., Plyasova S. V., Usanov A. Yu., Ioda Yu. V. Regional Economic Security Risks during Pandemic Uncertainty	479	3
Kotov E. V., Savchenko O. J. Self-Sufficiency and Availability of Food in a New Subject of the Russian Federation: Status and Prospects	295	2
Koziy K. Yu. Key Factors in Regional Economic Model: Systematizing Indicators	459	3
Lushnikova O. L. Labor Practices of Remote Countryside Non-Working Population (on the Example of Khakassia)	120	1
Maksimenco I. A., Vashko T. A., Zdrestova-Zakharenkova S. V. Attractiveness of Restaurant Markets in Siberian Federal District	467	3
Melkov V. K., Zhidkova E. A. Methodological Approaches to Assessing Social and Economic Differentiation of Economic Space	642	4
Moskovtseva L. V., Golovleva I. V., Usanov A. Yu., Koryakina T. V. Sustainable Development of Russia and its Regions during the Pandemic	129	1
Plyushina O. V., Butova L. M., Konishchev E. V., Plekhanova E. O. Effects of Uncertain Times on Standards and Quality of Life	306	2
Satyvaldieva B. A. The Kyrgyz Republic’s Regional Development Problems in the Conditions of New Challenges	142	1
Vasilenko V. N., Vasilenko D. V. Metamorphoses of the Administrative-Territorial Structure of the Donetsk People’s Republic Modern Territory	284	2
SOCIETY: CULTURAL AND POLITICAL DEVELOPMENT		
Chirun S. N., Gladkikh S. S. Corruption Studies in Domestic Social Sciences: Political Aspect	183	2
Fedorov V. I. Effect of Remote Electronic Voting on Voter Turnout in Russia in 2021–2023	349	3
Fomina T. A., Shchanina E. V. Non-Profit Organizations and Associations in Public Commissions Under Chief Bureaus of Sociomedical Assessment in Different Regions of Russian Federation	359	3
Galkin K. A. Features of Sociological Research on Aging in Post-Pandemic Time	1	1
Kadyntseva P. V., Chardymskiy M. G. Content Analysis of Patriotic Telegram Channel <i>Readovka</i> : Statistics and Research Prospects	163	2
Kondratenko K. S. Options for Modeling Social Rational-Value Networks: Congruence Issues	489	4
Lazarenko D. V., Antilogova L. N. Value Preferences in Civil Servant Career: Kazakhstan and Russia	170	2
Liu Chao, Sun Chao. Language Policy in Post-Soviet Latvia	504	4

	Pages	Issue
Lutova Yu. A., Shchanina E. V. Social Adaptation of Foreign Students in Regional Universities (Case Study of the Penza Region)	11	1
Molchanov A. A., Nyatina N. V. Delinquent Youth Subcultures in Russia: Theoretical Research Experience	326	3
Pogrebnaya N. S. Risks and Threats of Children's Online Communication in Digital Society	19	1
Proskurina A. S. Self-Esteem in University Educator and Contemporary Media	338	3
Shalagina E. V., Shikhova O. N. Do Industrial Jobs Have Good Prospects? A Sociological Survey of School Students from the Ural	371	3
Shaveko N. A. Populism as Threat to Democracy	514	4
Shcherbinina N. G., Avanesova E. G. Imaginary Political Reality: Constructing the National Image	522	4
Vagapov D. R. Integration Agenda in Government Work of the Union State of Belarus and Russia	317	3
Yudina V. A., Tanina M. A., Bondarenko V. V. Development of Socio-Pedagogical Technologies for Educating a State-Oriented Personality in Higher Education Institutions	31	1
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT		
Bannykh G. A., Palivoda I. R. Regional Anti-Corruption Policy: Modern Management Practices	531	4
Bogdan I. V., Gornostalev M. D., Chistyakova D. P. Contribution of Metropolitan Employers to the Maintenance of Employees' Health: Moscow Experience	198	2
Domnyshev A. V., Ganieva I. A. Model of Continuous Professional Education of Specialists	546	4
Protasova T. N. Transformation of Russian Family: History and Modern Trends	209	2
Pyankova L. A. Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part I	220	2
Pyankova L. A. Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part II	230	2
Pyankova L. A. Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part III	555	4
Pyankova L. A. Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part IV	565	4

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Контакты для сотрудничества:

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), morea@inbox.ru
Молокова Ксения Игоревна, ответственный секретарь, КемГУ
(Кемерово, Россия),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), morea@inbox.ru
Ksenia I. Molokova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Молокова Ксения Игоревна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Ksenia I. Molokova.
Literary editors (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 29.11.2024.

Дата выхода в свет 05.12.2024.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А 4. Усл. печ. л. – 21,86. Уч.-изд. л. – 18.

Тираж 500 экз. Заказ ____

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-pses.kemsu.ru

